

СМОНА

СУДЬБА КОМПОЗИТОРА АЛЕМДАРА КАРАМАНОВА

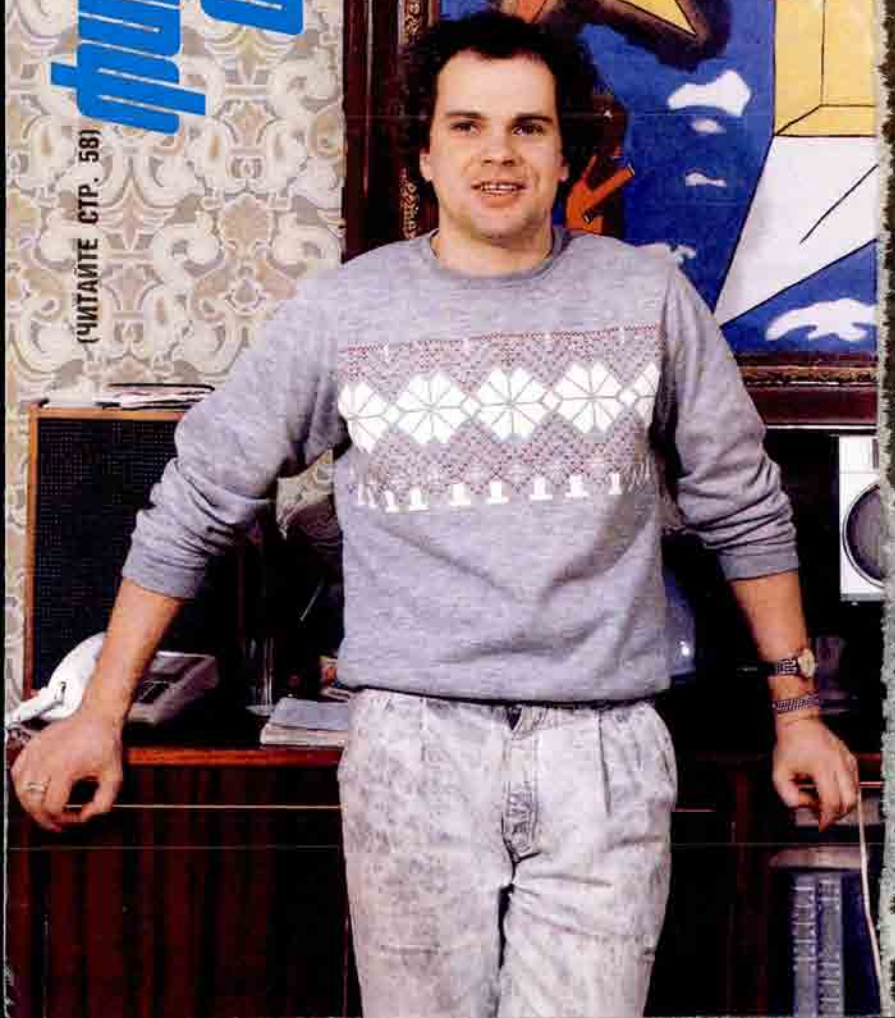
АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ. РАССКАЗЫ • ЖОЗЕФ ХОВАРД. ДЭМЬЕН

ВЛАДИМИР ВЕЙДЛЕ. ТРИ РОССИИ

8'91

МУЗЫКАНТ С АНДРА

(ЧИТАЙТЕ СТР. 58)

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора
АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора
ВЯЧЕСЛАВ КОПЬЕВ
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

АЛЕКСАНДРЫ ГУСЕВОЙ
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА

Технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 20.05.91.
Подписано к печати 08.07.91.
Формат 84×108¹/₂.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 665 003 экз. (из общего тиража
1 865 000 экз.).
Заказ № 533. Цена 1 р. 65 коп.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

212-11-27 — отдел писем.

Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда»:
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-
ца «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются.

8 (1522) АВГУСТ

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1991.

8'91
СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

16

КИТ ЛОМЕР. ОЧЕРЕДЬ
Фантастический рассказ

104

АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ. ИНЖЕНЕР СЕРОВ. ЛЕНКА
Рассказы

162

ЖОЗЕФ ХОВАРД. ДЭМЬЕН
Мистическая повесть

ПОЭЗИЯ

25

КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

99

**МАРИНА ХЛЕБНИКОВА, СЕРГЕЙ СОКОЛКИН,
ЮРИЙ МАНИЛЮК**

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

**НАТАЛИЯ ВОСКРЕСЕНСКАЯ, СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. ГРЯДКА
ДЛЯ «ЦВЕТОВ ЖИЗНИ»**

74

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА. КАКОВЫ ПОДРУЖКИ!

87

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. НЕ ПО ЗУБАМ...

90

ОЛЕГ ШИШКИН. СОТВОРЕНИЕ ЕВЫ

154

ЗЛЕОНОРА БЕЛЕВСКАЯ. ЧУДО-ОСТРОВ

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

30

ВЛАДИМИР ВЕЙДЛЕ. ТРИ РОССИИ

66

АЛЕКСАНДР МИНЧИН. ДЖЕЙН ФОНДА — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ...

50

**ЛЕОНИД ПРУДОВСКИЙ. КОЛЛАЖ НА ТЕМУ
СУДЬБЫ КОМПОЗИТОРА АЛЕМДАРА КАРАМАНОВА**

58

ВЛАДИМИР МИРОШИН. ФИЛАНТРОП С АРБАТА

На нашей
обложке:
куклы
ЛЮДМИЛЫ
ГАВРИКОВОЙ.
Фото
АЛЬБЕРТА
ЛЕХМУСА.
(Читайте стр. 286.)

64

ОЛЬГА ПОДАГОВА. АЛИ ВИНОГРАДОВ

130

ВИКТОР ЧЕРНОВ. СВЕТ И ТЕНЬ

144

ВСЕВОЛОД САХАРОВ. «В ВИХРЕ ЭТОЙ ЛЮДНОСТИ...»

272

МИХАИЛ ЖИГУЛЬСКИЙ. ЖИЗНЬ В «ДОМЕ ВЕЧНОГО СНА» И ВОКРУГ НЕГО

286

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА. МАМИНЫ КУКЛЫ

15, 46, 79

ВАШИ ПИСЬМА

280

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

9-91

3

■ **ЖОРЖ СИМЕНОН.** «Ночь на перекрестке». Повесть из серии «Комиссар Мегрэ».

■ **ЛЕОНИД КЕРБЕР.** С Туполевым в тюрьме и на воле. Воспоминания заместителя Генерального конструктора КБ, чьи самолеты составили эпоху отечественной авиации.

■ **ИВАН САВИН.** Из неопубликованного.

Иван Иванович Саволайнен — представитель первой волны русской эмиграции, чья писательская судьба была прервана в самом начале пути. И. А. Бунин говорил о нем: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе».

■ **ЛЕОНИД ГРОССМАН.** «История одного преступления».

Вот уже сто тридцать пять лет играют на русской сцене пьесы Сухова-Кобылина, но мало кто знает, что автор знаменитой трилогии был связан с историей преступления, судебное дело по которому тянулось почти семь лет...

АНОНС:

**НАТАЛИЯ
ВОСКРЕСЕНСКАЯ,**
кандидат
педагогических наук.

**СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВ**

ГРЯДКА ДЛЯ

"ЦВЕТОВ ЖИЗНИ"

Наблюдения с пристрастием

Д **О ЗВОНКА.** Школы, о которых пойдет речь, средние. И в прямом, и в переносном смысле.

Первая — тверская школа № 12.

Выбрана наугад... Один из авторов сел в электричку и поехал в самый близкий к Москве областной центр — любимую Тверь со спокойной, неширокой еще Волгой, колокольной на главной улице, в которую вделаны электрические часы, с бюстом Пушкина в сквере...

А там, в Твери, была выбрана двенадцатая школа потому, что она в самом центре города и от гостиницы недалеко. Словом, как социологи говорят, «случайная выборка».

Впрочем, как узнал позже, беседа с директором школы Галиной Тимофеевной Филиппенко, не такая уж она, двенадцатая, и средняя. Здесь в отличие от многих других школ города ввели специализацию старшеклассников: классы физико-математический, химико-биологический, педагогический, историко-литературный.

Выпускные экзамены вместе с учителями будут принимать и преподаватели вузов — кто справился, может считать себя студентом. В УПК ребята занимают согласно специализации: кто программистом становится, кто — нянечкой в больнице...

А вот что для школ города (да и всей страны!) вполне заурядно: в здание, рассчитанное на 720 человек, втиснуто 1600 учащихся.

Вторая школа — в лондонском районе Кэмден (английские учебные заведения не носят номеров).

Учатся в кэмденской «секондери скул» ребята от одиннадцати до восемнадцати лет (те, кому от пяти до одиннадцати, занимаются в «праймери скул» — начальной

школе; она находится в отдельном здании). Здесь около тысячи учеников. В некоторых районах учебные заведения тоже переполнены, но не настолько, как у нас. (Начальная школа рассчитана обычно на меньшее число учеников — 300—400.)

Урок физики. — Сегодня весь урок решаем задачки...

Елена Степановна Бембель диктует первое условие.

В классе 26 учеников. Работают, как мне показалось, с удовольствием, задачи «прорубают»...

Сейчас мода на социологию. Провели и мы в двенадцатой тверской свой «самопальный» социологический опрос: «Сколько времени отнимают у вас ежедневно школьные занятия?»; «Хотели бы вы подрабатывать в свободное от учебы время? Подрабатываете ли?»; «Что вам нравится и что не нравится в школе?»; «Был и такой вопрос: «Занимаетесь ли вы дополнительно? Где?»

Выяснилось: из 72 одиннадцатиклассников 26 — на подготовительных курсах, а еще 26 готовятся к поступлению в вуз с репетитором. Цифры занимающихся вне школы (72 процента) почти совпадают с процентом (80) выпускников этой школы, выдерживающих экзамены в институт.

(В скобках замечу: Ольга Веровенко, председатель преуспевающего московского кооператива «Репетитор», рассказывала, что, когда кооператив объявил набор преподавателей, ни один школьный учитель не выдержал конкурса.)

...А вот если в кэмденской школе мы вознамеримся посетить урок физики, то окажемся в затруднении. Есть предмет «естествознание», включающий в себя и физику, и химию, и биологию, а вот физику отдельно изучают только в школе второй ступени

(17—18-летние), причем лишь те, кто избрал ее своей специальностью. Заглянем на урок и мы...

Учеников — десять. (Средняя наполняемость класса в английской школе — 18 человек; в «праймери скул» она больше, в «секондери скул» — меньше.) Парты. Доска. Ковровое покрытие на полу. Ребята бросают на стулья свои куртки (формы нет, конечно). Учителя никто «вставанием» не приветствует. Вообще (это отмечают все, кто побывал в английской школе) тамошние учащиеся чувствуют себя на уроках свободнее, чем наши. Нет давящей тишины и страха, что вызовут. Нет ежеурочных оценок. (Где-то раз в месяц бывает контрольная по теме, за которую и ставят отметки.)

Идет беседа... В свободном разговоре проходит минут пятьдесят (урок длится час десять; малышам в «праймери скул» учитель несколько раз сам устраивает перемены). В оставшееся время начинают готовить уроки. Учебники яркие, со множеством иллюстраций, очень просто и интересно написанные. Их разброшюровывают и домой тяжеленные «кирпичи» не таскают.

Физику, как я уже сказал, учат лишь те, кто выбрал ее своей специальностью, — понятна заинтересованность учеников на уроке. Репетиторство в Англии не принято. Впрочем, нет и как таковых экзаменов в университет (высшее образование, как и среднее, бесплатно). Зимой последнего школьного года ученик пишет контрольную работу и указывает пять высших учебных заведений, в которых хотел бы учиться: на первом месте, например, Оксфорд, во втором — Лондонский университет, на третьем — Бристольский... Работу проверяют в комиссии (их пять на Англию; члены комиссии — пре-

подаватели и школ, и университетов...) и дают заключение, какой из вузов возьмет учащегося. Если ты рассчитываешь на более престижный университет, чем тот, в который тебя направили, придется следующей зимой переписать работу, а до этого зарабатывать на жизнь и самостоятельно готовиться...

Урок географии. Потехин долгое время был учителем физкультуры, потом переквалифицировался на географа. К чести его коллег, на невеликий стаж Николай Петровича как географа смотреть не стали, рассудили: преподаватель хороший, ребята любят — сделали его старшим учителем... Сведения дает Потехин ребятам такие, без которых не обойтись, и привязывает сухие школьные знания к жизни. Отвечают про озеро, обязательно спросит: «А ты был летом на каком-нибудь озере? Как оно называется?» Разговор заходит о реках. «На каком берегу Волги стоит наша школа? На правом или левом?» Изучают подземные воды — Потехин поинтересуется, кто видел родник, кто был на Кавказских Минеральных Водах. Когда речь идет про артезианские скважины, Николай Петрович напомнит, что Тверь получает воду из таких источников, объяснит, где они находятся...

Взрослому человеку разговор может показаться примитивным, но не забудем, что ведут его с десятилетками, и им интересно. Таким близким к жизни, понятным и должно быть, по нашему разумению, Знание.

А зачем будущему журналисту, например, нужно было знать производную от синуса икс, температуру Гольфстрима? Куда полезней — по роду деятельности, которую он в конце концов избрал, — было бы знакомство с древнегреческой, древнерим-

ской, средневековой литературой?..

Очень похожими вопросами задаются и сегодняшние старшеклассники. И вот типичные ответы (из того же опроса): «Не нравится то, что приходится учить все предметы. И те, что нужны, и которые совсем не нужны. У меня, например, гуманитарные наклонности, но я должна зачем-то в поте лица зубрить физику, химию, алгебру...»; «Не нравится обязанность изучать все предметы»; «Очень хотелось бы, чтобы в школе мы проходили не все подряд, а каждый ходил бы только на те уроки, которые пригодятся ему в будущем».

И это в каждой второй анкете.

Да, в двенадцатой некоторые дисциплины стали изучать углубленней, но это не значит, что остальные учат меньше.

Желание школьной программы объять необъятное приводит к чудовищной перегрузке учеников. О чем уже не говорят — кричат и педагоги, и многие ученые... Но когда же будут перемены?

Ежедневно на уроках и дома семь часов и меньше работают лишь 20 человек (из 92 опрошенных). А в среднем из 24 суточных часов школа отнимает около девяти с половиной. Учтем еще — у ребят шестидневка. Выходит, что рабочая неделя длится 55,5 часа! А ведь многие занимаются дополнительно с репетиторами, на подготовительных курсах... Многие специалисты считают, что именно такая перегрузка приводит к тому, что около 70 процентов выпускников хронически больны.

— По-моему, — считает Николай Петрович Потехин, — мы поспешили, введя в начале шестидесятых всеобщее среднее образование. Классы разбухли, качественно учить в такой школе невозможно, нравственно воспитывать — тоже... Образование стало ниже

среднего. Надо было сделать так: всеобщее и обязательное обучение до седьмого, скажем, класса. Затем — серьезные экзамены, тесты. Кто способен продолжить учебу, проходит дальше только «свои» предметы: будущий филолог, например, литературу, историю, иностранный. Тех, что учиться не могут или не хотят, милости просим, обучайтесь ремеслу, рабочей профессии...

Потехин никогда не был в Англии, но то, как он преподает и какие усовершенствования предлагает, весьма похоже на тамошние порядки. Например, в английской начальной школе вовсе нет делений на предметы. Ребенок, считают специалисты, воспринимает мир целостно. Потому применяется метод «проектов» (подобное было в некоторых советских школах в двадцатых годах). Например, идет проект «Мосты». Ребята читают о них текст. Решают задачки, где фигурируют мосты. Узнают об истории этих сооружений, рассматривают их фотографии, сделанные в разных городах планеты. Пишут небольшое сочинение. Идут на экскурсию на один из мостов города...

А для тех, кому уже исполнилось четырнадцать, обязательными до недавнего времени были лишь четыре предмета: английский язык и литература (там это единый урок), религия, математика, физкультура (сейчас, правда, к обязательным добавляется одна гуманитарная дисциплина, рисование или музыка, и одна естественнонаучная). Остальные предметы по выбору (факультатив), в зависимости от склонностей и жизненных планов.

До недавнего времени примерно половина учебного времени расходовалась на обязательные дисциплины, а половина — на выбранные, сейчас соотношение

слегка меняется в сторону увеличения «обязаловки». Вообще — в этом единодушны и советские, и зарубежные специалисты — наша школа стремится втиснуть в ученика побольше знаний; английская главное внимание уделяет развитию творческих способностей, интуиции, умению мыслить. Советское образование чересчур энциклопедично, полагает профессор Брайан Холмс из института педагогики Лондонского университета...

Ученики в английской школе загружены куда меньше наших — четыре сдвоенных урока с часовым обеденным перерывом. В субботу не учатся. В начальной школе уроков не задают вовсе; в средней ежедневно готовят, скажем, лишь один предмет. Как показывают опросы, большинство английских и американских школьников тратят на приготовление домашних заданий меньше часа в день. Итого занимаются тамшние школьники едва ли не в два раза меньше наших: около 28 часов в неделю.

Интересно, что, согласно международным исследованиям (Советский Союз в них пока не участвовал), ученики стран, где больше задают на дом, не показали лучших результатов. (На первом месте, кстати, в последний раз были южнокорейские школьники, потеснив прежних «чемпионов» — японцев.)

Урок истории. Ведет его в тверской школе студент-практикант. Тема: «Революции в странах народной демократии».

— СЭВ сыграл положительную роль в подъеме тяжелой промышленности... Перед государствами народной демократии встала задача национализации...

О чем речь?! Уже нет ни стран народной демократии, ни СЭВа в прежнем виде — и не национа-

лизируют, а, напротив, приватизируют теперь собственность бывшие социалистические страны! Чему учим?..

Стоит нашим детям пойти в школу, и на них обрушивается мощнейший идеологический пресс. Семилетний человечек уже знает, что продукты дороги, что велосипед ему мама не может достать, а в классе слышит совсем иное: «светлый путь», «счастливое детство»... Это ранние уроки «двойной бухгалтерии».

Откроем «Книгу для чтения», учебник для первого класса, изданный уже в самые что ни на есть перестроечные времена — в 1988 году, по нему учатся сейчас шести- и семилетки: «Твой старший брат и сестра носят на груди комсомольский значок — на нем портрет Ленина, и на партийном билете твоего отца Ленин...» Учить наизусть малышей заставляют: «Крепни и славься в битвах веков Красная Армия большевиков!» (а речь как раз идет в обществе о том, что не «армией большевиков», а государственной армией она должна быть); или: «Вовек об этом не забудь, запомни, стар и мал: великий Ленин светлый путь народу указал!»

Полистаем учебник дальше: «Есть страны, где жизнь не такая, как в нашей стране. (И слава Богу! — Н. В., С. Л.) Не все дети могут ходить там в школу». (Может, Англия имеется в виду? США?)

Всего же, как мы подсчитали, в учебнике для первоклашек из 279 страниц 92 отданы неприкрытой идеологизации. Художественная ценность подобных текстов, как правило, равна нулю. Значит, «промывка мозгов» вдобавок вымывает (если будет позволено такой каламбур) из программы образчики подлинной литературы...

А дальше, по мере взросления,

«идеологическая давиловка» становится все сильнее и сильнее. Курсы всех классов по истории и литературе густо замешены на «классовом подходе», который в жизни нашей уже успел уступить место «общечеловеческим ценностям», а в школе еще держится. Прибавьте к тому речевки, линейки, выносы знамен и непременный гипсовый бюст вождя почти в каждой школе...

Ну ладно, возразят мне, а раньше-то, до революции, как было? Поголовная неграмотность, нищета... Что же, заглянем в местный краеведческий музей. И узнаем, что бюджет Тверской губернии 1912 года на народное образование составлял 2 миллиона 222 тысячи 709 рублей. Вроде бы наглядное свидетельство убогости царской России по сравнению с нынешним «взлетом» (сейчас бюджет областного образования — 125 миллионов). Ан не совсем. Вспомним, что пуд мяса стоил тогда три рубля, а десяток яиц — 18 копеек...

Узнаю еще, что по сравнению с 1967 годом количество школ в Твери не выросло (как было, так и осталось 50). Вот почему классы столь чудовищно перегружены! И что в 1914 году в губернском центре были: мужская гимназия (из которой вышел, между прочим, авиаинженктор Туполев); Маринская женская гимназия; духовная семинария, казенное реальное, юнкерское, епархиальное женское и женское коммерческое училища; школа Максимовича для земских учителей... Итого 14 школ с правами средней. А население Твери перед первой мировой, между прочим, насчитывало всего около 60 тысяч человек. Теперь без малого полмиллиона. Вот и сравните: 14 школ на 60 тысяч и 50 — на полмиллиона...

Не без удивления узнаем также,

что в Тверской губернии в 1915 году было 2759 школ (а сейчас всего 1074) и 167,7 тысячи учащихся (сейчас 182,2 тысячи). Правда, до исторического материализма большинство школ считались начальными, сейчас все — средние. Но о качественном различии говорить если и можно, то, думаю, не в пользу дня сегодняшнего... Многие гимназисты подрабатывали уроками. Интересно, могли бы нынешние старшеклассники давать уроки кому бы то ни было?..

Вообще всякое сравнение хромает — и историческое, и географическое. В Англии, например, на одного ученика начальной школы тратится ежегодно 760 фунтов стерлингов, средней — 1030, средней второй ступени — 1650. У нас — в среднем 700 рублей.

Учитель там зарабатывает от 7600 до 13300 фунтов в год (в зависимости от стажа и нагрузки). А наш?

Но как сопоставлять? По «черному» курсу? Тогда начинающий английский учитель получает около 30 тысяч рублей в месяц...

Большая перемена. Маленький штрих к портрету: две школьницы нежного возраста укладывают друг дружку беседой, вкрапляют в разговор неслыханные для епархиалок слова, — трамвай молчит, будто так и надо...

Когда речь заходила о нравственном воспитании, учителя говорили чаще всего, что, увы, дома не занимаются ребятами: родители озабочены лишь тем, где достать еду, одежду... О школе — ни слова...

Ну, а как оценивают процесс воспитания юные тверичане?

Из анкет: «Учителя порой кричат»; «Учителя в столовой лезут без очереди»; «Надо стараться сделать отношения между учителями и учениками более демокра-

тичными и свободными»: «Не нравится диктатура директора»: «...За нами постоянно следит классный руководитель»; «...Надо больше демократичности в отношениях между учениками и учителями, нужна более свободная обстановка на уроках...».

О том, что преподаватели «тыкают» юношам и девушкам, даже не вспоминают. Приучили, по-другому себе не мыслят. Какой там нравственный рост молодой поросли, если учитель накричал, взял тарелку без очереди, «тыкнул». А больше всего беспокоит, что между учащими и учащимися существует — нет, не дистанция — пропасть. Что первые смотрят на вторых не как на равных, а как на подчиненных, подавляемых. Что ребята в школах забиты и унижены.

Завуч двенадцатой, вытребовав у одного из авторов анкеты, изучала их с видом явного недовольствия («Как их можно спрашивать, что не нравится в школе?») и высокомерной насмешки. Был автор свидетелем того, как директор этой же школы Галина Тимофеевна Филиппенко запрещала распространять газету, придуманную и сделанную учениками: «Мне решительно не понравилась заметка об уборщицах. Какое вы право имеете судить о них? Излагать факт ради факта — это чепуха! Факт должен побуждать к действию!»

Избави Бог от такого цензора!..

Уж не говорим о волюющих случаях, виденных в разных московских школах. В одной, например, директор с криком: «Сволочь! Подонки! Ну-ка убирайся и приходи в форме!» — выталкивала из столовой старшеклассника, «посмеявшегося» прийти в казенное заведение в джинсовой курточке; в другой учительница первоклашек (!) вешает на доску ремень: «Кто бу-

дет баловаться — отлуплю!»; — а когда мальчик шалит на перемене, заставляет его ходить — руки за спину (!)...

Не случайно, согласно опросам специалистов, около 30 процентов наших школьников отмечают грубость и жестокость учителей. Нравственное воспитание невозможно без со-понимания, сотрудничества, без работы в связке: «учитель — ученик» абсолютно на равных.

Но большинству наших школ до этого ох как далеко...

В английской школе (мы уже говорили) более свободная, партнерская обстановка на уроках. И на переменах нет такого ора, бешенства, драк. Отчего? Не перегружены программы, нет гонки на уроках, можно встать, поговорить с соседом, пообщаться с учителем, потому и не требуется выплескивать себя в перерывах. Еще с младых ногтей знакомы с Законом Божиим, а он выше нашего «морального кодекса строителя коммунизма» и по проникновенности текста, и по гуманизму...

Урок литературы. Проходят «Петра I». Вопрос следует за вопросом: чем народ был недоволен? А чем бояре были недовольны? Покажите, что учителем Петра была жизнь... Покажите, что Петр — сын своего времени... В чем народность Петра?

Гладкие, заученные ответы. Будто не о художественной словесности говорят, а о правилах дорожного движения. Роман расчленяли на части...

На перемене автор узнал, что школьная программа наконец-то повернулась к незаслуженно забытым лучшим произведениям отечественной словесности: два часа отводится на изучение «Мастера и Маргариты», два часа на Пастернака; есть Гумилев и Ахматова. (Неужто и о «народности об-

раза Маргариты» рассуждать возмущается?)

...Автор-журналист помнит два потрясения в своей жизни от школьной литературы.

Первый раз классе в шестом; учительница, разбирая отрывок из «Разгрома», спросила: «Почему Фадеев написал — Метелица перемахнул через плетень?» — и я тогда впервые с восторгом понял, что глагол «перемахнул» отличается от «перелез», «переполз» и «перебрался»; и как точно по отношению к упругому Метелице именно это перемахнул.

Второй раз я был потрясен в десятом. Учительница принесла томик Маяковского, как тогда казалось, насквозь пропагандистского и косноязычного, и прочитала — а читала она отменно, когда-то училась на актерском — от начала до конца «Облако в штанах»...

Два потрясения от урока за десять лет школьной жизни. Не маловато ли?

В этом смысле английским школьникам повезло. Школы полностью децентрализованы: им не задаются ни учебные планы, ни программы. Директор школы (совместно с учителями и попечителями) составляет учебные планы, учитель — «под себя» — программы. Считаешь нужным больше внимания уделить Китсу — пожалуйста, Байрону — ради Бога... Не пишут там все ученики от Кардиффа до Манчестера сочинения на одну и ту же тему. Но и учитель не ретранслятор засушенных идей (каковых у нас, увы, немало), а в полном смысле творец.

...На вопрос: «Что нравится вам в школе?» — ни один (подчеркиваю: **ни один!**) не ответил: учиться. Зато очень многим нравится околоскольное. «У нас дружный класс, нравится общаться с друзьями»; «мы неоднократно ездили на различные экскурсии (в Ясную

Поляну, в Горки)», «... у нас в школе проводятся различные общешкольные мероприятия (игры «Счастливый случай», «Брейн-ринг»)». Есть секция туризма... Также мне нравятся мероприятия, проводимые в классе (выходы в лес, в театр и т. п.)...»

Так что же важнее для развития духовности: десять разборов пушкинских стихотворений или одна поездка в Михайловское?

Интересно, что в Англии внешкольных мероприятий (кроме спортивных) нет. Бесспорно, в этом наши школьники выигрывают, и преподаватели дают им вне занятий и программ дополнительные знания и заряд духовности.

Но любая поездка учителя, даже организация «Брейн-ринга», даже выход в театр, — дополнительная и неоплачиваемая нагрузка. Есть, конечно, такие, как Потехин, который и на соревнования с ребятами ездит, и в походы ходит, и край родной изучает...

Но требовать подобной отдачи от каждого учителя при такой нагрузке и такой зарплате?!

Что же делать? Ощутимо увеличить преподавателям зарплату, больше строить школ... Все правильно. Но где деньги-то взять, где изыскать дополнительные средства на образование? Чтобы платить хотя бы одну десятую зарплаты английского учителя? Страна в развале, бюджет трещит.

Об одном пути уже говорилось: сделать среднее образование необязательным. Способ второй (тут мы рискуем навлечь на себя сильнейшее неудовольствие части читателей, и без того раскаленных ростом цен): платить за обучение.

Вот наши небесспорные построения: тридцать, скажем, рублей в месяц за учебу сына — не так много для семьи. А с класса это семьсот пятьдесят. Вместе

с госзарплатой — тысяча. Да за такие деньги учительствовать пойдут и очень умные, очень уважающие себя люди. Конкурс будет, как в кооперативах! Все равно же мы платим. Сейчас оплачиваем детям уроки английского, а придет время, и на репетиторов раскошелимся. Лучше цветной телевизор не купить, на юг не съездить...

А многодетные? А малообеспеченные? — спросите вы. А почему бы не платить за учебу «своих» детей предприятиям? Благотворительным фондам? Церкви? Да и в некоторых случаях государству все-таки?

...Возможно, авторов заносит. Но сколько ни думали, другого пути не видим.

Урок труда. По-моему, журналисты уже устали доказывать (и нам немало страниц пришлось исписать по этому поводу): труд школьников должен быть настоящим. Что это значит? Во-первых, приносящим реальную пользу; во-вторых, за деньги.

Где? На школьном заводе, в ученическом кооперативе или просто санитаркой, почтальоном, няней, посудомойкой...

В Англии (как и во всех других развитых странах), чтобы старшеклассник не подрабатывал — редко встретишь. В кафе, ремонтных мастерских полным-полно юных лиц. Здесь нет нашенской «традиции» висеть на шее родителей — исполнилось восемнадцать, поступил в университет — переезжай в общежитие (если даже родительский дом под боком), обеспечивай себя сам.

Мысль, что должен содержать себя смолоду, и заставляет школьников подрабатывать. Но если ты учишься в школе и не намереваешься идти в университет, а избрал рабочую специальность, можешь ей загодя обучиться. При одной школе — парикма-

херская; цены пониже, чем в обычных заведениях такого рода, — ребята в ней и учатся, и клиентов обслуживают. При другой — мастерская, изготавливающая торшеры (и на продажу, естественно, тоже)...

В советских школах нынче является нечто подобное: кооперативы учащихся, школьные заводы. Но...

В Твери, например, школьных заводов ни одного. Кооператив учащихся — один. А просто подработать — не берут. Согласно опросу, подрабатывать хотели бы 50 старшеклассников (из 92). (И еще 12 не прочь, но слишком много времени отнимают школьные занятия.) Трудятся... трое. А остальные — игра в труд в УПК, где ребята бесцельно болтаются, а на работу по приобретенной специальности приходят (по Твери) лишь... три процента.

Как аukaется в школьные годы, так и откликается после...

Один из авторов обзвонил крупнейшее предприятия города — вагоностроительный завод, хлопчатобумажное объединение, объединение «Химволокно», завод «Центросвар» — на них трудится в общей сложности около 30 тысяч человек. Приходят сюда сегодня не более ста выпускников. (А не поступает в вуз после школы около двух тысяч тверичан.) Куда деваются остальные? Предпочитают отсиживаться в тихих конторках: курьерами, лаборантами.

А как работают те, кто все-таки выбирает предприятие-гигант? Вот что сказал секретарь комитета ВЛКСМ вагоностроительного завода Андрей Щербатых:

— Переживают время до армии, до поступления в институт...

И этот ответ — типичный.

Англичане все-таки в большинстве недовольны школой (как не-

довольны и японцы, и американцы, и французы).

Но уж как недовольны своей школой мы, вряд ли кому и прижится...

В самом деле, знания, которые дают в ней, явно недостаточны, чтобы продолжить образование дальше. Тем, кто хочет поступить в вуз, необходимы репетиторы, занятия на подготовительных курсах.

14 Может, высокой нравственности учит наша школа? Духовно, интеллектуально образовывает? Незаметно, право... Или она к труду готовит? И тут выпускник беспомощен... И если позволено уподобить детей «цветам жизни», то наша школа не что иное, как грядка, где их выращивают. Именно грядка, потому что на лугу цветы раскинуты свободно и вольно, а на грядке сидят в рядок, под внимательным взглядом садовника. И грядки все одинаковы — только одни, в столицах, там, где живут партийные лидеры, удобрены получше и чернозему там побольше; другие, в провинции и особенно в деревнях, сереют песком да щебнем...

Государственная школа давно сигналист: SOS! И мы, конечно же, слышим эти позывные бедствия. Но снаряжаем ли спасателей?

От редакции. Понимаем, «наблюдения с пристрастием» достаточно субъективны. И могут вызвать немало споров. Мы к этому готовы. Тем более что материал — первый из планируемых публикаций о проблемах средней, высшей и профессионально-технической школы...

Мы приглашаем всех заинтересованных читателей и, конечно же, специалистов к серьезному разговору о сегодняшнем и завтрашнем дне народного образования.

Страницы журнала — «поле сражения», где нет победителей и побежденных. В выигрыше прежде всего здравый смысл и надежда...

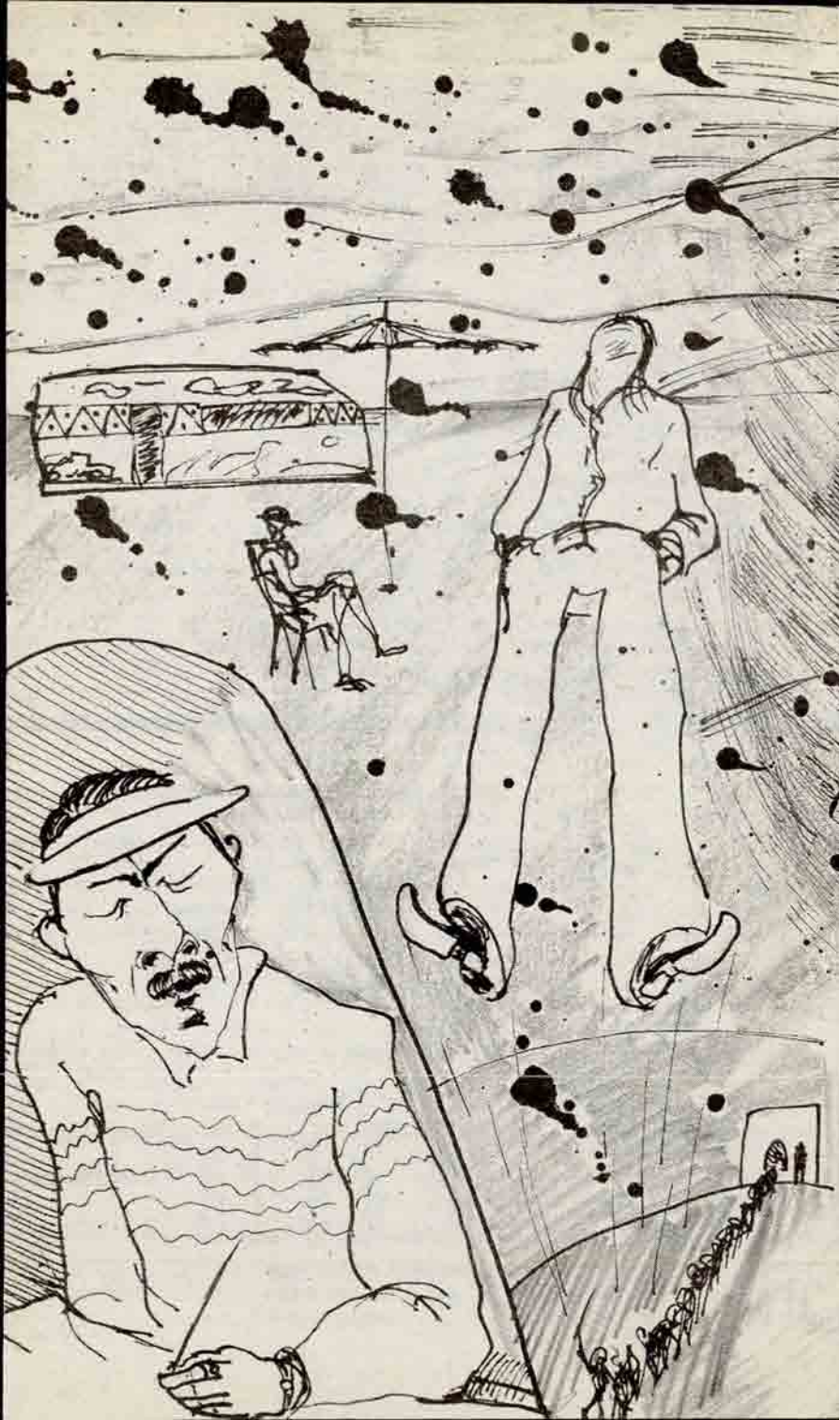
ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

Дорогая «Смена», очень рад, что есть у тебя рубрика «Читатель — «Смена» — читатель», в которой затрагиваются «блячки» жизни. А побудило меня написать письмо Н. Б. Олейника из г. Кирова Калужской области (№ 11 за 1990 г.).

Прочитал и обалдел — все, что я хотел сказать, все описано им. Я думал, только у меня такая боль, а она, видно, у многих в нашем «процветающем» Союзе. Я, как и он, инвалид (ампутировано правое бедро). Ногу потерял, работая в старательской артели: попал под машину, сломал ноги, ребра, ключицу, лопатку. Врачи «собрали», сказали, что буду жить, но не объяснили, как. Жена, естественно, бросила. Поехал протезироваться в город, попросил чужого человека, чтобы помог. Намучился, ведь и вторая нога слабая, недавно «собрана». Пенсию дали 120 рублей, а что такое сейчас 120 рублей? Нужно идти работать. Устроился работать, сломался протез (если можно назвать эту подпорку протезом). Поехал его ремонтировать. Приезжаю назад, а мне ВТЭК уже 3-ю группу дал и пенсию 85 рублей. Так, спрашивается, кому я хуже сделал? Года не прошло, как «встал на ноги», и вот вам «спасибо, родная страна, за инвалидство сча-

стливое наше!» Стараешься выкарабкаться в человеческую жизнь, а тебе нороят «помочь». Я уже боюсь следующего года, следующего ВТЭКа: как бы с меня в пользу себя высчитать не стали. Вторая группа хоть какие-то небольшие льготы давала. Протезироваться надо каждый год, а это значит — поездки, очереди, толкотня. А как мучительно стоять в очередях, как трудно работать на одной ноге, трудно ходить по нашим дорогам, трудно ездить в общественном транспорте! Да, видно, сытый голодного не разумеет. Мне стыдно, что я инвалид, что я беспомощный. В школе нас учили помогать слабым, по телевизору без конца говорят о милосердии — да вранье все это. Ты нужен государству, пока здоров, а в нашем положении — хоть петлю на шею, чтобы не мешать обществу, чтобы государству забот было меньше. А о том, что инвалиду нужна машина, я уж не говорю: сумку с продуктами несеешь из магазина, того и гляди протез сломается, ругнешь. Смерти в глаза я уже посмотрелся, хочется жить. Но без настоящего милосердия, без людской помощи инвалиды не проживут. Помогите же!

В. А. СОМЕЛКИН,
инвалид труда,
Магаданская обл.

КИТ ЛОМЕР

Рисунок ЛЕОНИДА ДЫХОВИЧНОГО

ОЧЕРЕДЬ

Старик упал, когда Фарн Хестлер на механическом колесе подъезжал к своему месту в очереди, возвращаясь со станции отдыха. Хестлер затормозил и посмотрел на искаженное лицо старика — маску из мягкой, бледной кожи, на перекошенный рот, который, казалось, хотел вырваться на свободу от умирающего тела. Он спрыгнул с колеса и склонился над жертвой. Но его уже опередили: тощая женщина сжимала руками, похожими на сучковатые корни, костлявые плечи старика.

— Скажите им, что я, Миллисент Дреджвике Крамп, должна занять ваше место, — кричала она в безжизненное лицо. — Если бы вы знали, что я перенесла, как я ЗАСЛУЖИВАЮ помощи...

Хестлер отпихнул ее ногой, склонился над стариком и приподнял ему голову.

— Стервятники, — сказал он, — Набросились на человека. Теперь я о нем позабочусь. А вы и так стоите слишком близко к началу очереди. И не рассказывайте мне сказки. А этот, видно, старожил. Не как нынешние, попрыгунчики... — Он пробормотал ругательство. — Я скажу, что человек заслуживает не много достоинства в такой момент...

— Зря тратишь время, Джек, — пробасил кто-то. Хестлер поднял глаза и увидел огромного, похожего на гипшопотама человека, который стоял в очереди двенадцатым после него. — Старина уже отдал концы.

Хестлер встряхнул труп.

— Скажите им Аргалл и Хестлер! — прокричал он в мертвое ухо. — Аргалл, пишется А-Р-Г-А-Л-Л...

— Прекратите! — раздался сквозь шум толпы зычный голос дежурного полисмена. — Вы! Отойдите в сторону. — Резкий толчок придавал команде убедительность. Хестлер неохотно поднялся, его глаза на бледном лице приобрели выражение испуганного изумления.

— Вампир, — огрызнулась тощая женщина. — Моя очередь... — И она забормотала что-то нечленораздельное.

— Я не думал о себе, — горячо заспорил Хестлер. — Но мой парень Аргалл, хотя он и не виноват...

— Замолчите! — прокричал полицейский. Он указал большим пальцем на мертвеца. — Этот человек сделал какое-либо заявление?

— Да! — крикнула тощая женщина. — Он сказал, что передает свое место Миллисент Дреджвике Крамп...

— Она лжет, — вмешался Хестлер. — Я случайно услышал имя Аргалл Хестлер, ведь так, сэр? — Он посмотрел на парня с отвислой челюстью, который разглядывал труп.

Парень сглотнул слюну.

— Он не сказал ни слова, — проговорил парень и сплюнул, чуть не попав Хестлеру на ботинок.

— Умер без завещания, — заключил полицейский и записал что-то в своей книжечке. Потом махнул рукой, подзывая похоронную команду. Труп положили на носилки и запахали в машину.

— Все расходится, — приказал полицейский.

— Без завещания, — проворчал кто-то. — Несправедливо!

— Какой позор! Очередь отойдет к правительству. Никто ничего не получит. Черт возьми! — Толстый человек, произносивший эти слова, посмотрел на остальных.

— В таких случаях нам следовало бы собраться, выработать справедливый план действий и заранее договориться...

— Эй, — сказал парень с отвисшей челюстью. — Это же заговор!

— Я не подразумевал ничего незаконного. — Толстый скрылся на свое место в очереди. Словно сговорившись, небольшая толпа рассеялась, быстро разбежавшись по своим местам. Хестлер пожал плечами, снова сел на колесо и поехал вперед, сознавая, что его провожают завистливые взгляды. Он миновал несколько спин, мимо которых уже проезжал; некоторые стояли, некоторые сидели на брезентовых раскладных стульчиках под выцветшими от солнца зонтиками, то тут, то там виднелись нейлоновые передвижные палатки, высокие и квадратные, некоторые обшарпанные, другие, принадлежащие более состоятельным людям, с орнаментом. Он был счастливым человеком — ему не приходилось стоять под палящим солнцем или дождем.

Стоял ясный полдень. Солнце светило на гигантский бетонный пандус, через который змеилась очередь, уходя вдаль по равнине. Впереди белела пустая стена, нарушаемая лишь одним окном — конечной целью очереди. Хестлер притормозил, подъезжая к своей палатке; у него пересохло во рту, когда он увидел, как близко она теперь находилась к голове очереди. Одно, два, три, четыре места позади! Слава Господу, это означало, что за последние двенадцать часов прошло шесть человек — беспрецедентное число! И это значило — у Хестлера перехватило дыхание, — что он сам мог достичь окна на следующую подвижку. На мгновение он почувствовал паническое желание отодвинуться, продать свое место стоявшему сзади, затем следующему, чтобы снова оказаться на безопасной дистанции, дать себе шанс все продумать, подготовиться...

— Привет, Фарн. — Из-за нейлонового полога палатки высунулась голова его двоюродного брата Галперта. — Знаешь что? Я передвинулся на одно место, пока тебя не было.

Хестлер сложил колесо и облокотил его о выцветшую стену палатки. Он подождал, пока Галперт вылез наружу, потом, как бы ненароком, широко раскрыл полог палатки. После его поездок на отдых, когда двоюродный брат проводил в палатке хотя бы полчаса, внутри нее всегда дурно пахло.

— Мы уже совсем близко к началу, — возбужденно сказал Галперт, протягивая ему сундучок с документами. — У меня такое чувство... — Он не договорил, так как позади них в очереди вдруг раздалось резкое выкрики. Невысокий человек с белесыми волосами и голубыми глазами навывкате пытался влезть в очередь между третьим и пятым позади.

— Послушай, а это не четвертый ли сзади? — спросил Хестлер.

— Как вы не можете понять, — хныкал коротышка. — Я дол-

жен был идти, это был незапланированный зов природы... — Он уставился на пятого сзади, большого, с грубыми чертами, в рубашке кричащего цвета и солнечных очках. — Вы же сказали, что присмотрите за моим местом!..

— Итак, зачем же ты брал перерыв, а, недоносок? Пошел отсюда к дьяволу!

Теперь уже целая толпа кричала на коротышку:

— Вон из очереди! Вон-из-оче-реди! Вон-из-оче-реди!..

Коротышка отпрянул, зажав уши руками. Непристойное скандирование ширилось, так как его подхватывали все новые голоса.

— Но это же мое место, — завопил лишенец. — Его оставил мне отец, когда умер, вы помните... — Голос потонул в реве толпы.

— Хорошо они его, — сказал Галперт, смутившись от громких криков. — Теперь он ничего не сможет сделать со своим наследством, как только уйти прочь...

Они смотрели, как бывший четвертый сзади повернулся и пошел, затыкая руками уши.

После того, как Галперт уехал на колесе, Хестлер еще минут десять проветривал палатку, стоя с каменным лицом, сложив руки на груди и смотря в спину первого спереди. Отец рассказывал ему историю про первого спереди, про старые времена, когда они оба были молодыми парнями, стоящими в конце очереди. Тогда он был очень веселым парнем и всегда заигрывал с женщинами, стоящими поблизости, предлагая им поменяться местами с определенной целью. Теперь от этого не осталось и следа: впереди стоял коренастый пожилой человек в потрескавшихся старых ботинках, постоянно потевший. «Однако мне повезло», — подумал Хестлер. Он получил свое место от отца, когда того хватил удар, — отец продвинулся на двадцать одну тысячу двести девяносто четыре места. Не каждый молодой человек получал такое наследство.

И теперь, может быть, через несколько часов, он достигнет цели. Хестлер дотронулся до сундучка, в котором были бумаги отца, и, конечно, его собственные, и Кластера, и детей — все. Через несколько часов, если очередь будет двигаться, он сможет расслабиться, уйти на покой и позволить детям, у которых были свои места в очереди, продолжать его дело. Дать им возможность совершить то, чего добился их отец, — достигнуть начала очереди в сорок пять лет!

Внутри палатки было жарко и душно. Хестлер снял пальто и присел на корточки — не самая удобная поза в мире, может быть, но зато находящаяся в полном соответствии с законом, который требовал, чтобы хотя бы одна нога все время находилась на земле, а голова была бы выше талии. Хестлер вспомнил инцидент, происшедший много лет назад, когда один бедняга без палатки умудрился заснуть стоя. Он стоял с закрытыми глазами, потом его колени согнулись, и он оказался на корточках; затем он слегка приподнялся, моргнул и заснул. Стоящие рядом наблюдали за ним целый час, пока наконец его голова упала ниже ремня. Тогда они вытолкали беднягу из очереди и передвину-

лись на его место. Да, в те времена в очереди царили жестокие законы, не то, что сейчас. Здесь, рядом с началом очереди, слишком многое поставлено на карту. Нет времени для развлечений.

Перед наступлением темноты очередь передвинулась. Осталось три человека! Сердце у Хестлера подпрыгнуло.

Было уже темно, когда он услышал шепот:

— Четвертый спереди!

Хестлер вздрогнул и проснулся. Он моргнул, удивляясь, не приснился ли ему голос.

— Четвертый спереди! — снова просипел голос. Хестлер откинул полог, ничего не заметил и убрал голову обратно в палатку. Потом он увидел бледное, искаженное лицо четвертого сзади с глазами навывкате, которые смотрели через вентиляционный вырез в задней стене палатки.

— Вы должны помочь мне, — сказал коротышка. — Вы видели, что случилось, вы можете сделать заявление, что я был обманут, что я...

— Послушайте, что вы делаете вне своей очереди? — прервал его Хестлер. — Я знаю, что вас выгнали, почему же вы не займете новое место?

— Я... я этого не переживу, — с горечью проговорил четвертый сзади. — Моя жена, дети — все они надеются на меня.

— Вам следовало бы раньше подумать об этом.

— Клянусь, я не мог ничего сделать. Это свалилось так неожиданно...

— Вы потеряли место. И я ничем не могу помочь вам.

— Если мне придется начинать заново, мне будет семьдесят лет, когда я достигну окна!

— Это не мое дело...

— ~~И~~ вы просто расскажете полиции, что случилось, объясните мой исключительный случай...

— Вы сумасшедший, я не могу сделать этого!

— Но вы... я всегда думал о вас, как о достойном человеке...

— Вам лучше уйти. Подумайте, что будет, если кто-нибудь увидит, что я разговариваю с вами?

— Я должен был поговорить с вами здесь; я не знаю вашего имени, но после того, как мы пробыли в очереди девять лет всего лишь в четырех местах друг от друга...

— Убирайтесь! Не то я позову полицейского!

Хестлер долго не мог успокоиться после того, как четвертый сзади ушел. Внутри палатки летала муха. Ночь была жаркая. Очередь снова передвинулась, и Хестлеру пришлось вылезать и перекачивать палатку вперед. Два человека впереди! Возбуждение было настолько сильным, что Хестлеру стало казаться, будто он болен. Еще две подвижки, и он будет у окна. Тогда он открывает сундучок и представит бумаги, делая все по порядку, не торопясь. С внезапной болью он вдруг представил, что кто-то ошибся, кто-нибудь из стоящих сзади забыл подписать что-нибудь, забыл проставить нотариальную печать или подпись свидетеля. Но этого не должно случиться. Нет, не может быть.

Ведь тогда его могут вышвырнуть из очереди, отобрать место, и ему придется начинать все сначала...

Хестлер отбросил эти глупые фантазии. Он немного нервничал, вот и все. Но кто на его месте оставался бы спокойным? Ведь после сегодняшней ночи изменится вся его жизнь, закончатся долгие годы стояния в очереди. У него будет время, сколько угодно времени, чтобы заняться тем, о чем он не мог и мечтать все эти годы...

Вдруг совсем рядом кто-то закричал. Хестлер выскочил из палатки и увидел, как второй спереди — он стоял теперь во главе очереди — поднял кулак и затряс им перед носом небольшого, с черными усами лица под зеленым козырьком, который находился сверху окна, освещенного резким белым светом.

— Идиот! Болван! Шакал! — кричал второй спереди. — Что значит «иди домой и заставь жену правильно написать свое отчество!»

Появились два дюжих полицейских, посветили фонариками в искаженное лицо второго спереди, взяли его под руки и увели прочь. Хестлер дрожал, перекатывая палатку на роликовых колесах. Теперь впереди него оставался только один человек. Он будет следующим. У него не было причин беспокоиться; очередь передвигалась с быстротой молнии, но пока обслужат человека впереди, пройдет еще несколько часов. У него есть время расслабиться, успокоить нервы и подготовиться к ответам на вопросы...

— Я не понимаю, сэр, — раздался пронзительный голос первого спереди, обращавшегося к маленьким черным усам в окошке. — Все мои бумаги в порядке, клянусь вам...

— Вы сказали, что ваш отец умер, — проговорил суховатый голос Черных Усов. — Это означает, что вы должны переоформить справку 56839847565342-В в шести экземплярах с визами доктора и местного Полицейского Управления, отзывами из Отделов А, В, С и так далее. В Правилах все об этом достаточно ясно изложено.

— Но он умер всего лишь два часа назад, я только что получил известие...

— Два часа, два года — все равно он мертв.

— Но я же потеряю место! Если бы я не сказал вам об этом...

— Тогда бы я, естественно, ничего не знал. Но вы ведь РАССКАЗАЛИ мне, не так ли?

— А не могли бы вы сделать вид, будто я ничего не говорил? Что известие не дошло до меня?

— Вы советуете мне пойти на подлог?

— Нет... нет... — Первый спереди повернулся и заковылял прочь, сжимая в руке свои бесполезные бумаги. Хестлер облизнул пересохшие губы.

— Следующий, — сказали Черные Усы.

Пальцы Хестлера заметно дрожали, когда он открывал сундучок. Он выложил бумаги оранжево-розового цвета (двенадцать экземпляров), красно-коричневые (девять экземпляров), лимонно-желтые (четырнадцать экземпляров), белые (пять экземпляров... только пять? Хватит ли этого? Не потерял ли он один экземпляр?). Панический страх сдавил ему грудь.

— Оранжево-розовые: двенадцать экземпляров. — Клерк угрожающе хмурился.

— Д-да. Этого достаточно? — сказал, запинаясь, Хестлер.

— Вполне. — Клерк подсчитывал бумаги, делая незаметные пометки на полях.

Перед самым рассветом, шесть часов спустя, клерк проштамповал последний листок, промокнул последний штамп, опустил пачку обработанных документов в отверстие и посмотрел на стоящего за Хестлером человека.

Хестлер помедлил, держа пустой сундучок в онемевших пальцах. Он казался непомерно легким.

— Это все, — сказал клерк. — Следующий.

Первый сзади оттолкнул Хестлера и подошел к окну. Это был невысокий, кривоногий человек без палатки, с большими отвислыми губами и длинными ушами. Хестлер особенно не рассматривал его раньше. Ему вдруг захотелось рассказать этому человеку о том, как все происходило у окна, дать пару дружеских советов, как старый «оконный» ветеран новичку. Но человек даже не взглянул на него.

Отходя от окна, Хестлер увидел свою палатку. Она выглядела брошенной и никому не нужной. Он подумал о тех часах, днях, годах, которые провел в ней, скрючившись в гамаке...

— Можете забрать ее, — сказал он под влиянием внезапного импульса второму сзади — коренастой женщине с большой челюстью. Он сделал жест по направлению к палатке. Женщина издала фыркающий звук и ничего не ответила. Он побрел вдоль очереди, с любопытством рассматривая стоящих в ней людей, их разные лица и фигуры: высокие, широкие, узкие, старые, молодые — этих было не так много, одетые в поношенное платье, с причесанными и непричесанными волосами, некоторые со странными прическами, некоторые с помадой на губах — все непривлекательные, каждый по-своему.

Он увидел Галперта, спешащего к нему на механическом колесе. Галперт сбавил скорость и, зевнув, остановился. Хестлер заметил, что у его двоюродного брата тощие, костлявые лодыжки, обтянутые коричневыми носками, один из которых спустился, обнажая абсолютно белую кожу.

— Фарн, что?..

— Дело сделано. — Хестлер показал ему пустой сундучок.

— Дело сделано?.. — Галперт в замешательстве посмотрел на отдаленное окно.

— Все сделано. Оказалось не так уж сложно, поверь мне.

— Значит, я... значит, мне не придется больше... — Голос Галперта прервался.

— Нет, спасибо, Галперт, больше никогда.

— Да, но что же теперь?.. — Галперт посмотрел на Хестлера, потом на очередь, затем снова на Хестлера. — Ты идешь, Фарн?

— Я.. я думаю, что мне надо немного пройтись. Понимаешь, я должен посмаковать это.

— Хорошо, — сказал Галперт. Он завел колесо и медленно поехал по пандусу.

Внезапно Хестлер подумал о времени — обо всех годах, про-

стиравшихся впереди, словно бездна. Что он будет с ним делать? Он чуть было не позвал Галперта, но вместо этого повернулся и опять зашагал вдоль очереди. Лица смотрели мимо него, поверх него, через него.

Полдень казался нескончаемым. Хестлер купил сосиску в тесте, и бумажный стаканчик теплого молока у торговца с трехколесной повозкой, и жареного цыпленка, насаженного на палочку. Потом пошел дальше, вглядываясь в лица, казавшиеся ему безобразными. Он пожалел их: они были так далеко от окна. Он увидел Аргалла и махнул ему, но тот смотрел в сторону. Хестлер обернулся: окно было едва различимым — крошечная темная точка, по направлению к которой ползла очередь. О чем они думают, стоя в очереди? Как они должны были завидовать ему!

Но никто, казалось, не замечал его. К заходу солнца он начал чувствовать одиночество. Ему хотелось поговорить с кем-нибудь, но ни одно из лиц, мимо которых он проходил, не казалось ему симпатичным.

Было уже почти темно, когда он достиг конца очереди. За ней по направлению к темному горизонту расстилалась голая равнина. Она выглядела холодной и пустынной.

— Здесь так холодно, — услышал он собственный голос, обращавшийся к веснушчатому парню, который стоял последним, держа руки в карманах. — И одиноко.

— Вы будете становиться или как? — спросил парень.

Хестлер снова посмотрел на мрачный горизонт. Потом подошел и встал позади парня.

— Конечно, — сказал он.

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ДИКУСАР
ВИКТОР ГЛУЩЕНКО
АЛЕКСАНДР РУДНИЦКИЙ
ФРИДРИХ МИЛЛЕР

АЛЕКСАНДР ГОНЧАРЕНКО
ГАЛИНА АНДРЕЙЧЕНКО
ОЛЕГ ДЕМЧЕНКО
ГЕННАДИЙ КОРДАН

АЛЕКСАНДР ДИКУСАР,
33 года,
архитектор,
Владивосток

Умеет слушать тот, кто знает цену слова.
Монах был неуклюж и лопал все подряд.
Залог душевных бурь — их тонкая основа
и фатум наверху на шее у Пляяд.
Песочные часы — ни шороха, ни мысли,
один звенящий миг — и пропасть с двух сторон.
А каково ему с бездонным коромыслом
взбираться столько лет на свой небесный трон.
Я взгляд остановил и утопил вовнутрь.
Чем только не зовет окно сходить с ума.

Как в преисподней матовый фонарь,
Как знак судьбы картежный, приворотный.
Дурной приметой встречный человек
Скользнет мгновенно мутным взглядом,
И незначай разбудит шорох век,
И встревожит мир своим случайным ядом.
И разоидемся, незаметно изломав
И без того изломанные души,
Две тайны среди снежных глав,
На улицах шаги все глуше, глуше.
Заснеженный и молчаливый старый двор
Преподнесет покой потухших окон,
И одиночество я буду красть, как вор,
И буду сам с собой и с городом пред роком.

ФРИДРИХ МИЛЛЕР,

грузчик,
Москва

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Неоткрытая временем сила —
Как незримая глазом руда.
Захватила меня, полонила
Юных чувств Золотая Орда.

А с полей этой чувственной брани
Не уйдешь никуда и никак,
И придет ее грозный посланник,
И потребует кровный ясак.

И особый мандат он предъявит,
Головой и женою возьмет.
Странен мир этой сказки и яви,
Непосилен и мил его гнет.

Нет у сердца стратегий сражений,
Коль не властны ни ум, ни года,
Коль есть ты и Демон, и Гений,
Ты и есть — Золотая Орда.

Как хозяину преданный ленник,
На злаченом твоём поводе
Я иду, зачарованный пленник,
В Золотую твою Орду.

АЛЕКСАНДР ГОНЧАРЕНКО,

35 лет,
художник,
Кривой Рог

==
Я жгу мосты над высохшей рекой
и жмусь к холодному столбу щекого

горящей, одинокою щепой,
не возвращаюсь, не машу рукой.

Я жгу мосты. Никто мне не судья,
мое предназначенье изначально,
и в кодексе не вписана статья
за все, что сделал я, как ни печально.

Я жгу мосты меж всеми и собой,
сведя к нулю рассудка величины.
Мне нет причины уходить в запой,
но и не пить не нахожу причины.

Я жгу мосты, не уходя в пески
наедине с собой поставить точку.
Когда покрыты сединой виски,
уже не веришь чудесам в расщочку.

Я жгу мосты, уничтожая блох.
Пусть за спиной хохочут кредиторы,
почти ослеп я и почти оглох,
пройдя по ярким, гулким коридорам.

Я жгу мосты, и да поможет Бог
мне отогреться в пламени пожара.
Горят мосты — Пролог и Эпилог!
Горят мосты всего земного шара!

Я жгу мосты, и корчится металл,
и пламя подымается под крышу,
— Я не хочу! Уйдите! Я устал! —
кричу, кричу и сам себя не слышу.

ГАЛИНА АНДРЕЙЧЕНКО,

35 лет,
литератор,
Минск

—
О эта крошечная вера,
соломка ломкая надежды!..
А рядом камень вражьей воли,
не пересилившей тебя;
а вечер, тучный и угрюмый,
обоз событий вез неспешно,
крошили пальцы ломоть хлеба
осточертевшим голубям.
Устала буря вдохновенный,
венец восторженности пылакой.
Как долго тонкий лоскут неба
глядел на мир из-под ножа!..
Штормили радости по горло

и улеглись на дно бутылки,
а распростертая дорога
вела поэтов в сторожа.
Мигали сточные канавы,
шипела глоточная ересь,
обоз катил бульжной глыбой,
вбивая день в земную твердь.
Да будь хоть дьявольскою силой,
но веру ты не переедешь,
пока соломинке надежды
свечой спасительной гореть.

ОЛЕГ ДЕМЧЕНКО,

36 лет,
инженер,
Москва

ЖУРАВЛИ УЛЕТЕЛИ

Окончена в поле работа —
никто до весны не придет.
Лишь пугало —
среди огорода.
Кого оно,
глупое, ждет?
Зачем оно
осенью горькой
стоит на холме ветровом,
как сторож
в сырой гимнастерке,
и машет пустым рукавом...

ГЕННАДИЙ КОРДАН,

20 лет,
Днепропетровск

Зачем копить, что суждено растратить,
Искать весь век и черным днем сгубить,
Окошки потные метель законопатит;
Семь тихих лун — семью почками выть,
Семью хлебами раскрошить неделю,
Семью трудами всю семью вскормить,
Семь раз остынуть в собственной постели,
Семью свечами сердце истопить.
Прощаю все, мне так легко досталась
Семипудовая распутица земель,
И семь шагов — семь тысяч верст осталось,
А силы высквозило в узенькую щель.
Ну что еще, что пожелать, что нажить?
За семь небес уйти, где семь светил,
Где в радостях Господь мне не откажет,
Что на земле растратил, раздарил.

ТРИ Р

ВЛАДИМИР
ВЕЙДЛЕ

Случилось так, что имя Владимира Васильевича Вейдле, разделившего судьбу многих представителей «первой волны» русской эмиграции, впервые явилось в советской печати на страницах «Смены» (см. № 8, 1990 г.) — тогда в качестве автора блестящего эссе «Пикассиана». Вряд ли у кого-либо из читавших вызвало сомнение, что мы имеем дело с глубоким знатоком и тонким исследователем в области искусства. Но это лишь одна из многих ипостасей В. Вейдле — эрудиция и круг его интересов поистине неисчерпаемы: поэт, прозаик, филолог, художественный критик и философ искусства, религиозный мыслитель, культуролог, а ко всему этому и журналист, ярко и своеобразно откликавшийся на многие явления современной ему жизни. В этом смысле Владимиру Васильевичу Вейдле трудно подыскать аналогию, по крайней мере в нашем веке. Все это и побудило нас оставить в редакционных планах время и место для еще одной встречи читателей с творчеством В. Вейдле.

Статья-исследование, предлагаемая сегодня вашему вниманию, впервые напечатана в парижском журнале «Современные записки» в 1937 году.

Глубина знаний, широта охвата событий, тонкость и смелость исторических аналогий сочетаются здесь с интуицией, доходящей до степени прозрений поистине поразительных. Впрочем, в каких-либо комментариях статья В. Вейдле не нуждается — она перед вами.

ОСОБИ

Двух или трех десятилетий было достаточно современникам Петра, чтобы прошлое, еще непосредственно памятное им, обернулось в их же глазах чем-то от их настоящего невозвратно отделенным. Того же недолгого срока достаточно и нам, чтобы Россию, созданную Петром, ту, где мы родились и жили, увидеть такой же законченной, уходящей вдаль, навек минувшей, какой стала для современников Петра допетровская Русь. Разве возвращение столицы в Москву не есть символ начала и конца, совершенно подобный тому, каким было некогда основание Петербурга? Для нас существуют отныне две завершенных эпохи русской истории и третья, едва начавшаяся, о которой можно предсказать, что она будет во всяком случае не больше похожа на две другие, чем те были сходны между собой, и уж, конечно, меньше отвечать планам своих строителей, чем ответила замыслу Петра петербургская Россия. Было бы странно, если бы такое настоящее, как наше, не помогло нам видеть отчетливей наше прошлое. На реках вавилонских нет нужды учиться плачу, но можно учиться созерцанию.

I

Россия не удалась в том смысле, в каком удались, что бы ни случилось с ними дальше, Италия, Англия или Франция. Национальной

P.S. Материал был уже подготовлен к печати, когда вышел номер газеты «Русский рубеж» (специальный выпуск «Литературной России») со статьей «Три России». Учитывая ценность работы, мы все-таки публикуем ее в «Смене».

культуры, такой всесторонней, последовательной, цельной и единой, как эти страны, она не создала. Ее история прерывиста, и то лучшее, что она породила за девятьсот лет, хоть и не бессвязно, но связано лишь единством рождающей земли, а не преемственностью наследуемой культуры. Ее творческие силы скудными никогда не были, но их полное цветение стало возможно лишь за сто лет до такой катастрофы, какая еще никогда не постигала ни одну из европейских национальных культур. Ей самой к тому же прообраз этой катастрофы пришлось и в прошлом пережить не раз: в гибели киевской земли, в падении Новгорода и особенно в петровской реформе. Уже кочевание ее столицы не может не поразить, если смотреть на него из Рима, Лондона или Парижа, а отъединенность ее последних двух веков от семи предыдущих есть рана, которая накануне ее революционного разгрома еще только начинала заживать. Русская история не раз обрывалась и начиналась вновь, так что приходилось и русское государство заново строить, и русскую душу заново воспитывать, а делать это было тем труднее, что русский народ никогда целиком в этих усилиях не участвовал и нередко о них вообще ничего не знал. За итальянским Возрождением, за образованием английского государства и Британской империи, за Францией Шартрского собора, как и за Францией наполеоновских войн, стоит весь итальянский, английский, французский народ; но в русской истории весь народ проявлял себя до сих пор почти исключительно в явлениях стихийных: в крестьянской колонизации, казачьей вольнице, в восстаниях Разина и Пугачева, в возвращении с фронта в 1917 году. Основная трудность, с которой так и не справились ни киевская, ни московская, ни петербургская Россия, как раз и заключается в этой разобщенности народа и культуры, народа и государства, лишающей культурную традицию настоящей прочности и препятствующей лечить однажды происшедший в ней разрыв. Эта трудность уже налицо, когда начинается Россия. Она исконна потому, что ее породила сама русская земля.

Об этом говорили тысячу раз и, кажется, не все еще сказали: первый факт русской истории — это русская равнина и ее безудержный разлив. Широкими волнами растекающаяся вдаль безбрежная земля есть воплощение беспредельности гораздо более полное, чем море, потому что у моря есть берег и есть другие, дальние берега, к которым уже отплывает Синдбад или Колумб, тогда как земля, и земля, и еще земля без конца, ни к какой цели человека не влечет, только и говорит о собственной бескрайности. Русские просторы зовут странствовать, бродить, раствориться в них, а не искать новых стран и новых дел у неведомых народов; отсюда непереводаемость самого слова простор, окрашенного чувством, мало понятным иностранцу и объясняющим, почему русскому человеку может показаться тесным расчлененный и перегороженный западноевропейский мир; отсюда и русское, столь отличное от западного, понимание свободы, не как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя. По русской равнине разлился крестьянский народ, завоевал ее, особенно в лесной полосе, упорным, нескончаемым трудом, но трудом однообразным, размеренно-повторным, воспитывающим если не пассивность — в этом земледельца упрекнуть нельзя, — то привычку ко всегда одинаковому, уже не ощущаемому как волевой акт усилию. Этот разлитой в необозримом пространстве народ никаких масс до последнего

времени не образовывал нигде и потому культуру удушить не грозил, но, отказываясь и вообще сплачиваться в более тесные, изнутри расчлененные группы, он ее вечно расплывал, рассасывал, растворял, не давая ей отстояться в твердой и выношенной форме, а то, что не поддавалось растворению, нес неохотно и при первом случае готов был сбросить с плеч.

Конечно, народная жизнь и сама не бескультурна, а потому конфликт, о котором идет речь, следует формулировать точнее. Русский фольклор, как известно, весьма богат и притом, если принять во внимание огромность его площади распространения, очень однороден. Эта, как я предлагаю ее назвать, горизонтальная культура не только несравненно лучше сохранилась еще и в послепетровской России, чем в большинстве других европейских стран, она, по-видимому, уже и в древней Руси была более разработана, шла глубже, захватывала жизнь полней, чем в этих странах. Такой была она, однако, именно потому, что оставалась горизонтальной, что другая, вертикальная культура из нее не выросла, а если и воздвигалась, то несколько поодаль, впитывая из нее лишь немного и обогащая ее лишь ценою собственного упадка. Всякий фольклор с течением времени беднеет и состав его меняется. При нормальном историческом развитии лучшее, что в нем есть, уходит в высокую культуру и заменяется постепенно ее отработанными ценностями, «опускающимися», то есть уходящими в народ. Древнее народное искусство Запада дало ростки, из которых, после их скрещивания с позднеантичной художественной традицией, выросло великое средневековое искусство; зато в настоящее время народная одежда французских провинций хранит всего лишь память о старых городских модах, а песни, что поют в немецких деревнях, происходят по большей части из альманахов XVIII века. Напротив, русский мужик так и не нарядился в барские обноски, и городской романс до самой революции не вытеснил из деревни старую народную песнь. Правда, из допетровской культуры народ многое взял и сохранил в себе, но в результате этого усвоения как раз и рассыпалась сама эта культура, не сумевшая, в отличие от культуры западного средневековья, вобрать в себя все народное творчество; и народ остался со своей народной, предоставив строить другую господам, по чужеземному образцу.

Богатством русского фольклора нельзя не восхищаться, но горизонтальная культура вертикальной ни при каких условиях не может заменить. Самый лучший лубок несравним с рублевской иконой, «Царь Максимиан» — не «Макбет» и былина об Илье Муромце — не «Божественная Комедия» и даже не «Песнь о Роланде». Для литературы и искусства допетровской Руси характерно обилие произведений, приближающихся к фольклорным и достигающих, с точки зрения народного искусства, весьма высокого художественного уровня, но так же характерны редкость и отъединенность таких созданий высокого вкуса или бурного творческого огня, как «Слово о полку Игореве», проповеди Кирилла Туровского, «Троица» Рублева, Покровская церковь на реке Нерли или храм в Коломенском под Москвой. Сложившиеся за эти долгие века церковный быт и религиозно-нравственное сознание русского народа составляют едва ли не самое глубокое и прекрасное проявление народного христианства, какое вообще явила нам история; это, однако, не должно заставить нас закрыть глаза на чрезвычайную скудость древнерусской религиозной мысли сравнительно с западной

или византийской, на полное отсутствие у нас чего-либо подобного возникновению великих монашеских орденов, подъему философского и мистического созерцания, всему тому расцвету высокой религиозной культуры, каким отмечена вершина западного средневековья. И точно так же разнообразным, развитым, утонченным формам народного общественного быта противостоит в древней Руси слабость, расплывчатость или первобытная грубость государственного устройства и вообще высоких общественных форм. Повсюду возвращаешься к той же картине: русский народ растекается по бескрайним своим степям и лесам, он живет совсем не дикарской, но осмысленно-трудо­вой, благообразной и не лишенной творчества жизнью, однако *этой* жизнью, *этой* степенью творчества он как будто и готов удовлетвориться, отказавшись от тех его степеней, что требуют совсем другого дерзания, напряжения, риска, а в социальной своей основе прежде всего неравенства.

Если культура остается горизонтальной, вместо того чтобы тянуться ввысь, то это всегда и повсюду означает невыделенность творящего высокую культуру слоя, недостаточную иерархичность в строении общества. Слабость иерархического принципа, инстинктивное отталкивание от него были всегда характерной чертой России. Великим воспитателем западного мира — идеи службы, идеи чести, идеи *оправданного* неравенства — был феодализм, которого Россия не знала, ибо отдельные учреждения, родственные феодальным и существовавшие у нас, целостным его смыслом не обладали, а главное — были всего лишь утилитарными приемами государственной власти, тогда как феодализм на Западе был всеми разделявшимся образом мысли, способом представлять себе общественные отношения, из которого выросли конкретные формы государственного устройства. В том-то и заключалось особое положение уже и древней Руси, что в ней государство и осуществлявший государственную власть правящий слой оставались чем-то внеположным по отношению к народу, не соединенному с ними теми многочисленными связями, какие рождает иерархически построенное общество. Самые выражения «*правлящий слой*», «*культурный слой*» подходят более к России, нежели к другим странам, где правящую или творчески наиболее активную часть народа не снимешь с его толщи, как «*слой*», как сливки с молока, потому что при большом количестве промежуточных ступеней нельзя и разобрать, где начинаются сливки и где кончается молоко; одна Россия всегда была похожа на огромную ватрушку из отличного теста, которую скаредная хозяйка едва прикрыла тонким слоем творога. Иностранцам народ и культурный слой всегда казались у нас чуть ли не двумя разными народами. Дело тут не в этнической чуждости, хоть и она сыграла роль, особенно в киевской и петербургской России (но не решающую, как видно по сравнению с совсем иной судьбой завоеванной норманнами Англии); дело в том безучастии, с каким смотрел на свою историю и на культурное творчество верхов народ, тяготевший не к исторической, а скорей к фольклорной жизни.

Рассказ летописи о призвании варягов, как бы ни толковали историки его прямой смысл, имеет еще и смысл символический. Варягами, хоть и самого русского корня, были московские бояре, варягов призывал из-за границы или воспитывал у себя дома Петр, варяжским делом были и Российская империя, и русская революция, да и нас самих, эмиграцию, можно возвести к некоему изгнанию варягов. Варяги правили Россией, как умели, встречая иногда активное сопротивление Разиных и Пугаче-

вых, а гораздо чаще пассивное — всего русского населения. Руководились они обыкновенно правилами хищнического хозяйства, то есть стремились добиться немедленных результатов, не слишком думая о будущем. Государству нужны были служилые люди, и оно их добыло самым простым способом: раздачей крестьянских земель, а затем и прикреплением крестьян к этим землям; служилый человек получил кров и стол, а государство, передав ему заботу о крестьянах, само от этой заботы избавилось. Организовать население более совершенным образом оно не умело, да население и довольствовалось теми старыми, горизонтальными формами организации, которыми издревле обладало, стремясь в остальном не столько государство освоить, сколько от государства убежать. Городская и корпоративная жизнь у нас не расцвела, кроме Новгорода и Пскова, которых на всю Россию было мало и которые погибли от неумения государственной власти понять свою задачу иначе, как уравнительно. Равнина располагает к равенству — в свободе или рабстве. Допетровское государство равенства не уничтожило, но сверху всех равно подавило своим аппаратом — потому что правящий класс только этим аппаратом и был, не больше, — придавило, но не пронизало, ни к государственной, ни к культурно-творческой работе по-настоящему не привлекло: «все» остались народом, но не стали нацией.

Национальное бытие, которое важнее, чем национальное сознание, и нормально должно предшествовать ему, предполагает совместное, хоть и иерархически расчлененное, участие всего народа в создании высших духовных ценностей. Конкретный создатель этих ценностей — личность, но личность, не оторванная от совокупности культурного слоя, в свою очередь укорененного в народе. В допетровской Руси культурный слой был тонок и расщеплен, едва выплыв из народной гущи, он снова в ней тонул, и с ним вместе тонули и растворялись в ней созданные им ценности. Характерно, что русская письменность за семь веков не выработала общего литературного языка, а русское искусство — целостного и последовательно развивающегося художественного стиля. Стилистическое единство всегда начинается с архитектуры, но в древнерусской архитектуре оно образовывалось четыре раза — в новгородских, владимирских, шатровых и так называемых нарышкинских церквях, — каждый раз обрываясь после двух-трех выдающихся творений и не доведя развития до конца. Русская икона — несмотря на отличие новгородско-псковской школы от владимирско-московской — обладает гораздо большим стилистическим единством, но этим она обязана Византии, ибо она скорее продолжает византийский стиль, привнося в него некоторые национальные черты, чем создает свой собственный (как это сделала, исходя из той же византийской живописи, Италия). Последний век допетровской Руси являет поразительную картину возвращения культуры на уровень фольклора, всеобщего распыления и рассасывания в народе высоких культурных форм. В области религиозной жизни показатель тому раскол — восстание народной религиозности против более ученого, дисциплинированного и сознательного православия; в области литературы — торжество народной повести и усилившаяся анархия языка; в области искусства — путь от мастера Дионисия к ярославским росписям, от строгого иконного письма к иллюстрации и лубку, от сосредоточенной и выразительной архитектуры шатровых храмов к декоративному растворению любого строительного замыс-

ла. Все отчетливо оформленное, носящее печать личности, все, сотворенное до конца, неудержимо растекается в завитках, переливах, узорах. Вместо форм — узорочье, меткое слово тех лет, лучше которого не найдешь для определения того, чем кончилась, куда излилась душа старой России накануне цирюльников, казарм и всепьянейшего надругательства над церковью.

После того как все расшаталось, осело, размякло, не так уж много осталось и разрушать.

II

Петровская реформа неверно оценивается славянофильской традицией как беспримерный в истории, извне навязанный народу культурный перелом, но и западническая традиция тоже не права, когда видит в ней всего лишь осуществление чего-то давно подготовлявшегося и вполне необходимого. Ее можно сравнить с тем, тоже очень болезненным переломом, какой пережила Германия за два века перед тем, когда ее старая, укорененная в душах средневековая культура столкнулась с неудержимой волной Возрождения, шедшего из Италии. Пропась, разделявшая эти два мира, была ничуть не меньше той, что отделяла Россию царя Алексея от современного ей Запада, процесс сращения их был столь же длителен и труден, и к тому же ничто в самой Германии не подготовляло ее к восприятию чуждых ей культурных форм, в то время как древняя Русь обладала чертами, уводившими ее от Византии и приближавшими к Западу. Две особенности, однако, отличают реформу Петра от переворота, пережитого Германией: низкое качество того, что она хотела России навязать, и само это навязывание, то есть революционный ее характер. Германия столкнулась лицом к лицу с Флоренцией и Римом, с Леонардо и Макиавелли, а России приказано было заменить Царьград Саардамом, икону «парсуной», а веру и церковный быт шестипалым младенцем из царской кунсткамеры. В Германии никто не заставлял Дюрера подражать итальянцам или позже Опитца писать стихи на французский лад, а в России Петр резал бороды и рукава и перекраивал мозги, в меру своего знания о том, как это делать. То, что он совершил, было первой революцией, какая вообще произошла в Европе, ибо английская революцией в собственном смысле не была, а до французской никто и не думал, что можно в несколько лет создать нечто дотоле неизвестное: канувший в прошлое мир, старый режим. Если бы дело сводилось к изменению русской жизни путем прививки ей западных культурных форм, можно было бы говорить о реформе и притом о реформе вполне назревшей и своевременной, но путь шел к снесению старого и к постройке на образовавшемся пустыре чего-то разумного, полезного и вытянутого по линейке, а такой замысел иначе как революционным назвать нельзя.

Петр был первым технократом новых времен, первообразом того, что один историк (Тойнби) предложил назвать *Homo Occidentalis Mechanicus Neobarbarus*. Вольтер ценил в нем революционера, Дефо — державного Робинзона, плотничающего посреди русской пустыни, современный «прогрессист» мог бы ценить в нем своего предшественника, для которого культура уже сводилась целиком к технической цивилизации. Россию он переделывал во имя здравого смысла и очередных практических нужд, не спрашивая ее мнения, не считаясь с ее чувствами,

разрушая в ее укладе не только то, что казалось вредным, но и то, что казалось недостаточно полезным. Ограниченность его была велика, но все же не превышала его гения. На Западе он не видел ничего, кроме еще неясных очертаний будущей Америки, но, толкнув Россию к Западу, он все же исполнил ее судьбу и сделал то, что как раз и требовалось сделать. Он воспитывал мастеровых, а воспитал Державина и Пушкина; он думал о верфях и арсеналах, но вернул Европе Россию, а за ней весь православный мир, поворотом с востока на запад восстановил единство христианского мира, нарушенное разделением Римской империи. Он парализовал на два века деятельность русской церкви, он окончательно отрезал от народного быта культурный быт, он многое в России покалечил и многое окостенил, но в самом главном он успел — как не слишком заботливый хирург, ничего не спасший больному, кроме жизни. Дело Петра переросло его замыслы, и переделанная им Россия зажила жизнью гораздо более сложной и богатой, чем та, которую он так свирепо ей навязывал. Двоющим образом, однако, вся ее дальнейшая судьба была отмечена печатью его гения: он хотел от нее творчества, хотя бы и только технического и материального, и она ответила ему творчеством в самом широком смысле слова; он представлял себе государство по старой русской привычке, получившей поддержку в рационалистическом абсолютизме современного ему Запада, как нечто внеположное стране, почти как смирительную рубашку на сумасшедшем, который иначе стал бы буйствовать, и страна ответила ему еще обострившимся против прежнего взаимным отчуждением государства и народа. В конечном счете мы обязаны Петру и всем тем великим, что было создано петербургскою Россией, и той катастрофой, что положила ей конец.

Царь-плотник, к несчастью для нас, был в очень малой мере царем-садовником. Рожи лиственниц он любил сажать, но Петербург на сваях вбил в болото, и все же одно насаждение его — русское дворянство — удалось ему едва ли не лучше, чем все то, что он для России смастерил. Новый правящий слой отличался от старого своей многочисленностью и открытостью, полным отсутствием кастовой замкнутости (по крайней мере в эпоху своего расцвета), а главное — тем, что он был одновременно и культурным слоем, чего нельзя сказать ни о служилом сословии времен царя Алексея, ни о чиновничестве и знати времен Александра III и Николая II, ни, еще того менее, о полуграмотных партийцах, ныне управляющих Российской империей. Дворянство и создало культуру петербургской России, причем важно не то, что Ломоносов не был дворянином, а то, что в дворянской культуре нашлось место и для Ломоносова. Помещик, к тому же, был естественно ближе к крестьянину, чем позднейший городской интеллигент: в знании народа еще никакой разночинец не превзошел Пушкина, Толстого или Бунина; трагедия тут заключалась не в кровной и стихийной розни — в этой области как раз была общность, а не рознь; она заключалась в непримиримости культурных традиций, во все той же несогласованности культуры горизонтальной с вертикальной, несогласованности, которую Петр не исправил, а только углубил, в неизменной безучастности народа и к тому, как живут верхи, и, что куда важней, к тому, что они творят. До тех пор, однако, пока все это так грозно не обернулось тем безмолвием народа в день четырнадцатого декабря, что было страшней всех выстрелов на Сенатской площади, до тех пор, да еще и много лет спустя,

русская культура, созданная дворянством, жила такой полной и счастливой жизнью, какой больше никогда, ни позже, ни раньше, никакая культура в России не жила. Культура эта была национальной, хотя русский народ в целом еще не превратился в нацию. Ее величайшим созданием был литературный язык, благодаря образованию которого новая русская литература попала сразу в совсем иное положение по сравнению с литературой древней Руси. Другие искусства, напротив, не достигли той степени стилистической цельности, которой они достигали по временам в России допетровской, что объясняется отчасти общими изменениями, постигшими все европейское художественное творчество, а отчасти особыми свойствами дворянской культуры, тяготевшей в области пластических искусств скорей к широкой декоративной прелести, чем к насыщенности их индивидуальной формы. Однако и тут были у нас обрусевшие или русские строители Петербурга, были Шубин и Козловский, Левицкий и Сильвестр Щедрин, был гениальный живописец — Александр Иванов. От восемнадцатого к девятнадцатому веку все углублялась и росла вся наша духовная жизнь: современниками Пушкина были Серафим Саровский и Сперанский; все углублялась и росла — пока не случилась трещинка.

К середине тридцатых годов трещина обнаружилась вполне. Она сказалась в чаадаевских сомнениях о смысле русской истории, в славянофильском восстании Москвы против Петербурга, в пониженной оценке Пушкина, а значит, и того, на чем был построен пушкинский мир, во всеобщем потускнении символов императорской России. Как передает Сергей Соловьев¹, Блок в 1915 году «развивал мысль о пушкинско-грибоедовской культуре, которая, по его мнению, была уничтожена Белинским, отцом современной интеллигенции». До него Розанов писал о приходе разночинца, разрушившего «дворянскую культуру от Державина до Пушкина». Конечно, суждения эти упрощают дело, однако они верны в том смысле, что кризис тридцатых годов совпал с рождением интеллигенции, и не только совпал, но был с ним глубоко связан, интеллигенции же предстояло в себя включить значительное число «разночинцев», которые через двадцать или тридцать лет уже стали вытеснять из нее дворян. Перемена, происшедшая таким образом в составе русского культурного слоя, имела огромное общегосударственное значение не потому, конечно, что дворяне были хороши, а интеллигентны плохи, но потому, что дворяне были одновременно и культурным и правящим слоем, а интеллигенция стала лишь частью культурного слоя и с самого начала противопоставила себя слою правящему. Отсюда и получилось то губительное для России расщепление культурных сил, с точки зрения которого прав оказывается умный, хоть и давно забытый наблюдатель русской жизни, Р. А. Фадеев², писавший в семидесятых годах: «Вопреки примерам, стоявшим перед нашими глазами, мы сделали опыт, никому еще не удавшийся в Европе и шедший вразрез всему содержанию нашей послепетровской истории: окунулись в полную бессословность, растворили в массе свое, еще недостаточно связанное, еще не созревшее культурное сословие, требовавшее времени и самостоятельности для того, чтобы стать на ноги, — и теперь вкушаем уже первые плоды начавшегося всеобщего нравственного разброда, но только первые — далеко еще не последние плоды». Ошибка Фадеева только в том, что он пользуется юридическим понятием сословия, а не социологическим — слоя или класса. С середины века единого культур-

ного слоя в России действительно больше не было, а была бюрократия, была интеллигенция, и были не примыкавшие ни к той, ни к другой образованные и творчески одаренные люди. Эти последние, чем дальше, тем больше, становились подлинными носителями русской культуры, но к русскому государству не имели никакого отношения, ни правительственного, как бюрократия, ни оппозиционного, как интеллигенция. Бюрократия и интеллигенция жили исключительно политическими интересами (хотя «политика» значила для них не то же самое) и потому хирели культурно; относительно аристократического и чиновничьего мира это, кажется, ясно всем, но это столь же ясно и относительно враждебного ему лагеря: Герцен и Бакунин были высококультурными людьми, Чернышевский и Добролюбов стояли уже на более низком уровне, Михайловский³ и Лавров⁴ были людьми еще более ограниченной культуры, а после них классический интеллигент начинает вымирать, уступая место либо интеллигенту, кое-чему научившемуся от не причислявшихся к интеллигенции образованных людей, либо прямо своему наследнику, полуинтеллигенту, о культурном уровне которого свидетельствует сама полученная им кличка. То, что именно полуинтеллигент был единственным прямым наследником интеллигента, явствует из унаследования им одним основной интеллигентской черты: исключительной одержимости политикой, убеждения, что горсть политических идей важнее религии, важнее культуры, важнее всего прочего содержания жизни и истории. Интеллигент одинаково не признавал своим человека, не разделявшего его политических идей, и человека, безразличного к его идеям. У Врубеля, Анненского или Скрябина могли быть (как, впрочем, и у любого бюрократа) интеллигентские черты, но классический интеллигент не считал бы этих людей своими и окончательно отшатнулся бы от них, если бы мог им поставить на вид малейшую политическую ересь, — подобно тому, как достаточно было профессору не высказать одобрения студенческой забастовке, чтобы его отчислили от интеллигенции. Недаром существовали у нас две цензуры, действовавшие с одинаковым усердием и успехом, хотя одна имела в своем распоряжении государственный, а другая лишь общественный аппарат, одна — запрет, другая — организованную травлю. Травили у нас Леонтьева⁵, Писемского, Лескова. К духовной свободе относилась враждебно как большая часть бюрократии, так и большая часть интеллигенции. Оттого-то подонки интеллигенции в союзе с подонками бюрократии и могли образовать послереволюционную правящую верхушку.

Было, впрочем, время, то, что зовут «эпохой великих реформ» — едва ли не самое трагическое в русской истории, — когда весь еще не распавшийся культурный слой, включавший и подраставшую интеллигенцию, и правившее еще дворянство, и государство, и общество, и всю ту Россию, что была нацией, но не народом, обратился к этому народу, чтобы дать ему то, в чем, казалось, он нуждался, чтобы с ним соединиться, чтобы сделать нацией и его. Но время потому и было трагическим, что попытка не удалась, и все реформы, включая и освобождение крестьян, были приняты народом как барские затеи, которые могут быть выгодны ему или нет, но всегда остаются ему чужды. Крестьяне хотели не столько избавления от крепостного права, сколько избавления от государства, будь оно представлено помещиком, исправником или воинским начальником; если бы они могли найти подходящие слова, они сказали бы, что им не нужна история, а довольно

и своего крестьянского быта, и что они просят сохранить за ними быт на вечные времена. 22 апреля 1861 г. Юрий Самарин написал письмо (позже опубликованное в «Красном Архиве»), которое принадлежит к самым замечательным документам русской истории. Он говорит там о явлении, «которое теперь обнаружилось перед всеми с сокрушительной ясностью. Это — полное, безусловное недоверие народа ко всему официальному, законному, т. е. ко всей той половине русской земли, которая не народ. Обыкновенно официальность и образованность относятся к народу как власть, т. е. передают приказание и требуют послушания. В настоящем случае пришлось толковать, объяснять, убеждать, разуверять. Мы встретились с народным убеждением и сами убедились, что оно не только не подвластно нам, но что вообще слово не берет его, не действует на него нисколько. Спор возможен только при одном условии, когда у спорящих есть хоть одна общая исходная точка, один факт, в котором они не сомневаются. Этого-то и не оказалось на сей раз. Манифест, мундир, чиновник, указ, губернатор, священники с крестом, высочайшее повеление — все это ложь, обман, подлог. Всему этому народ покоряется, подобно тому, как он выносит стужу, метели и засуху, но ничему не верит, ничего не признает, ничему не уступает своего убеждения. Правда, носится перед ним образ разлученного с ним царя, но не того, который живет в Петербурге, назначает губернаторов, издает высочайшие повеления и передвигает войска, а какого-то другого, самозданного, полумифического, который завтра же может вырасти из земли в образе пьяного дьячка или бессрочно отпущенного».

40 При встрече с народом новая Россия разбилась о наследие древней Руси, не преобразованное Петром и его преемниками на троне или у трона; она разбилась о географию, о неизменность народной жизни, ее победил все тот же стихийный разлив русской земли. Будучи побежденной, она пошла навстречу своему распаду: с шестидесятих годов начинается история русской революции. Быстро стали образовываться два враждебных механизма, бюрократический и интеллигентский, правительственный и революционный, два механизма, мешавшие видеть, мешавшие отличать реальные нужды страны от теоретических постулатов революции или контрреволюции, постоянно нарушавшие естественное развитие культурной жизни. Чеховский разбитый параличом мир обязан своим происхождением действию обоих механизмов, а не одного только, как обычно думают. И точно так же в обоих лагерях, а не только в одном, крушение реформ, не достучавшихся до народного ума, вызвало особое тяготение к народу. Интеллигенты «ходили в народ», что бывало подвигом истинной любви, но с народом пытались сблизиться и официальные верхи русского общества, в чем подвига (благодаря методам сближения) было меньше, но толку точно так же не было совсем. Опрощался барин Толстой, и в этом было по крайней мере столько же от барства, сколько от мотивов, прозрачных для интеллигенции; опрощались такие толстовцы, в которых простоты было от природы более чем достаточно; но опрощались и русские цари, и в каком-нибудь будущем историческом музее косоворотка и сапоги Толстого будут висеть недалеко от косоворотки и сапог Распутина. Россия, созданная Петром, кончилась покаянием, но не только за царевича Алексея и казненных стрельцов, а за Грозного, за Калиту, за призвание варягов. Сами варяги и каялись — за то, что Россия стала нацией, но не включила в нацию народа.

Самое поразительное в новейшей истории России — это, что оказался возможен тот серебряный век русской культуры, который предшествовал ее революционному крушению. Правда, длился этот век недолго, всего лет двадцать, и был исключительно и всецело создан теми образованными и творческими русскими людьми, которые не принадлежали ни к интеллигенции, в точном смысле слова, ни к бюрократии, так что не только народ о нем ничего не знал, но и бюрократия с интеллигенцией частью его не замечали, частью же относились к нему с нескрываеваемой враждой. Правда и то, что сияние его — как и подобает серебряным векам — было в известной мере отраженным: его мысль и его вкус обращались к прошлому и дальнему; его архитектура была ретроспективной, и на всем его искусстве лежал налет стилизации, любования чужим; его поэзия (и вообще литература), несмотря на внешнюю новизну, жила наследием предыдущего столетия; он не столько творил, сколько воскрешал и открывал. Но он воскресил Петербург, воскресил древнерусскую икону, вернул чувственность слову и мелодию стиху, вновь пережил все, чем некогда жила Россия, и заново для нее открыл всю духовную и художественную жизнь Запада. Конечно, без собственного творчества все это обойтись не могло, и как бы мы строго ни судили то, что было создано за эти двадцать лет, нам придется их признать одной из вершин русской культуры. Эти годы видели долгожданное пробуждение творческих сил православной церкви, небывалый расцвет русского исторического сознания, дотоле неизвестное общее, почти лихорадочное оживление в области философии, науки, литературы, музыки, живописи, театра. То, чем эти годы жили, что они дали, в духовном мире не умрет; только для России, теперь всего этого как будто и не бывало. Это могло быть преддверием расцвета и стало предвестием конца.

Те, чьим делом были эти двадцать лет, прожили их в колебавшейся не раз и все же до конца протянувшейся иллюзии, что писаревщина кончилась, что шестидесятые годы на полвека отошли назад, что одна цензура всеми признана столь же нелепой, как и другая, что Горький балагурит, когда пытается запретить постановку Достоевского в Художественном театре, и даже, пожалуй, что Нечаев и Ткачев были всего лишь героями романа и что это в «Бесах» кто-то предложил, ради торжества революции, уничтожить все население России возрастом свыше двадцати пяти лет. На самом же деле оказалось, что с шестидесятыми годами еще не покончено и Бюхнер⁶ с Молешотом⁷ еще не сданы в архив: оказалось, что знаменательный перелом, происшедший на пороге нового столетия в мировоззрении Булгакова, Бердяева, Струве и стольких других бывших марксистов, бывших нигилистов, бывших интеллигентов, сыграл роль лишь в предреволюционном цветении России, а в дальнейшей ее судьбе роли не сыграл. С каким презрением относились люди серебряного века к передвижникам и знаньевцам, к горьковским буреви́стникам, репинским бурлакам и гражданской скорби из «Чтеца-декламатора», а ведь именно передвижники и знаньевцы вместе с «Чтецом-декламатором» в конце концов и победили, и мы узнаем если не их скорбь, то их стиль в планетарном провинциализме нынешней России.

Победили же они потому, что духовный багаж классического интелли-

гента в свое время не просто развеялся по ветру, а стал, сильно отошав, достоянием полуинтеллигента и от него, еще до революции, просочился кое-где в народ. Начетчики из полуинтеллигентов стали идеологами революции — той революции, которая удалась, потому что готовилось много революций, но удалась только одна: та, что хотела прежде всего до последнего камня все разрушить, а не одновременно строить и разрушать, и не о России думала, а только о себе и об условиях своей удачи. Откуда этот пафос разрушения? Только в очень малой доле от марксизма, и ту революцию, что в России удалась, сделал не Маркс и не Плеханов: она идет от нигилистов шестидесятых годов, пафос разрушения — от пафоса отрицания. Недаром изъятие Бога и отметание всех духовных ценностей (то есть таких, которые не сводятся к практической выгоде для особи или общества) есть основной догмат русского коммунизма, в гораздо большей мере, чем все специфически марксистские догматы: этим он изменял не раз, тому всегда оставался верен. Для Ленина марксизм был только орудием, которым он пользовался с большим искусством для своей настоящей цели — разрушения. Ленин хотел революции не ради каких-нибудь ее целей, а прежде всего ради нее самой, и сделал ее он, а не другие, именно потому, что другие хотели ее и еще чего-нибудь в придачу, а он ее и ее одну. Конечно, он бы этого не признал, а может быть, и не сознавал, но его образ действий и его успех объяснимы только этим. Пока революция делалась, марксистские лозунги были выгоднее всех других, кроме вытекающих из состояния войны, вроде лозунга бросать фронт и уходить домой, лучшего ленинского козыря, когда же революция была сделана, пришлось волею-неволею проводить их в жизнь, потому что ничего другого в запасе у победителей не оказалось. Ленин был едва ли не одареннейшим из всех революционеров, когда-либо делавших революцию, но одарен он был именно для этого дела, а не для какого-нибудь другого (ведь не требуем же мы от виртуоза на балалайке еще и умения играть в крокет). Свой изумительный талант он показал в эпоху Брестского мира, когда Троцкий сумел лишь пролететь о чем-то несурзном, что одновременно не мир и не война, а главное — всем своим руководством революцией, лишь по видимости основанным на учении о классовой борьбе, на самом же деле проистекавшим из понимания исконной, хоть и дремотной вражды русского народа не столько к кулаку и толстосуму, сколько к барину, то есть человеку, быть может, и не богатому, но носящему пиджак и воротничок, читающему книжки, живущему непонятной и ненужной народу жизнью. Лучшей гарантией успеха было для революции истребление правящего и культурного слоя, и эту гарантию Ленин от народа получил.

В каждой революции есть три момента: восстание, регламентация, компромисс. Восстание народа против мундира, чиновника, указа и всего того, что перечисляет Самарин в своем письме, было явлением стихийным и потому не лишенным трагического величия. Ленин на нем сыграл, но Ленин его не выдумал; это оно победило в гражданской войне и оно же вызвало тот глубокий переворот в судьбе России, которого не отменяют никакие дальнейшие события; поэта и художника только оно и способно было вдохновить; памятником ему останутся «Двенадцать» Блока, да, быть может, еще «Расея» Бориса Григорьева⁸. Сущность революции, однако, сказывается не в восстании, а в регламентации (которой Блок не вынес), ибо она исходит из принципов и схем,

желающих стать реальностью. Убийство Кокوشкина⁹ и Шингарева¹⁰ относится к восстанию, деятельность Дзержинского и постройка Беломорского канала — к регламентации. Аппарат слежки и расстрела был первым успешно действующим аппаратом русской революции, как гильотина — революции французской; в остальном царило долгое время хаотическое бумагопроизводство и сплошная «комиссия наблюдения за комиссией построения» — пока не пришлось считаться с реальностью, хотя бы для того, чтобы не умереть голодной смертью. Отсюда начинается эра компромиссов, продолжающаяся и теперь, когда восстание давно кончилось (в 1921—1922 годах), а регламентация в смысле оседлания действительности революционными схемами заменяется регламентацией в смысле оседлания народа государственной властью. От условий, на которых заключен, от линии, по которой движется компромисс, зависит будущее.

Кнута-советская империя утверждает, что она строит бесклассовое общество и что эксплуатация трудящегося в ее пределах отменена, тогда как всем давно известно, что там образуется новый правящий класс, а трудящиеся эксплуатируются государством в интересах этого класса и его правящей верхушки. Тем не менее пропаганда лжет умней, чем кажется, потому что трудящийся, эксплуатируемый государством, если он верит, что это государство действительно принадлежит ему, так же, как и всякому другому, легче мирится со своей судьбой, а верить он этому готов, если правящий класс мало чем отличается от остального народа в бытовом, и особенно в культурном отношении. Вопреки мнению экономистов культурные различия переживаются болезненней имущественных; отсюда относительная слабость классовой борьбы в Америке, отсюда преимущество иметь правящий слой, который не являлся бы культурным слоем. По этой линии и двигался компромисс. Испугавшись неурожая, Ленин разрешил торговлю, но запретил культуру. Сталин, торговлю отменивший, ничего не имел против накопления материальных ценностей, но не допустил проявления ценностей духовных. Пока не будет свободы верить, мыслить и творить, не будет культуры (кроме материальной) и, следовательно, может процветать мнимо-бесклассовое, но подлинно бесцветное и бесплодное с точки зрения духовной общество. Такова основа советского строя, остальное — техника, и техника нередко совершенно такая же, какую применяли прежде, в досоветском государстве. Подобие внешторга существовало при Петре; особые войска, применяемые для охраны порядка, напоминают потешных или опричнину; аракчеевские военные поселения — образец колхозов; комсомольцы, стахановцы, выдвиненцы — будущее служивое сословие; боязнь выпускать подданных за границу была известна московской Руси и России Николая I. Россией всегда было трудно управлять, и управляли ею всегда механически и жестоко; теперь ею управляют жестче и механичнее, чем когда-либо, но укорять в этом некого, угнетателей не видно, все кругом по-домашнему уютно и серо, и сам отец народов, пока не напялил на себя военный мундир, снимался в тужурке и русских сапогах.

Основное различие между западной историей и нашей в том, что у них народ хотел овладеть властью, а у нас уйти от власти. Чем меньше он ее чувствовал, тем больше она ему была по душе. Однако при неизменности такого положения вещей тяжба неразрешима. Власть тем круче, тем свирепо-прямолинейней, чем больше растекается под ней и ускользает

от нее народ; и чем больше склонны от нее бежать и все, что к ней относится, называть казенным, тем казенней она становится. Анархическому инстинкту русского человека противостоят исключительно жесткие, железные, негнувшиеся (а потому в конечном счете и непрочные) формы государственного управления. Покончить навсегда с этим противоречием или хотя бы в достаточной мере и надолго его сгладить не удавалось до сих пор ни одному из существовавших в России государственных устройств. Очень возможно, что для русского будущего революционным десятилетиям суждено сыграть в этом отношении решающую роль. Не то чтобы нынешняя власть сумела положительным образом разрешить вытекающую из сказанного труднейшую задачу. Напротив, она опозорила себя навек таким насилием, таким произволом, каких Россия никогда не знала и каких еще на свете не было. Однако тем самым — можно надеяться — она привела к абсурду не только всякий механический и навязанный сверху способ управления, но и то, что ему противостояло: формобязнь, недоверие к любому праву и к любой власти, политическую уклончивость и немоту русского народного сознания. Есть основания думать, что после падения свирепой, как никогда, но и зато добравшейся не до шкуры его только, а до самого его костяка власти русский народ поймет необходимость уже не бежать от государства, а организовать его изнутри, из себя, именно организовать, а не только построить, то есть сделать его не железным, а живым.

Третья Россия будет сильней и первой, и второй. Революция принесла ей три дара: сознание единства всей огромной страны, участие всего населения в ее исторической жизни, правящий слой, близкий к народу, внутренне не отделенный от него: ни одним из этих даров Россия еще никогда не обладала. Нет сомнения, что именно теперь она на пути к тому, чтобы впервые за почти тысячелетнюю свою историю стать нацией, включающей в себя весь народ. Те, кому этого довольно, те, кого удовлетворяют внешняя сила и материальное преуспевание, должны эту третью Россию счесть своей; так они, конечно, и сделают, это вопрос времени и устранения внешних препятствий. Что же касается других, то им следует знать, что, хотя революция и принесла России эти неоценимые дары, она кое-что у нее и отняла. Искоренение творческой свободы даром пройти не могло и не прошло. Философия, свободное знание (кроме наук известного направления или в которых не может быть никакого направления) запрещены. В литературе жалкие перелевы «гуманных» мотивов девятнадцатого века и отдельные проблески живого дара или живой мысли тонут в стандартном хламе, вываренном по казенному образцу. Живопись вернулась к Верещагину, скульптура — к Антокольскому; музыка и архитектура подвергаются окрикам людей, ничего не смыслящих ни в той, ни в другой. Вертикальная культура русского образованного общества уничтожена, но уничтожается и горизонтальная культура народа в ее религиозной и бытовой основе. Всеобщая грамотность вполне совместима со всеобщим варварством и чтением Пушкина — с непониманием азбуки его искусства. Когда культурная преемственность так порвана, как в России, таким повальным истреблением или изгнанием ее носителей, — ее восстановление будет во всяком случае очень трудным. Оно станет невозможным при дальнейшем воспитании молодежи в духе партийной дисциплины и технического идолопоклонства. Одно из двух: или что-то такое случится

с Россией, что ее воссоединение с прошлым в последнюю минуту все-таки произойдет, или и в самом деле она перестанет быть Россией. У современной Греции не много общего с Грецией Платона, у будущей России может оказаться еще меньше общего с Россией Пушкина. Имя останется — быть может, и официально будет ей возвращено, — но по праву оно принадлежит чему-то иному, не территории, не стольким-то миллионам людей, а всему тому, что ею было создано, всему, чем она жила. Что бы ее ни ждало впереди, мы знаем, что это *было*.

ПРИМЕЧАНИЯ ОТ РЕДАКЦИИ

¹ Соловьев Сергей Михайлович (1885—1942), поэт, критик; троюродный брат Блока.

² Фадеев Ростислав Андреевич (1824—1883), военный историк, публицист, автор «Писем о современном состоянии России».

³ Михайловский Николай Константинович (1842—1904), социолог, публицист, народник, противник марксизма.

⁴ Лавров Петр Лаврович (1823—1900), философ, социолог, публицист, идеолог народничества.

⁵ Леонтьев Константин Николаевич (1831—1891), писатель, публицист, литературный критик; поздний славянофил.

⁶ Бюхнер Людвиг (1824—1899), немецкий врач, естествоиспытатель и философ.

⁷ Молешот Якоб (1822—1893), немецкий физиолог и философ; сторонник социального дарвинизма.

⁸ Григорьев Борис Дмитриевич (1886—1939), русский художник. «Расея» — цикл живописных полотен и рисунков, которые он создавал несколько лет начиная с 1917 г.

⁹ Кокошкин Федор Федорович (1871—1918), публицист, лидер партии кадетов.

¹⁰ Шингарев Андрей Иванович (1869—1918), земский деятель, публицист; один из лидеров кадетов.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

┌ Последний крик моды — ходить голышом

┌ Непобедимая родная армия...

46 | Мне сорок лет, мужу — сорок четыре. У нас четверо детей, в том числе двойняшки по 2,5 года. Все четверо болеют анемией, иммунитет уже 0,33, лимфатические узлы на шее и голове увеличены от рождения. Как вылечить их, чем кормить при мизере овощей, фруктов, полном отсутствии не только диетического, но и какого-либо мяса, масла, молока и других продуктов? Во что одевать? Зарплата мужа — 230 рублей в месяц — и на фиговые листки не хватает.

Правда, не весело? Но это не все наши беды. Муж потерял в Чернобыле здоровье, в связи с чем перенес тяжелые операции. Он льготник, но мы аж ахнули, прочитав фантастическое письмо в «Смене» № 11 за 1990 год о том, что какой-то читательнице завидно стало, как живет ее многодетная подруга, которая получает столько дефицитных товаров, что даже спекулирует!

Люди добрые! Да зачем же так настраивать общество против многодетных! Я хочу, чтобы все узнали, какие дефициты перепадают многодетным в столице Украины, при этом подчеркиваю, семье «ликвидаторов» чудовищной аварии. До сих пор нас не поставили ни на какие очереди — ни на холодильник,

ни на телевизор, ни на пылесос.

Старшенькому уже шестнадцать лет, не во что одеть-обуть, а в комнате № 213 Управления торговли Киева мне ответила солидного возраста черноволосая женщина, что льготных очередей для нас нет и не будет, что сейчас все дети больны, а чернобыльские льготы и льготы для многодетных существуют только на бумаге и годятся лишь для урны (сказано это было в присутствии других, молодых сотрудников). Думали, мол, когда рожали в свое удовольствие?!

Не ужас ли это? Не подтверждение ли полной деградации, вырождения советского общества? Господи, пошли им такую же жизнь за многолетние «тяжкие труды у руля» и не менее тройни в их «большое удовольствие».

В. Н. ЛИТВИНА,
Киев

┌ Пишу вам впервые: в одном из номеров совершенно случайно прочла рассказ о девочках, торгующих своим телом. Это жутко! Но самое страшное в том, что это заколдованный круг, из которого почти невозможно выйти. Я хочу рассказать об одной шестнадцатилетней девуш-

ке, учащейся ПТУ. Она прости-
тутка. Я познакомилась с ней
на дискотеке. Зовут ее Ира.
Глядя на скромную и тихую де-
вушку, я и подумать не могла,
что она... Рассказываю с ее раз-
решения.

Началось все с чудовищного
случая — ее изнасиловали трое
парней. Родителям она ничего не
сказала: было стыдно. Долго не
могла прийти в себя, а когда на-
чала успокаиваться — новая
беда: она оказалась беременна.
Пришлось все рассказать маме.
Конечно, были крики, побои,
больница, операция. Когда вер-
нулась в школу, там уже все все
знали. После восьмого класса по-
ступила в ПТУ. Но Ира считала
себя убийцей своего ребенка.
Чтобы отвлечься, стала то-
дить на дискотеки, курить,
пить. Познакомилась с парнями.
Показалось, что одного из них
полюбила, была счастлива. Ме-
сяц жила у него. Потом он про-
дал ее за десятку одному из сво-
их друзей. А дальше ей было уже
все равно. Мама запретила появ-
ляться дома. И стала она спать
за деньги. Я спрашивала Иру:
неужели не было больно, про-
тивно, неужели она смогла со
всем смириться? Было против-
но, но она считала это распла-
той за неродившегося ребенка.

Ира любит музыку, особенно
Бетховена, которого стала по-
нимать и ценить только после
всего случившегося с ней. Есть
у нее и светлые мечты — о чи-
стой любви, о том, чтобы у нее
родилась дочь. Правда, большие
всего на свете не хотела бы,
чтобы дочь стала такой, как
она...

Мы долго разговаривали
с Ирой и решили попытаться
предостеречь девушек, которые
легко, беспечно относятся
к себе: ведь ничего в жизни нель-

зя вернуть. «Ошибки» стоят
очень дорого.

**ТАТЬЯНА С.,
Бердянск**

В рубрике «Читатель —
«Смена» — читатель» мое вни-
мание привлекло письмо Ирины
Сидоровой из Ижевска (№ 9 за
прошлый год), где она высказы-
вает свою обиду: соседи и колле-
ги не разделяют ее убежденно-
сти в правоте всех вышестоя-
щих руководителей. Вот я и ре-
шила обратиться к ней. Ира,
конечно, имеет свое собствен-
ное мнение никому не запрещено,
и соль в чайнике — это не метод
убеждения. Просто хочу немного
рассказать о своей жизни. Мне
тридцать семь лет, пять лет
тому назад я развелась с мужем
и была вынуждена вернуться
с тремя детьми к матери
в Минск, где у нас двухкомнат-
ная «хрущевка» со смежными
комнатами и живет в ней семь
человек. Когда я прописалась,
что стоило мне немало труда,
и устроилась на работу, то за-
хотела стать в очередь на полу-
чение квартиры, так как по
наивности считала, что раз я ро-
дилась и выросла в Минске, то
имею на это право. Собрала все
документы, отнесла в исполком
Партизанского района. И вот
меня вызывают... и отказыва-
ют. Тогда я обратилась в Мо-
скву. Но, как говорится: «До
бога высоко, а до царя далеко».
Письмо не попало по назначе-
нию, а вернулось на те же пози-
ции. В общем, я писала год, моим
упорством чиновники стали
возмущаться. Наконец, после
того как я обратилась в ЦК
КПБ, в райисполком пришло
письмо с резолюцией обеспечить
мою семью любой жилой площадью,
но и это не помогло. Нашлась

новая отговорка, чтобы отказать. И только летом этого года я смогу уже на «законных основаниях» встать на очередь. Вот теперь, если сможете, ответьте мне на мои вопросы. Как известно, все вышестоящие товарищи избираются народом. Это народ прежде всего дает им в руки власть и большие полномочия. И что же получается? Добравшись до этой самой власти, они прежде всего забывают о тех, кто им ее вручил. Взять хотя бы наших белорусских народных депутатов. В своих предвыборных речах они обещали золотые горы, а на деле? Тут же начали выбивать себе привилегии: и повышение окладов, и большой отпуск, а иногородним квартиры в Минске. Это что, все для народа и для пользы державы? Нет, для себя; для нашего «блага» — талоны, визитки, полное исчезновение самого необходимого. Благо — это когда действительно радость для всех, а не только для себя и своих родственников. И не за счет народа. Я не хочу вас, Ирина, в чем-то разубеждать. Со временем сами поймете. Когда, не дай, конечно, Бог, проживете в своей коммуналке еще лет двадцать пять.

Г. Б. ПЕТУХОВА,
Минск

Я работаю техником маяка, но в данный момент нахожусь в отпуске по уходу за ребенком, которому полтора года. Старшему шесть лет, и до недавнего времени он посещал сад-ясли логопедического направления, где я подрабатывала на полставки сторожем, исполняя попутно обязанности уборщицы, но уже бесплатно. А так как я являюсь матерью-одиночкой в полном

смысле слова, то мне приходится детям брать с собой на работу. Заведующая садиком запретила мне это делать, а заодно вынудила уволиться, мотивируя тем, что эта должность больше не нужна. Следом за мной выгнали из садика и ребенка, так и не долечив. Городской отдел народного образования, в чьем ведомстве находится садик, в помощи отказал.

Проживаем мы в доме, принадлежащем воинской части, в комнате 7,8 квадратных метров на троих. Еще перед Новым годом командир части распорядился отключить отопление и воду, но благодаря вмешательству гражданских властей это ему не удалось. Теперь нас выселяют на все четыре стороны (постановление командира у меня на руках), но идти нам некуда. Неужели никто не защитит нас от этого произвола? Даже доплату на детей не выдают — нет приказа. По радио и по телевизору слышу, что выделяется миллионная помощь пострадавшим жителям разных регионов, а нам, всю жизнь страдающим, кто поможет?

Г. Б. ГУРИНА,
Магадан

В апреле 1989 года я, пьяный, совершил преступление. Меня приговорили к трем годам лишения свободы и принудительному лечению от алкоголизма. На свободе у меня осталась старая больная мама. И хотя лесничество, где я работал, просило за меня, суд просьбу отклонил...

Поначалу все шло нормально: я работал, проходил курс лечения от алкоголизма, учился в училище. От мамы получал письма, полные горя и отчаяния. Ей очень тяжело приходилось

одной (мы живем в сельской местности, имеем почти полгектара приусадебного участка, держим корову, свиней... Сами понимаем, ни центрального отопления, ни водопровода нет). Старался я работать так, чтобы уйти на свободу раньше. Но вот в 1990 году со мной произошло нечто страшное: я трижды пытался покончить с жизнью. Меня вывезли в республиканскую психиатрическую больницу. Пробыл я там пять месяцев: мне очень помог лечащий врач Москвин Юрий Григорьевич. Снова вернулся в ИТК, окончил курс лечения, заработал благодарности от начальства отряда.

Колхоз и сельский Совет ходатайствовали о моем досрочном освобождении. Начальник отряда капитан Твердохлеб Н. Б. представил меня на условно-досрочное освобождение. Но оказалось, что нет еще одной справки...

И вот пришла телеграмма: мама умерла. Начальник отряда ходатайствовал перед администрацией отпустить меня на похороны, но начальник учреждения подполковник Хижняк В. П. отказал. «Сопровождение выделить не можем, а одного не отпустим», — сказал он.

Мой дом в каких-то 150 километрах от ИТК. Меня могли бы заковать в наручники, дать сопровождающего, начислить расходы, но отпустить на похороны самого дорогого мне человека!

Вот я и хочу обратиться через ваш журнал к законодателям: неужели мы, честно искупающие свою вину, не можем посмотреть в последний раз в любимые лица, бросить ком земли на их могилы? Неужели мы так виноваты перед обществом, государством, что нас лишили

и этого?! Нас наказали, но мы ведь тоже люди, нас тоже родили на свет матери. Я не знаю, опубликуете ли вы мое письмо или нет: откуда может быть вера нам, зекам? Мы ведь люди второго сорта.

Я свою маму уже не увижу ни живую, ни мертвую. Но не хочу, чтоб тем, кто попадает сюда (лучше бы не попадать!), пришлось давиться слезами от обиды и бездушия.

СЕРГЕЙ МАНУЛЕНКО,
Полтава, ст. Божково

У меня двое детей. Сыну исполнилось шестнадцать лет, дочери восемнадцать. Она учится в педучилище в другом городе — будет воспитателем детских дошкольных учреждений. Журнал выписываем два года подряд. До глубины души возмущена была № 11 за прошлый год. Там есть эротические фотографии. Это ужасно. Господи! Вы что, помешались все на этом сексе, сейчас даже «Аргументы и факты» и те печатают статьи о сексе. В тяжелое наше время вы хотите ублажить молодежь сексом? Уймись! Противно все не только мне, но и детям. Так вот, знаете, пропагандисты секса, что у нас в магазинах уже давно нет бюстгалтеров, плавок женских, комбинаций, нет мужских трусов, носков, нет женских платьев, нет туфель, сапог — ничего нет. Просто хочется плакать, а вы все о сексе! Лучше узнайте, как обстоят дела с производством бюстгалтеров, трусов, комбинаций. Может, предприятия по их пошиву забастовали?

Т. И. ИВАНОВА,
Степногорск
Целиноградской области

КОЛЛАЖ НА ТЕМУ СУДЬБЫ

КОМПОЗИТОРА АЛЕМДАРА КАРАМАНОВА

ЛЕОНИД ПРУДОВСКИЙ

Алемдару Караманову пятьдесят шесть лет. Он автор девятнадцати симфоний, четырех увертюр, шести концертов...

Но публике он если и известен, то лишь как автор музыки к фильму «Обыкновенный фашизм» и сериалу «Стратегия победы». Между тем профессиональные композиторы и исполнители оценивают его творчество чрезвычайно высоко.

Министерство культуры приобрело практически все, что он напи-

сал, однако эта музыка если и исполняется, то разово.

Председатель правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников всегда старался помочь композитору, но Бюро пропаганды советской музыки так и не выпускает произведения Караманова.

В чем же дело? Нет ли здесь злого умысла? Нет ли модного теперь «недоброжелательства высшего чиновника»?

Алемдар Караманов живет

в Симферополе. Живет скудно, если не сказать бедно, тем не менее к властям не обращается — из врожденной деликатности и скромности. Ему кажется, невежливо загружать своей осой занятых людей. Сами же занятые люди — председатель облисполкома и председатель горисполкома — оказываются, не слышали, что в их городе живет один из крупнейших композиторов нашего времени. Право, можно подумать, что в Симферополе композиторов считают сотнями.

А один ответственный работник сказал мне буквально следующее: «Мы знаем, что в нашем городе живет крупнейший композитор. Знаем, что нуждается, а что мы можем сделать? Вот когда умрет, мы на этом доме установим мемориальную доску».

Если бы не поддержка московских родственников и — косвенно — Т. Н. Хренникова, Караманов давно умер бы от голода. Просить он не обучен.

Его глаза напоминают птичьи — так доверчив и устремлен в недоступные высоты взгляд. Одевается, как обедневшие дворяне в романах прошлого века, — бедно, но чисто и достойно. Его называют нелюдимым и замкнутым, но, раз доверившись, он открывается до конца. Он — истово верующий православный, хотя в его жилах половина турецкой крови.

Поначалу судьба Караманова складывалась чрезвычайно удачно. В 1961 году в Ленинградском Малом театре оперы и балета был поставлен балет на его музыку «Сильнее любви» — по рассказу Б. Лавренева «Сорок первый». Позднее этот балет поставили в Берлине. Но затем произошел срыв. Композитор тяжело заболел. И о нем забыли.

Рассказывать о музыке — пустая затея. Все равно что объяснять

слепому красоты заката. Музыку надо слушать, а рассказывать можно о композиторе.

АЛЕМДАР КАРАМАНОВ. По Указу 1938 года мой отец стал персоной без гражданства, как лицо, проникшее обманом на территорию СССР, а он перебрался сюда еще задолго до революции и лишь в 1941 году вновь стал гражданином СССР. В 1944-м, когда из Крыма выселяли крымских татар, отца увезли в Прокопьевск КазССР и осудили на восемь лет лагерей за контрреволюционную деятельность. Освободился лишь в 1953-м, но к нам в Крым ему возвратиться не разрешили. Он так и умер, не повидав нас.

Самое яркое воспоминание тех лет — постоянный голод. Мама работала заведующей библиотекой и получала 640 рублей (в старом масштабе цен) — на эти деньги надо было кормить троих детей и больную бабушку. Лет с шести у меня возникла неудержимая тяга к музыке, а когда привели в музыкальную школу, вдруг обнаружилось, что у меня абсолютных слух. С семи лет я начал сочинять музыку, через пару лет сочинял оперы, сонаты, сонатины... После окончания консерватории поступил в аспирантуру в класс Д. Б. Кабалевского. Атмосфера в консерватории была консервативная, и мое увлечение модернизмом страшно испортило отношения с Кабалевским. Он полностью не принимал мое творчество. Даже хотел исключить из аспирантуры, но, чтобы сохранить престиж консерватории, меня выпустили с «тройкой» по специальности. Я тогда играл девятую симфонию и «Африканские песни».

И в этот момент, когда, казалось, все кончено, меня поддержал Хренников.

АЛЬФРЕД ШНИТКЕ. Мне кажется, Хренников хорошо относился

к Караманову. Не раз хотел привлечь его в свою команду.

Я поступал в консерваторию вместе с Дариком, и он уже тогда поразил меня двумя вещами: во-первых, из всех поступающих только мы двое написали вступительный диктант по сольфеджио; а во-вторых, когда в процессе этих же экзаменов он меня попросил сыграть на рояле и я сыграл первую часть Второго концерта Рахманинова, он отметил не «козырные» места, которые обычно отмечают все, а интересные гармонически. Потом обнаружилось, что у него — феноменальный слух и невероятная память.

Он всех нас превосходил тем, что писал очень быстро и много и при этом совсем не занимался всякими утомительными предметами. Как-то мимоходом добивался того, для чего другим нужно было много старания и терпения. Его педагог Сергей Сергеевич Богатырев водил Дарика к Шостаковичу. Дмитрию Дмитриевичу понравились сочинения студента.

Хочу рассказать одну историю. 1964 год. Мы были напуганы рассказами об авангардистах, об их чудовищном поведении.

В это время впервые приехал в Москву Луиджи Ноно. И мы увидели совершенно очаровательного человека, обаятельного, с коротким, почти ангельским голосом. Из старинной семьи, которой сотни лет, и все такое... Это с одной стороны. А с другой — коммунист, член ЦК компартии. И вот он показал музыку, которая, по представлениям наших преподавателей, должна была служить примером отвратительности авангарда и умозрительности техники.

А мы поняли, что его музыка отличается предельной экспрессией и одновременно строга и чиста.

Исполнение проходило в Союзе,

и сначала ему показали «козырные» сочинения наших композиторов — почти все они вызвали у Ноно резкое неприятие. Затем прослушали произведения Каретникова, Денисова, мою ораторию «Нагасаки», а Дарик показал «Африканские песни». И вот они-то и произвели впечатление на Ноно.

На следующий день в Союзе состоялась еще одна встреча. Накануне Ноно побывал на концерте одного из ведущих наших композиторов и демонстративно покинул зал. А вечером этот композитор, страшно разозленный, потребовал, чтобы из зала убрали всех сопляков, то есть Денисова, Караманова и меня. И мы униженно слушали из-за двери.

После этого Дарик приезжал еще несколько раз из Симферополя и всегда привозил кучу нот. Сейчас не помню, инструментовал ли он свое самое большое сочинение для оркестра...

Корр. «Свершилось»?

А. Ш. Да, именно ее.

Корр. Эту симфонию, теперь уже полностью оркестрованную, до недавних пор он и показывать боялся, поскольку сочинение глубоко религиозное.

А. Ш. Это произведение, помимо, выдержало испытание временем, как, впрочем, и его фортепьянные фуги. Недавно слушал их. Удивительная музыка. Какой масштаб, широта дыхания!

ТИХОН ХРЕННИКОВ. Считаю, Караманов — один из самых талантливых композиторов Советского Союза. Я всегда восхищался его сочинениями, яркими, индивидуально очерченными.

Корр. Как вы думаете, Караманову пошло на пользу увлечение авангардом?

Т. Х. Такие увлечения только обогащают композитора. Разумеется, на Караманове они сказались

положительно, но он, несомненно, пошел дальше авангарда. У него прекрасная музыка.

Корр. Известно, что когда-то Кабалаевский выпустил Караманова с тройкой по специальности только потому, что тот экспериментировал в музыке. Вы пытались его поддержать...

Т. Х. Нет. Просто помог перейти в мой класс и спокойно закончить консерваторию. Не помню, почему он не остался в Москве.

А. К. После окончания аспирантуры Тихон Николаевич предложил мне год поработать в Клину в Доме-музее П. И. Чайковского. Были уже подготовлены все документы, но я не смог перебороть себя. Я бросил их на стол секретарше со словами: «Всякая бездарь живет в Москве и отирается в приемных, а я должен ждать Москвы, как милости! Не стану!» И в тот же день уехал в Симферополь.

А. Ш. У Дарика был период, который мог бы кончиться плачевно для его творчества. Но он нашел силы не изменить своему дару. А ведь какая заманчивая перспектива: поработал годик в Клину, а там, глядишь, и в Москву бы позвали. Тихон Хренников включил бы его в свой секретариат, и его музыка стала бы широко исполняться.

А. К. Я жил в Симферополе, работал. Написал музыку к фильму «Обыкновенный фашизм», заработал какие-то деньги. Но дело не в этом. Ромм дал мне внутреннюю твердость, уверенность, умение выделить главное. Тогда же, в 1965 году, я написал большую симфонию «Свершилось» и посвятил ее Господу. Сочинение не купили до сих пор, хотя с 1970 года началось мое сотрудничество с Министерством культуры и у меня стали закупать произведения регулярно, по симфонии

в год. А вот продолжения не было: ничего не распространялось.

Т. Х. У министерства мало возможностей, у них ведь нет даже филармонического отдела. И, по сути, они не влияют на концертные организации страны. Конечно, мы постоянно ведем борьбу, чтобы изменить ситуацию. Не так давно по этому поводу вышло постановление ЦК и правительства, но, увы, все осталось по-старому.

Корр. Ладно. Музыку не исполняют, но почему ее не издают?

Т. Х. У министерства нет своего издательства, а вот мы издаем Караманова.

Корр. Что-то не припомню...

Т. Х. Видите ли... Караманов — больной человек. Нужно, чтобы композитор сам проявлял инициативу, а он не проявляет.

Корр. Разве предложения исходят не из Бюро пропаганды советской музыки?

Т. Х. Не всегда мнения совпадают...

Корр. Все хвалят Караманова...

Т. Х. Вы правы, но никто палец о палец не ударил, чтобы помочь.

Корр. Чем же все-таки занимается Бюро пропаганды?

Т. Х. У нас две с половиной тысячи композиторов, и каждый претендует на то, чтобы быть...

Корр. А если честно, сколько настоящих композиторов из двух с половиной тысяч?

Т. Х. Десяток. От силы — два. И чем слабее композитор, тем больше у него претензий. Конечно, наше Бюро пропаганды не идеально...

Стоп. Вот и первая кочка, о которую споткнулось плавное течение композиторской судьбы. Первое лицо в Союзе композиторов, Тихон Николаевич Хренников, признает, что настоящих композиторов в стране не более двух десятков и в их число, несомненно,

входит наш герой. И вроде бы Тихон Николаевич искренне его поддерживает и хочет помочь.

Но что-то с моим слухом происходит, или «что-то неладно в королевстве»: хочет, да не может. Возможно ли это? И мыслимо ли, чтобы Бюро пропаганды советской музыки в течение почти трех десятилетий «не замечало» композитора, которого столь однозначно признают по меньшей мере талантливым и «консерваторы», и «авангардисты»?

А. Ш. Были неоднократные попытки помочь композитору. В частности, у Крылатова, члена Союза композиторов, мужа сестры Караманова. И покупка его произведений министерством — заслуга опять-таки Крылатова.

Корр. Представим, что не было бы личного пристрастия Хренникова к Караманову и хлопот Крылатова...

ВЛАДИМИР ФЕДОСЕЕВ. Он бы умер с голоду.

А. К. В 1979 году была исполнена моя драматория «Ленин жив» на стихи Маяковского, написанная в 1964 году. Мы долго искали чтеца, наконец наш выбор остановился на Евгении Евтушенко. Мы не ошиблись. Он оказался предельно музыкальным и точным, а ведь такого жанра еще никогда не было: мелодекламация с оркестром. Но за день до премьеры выяснилось, что по городу не расклеено ни одной афиши. По телефону отвечали: в Большом зале консерватории ничего нет, и даже в сводной афише на этот день был прочерк. Причем везде врал, что афиши расклеены.

Тогда мы сели писать афиши от руки и развозили их по городу. Работали всю ночь, и в результате зал был полон.

Т. Х. Такого случая не припомню. Но подобное вполне могло произойти.

Корр. Неужели чья-то злая воля?

Т. Х. Скорее расхлябанность. Часто случается, что афиши не печатают. Я понимаю, вы ищете сенсацию...

Корр. Нет, просто пытаюсь понять...

Т. Х. Понять? Что в нашей музыкальной жизни полный бардак?

В. Ф. Для меня ситуация не нова. В моей жизни и не такое происходило. Конечно, это было сделано не против Евтушенко — к тому времени он уже перешагнул планку, где пакостят по-мелкому. Вне всякого сомнения, акция была направлена против Караманова. Видимо, его просто не хотели показывать публике. К подобным темным делам впору прокуратуру подключать. Существуют такие ниточки, за которые если потянуть — вся информация сразу же пропадает, но в другой раз ежели дернуть, то о концерте, не представляющем никакого интереса, сразу же звон раздастся — и по радио, и по ТВ, и в газетах, глядишь, билет достать невозможно!

Тут много ходов: можно, например, повесить все афиши в Библиотеке и честно сказать, что вывешено положенное количество. Ну и как это назвать?! Слов не хватает...

Корр. А по какому признаку определяется «нужная» и «ненужная» музыка?

В. Ф. Музыка Караманова никто из влиятельных людей не поддерживает, о ней никто не говорит на секретариатах, ее замалчивают — и получается так, что она вроде бы и не нужна. Эти люди хорошо все улавливают. Если нет сигнала, значит, музыка Караманова не нужна.

А что творится на крупных конкурсах! Еще и конкурс не начался, а уже имя какого-нибудь испол-

нителю раздувают, «качают»... Думаю, в неприятии творчества Караманова главное то, что он необычайно талантлив. Многим пришлось потесниться на его фоне. Обратите внимание — в международных музыкальных издательствах фигурируют одни и те же имена, и все западные музыканты называют одну и ту же обойму. Бесспорно, все они хорошие композиторы. Но неужели мы так бедны? Причины — в Союзе композиторов. Они не дают информации. Подсчитаем: Сидельников, Овчинников, Каретников, Буцко, Караманов — это все высочайший уровень. Конечно же, о них будут говорить, произведения будут исполнять, но... после их смерти.

А. Ш. Конечно, история с афишами не случайна. Для этого нужно просто подкупить какого-нибудь дядю Васю, и, уж будьте уверены, ни одна афиша не появится. Вот и вся механика. Она блестяще отработана, и, кому надо, ее знают.

А вот и вторая кочка. Казалось бы, 1979 год. Разгар всяческих юбилеев, на каждом углу обывателя встречают плакаты, где лукаво улыбающийся Ильич подтверждает, что товарищи идут верной дорогой. В самый бы раз такую ораторию, да еще осененную известнейшей на Западе фигурой Евтушенко. Так нет же! Накоса выкуси!

А ведь все не так просто! Уверен, не только желанием не пропустить за планку обусловлена такая обструкция. Все дело, видимо, в беспредельной искренности Караманова, в его искренней любви к вождю мирового пролетариата, в противовес холуйству и лицемерию официозных творцов юбилеев.

Свидетельствую: не стал бы Караманов писать ораторию, если бы

хоть капелька сомнения запала в душу. Не такой он человек: лгать и лакействовать не обучен.

И именно искренность, объединенная с незаурядным дарованием, делала сочинение таким опасным для тех, кто и устроил грязную эту историю.

А. К. В конце 1982 года была исполнена моя «Поэма победы» — цикл из шести симфоний. Есть и другое название — «Бысть!» Написана она по «Апокалипсису», но в то время предъяснить публично сочинение с таким названием было просто невыносимо; и из тактических соображений цикл назвали «Поэма победы». Казалось, я на взлете: благодаря Тихону Николаевичу Хренникову на «Мелодии» договорились о записи всех шести симфоний. Шли исполнения. Работа с Федосеевым проходила предельно четко и корректно. И тут Хренников решил представить меня секретариату. С его стороны, это был тактический ход, чтобы оправдать появление многих моих работ одновременно. Ведь планировался еще выпуск концерта «Аве, Мария», музыка должна была звучать на радио и телевидении. Я уезжал в Симферополь окрыленный.

7 февраля 1983 года я приехал в Москву и пошел в радиокомитет за записями своей музыки. Там я попросил дать музыку в зал — она звучала прекрасно.

А вечером собрался секретариат — около шестидесяти человек и почему-то даже какой-то генерал-майор. Я вошел в зал и увидел злые лица собравшихся. Когда зазвучала музыка, я пришел в ужас — она была безнадежно испорчена! В ней не было ни крещендо, ни диминуэндо! Какое-то глухое урчание...

И я увидел, как лица присутствующих светлеют, становятся радостными. Они торжествовали!

Я плюнул и, не дожидаясь конца секретариата, ушел.

После этого памятного «сборища» многое было отменено. Только к концу 1983 года в исполнении оркестра под управлением Владимира Федосеева прозвучала «Великая жертва», ее подлинное название — «Блаженны мертвые». Разумеется, о «Мелодии» или телевидении речи быть уже не могло. Мы договорились с Федосеевым о встрече в начале 1984 года, но я на встречу не явился. У меня не оставалось средств, и я был вынужден согласиться на предложение написать музыку к фильму «Судьба барабанщика». Честно говоря, после такого секретариата я уже боялся приезжать в Москву. К тому же Хренников отмахнулся от меня, а отношение в Союзе и министерстве стало резко враждебным. Пять лет назад я получил последний гонорар.

Т. Х. Что-то припоминаю об этом секретариате — кажется, была плохая запись. Я плохо соображаю в технике и не знаю, как могло такое случиться. Конечно, вы пытаетесь найти криминал... Сейчас вспоминаю, возникло ощущение, что музыка чудовищно плохо записана. Вы знаете, я всячески пропагандировал Караманова, но, когда прозвучала такая запись, я был поражен.

Корр. Именно тогда все надежды Караманова рухнули...

Т. Х. У нас ведь все — крупные индивидуальности, им могла просто не понравиться эта музыка. Все ведь зависит от исполнения, а запись была просто чудовищная.

Корр. И после этого его вычеркнули из планов фирмы «Мелодия»...

Т. Х. Секретариат здесь ни при чем! Мы не имеем никакого влияния на «Мелодию», и не пытайтесь объяснить это чьей-то злой волей!

Корр. Вы считаете, что в нашей музыкальной жизни не существует тайного недоброжелательства и козней?

Т. Х. Может быть, и есть. Скорее всего есть. Но скажу о себе — я люблю музыку своих коллег и искренне радуюсь их удачам.

Корр. Алемдар Сабитович рассказывал, что, войдя в зал, он увидел совершенно черные, похоронные лица секретариата, но, когда зазвучала чудовищно испорченная музыка, лица секретарей стали праздничными...

Т. Х. Он наблюдательный па-рень.

Корр. Возникает ощущение, что какая-то сила постоянно противостоит Караманову, делает все, чтобы он сидел в Симферополе и никогда из него не выбрался.

Т. Х. Единственное, в чем могу с вами согласиться, — конечно же, каждый думает о себе в первую очередь. У нас попадают такие эгоцентрики — просто звериные. И не надо преувеличивать значения Союза. Мы можем только просить, а поддерживать всерьез творчество композитора должно государство. Я, в свою очередь, буду делать все, что в моих силах, чтобы музыка Караманова звучала. Ведь такие выдающиеся личности, как он, рождаются крайне редко.

В. Ф. Серость всегда объединяется, и, к сожалению, в союзы проникло больше бездарей, чем талантов. Встречались композиторы, которые не могли сочинить даже канву, а давали только ниточку. На их фоне Караманов, конечно, не нужен. Ведь он заслонит многих... И для них это опасно.

Караманов слишком ярок. Я вполне допускаю, что такой случай с записью мог иметь место. К сожалению, сталкивался с подобными случаями.

А вот и третья кочка — последняя ли?

Технически грамотные люди объяснили мне, что для достижения подобного эффекта, который я осмелюсь назвать «эффектом Караманова», есть несколько путей, но все они требуют специальной обработки магнитной пленки, и ни о какой случайности речи быть не может.

Значит, все-таки заговор? Нет. Боюсь, все обстоит значительно хуже — инстинктивная реакция воинствующей бездарности на проявление яркого таланта.

Не думаю, что среди членов того секретариата были личные враги Караманова. Да и откуда им взяться, коли он — в Симферополе, а они — в Москве. Но Система работает безошибочно, она с тотальностью и неумолимостью асфальтового катка стремится все укатать и свести к среднему уровню. И сам Т. Н. Хренников одновременно и господин, и слуга именно Системы: он лично сочувствует Караманову и понимает весь масштаб его дарования — отсюда и помощь в закупке произведений, и искреннее желание сделать музыку композитора достоянием общества. Но, как только Система отторгает талант, все доброжелательное отношение уходит на второй план, а на первый выдвигается именно клановая солидарность. Обидно.

А. Ш. Убежден, на пути Караманова и других талантливых композиторов ставят искусственные препоны, чтобы не допустить сравнения не в свою пользу — это, как дважды два ясно.

Этот материал готовился мною, начиная с весны 1989 года. Признаюсь, я ждал обещанного Тихоном Хренниковым выхода из печати карамановских сочинений. Ждал и возвращения Владимира Федосеева к музыке Караманова.

Понимаю, что и у Тихона Николаевича, и у Владимира Ивановича множество забот и без того, но все равно ждал и придерживал статью, ожидая, может быть, по застойным традициям, исполнения сочинений Караманова, к которому ее можно было бы подгадать. Но, кроме исполнения учениками Веры Горностаевой в Малом зале консерватории, так ничего и не дождался.

Алемдар Караманов живет в Симферополе. Живет по-прежнему скудно, но гордо. Когда его не станет, на его доме установят мемориальную доску.

ФОРМАТА В ДУБЛА

ВЛАДИМИР МИРОШИН

У тридцатидвухлетнего
московского
художника
МИХАИЛА СМОРЧЕВСКОГО
талант от Бога,
открытый характер
от родителей и...
фантастическая
родословная.

Ветви его генеалогического древа ломаются под тяжестью княжеских и королевских фамилий Англии, Лотарингии, Богемии, Польши...

К изумлению своему, Миша узнал, что мог бы стать владельцем двух дворцов и одного замка (!) в Люблинском воеводстве, в Польше. Правда, там сейчас размещаются средние школы, и, несмотря на то, что польское правительство выказало готовность вернуть собственность ее наследному владельцу, Михаил цепляться за нее не стал: пусть ребяташки резвятся...

Но неожиданное дворянство недавно еще скромного московского художника, известного в 1988 году на Арбате под прозвищем «бутерброд» (он носил свои картины привязанными к телу с двух сторон, вроде сэндвича) и служившего пожарным, — еще не все странности его биографии. Сегодня во многих государственных инстанциях Сморгчевский известен как автор проекта восстановления в Москве... института благородных девиц.

Более того, он готов вложить в свое детище... 100 тысяч долларов!

Война ничего не созидает. Она лишь оставляет грязные, кровото-

чащие следы, не более... Сколько их, детей бойцов, павших на поле брани при выполнении «интернационального долга», при исполнении служебных обязанностей? Мальчики и девочки — их десятки тысяч, существующих на нищенский пенсион, назначенный матерям за потерю кормильца, — какое будущее уготовано им в стране, терзаемой смутой и кризисом?

Мальчишкам полегче: есть суворовские и нахимовские училища, есть Всесоюзный суворовско-нахимовский клуб... А девочки? По данным отдела кадров МО СССР, только дочерей погибших офицеров-афганцев рождения 1975—1988 годов — 1200!

Во времена царизма, коего прах мы так старательно отряхиваем с наших ног (и не только в пролетарском гимне), существовали, например, институты благородных девиц. А воспитанницами их были как раз дочери офицеров, павших в боях за Россию.

И вот, мыслит молодой художник, ежели восстановить прекрасный институт и начать воспитывать там — с 8—10-летнего возраста — дочерей погибших офицеров, а вслед за институтом для девушек открыть и кадетские училища для мальчиков, где должна будет народиться волна подлинно патриотической формации передо-

вого российского офицерства, опоры и надежды державы, и ежели эти две волны, объединившись, покаты по уставшей и иссушенной стране, то они-то и поднимут общество на достойную нашей истории нравственную высоту.

Такие вот мечты...

И не только мечты: уже нашлись спонсоры в лице нескольких банков и предприятий, и художник полон надежд. Но об этом ниже. А пока рассказ о нем, авторе проекта.

Детский дом («Морозовский приют»), где воспитывался Миша Сморчевский, оставшийся в два года круглым сиротой, находился напротив Суриковского художественного института. В семь лет пацан пробрался в учебный класс института и — не был оттуда выперт, но, напротив, «произведен в студенты». Дали ему ватман, дали карандаш — и в благодарность за это он оставил благодетелям первые нарисованные им портреты.

Миша застрял в этих классах на восемь лет. Восемь лет юное дарование сидело вместе со всеми за мольбертом, и никто не интересовался ни его происхождением, ни его будущим. Послушным и удобным учеником не был, а возмужав, не стал и конформистом. И, хотя уважал всякие направления, себе определил: быть независимым, вне всяких школ. Впрочем, возможно, тут он заблуждается, так как вряд ли бывает полная независимость.

В конце концов всякая картина начинается с грунтовки и подмазки...

Себе он даровал право изобретать. Однажды, глядя на ночное небо, увидел там контуры звездных коров — символ гармонии материального и духовного — и вот это милое животное надолго

поселилось на его полотнах. Сморчевский считает, что за каждой краской скрывается какое-нибудь человеческое качество, а сочетание красного, желтого и голубого рождает энергию. Он уверен, что эта энергия цвета является... языком Вселенной! У Михаила есть картина, представляющая людей будущего. Они краснолицы, ибо — полагает художник — температурный режим на Земле эволюционирует в сторону смещения цветового спектра, а это определит и изменение пигмента кожи.

Стиль — это человек.

Газеты лгут, категоричен Михаил, политики лгут, и потому долг честного художника — донести до потомков в своих полотнах подлинно историческую память о нашем невероятном времени. В 1988 году Сморчевский написал картину «Живая вода перестройки», наполнив ее воздухом только что распробованной свободы...

Что уж там обидного увидел «официоз», трудно сказать. Но картину арестовали, Михаила исключили из профсоюза художников. Вердикт был в стиле блаженной памяти идеологических кликуш: «...за нарушение норм коммунистической морали». С «волчьим билетом» выживает не каждый, но Сморчевский к тому времени имел имя: иностранные «меценаты» скупали картины. О странной особенности нашего общества — с легкостью необыкновенной расставаться с тем, что позднее признается за национальное богатство, — писано немало. Вскоре Михаил откликнулся на вызов известного графика, основателя художественной галереи «Ватерлоо» (Лондон) Феликса Топольского, и выехал в Англию. Так началась заграничная эпопея художника с Арбата, бывшего приютского воспитанника, бывшего пожарного...

Первый успех за границей был связан с той самой картиной, которую заклеили московские цензоры. Она была продана на Амстердамской художественной выставке за 100 тысяч долларов. Тут бы и погулять на радостях! Но Сморчевский поступает «неадекватно»: он дарует вырученную сумму — всю! — на нужды жертв землетрясения в Армении. Следующий доход он жертвует Советскому детскому фонду. И вот сейчас — на возрождение в Москве института благородных девиц.

— Послушайте, Михаил, — говорю я, — благополучный художник-профессионал. Филадельфийский университет предлагает вам должность профессора, вам гарантировано участие в выставках, у вас восхитительная возможность выбирать себе зарубежный маршрут — любой, куда только дотянет Аэрофлот, а если не Аэрофлот, так Пан-Америкен или Люфтганза... Так вот я и хочу знать: как такие благополучные люди, как вы, приходят к мысли о том, что есть нечто — выше благополучия. Как вам пришла мысль об институте благородных девиц?

— Представьте ситуацию. Сажу в одном из вашингтонских отелей — это было в середине прошлого года — и слушаю мрачнейшую передачу о России: опять национальная вражда, экономический кризис, нехватки, убожество быта... Мрак. Все так, но душа не хочет мириться. Неужели нет ни лучика света? Но свет в мир несет женщина: мать Божья, благородная дева... Чтобы подняться с колен, нужно посмотреть вверх. Неужели мы — нация, утратившая навсегда энергию духа? Да дайте же выход нашей духовности, которой завидовала старая Европа, давайте вспомним о нормальной человеческой Чести... Моя бабушка Екатерина Аршанская, единствен-

ная родная душа, навещавшая меня в приюте, рассказывала о предках, среди них было немало военных: дед Александр Викторович Сморчевский служил в 274-м Дунайском пехотном полку, потом стал химиком, одним из отцов порошковой металлургии — его замотали по сталинским лагерям, как «германского шпиона»; троюродный дед — лейб-гвардии Семеновского полка поручик Юрий Сморчевский; подполковник царской армии Леонид Константинович Сморчевский — последний управляющий Александро-Мариинского кавалерственной дамы Чирковой института благородных девиц... Все эти люди — я не могу не верить бабушке — были эталоном порядочности, носителями подлинной духовности. Высочайшего представления о женском предназначении были и девушки, воспитанницы института...

Впрочем, давайте глянем, хотя бы мельком, из нашего времени на некоторые подробности той «институтской» жизни. Воспользуемся для этого статьей самого Сморчевского: «В классном помещении обычно занималось по 20—30 человек... Классные дамы дежурили через день по очереди. Одна владела немецким, другая — французским. Воспитанницы должны были по всем вопросам обращаться к ним только на иностранном языке и во время уроков, и после них. «Француженка» была Н. А. Сабурова, «немка» — Е. С. Макарова... Подъем в 7 часов утра. Дортуары рассчитаны на 40—60 человек. В умывальных комнатах воспитанницы обтирались холодной водой до пояса. Теплая вода — только для чистки зубов. Девочки одевались, причёсывались, убирали одежду. Потом шли в парадный зал, где хор воспитанниц пел молитву. После этого спускались на первый этаж

в столовую; обеденные столы были большие — на 10 персон.

...После завтрака — уроки. Занятия шли с 9 часов до 12 — три урока. Затем — обед, прогулка, и с 14 часов еще два урока. В 16 часов полдник — чай. Такое расписание не похоже на принятое в советской школе.

Готовили уроки группами или поодиночке, но обязательно должны были отвечать классной даме. Правда, она спрашивала только гуманитарные предметы; русский язык, историю и географию. А кроме них, еще проходили естествознание, французский и немецкий, математику. Закон Божий, физику, рисование и музыку. Для музыкальных занятий были созданы самые благоприятные условия. Пианино стояли в нескольких комнатах на всех этажах и даже на лестничных клетках...

Всех воспитанниц учили шитью. Шили рубашки, кофты, панталоны, нарукавники. В институте была своя обувная мастерская. Во время войны 1914 года здесь делали ботинки. Многим институткам очень пригодились впоследствии приобретенные навыки. ...в праздничные дни — на каникулы, Рождество, Пасху, по царским дням — для старшекласниц давали балы. На них приглашался кадетский корпус...»

— Кто же вам поведал о всех этих действительно любопытных деталях быта и воспитания в стенах института?

— Бывшая классная дама Е. С. Макарова, племянница знаменитого русского адмирала, — она дружила с моими дедом и бабушкой. Словом, все началось с того памятного вечера в вашингтонском отеле...

Вернувшись в очередной раз в Москву, Михаил Сморгчевский

обратился ко всем соотечественникам, разделяющим надежды художника на возможность начать возрождение национальной памяти народа, с призывом поддержать его предприятие. Опустим описание мытарств, неизбежно выпадающих на долю всех инициативных и смелых в нашей стране.

Но вот первые итоги: готовы финансировать проект (общая стоимость которого составит, видимо, 100 миллионов рублей) Национальный Русский Банк, Кредитпромбанк, Трансэкспобанк, Частное литературно-издательское агентство Руслана Элинина, Всесоюзная ассоциация Советов воинов запаса и воинов-интернационалистов оборонно-патриотических объединений, Всесоюзный суворовско-нахимовский клуб, Комитет воинов-афганцев, Благотворительный фонд перестройки Вашингтон-Москва. Госкомобразование СССР и РСФСР обязуются выделять для каждой из первых 120 воспитанниц ежегодные дотации по 340 рублей...

Сморчевский продумывает все детали предприятия: кто будет подбирать кандидаток в воспитанницы (пусть этим займутся боевые товарищи павших офицеров); кто должен осуществлять контроль за расходами средств (будет создан специальный комитет из учредителей); где издавать Книгу памяти, куда занесут фамилии всех, отдавших свои средства на реализацию проекта.

Но пока самый больной вопрос: как отвоевать здание на Пречистенке, 19? То самое, где 70 с лишним лет назад воспитывались благородные девицы. Там нынче размещается Военная цензура, 3-е квартирное управление хозяйственных служб и другие мелкие подразделения МО СССР.

Министерство обороны, о благородстве, человечности которого

в конечном счете и печется художник Сморчевский, как бы «в упор не видит» его филантропических начинаний. Ему бы, министерству, надлежало в первую очередь протянуть этой инициативе руку помощи — да нет, «не положено»!

...А вот в маленьком Кувейте власти (военные в том числе) за предложение Сморчевского и их возрождающуюся общественную жизнь украсить подобным институтом, как говорится, ухватились обеими руками. И подозреваю, что кувейтские девицы «облагодоятся» благодаря русскому меценату куда скорее, чем наши отечественные...

За годы, проведенные на Арбате, Михаил Сморчевский сделал, по собственным подсчетам, около пяти тысяч портретов...

Однажды на его раскладной стульчик сел позировать плотный человек с умным лицом. Получив через 15 минут свой портрет, он улыбнулся и сказал: «О'кей!»

Сопровождавшие этого дядю американцы хлопали Михаила по плечу: знаешь, кого ты рисовал? А Мише было без разницы: смотрит клиенту в глаза, а не в метрику. Он держал в те годы книгу автографов для посетителей; когда клиент расписался, прочитал: «Джордж Шульц».

Да, тот самый государственный секретарь США, предварявший исторический визит в СССР Рональда Рейгана. 86-й год, начало грандиозного поворота в жизни мира...

И вот сейчас, на пороге реализации своей мечты, бывший «бутерброд» — Председатель московско-польского культурного общества «Полония», католик, русский художник Михаил Сморчевский обращается со страниц нашего журнала ко всем пяти тысячам

граждан (Джордж Шульц не исключение), кто хранит дома портреты, сделанные его рукой; братцы, вспомните 86-й год, вспомните ваши улыбки, вспомните и меня. Я верил вам. Давайте вместе построим Дом, где маленькие российские девочки будут учиться благородным манерам и благородному образу мысли...

Может быть, с этого начнется отсчет Нового времени России?

От редакции. Институт благородных девиц — в наше-то время?! Делать, что ли, нечего?

Что ж, кто-то и так прореагирует на эту публикацию. Доводов «за» и «против» идеи художника Михаила Сморчевского наберется, дураем, с избытком.

«Смена» определяет свою позицию однозначно: мы поддерживаем благородный порыв нашего соотечественника. И надеемся на заинтересованные, пристрастные отклики. Давайте и в это смутное «сегодня» все-таки не забывать о завтрашнем дне. Тем паче, речь идет о девочках — будущих женах, матерях, дарящих этому миру Жизнь.

Али ВИНОГРАДОВ

64

МАСТЕРСКАЯ

Московский художник Али Виноградов неожиданно столкнулся с проблемой. Оказывается, для того чтобы писать картины, нужны не только талант и призвание, но и немалые деньги, дабы приобретать краски, кисти и холсты. Если раньше, к примеру, метр холста стоил десятку, то сейчас приходится выкладывать 130. Кроме того, молодой художник, если он не член элитарного клана Союза, ни о мастерской, ни о материальной помощи не смеет даже мечтать.

Али, как впрочем, и многие художники, вынужден отбивать часы на службе, которая никакого отношения к художественному творчеству не имеет. Корпеть всю неделю ради денег, и только в выходные, да еще вечерами заниматься любимым делом — живописью и графикой.

Али Виноградов живет в Черемушках, в малогабаритной

квартире, с многочисленной семьей. Работать он может только в одной комнатке, которая служит одновременно и спальней.

Али уходит из жалкого бытия в мир иллюзий. Он создает причудливые иллюстрации к сказкам Гофмана. «Иногда, сидя в полумраке комнаты и работая над картиной «Щелкунчик» или рисуя острой офортной иглой на медной доске портрет Гофмана, — говорит Али, — мне представляется мой любимый писатель, записывающий наполненные пряным волшебством и малиновым звоном серебряных колокольчиков сказки».

Яркие краски и необычные формы на его полотнах — протест против серости улиц и кварталов, в которых он живет. «Мне жаль людей, обитающих в этих районах. Ведь они никогда не видели настоящей архитектурной красоты». Али Виноградов

Судьба.

Щелкунчик-2.

Черемушки-Венеция.

За столом.

Подъезд.

представляет «свои» Черемушки. В картине «Черемушки — Венеция» он противопоставляет унылость московских улиц празднику архитектуры и жизни одного из красивейших итальянских городов.

Затем у художника возникла идея. А нельзя ли увидеть Черемушки, скучные и невыразительные, через «розовые очки»? Так возникла серия — нарядная и веселая «Зима в Черемушках».

Еще одна тема в работах Али Виноградова — летающие корабли.

В картине «Окно» «корабль-самолет» — это душа человека, свободная и готовая к полету. Птица, бьющаяся в клетке, — символ неволи. Но корабль — надежда, которая есть всегда. В работах Али Виноградова — фантастика и юмор, смешанные с реальной жизнью советского человека, чередование тщательно прорисованных линий с яркими, абстрактными пятнами. Цвет помогает создать ощущение праздника. Правда, праздника немного жутковатого: например, огромный букет красивых сочных цветочных пятен может оказаться... неубранной помойкой. Вот уж действительно, — если нельзя плакать и ругаться, то можно смеяться. И, может быть, поэтому у Али всегда хорошее настроение. «Я по натуре оптимист», — говорит он о себе. А его работы подтверждают это.

ОЛЬГА ПОДАГОВА

ДЖЕЙН ФОНДА и ТЕД ТЕРНЕР.

Джейн Фонда—

вчера,[☆]

сегодня...

★
АЛЕКСАНДР МИНЧИН

Франсис Фонда, родившая двух прелестных детей, покончила жизнь самоубийством 14 апреля 1950 года. Причина — неудавшаяся семейная жизнь с Генри Фонда, известным актером кино и театра. В день своего 42-летия Франсис, чувствующая себя покинутой мужем и детьми, взяла бритвенное лезвие и расплосовала горло от уха до уха. Ее нашли мертвой в ванне в луже крови. Из-за напряженной обстановки в семье (Генри собирался уходить к другой женщине) детям сообщили, что мать умерла от сер-

дечного приступа. Ни Джейн, ни Питер (сестра настраивала его против матери) не были особо потрясены или задеты ее смертью. Не прошло и нескольких недель, как Джейн прочитала в газете, что вторая жена Генри Фонда покончила жизнь самоубийством. Но и это не изменило ее отношения к матери...

Трудно поверить, что Джейн Фонда сегодня — 53 года. Она одна из самых известных актрис мира, хотя до 17 лет ее не одолевала мечта стать киноактрисой и вообще не интересовала сцена. Жизнь Джейн не похожа на жизнь-сказку тех Золушек, которые из безвестности вышли в звезды. Ее судьба иная.

Джейн Фонда родилась 21 де-

Александр Минчин в 1977 году эмигрировал в США и уже около 15 лет живет и работает в Нью-Йорке. Он автор романов «Псих» (1981), «Факультет патологии» (1986), изданных на русском языке, и книги «Пятнадцать интервью», вышедшей в Нью-Йоркском издательстве имени А. Платонова в 1989 году.

Предлагаемый вашему вниманию материал из серии «Звезды мирового экрана» подготовлен автором специально для «Смены».

кабря 1937 года в Нью-Йорке. Долгое время семья жила на Западном побережье в Калифорнии, а затем переехала на Восточное (Нью-Йорк, Коннектикут), после того как папа стал успешно играть на Бродвее в сенсационном спектакле «Мистер Робертс».

В дорогом Вассар-колледже Джейн считалась довольно беспутной девочкой, не останавливающейся ни перед чем в поисках приключений. Видимо, так бы все и продолжалось, но в 1958 году она встретила Ли Страсберга, знаменитого преподавателя актерского мастерства и основателя Актерской Студии. Он приглашает ее в свою студию для занятий. Через его Актерскую Студию прошли такие известные актеры, как Марлон Брандо, Ал Пачино, Роберт Редфорд, Мэрилин Монро, Роберт Де Ниро, Дастин Хоффман, Фей Данауэй... Страсберг одним из первых разглядел в Джейн какое-то зерно, несмотря на то, что над ее головой, как ореол, висело имя отца.

Через «моделирование» прошли многие актрисы, карьера модели имела свой сладкий привкус. В 21 год Джейн получает работу в знаменитом агентстве моделей мадам Форд. Ей платят 50 долларов в час. Через некоторое время благодаря привлекательной внешности и имени она появляется одновременно на четырех обложках, включая журнал «Вог» (что считалось самым престижным для карьеры модели).

Именно во время занятий в Студии Джейн решает стать актрисой. В 1960 году она снимается в своем первом фильме, забавной комедии «Высокая история» режиссера Логана, подписавшего с ней контракт на 7 лет. Она получала 10 000 долларов в год. И в этом же году состоялся еще один дебют — на сцене Бродвея, — после которого

она была признана восходящей звездой.

Для ранних 60-х Фонда была актрисой нового стиля и плана, стремившейся играть, а не изображать по велению режиссера. Она вышла из школы лучшего сценического педагога Америки, и эта школа вытолкнула ее наверх, помогла стать лучшей актрисой мирового кино. Но это будет потом. До этого ей придется пройти через сомнительные лавры секс-звезды на экране. Начнется все с Парижа. Если говорят, что все пути ведут в Рим, то все дороги выходят из Парижа.

Джейн Фонда и Роже Вадим встречаются впервые в 1963 году в Париже, куда она отправляется сниматься в фильме «Дом наслаждений». Роже Вадим был наиболее известным среди режиссеров волны декаданса. Его главным открытием была Брижит Бардо, из которой он сделал суперзвезду кино, став при этом ее первым мужчиной и мужем. (Брижит была из провинции, из добропорядочной семьи, так что в те времена такое было возможно.) Весь мир сходил тогда с ума от Б. Б. и ее фильмов. Помимо нее, Вадим покорила сердца таких красавиц, как Катрин Денев и Аннет Стройберг. Вадим был, наверное, единственным мужем во Вселенной, которому могли бы позавидовать абсолютно все мужчины: три его жены были признаны самыми красивыми женщинами мира — Брижит Бардо, Джейн Фонда и Катрин Денев (с последней он так и не успел расписаться). Четвертая жена — шведская красавица, актриса и модель Аннет Стройберг. Естественно, все его жены в соответствующие периоды снимались в его фильмах и стали всемирно известными актрисами.

В это время французский Пигма-

лион искал свою следующую Галатею. Джейн была известна всей Америке, но ее никто не знал в Европе. Теперь настала очередь Джейн. И она с достоинством подняла свой щит, показав на экране, что ее обнаженное тело ничем не уступает красоте, а в какой-то мере и превосходит тело французенки. Бардо и она были в чем-то схожи (в то время): длинные ноги, среднего размера упругая грудь, красивые плечи, длинная шея, изумительное тело, и только лица — одно французенки, другое американки — были разные. Их объединяли чувственные губы, высокие скулы, влекущий взгляд и трепещущие ноздри.

Парадокс в том, что вкус Вадима стал вкусом всего мира. Он пытается сделать новую Брижит Бардо, и действительно поразительно схожи кадры, где он снимал Б. Б., а потом Джейн Фонда. Даже ракурсы показа их тела (о,

эти божественные Тела!) одинаковы.

Небезынтересная деталь: настоящая фамилия Вадима — Вадим Племянников, русский, родившийся в Париже.

Наиболее нашумевшими фильмами режиссера и актрисы стали «Круг любви», переделка античного сюжета на современный манер; «Барбарелла», смесь мистическо-космического эротизма. После этого Джейн становится известной во всем мире и как актриса, и как женщина. Впрочем, эти ипостаси трудно разделить... Кинопара делит свое время между Малибу в Калифорнии (местечко, где жила кинозвезда Голливуда) и Францией. Париж и его интеллектуальная жизнь, богемное окружение Фонда — Вадима были своего рода вызовом Голливуду, условиям игры которого Джейн долго не хотела подчиняться, несмотря на то, что по происхождению и вос-

питанию она была абсолютно голливудской актрисой.

После затянувшегося «романа» Роже и Джейн в августе 1965 года женятся в Лас-Вегасе, а в сентябре летят во Францию, где начинаются съемки фильма «Игра окончена». Однако важнее кино были их личные взаимоотношения. Они покупают ферму и живут невдалеке от Парижа. Будучи не самым примерным мужем, но отличным любовником, Вадим учил Джейн «раскованности» в сексе. У него было множество любовниц, о которых он ей рассказывал.

В это время Джейн отказывается от главной роли в классическом фильме «Бонни и Клайд», чтобы сниматься в фильме Роже Вадима, знаменитой «Барбарелле». Во время съемок Джейн чувствует, что беременна. 28 сентября 1968 года у них рождается дочь, которую называют Ванесса Вадим.

В начале 1969 года они возвращаются в Малибу и живут в вилле на берегу всегда шумящего океана. Джейн оказалась талантливой ученицей, и супруги начинают соревноваться в количестве любовников. Во время очередного приема в доме, среди множества гостей, Джейн могла отлучиться с красивым молодым человеком «на минутку» и тут же вернуться.

В августе супруги возвращаются во Францию, где узнают о жестоком убийстве американской актрисы Шарон Тейт, жены Романа Поланского; это была пара, с которой они близко дружили и проводили много времени. А также об убийстве всех ее друзей, присутствовавших тогда в доме. «На их месте могли бы быть мы», — говорит потрясенная Джейн своим близким.

Ее уже не устраивают Париж, муж, его фильмы, насквозь пронизанные декадансом, внутренняя пустота их создателя. В конце 60-х

она окончательно возвращается в Америку и сразу же снимается в фильме известного режиссера Сиднея Поллака «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» (Фильм показывали в Советском Союзе, и нет нужды подробно останавливаться на танцевальном марафоне, его многие видели.) За эту роль Джейн получает номинацию на «Оскара» как лучшая актриса года и награду нью-йоркской кинокритики за лучшую женскую роль. В этом фильме Джейн Фонда показала все лучшее, что в нее заложила школа Ли Страсберга, и все лучшее, что было в ней самой.

За роль в следующем фильме, «Клют», где она играла уличную проститутку, преследуемую маньяком, Джейн Фонда получила своего первого «Оскара» как лучшая актриса года.

Теперь ее роли все более связаны с ее политическими идеалами. Фонда участвует во всяких антикампаниях и антиорганизациях, выступает во Вьетнаме перед солдатами и выкрикивает антиамериканские лозунги по радио; появляется в северо-вьетнамских окопах за прицелом вьетнамской пушки. Ее речи досадно нелепы, риторике мешает пыл, реалистичности — фантазия и увлеченность. Не хочется вспоминать эти события, несмотря на то, что они часть жизни актрисы: скорее всего для нее это была игра. Многие американцы требовали отдать ее под суд за предательство. Но как можно судить дочь Генри Фонда? Ее простили, но прошло много лет, прежде чем все это забыли. Надолго она становится «ханойской» Джейн.

В это же время актриса много работает в кино, делает по фильму в год. Фонда снимают лучшие режиссеры — от Годара до Артура Пенна, автора известного русско-

му зрителю фильма «Погоня», где вместе с Джейн Фонда играют такие известные актеры, как Брандо, Редфорд, Дикенсон. Во второй половине 70-х актриса создает свои лучшие фильмы: «Забавные приключения с Диком и Джейн», ее партнером выступает прекрасный актер Джордж Сигал; «Джулия», где с ней играет Ванесса Редгрейв, английская актриса; «Возвращающийся домой» и «Китайский синдром» с Джеком Леммоном и Майклом Дугласом.

Ее последние фильмы, поднимающие близкие и живые проблемы войны, любви, современности, делают Джейн Фонда одной из самых выдающихся актрис ее поколения. За «Джулию», где Фонда создает образ писательницы Лилиан Хеллман — фильм рассказывает о ее юности, об участии в европейском Сопротивлении и последующей жизни в Америке, — Джейн получила снова номинацию на «Оскара». А в 1978 году второй раз получает «Оскара» за лучшую женскую роль в фильме «Возвращающийся домой». Джейн — единственная актриса в истории кино, которая достигла необыкновенного: два «Оскара» плюс две номинации на самую высокую награду в мире кинематографии.

В личной жизни Джейн делает шаг, который трудно объяснить, разве что ее «политическими» увлечениями. Она встречает некоего Тома Хэйдена, радикала, «нового левого», участвующего с ней в антивьетнамской кампании, ищущего любого способа пробиться в политические деятели. Довольно неопрятного вида, заикливший на своей карьере, он был, пожалуй, первым из всех возлюбленных актрисы, кто использовал, и с успехом, ее имя для своих целей. Например, чтобы финансировать его кампанию в борьбе за кресло в сенате США, Джейн

соглашается сниматься в «Приближается всадник» и «Джулии». Вероятно, Джейн надеялась со временем стать госпожой президентшей, так как путь в президенты лежит через сенат или конгресс. Но из этой затеи ничего не вышло. Хэйден, несмотря на все ее усилия, застрял где-то в нижних слоях штатского правления Калифорнии.

Во время съемок в Норвегии «Карточного домика» Джейн узнает, что снова беременна, и решает выйти замуж за Хэйдена. Они женятся в январе 1973 года, а в 1989 году разводятся. Причем муж отказался прервать свой новый роман, несмотря на требования Джейн, и покинул дом кинозвезды, который, как он сообщил прессе, ему никогда не нравился. Он устал быть «мистером Фонда» при знаменитой жене. Хотя именно она принесла и ему всеобщую известность.

В кино судьба Джейн складывалась лучше, чем в жизни. В фильме «Возвращающийся домой» рассказывается о событиях в семье, связанных с вьетнамской войной. Партнером Джейн, ее мужем по фильму, выступает прекрасный актер Брюс Дёрн. Герой Дёрна после войны возвращается домой в чине капитана и узнает, что его жена изменяла ему тоже с ветераном войны, безногим сержантом. Изменяла то ли от жалости, то ли от одиночества. Капитан, сдержавшись, не убивает жену, а заплывает далеко в океан и не возвращается. Бесспорно, это одна из лучших ролей Джейн Фонда, где она достигает необычайной высоты: женственности, искренности и редкого правдоподобия своей героини. Игра ее исполнена мастерства, каким могла бы гордиться и театральная сцена: высшая похвала для актеров кино, стремящихся «доказать» себя на

сцене в театре, на которую Джейн так никогда и не пришла.

«Китайский синдром» — особенный фильм, на мой взгляд, вершина творчества и лучшая из всех работ Фонда. Она играет репортера новостей одной из крупнейших телекомпаний. Ее партнер — классик современного кино Джек Леммон, исполняющий роль менеджера электростанции, где происходит утечка ядерной энергии, которая еще через 20 лет будет приносить смертельные плоды живущим на Земле. Джейн совершенна, убедительна и драматична в этой роли. Нужно видеть ее глаза, когда при ней убивают менеджера станции, откуда она ведет «живой» репортаж, показываемый по телевидению миллионам зрителей.

Фонда и Леммон за исполнение мужской и женской роли были представлены на «Оскара», и только по какому-то недоразумению, и, кажется, потому что у Джейн уже были два «Оскара», американская академия искусств присудила звание лучшей актрисы года другой актрисе. Английская академия была умней и назвала лучшими актерами года Джейн Фонда и Джека Леммона, а фильм «Китайский синдром» — лучшим фильмом года. Это справедливо, так как картина действительно шедевр современного кино.

В 1978 году Джейн предложили роль в фильме «Калифорнийский отель», где она должна была сниматься в одном бикини. По совету близкой подруги она пошла в класс аэробики и довольно быстро привела себя в суперпрекрасную форму. С этого момента началась страсть Джейн к аэробике, которая в течение следующих десяти лет принесла актрисе много-миллионные доходы. Сначала она открыла студию в Беверли Хиллс, потом стала выступать по телеви-

дению, затем пошли видеокассеты с ее собственными упражнениями, книги, альбомы с фотографиями и многое другое. Все это носило название «Зарядка Джейн Фонда». Не прошло и года, как Америка буквально помешалась на упражнениях аэробики. После чего возникли «Зарядка № 2», «№ 3», для беременных и еще Бог знает для кого. Но публика жаждала еще, и Джейн выдавала. По-моему, сейчас она зарабатывает зарядку для мужчин (о, тут она специалист!).

В 80-е годы Джейн снималась не так часто, занятая множеством других проектов. Наиболее известные ее фильмы: «С 9 до 5», прекрасная комедия из жизни секретарш; «Божья Агнес», «Старый гринго» с Грегори Пеком и «На золотом пруду». Последний имел очень большое значение в жизни кинозвезды. После того как комедия «С 9 до 5» принесла ее собственной компании по производству фильмов 100 миллионов, Джейн решила, что она наконец-то готова сниматься со своим великим отцом — Генри Фонда. Взаимоотношения отца и дочери были далеко не легкие и претерпели много изменений за сорок три года. От бунтарства и непослушания до полного прекращения всяческих отношений... Возможно, причиной послужила трагедия прошлого: самоубийство матери.

Во время съемок Джейн старалась сыграть как можно ближе и автобиографичней к их собственной жизни и личным отношениям. Отец и дочь играли в фильме отца и дочь, чему Генри неистово сопротивлялся: он не хотел, чтобы его отношения с дочерью переносились на экран. И только вмешательство Кэтрин Хепбёрн, игравшей роль жены, привнесло «мир» на съемочную площадку. С большим трудом Генри Фонда

удалось закончить фильм, ставший для него последним. «На золотом пруду» имел невероятный успех. Генри Фонда получил своего первого «Оскара» после почти пятидесяти кинематографических лет. Он был уже смертельно болен, и Джейн принимала награду за него, со слезами на глазах и гордостью за своего отца. Семейные узы были восстановлены — благодаря кино.

От брака с Хэйденом у Джейн двое детей, мальчик и девочка. Она прекрасная мать. Но еще Джейн по натуре любвеобильная женщина. По количеству любовников с Джейн могут равняться в голливуде только две актрисы: покойная Мерилин Монро и Барбара Страйзанд. Она недолго оставалась в одиночестве после развода: вскоре журналы запестрели фотографиями Джейн, развлекающейся на Карибских островах с 35-летним итальянским футболистом Лоренцо. А вслед за тем начался ее последний роман с телевизионным магнатом, миллиардером Тедом Тёрнером. Король кабельного телевидения весьма заинтересовался разведенной актрисой. Только после второго звонка она согласилась на свидание. Год прошел в обедах, путешествиях, свиданиях, торжествах, на которых Джейн Фонда и Тед Тёрнер всегда появлялись вместе, держась за руки, но говорили, что они друзья. И вот наконец возлюбленные (в вероятность чего никто не мог поверить) стали мужем и женой.

Это всего лишь третий брак актрисы. Ей явно далеко до восьми браков Элизабет Тейлор. В свои 53 года актриса выглядит чудесно, она избавилась от морщин, подтянула кожу, искусственно увеличила грудь, упражняет тело и мышцы каждый день. Чего не сделаешь ради искусства.

**ЕЛЕНА
МАСЛАНОВА**

**ФОТО
ЗДУАРДА
КУДРЯВИЦКОГО**

КАЖОВЫ

ПОДРУЖКА!

Женщины танцевали азартно. Что-то мне это напоминало, но что? То ли танцы в средней школе, то ли клуб «Кому за 30», хотя я точно знала, что все в этом зале пенсионерки.

Совсем недавно эти немолодые женщины были очень больны. За плечами нелегкая жизнь, у многих — потери близких. У кого два инфаркта, у кого сложные операции, переломы ног. О гипертонии

уж и говорить не приходится. А за окно — сами знаете — лучше не выглядывать. Озлобленные очереди, пустые магазины. А эти — танцуют, и настроение у них праздничное сегодня и ежедневно. Да что танцы! Они делают себе экстравагантные шляпки, украшают их цветами невероятной красоты.

Практически все здесь вяжут и шьют — учат друг друга. Воротнички, салфеточки мастерят... Бур-

но обсуждается фасон простого, но эффектного платья — свободного и длинного — чтобы дома в халате не ходить. А? Каковы старушки!

...Занятия в творческом клубе «Здоровый образ жизни» проходят два раза в неделю по два часа. Здесь и спортивные тренировки, и танцы, и выработка хорошей осанки, красивой походки, гимнастика для глаз, точечный массаж. Все это — в кабинете ЛФК одной из московских поликлиник.

Жизнь клуба не исчерпывается занятиями. Из зала женщины все вместе идут к кому-нибудь в гости. Покупают абонементы на лекции по искусству, ходят вместе на концерты. Все дни рождения празднуют, подарки друг другу делают...

Евгения Васильевна Чукаева, ветеран войны (до пенсии врач-стоматолог) говорит о клубе так: «С возрастом, несмотря на внуков, начинаешь чувствовать пустоту вокруг себя. А здесь — жизнь!»

Мы думаем, стоит добавить старикам 10—20—30 рублей к пенсии да накормить благотворительным обедом — и они будут счастливы. Возможно, будут сыты, но при чем тут счастье? Им нужно вернуть чувство собственного достоинства, радость жизни и общения с людьми.

...Радость жизни женщины из творческого клуба получают бесплатно.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

┌ Поможет ли ему моя любовь?

┌ «Дайте мне последнюю надежду...»

■ Как мы и ожидали, очерк Аллы Бережковой «Спасение любовью», опубликованный в № 12 за прошлый год, вызвал колоссальную почту. Естественно, в первую очередь откликнулись наши читательницы, которых захватила трогательная судьба двух незнакомых им людей, и, конечно, заключенные, для которых эта история дает хотя и слабую, но все-таки надежду на то, что и в их жизни могут быть еще и любовь, и дети, и счастье.

Мы печатаем лишь небольшую часть этих писем. Всю почту мы передали Алле Бережковой и ее мужу и планируем опубликовать интервью с ними в одном из будущих номеров «Смены».

┌ Бога ради, простите меня за это письмо, Алла. Сегодня совершенно случайно попал мне в руки № 12 «Смены» за 1990 год. Я прочла ваш рассказ «Спасение любовью» и была поражена вашим мужеством и добротой. Я хочу немного рассказать о себе — наши судьбы чем-то схожи. Мой любимый тоже заключенный. Познакомились мы с ним, когда он уже отбывал срок, и чужое страдание, чужая боль стали моим страданием и моей болью. Я тоже мало знала о колониях и заключенных. Теперь мне многое изве-

стно. Да, все было, как у вас, вы будто бы рассказали не только о себе, но и обо мне. Но беда за бедой просто преследуют нас, и иногда я впадаю в отчаяние от бессилия. Мой Василий был осужден в феврале 1990 года на пять лет за государственную кражу в особо крупных размерах. Жена отказалась от него тут же официально, а фактически уже давно. Ее поведение и дало толчок Василию преступлению; как сказала его мать: «Чего она хотела, того и добилась». Но я его не оправдываю, преступление должно быть наказуемо, и, больше того, понимаю, что зона — это не пансион благородных девиц. Но одного не могу я понять: зона с туберкулезными больными лишена медикаментов, даже элементарных рецептов на лекарства врачи не дают. «Достанете лекарство, будем лечить, нет — это не наша забота». А каким образом мне доставать лекарства, которые аптека выдает строго по рецептам, врачей зоны это не интересует. В наш век электроники, освоения космоса умирают сотни людей, «выплывавая легкие» и истодя кровью. Да, они заключенные. Но разве они не люди? Вася написал мне: «Я болен, очень болен, я не уверен, что встречу следующий день, я живу на полукознутых. Ты мо-

лода. Я не имею права связывать свою судьбу с твоей, ты найдешь еще свое счастье, брось меня, так будет правильнее и справедливее». И я сходила с ума от того, что я беспомощна; бессилие мое и невозможность помочь больному, любимому да просто человеку выводит меня из колеи. Впервые я столкнулась с понятием «зона» восемь месяцев назад — с бесцеремонностью, равнодушием, жестокостью и хамством охраны от солдата до офицера. Бессовестно могут «послать» тебя самыми скверными словами лишь за то, что ты по неопытности своей зашла со «свободной» земли на «запретную». А попробуй постоять за свою честь! Однажды мне ясно и понятно было сказано, что «порядочные сюда не ездют». Да, так и было сказано «не ездют». Мы с моей девятилетней дочерью повезли лекарство, которое нам удалось достать для Васи, и вот при ребенке «бравый офицер» разъяренно топал ногами и бесновался за то, что, разыскивая доктора, я подошла к спецчасти, кстати, никем не охраняемой и находящейся вне зоны. Он даже замаяхнулся на меня, так разгневался. Я отошла к женщинам, ждавшим свидания, и одна из них вздохнула: «как с собаками с нами...» Боже, я уже не ждó элементарного «вы», разве я имею право на уважение? — я же привезла лекарство зекó. Не устаю поражаться отношению к старухам-матерям, к женам заключенных, по меньшей мере, ладное отношение, и это лишь за то, что не предали, не оставили с бедой один на один мужа, сына, отца. Но я немного отвлеклась. Итак, продолжаю ждать доктора, и вдруг на моих глазах и на глазах моей дочери

происходит следующее. Вероятно, один из заключенных зашел в не положенное для него место, так как откуда-то выскочил солдат, буквально визжа, что сию же минуту снимет одной пулей провинившегося, и, конечно, вперемежку с отборным матом. Дочь моя побледнела, схватила меня за руку: «Мама, мамочка, а нас он не застрелит? Этот дядька фашист, да?» У меня от волнения горло перехватило, пытаюсь что-то ей объяснить, но чувствую, ничего у меня не получается. Еле дождались доктора. Дома долго не могла успокоиться, даже с сердцем стало плохо, и одна мысль меня мучила: какое же отношение там с ними, если за один час пребывания рядом с зоной я стала униженной, опустошенной, оскорбленной? Да, наверное, цель тюрем все же мстительная кара, а не исправление и возрождение человека к новой жизни. Да восемь месяцев восемь раз я ездила к Васе и восемь раз испытывала горечь и обиду, непонимание и шоковое состояние. Но и это я готова снести, лишь бы возродить в Василии веру в себя, веру в жизнь и в будущее. Восемь раз я приезжала на двухчасовое свидание, восемь раз через двойное стекло я видела измученное болезнями любимое лицо. Я могу только два часа в месяц разговаривать с ним через телефонную трубку, и всегда меня угнетает при этом мысль: «Так близко, а даже кончиками пальцев нельзя прикоснуться всего лишь на миз, на полумиз». Не положено. Еще три с лишним года впереди. Сможет ли моя любовь помочь ему выстоять, выжить? Расписаться мы с ним не можем — жена хотя и оформила развод, но свидетельство о разводе не отдала.

Вся его взять не может, матери на руки документ не дают, он мечется, не находя выхода. А я лишь об одном думаю: сможет ли он, имея в двадцать девять лет туберкулез легких, язву желудка и двенадцатиперстной кишки, просто физически выжить в таких условиях? Чем помочь, как помочь? Он все больше падает духом, несмотря на мои почти ежедневные к нему письма. Не знаю, к кому мне обратиться за советом. Мама моя и друзья не понимают меня, осуждают, и не хочется мне к ним идти со своей бедой. Алла, может, вы мне хоть что-нибудь посоветуете? Я не могу, не могу отвернуться от человека, который за эти месяцы стал дорог мне. Простите еще раз за то, что отвлекаю вас сумбурным своим письмом, просто мне сейчас очень, очень трудно.

НАТАША,
Кишинев

«Смену» читаю регулярно и хотя не подписывался на нее, вот уже в течение двух лет не пропускаю ни одного номера. Но написать это письмо меня побудило не что иное, как последний шанс на спасение в буквальном смысле слова. Статья Аллы Бережковой «Спасение любовью» в № 12 за 1990 год окончательно добила меня. Не спорю, мое письмо может вызвать у вас удивление и показаться глупым, наивным, но... Конечно, трудно поверить человеку, находящемуся в неволе. Однако последняя ниточка на спасение и надежда на то, что меня смогут понять и не отвергнуть, заставили написать вам. Даже с трудом верится, что есть еще люди, которые понимают нас, а не глядят, как на злейших врагов об-

щества. С самого начала мне не повезло в жизни, и в пятнадцать лет я угодил за решетку. Однако те, кто выносил приговор, не задумывались над тем, что такой срок (а мне дали восемь лет) не способен исправить, а, наоборот, способен озлобить. Они не думали о том, что ломают человеку жизнь. Для них я был прежде всего преступник, а не человек. И вот сейчас прошло уже шесть лет, и я с каждым днем ощущаю, что эта жуткая обстановка меня все больше засасывает и остается все меньше сил сопротивляться. Все попытки освободиться раньше потерпели крах. Правда, у меня осталась еще одна возможность, но... Для этого мне нужно сделать то, что я пытаюсь сделать уже в течение года, однако меня или не понимают, или просто боятся связать свою судьбу с человеком из преступного мира. Да, у меня были подруги, с которыми я вел переписку. Однако стоило мне только заикнуться о росписи, незамедлительно следовал короткий отказ, и переписка вмиг обрывалась. Порою даже подкрадывалась мысль, что в моей жизни уже все потеряно. Однако я всегда гнал ее прочь и думал лишь о том, что ни за что не поддамся этому адскому водовороту, который навсегда затягивает даже сильных духом. Но сил остается все меньше, а попытки найти близкого, дорогого сердцу человека, чтобы дать новые силы противостоянию, терпели крах. Не оставьте мое письмо без внимания, помогите! Не дайте мне навсегда искалечить жизнь и потерять последнюю надежду!

АНАТОЛИЙ,
Ленинград

Прочитала статью Аллы Бережковой и... облегченно вздохнула: значит, не одна я «такая дура». (По выражению большей части сельчан.) Почти все, описанное вами, Алла, произошло и со мной. Только у меня одно высшее педагогическое... И с первым мужем я жила дольше — четырнадцать лет. И у меня от первого брака две дочери (теперь уже взрослые).

А еще, и это, наверное, чуть ли не самое главное: у моего супруга шесть судимостей. У вашего одна? У моего милого ни одной живой, теплой души, с самого детства окружал его равнодушный казенный голод государства. Начал он свой горестный тяжкий путь в семнадцать лет... После каждой отсидки, зарекаясь входить в гулкое бесчеловечное это зоны, он силится выкарабкаться на верх социальной лестницы. Но... почва обсыпалась под его ногами, засасывая все глубже и глубже.

А когда пришло позднее, в тридцать с лишним лет, раскаяние, он стал искать свою половину. И нашла она совершенно случайно...

Но как я вас, Аллочка, понимаю! Когда открывала письмо с незнакомым почерком, сердце упало, и я уже твердо знала: судьба. Да-да, я тоже не удивилась, когда он предложил стать его женой. Даже сознательно подталкивала его к этому в письмах. Но до регистрации мы не виделись. Я не сочла нужным поехать на два часа мучительного созерцания. И в марте месяце, обвешанная сумками, собралась в полную неизвестность, в дорогу к зоне. Однако... как все повторяется в жизни, хотя каждый случай уникален. Меня никто не уговаривал

изменить решение, большая часть коллег по работе, к их чести, поняла мой порыв. В семье, правда, мнения разделились: одна дочь приняла Николая, другая, не отговаривая, супилась, не одобряла. А бабушка узнала обо всем лишь перед вторым свиданием.

Не было у нас на свадьбе цветов (не положено!), не было фотографа (хорошо, что такси нашлось) — привезли работника закса). А расписывались мы в коридоре на подоконнике зарешеченного окна. Но никогда в жизни не забуду его взгляда! Его первых слов, его прикосновений именно глазами. И я, Аллочка, в своей жизни не слышала таких слов, какими осыпал меня Николай. Даже молчание его преисполнено было чувства благодарности. В первый год после «свадьбы» он заработал еще два поощрительных длительных свидания. Мы узнавали друг друга, изумляясь сложности мыслей, чувств. А Николай продолжал восторгать меня, хотя я не экзальтированный романтик. Я согласна с вами: чтобы не деградировать в этом аду, цинично называемом «исправительно-трудовой колонией строгого режима», надо иметь очень крепкий стержень! На следующий год — снова три длительных свидания и мои судорожные поиски спасения любимого: писала, куда только можно. Увы, тщетно! Ответ один: отказать ввиду неоднократных судимостей.

Вы тысячу раз правы, Алла! Надо предоставлять акт наивысшего милосердия тогда, когда человек почувствовал свое нравственное очищение. Надо! Иначе как же можно назвать государство, которое предпочитает сгноить оступившегося,

но не дать ему возможности обрести себя?!

И еще на одну радость в вашей семье больше, Аллочка. У вас есть (навечно, уже есть!) ребенок, ради счастья которого ваши муж делает невозможное. А у нас с Николаем только надежда на него — маленького — не угасает... Хотя мне уже сорок, а ему до освобождения целых полтора года. Все равно рожу ему ребенка. Вопреки всем помехам, которые так заботливо выстроило нам наше «гуманное» государство. У вашего мужа хоть детство было, родители, друзья, а у моего Коленки только и есть, что отчаянная надежда на будущее за порогом 1993 года. Сейчас он на поселении. Еще одна нелепость. Я бы сравнила это с ощущением рыбы, выброшенной на сухой песок.

Я по-доброму завидую вам, Алла. Ваши страхи за судьбу любимого закончились. Мои — продолжаются. Выдержим ли? Не сорвется ли? Не сдадут ли нервы? Не убьют ли его в нелепой зоновской драке?.. И так день и ночь. Вы, наверное, помните ощущение этого страха?..

С каждым отказом в нас угасала вера во власти предрержащие, а сейчас Николай в очередной раз просит подать прошение: ведь уже приняли новые Основы уголовного законодательства. Как видите, теплится в нем искорка веры. Не хочу его разубеждать. Пошлю прошение. Но не верю в то, что его дочтают до конца. Прочитав перечень статей, пригрозят стандартный бланк с отказом...

А вам благодарна за очерк «Спасение любовью»!

ТАМАРА,
Хмельницкая обл.

Прочитала в журнале «Смена» статью «Спасение любовью», а в конце статьи приписку, что вашего мужа, Алла, освободили, вот и решили мы с мужем написать письмо. Не кривя душой, скажу, я очень рада за вас, дай Бог, чтобы у вас все было хорошо. Как редко сейчас можно встретить людей, которые могут так любить друг друга, а самое главное — не по расчету.

Но письмо я вам решила написать не из простого любопытства. Моя жизнь так похожа на вашу. Познакомилась я с Виктором случайно, по переписке. И когда начала писать ему письма, думала, что ему это скоро надоест, и он перестанет писать. Но уже во втором письме из зоны он написал, что хочет знать обо мне больше. И сам написал, о себе, о родных, а уже в четвертом письме предложил мне выйти за него замуж и усыновить моих двух детей, тем более, что ему через три месяца подходил срок освобождения. Посадили его на двенадцать лет. Но он отсидел только семь, почти четыре года ему убрали по амнистии. Письма были очень теплые и ласковые. Потом была встреча. Съездили к его маме, она приняла нас очень хорошо. И мои родные его приняли тоже хорошо. Но вот прошли две недели нашей совместной жизни, и у Виктора начались спады: то он веселый, то вдруг нахмурится, молчит, грубит. Я старалась сделать вид, что все нормально, осторожно расспрашивала, что с ним. Стал он выпивать, и с каждым разом все больше. Приходил домой пьяный, обижал детей. И если я пыталась хоть как-то защитить их, он так свирепел, что страшно становилось. Когда у него проходили

запой и я начинала с ним говорить, он понимал свою вину, оправдывался, но проходило время, и все повторялось вновь. Я понимаю, отсидеть семь лет, тем более в наших тюрьмах... Но после освобождения прошло уже чуть больше года, за это время человек мог хоть немного отойти душой. А у него все наоборот. Ребенка не хочет. Если начинаю спрашивать о семье, о бывшей жене (у него двое детей — сын восемнадцати лет и дочь семнадцати), то о детях вспоминает, а о жене даже говорить не хочет (он из-за нее и сел). Уверяет, что любит меня, а мне уже и не верится. Но я-то люблю его, и мне так хочется, чтобы у нас все было хорошо. Я даже боюсь сказать какое-нибудь неверное слово, ведь он очень ранимый. Что делать?

Вот и решила написать. Мне очень хочется, чтобы вы, Алла, мне ответили. Желаю вам большого счастья в семейной жизни, пусть у вас будет все хорошо.

НАТАША,
Свердловск

Прочитал я статью «Спасение любовью» и решил просить редакцию о помощи. Я тоже расписывался в колонии. Оля приехала на роспись, и нам дали трое суток на свидание. Но она уехала на сутки раньше, сказав, что ей нужно срочно на работу. Потом дважды я брал свидание, но она не приезжала и перестала писать. А через некоторое время товарищ из моего отряда получил от своей жены письмо и сказал, что Оля больше не придет: ей, оказывается, нужен был в паспорте штамп о браке, чтобы получить двухкомнатную квартиру. А ведь я расписывался с надеждой на счастье! Оказывается, даже на

таких, как я, можно нажать. Мне уже двадцать восемь лет, и из них десять я провел в заключении. Мне надоела такая «жизнь» и хочется иметь свою семью и детей. Но кто же мне поверит по-настоящему и поможет? Ольга даже не подумала о том, какую боль и обиду нанесла мне. Это жестоко! Но когда я в «Смене» прочел статью, у меня снова появились надежды встретиться хорошего человека, и мне это знакомство и роспись нужны не для того, чтобы моя будущая жена возила мне сумки с продуктами, как думают некоторые. Мне нужно это потому, что я хочу любить, чтобы рядом был любимый, единственный друг. Я больше чем уверен, многие в колониях смеялись, когда читали статью Аллы Бережковой только потому, что у них нет любви.

Надеюсь, что мне напишет кто-нибудь. Свой нынешний адрес я сообщил редакции.

ВИКТОР,
Кременчуг
Полтавской обл.

Алла, пишу вам письмо исключительно как журналисту.

Я тоже жена бывшего зэка, осужденного дважды. Я его вычислила в потоке писем, которые были у меня пять лет назад, в марте 1986 года. Теперь я тоже не могу понять, почему именно этого зэка выбрала. Поверила ему сразу и решила: буду ждать.

С первым мужем расстались давно, есть две дочки, обе замужем, жили к тому времени они от меня отдельно. Я была одна. Стали мы с ним переписываться, письма от него приходили са-

мые теплые и все о нежности, о счастье. Тогда мне тоже казалось, что такие письма не получает ни одна женщина. Ездил к нему раз в месяц на свидание, возила самые хорошие продукты, вещи, подбадривала его. Отбывал он наказание тоже на Севере, всего за четырнадцать часов езды от моего города, в колонии поселения, поэтому со встречами было немного посвободнее. И вот в мае 88-го он освобождается. Радости нашей не было предела, сразу расписались и стали мужем и женой. Мои дети его приняли, но в отличие от вас я им не говорила, откуда именно он взялся, просто сказала, что нас познакомили.

Все было хорошо, казалось, между нами взаимопонимание, дружба, нежность навеки.

А в апреле 1989 года случайно нахожу у него письмо от женщины с Украины — оказывается, одновременно со мной он переписывался еще с одной женщиной, и та его ждет. Когда я спросила у него, зачем ему это, ведь выбор сделан, он тупо смотрел на меня и молчал. Я предложила ему свободу, он попросил прощения и остался у меня. Опять живем хорошо, он нежен, заботлив, зарплату отдает, знакомые на нас не нарадуются. И вот 28 декабря 1990 года приезжает ко мне женщина из другого города и спрашивает, кто я ему. Муж в это время был в командировке, я, естественно, спрашиваю, а кто она. Женщина отвечает, что вот уже два года она с ним живет, а я, по его словам, жена друга. Все выяснили мы с ней без шума и скандала. Приезжает муж. В чем, говорю, дело? Опять ты меня обманываешь! Снова извинения, снова я простила, но любовь уже ушла из моего серд-

ца — сейчас он мне только муж.

Так вот, Алла, что я хочу этим сказать: ох и ношу вы на себя взвалили! Любовь? Люди, прошедшие зону, с такой надломленной психикой, что их трудно понять, а любить еще труднее.

Теперь прошу вас, Алла, покажите мое письмо своему мужу, пусть задумается: ведь, сидя за решеткой, они (зэки) многое обещают, лишь бы письма им писали, лишь бы помогли. Но я лично очень и очень об этом пожалела.

**АНТОНИНА,
Северодвинск**

Пишу я из-за истории Аллы Бережковой. Мне ее ситуация очень хорошо знакома, так как я тоже прошла через это — было и непонимание, и подозрение, и отвержение, но было и другое — чувство необходимости и незаемности для дорогого человека. У меня к редакции просьба — сообщите мой адрес Алле Бережковой: может быть, ее семья захочет познакомиться с нами. Вы закончили публикацию сообщением о помиловании ее мужа. Но ведь самое трудное начнется у них именно с этого времени. Сейчас они находятся в состоянии эйфории от обретенного счастья, от влюбленности, от ожидания перемен — дай Бог, чтобы это состояние продержалось у них подольше, — но ведь праздник кончается, наступают будни, и именно тогда понадобятся им мужество, терпение, доброта и умение понять и простить. Начнется жизнь. Может быть, им сейчас надо с кем-то поделиться, посоветоваться, особенно с людьми, полнотью их понимающими.

Мы примерно лет на пятнадцать — восемнадцать старше

их, но все остальное похоже. Я тоже не видела своего уже любимого человека даже на фотографии, у нас не было и краткосрочного предварительного свидания, и впервые мы глянули друг на друга уже при регистрации брака. Переписывались мы до этого три года. Дети у меня были уже взрослые, к этому моменту имели свои семьи. Дочь меня поняла и поддержала, иногда и сама посылала ему открытки, письма и даже фотографии своих малышек. Семья отнеслась к моему намерению очень сдержанно — сын, мои сестра и брат, родители были не в восторге, но у нас не принято «давить», и в конце концов они смирились. Родители даже ответили на письмо Виктора Алексеевича и дали свое «благословение». Ну а друзья... перестали замечать меня. Может быть, я и сама до знакомства с Виктором поступила бы так же, поэтому я даже не обижаюсь на них за это. Алла это знает, поймет. К тому же их пугало его «звание» — особо опасный рецидивист. Не просто рецидивист, что само по себе страшно, а особо опасный! Я не буду тут писать о наших судьях, это другая тема, но все же как легко они ломают судьбы людей, загоняют в круг, из которого порой нет выхода. Я полностью согласна с Аллой, что в условиях наших исправительных учреждений выжить, не сломаться и не стать убежденным преступником может только очень сильный, волевой человек. Но и он теряет или загоняет вглубь и свою нежность, доброту, порой даже сочувствие и жалость. И очень нуждается в душевном тепле, в любви.

Мне хотелось бы знать конкретно, как сложилась жизнь

в семье Аллы Бережковой. ЕСТЬ ли у нее уже ребенок и кто родился, как назвали? Как сложилась жизнь на воле у мужа Аллы, какие у него отношения с ее родственниками и окружающими? И еще одно. Это уже просьба к редакции. Может быть, стоит создать что-то вроде клуба для семей бывших осужденных — и мужчин, и женщин. Все-таки общение с обычными «нормальными» семьями затруднено. А в таком клубе можно было бы свободнее говорить о своих проблемах, люди бы больше понимали друг друга, а главное, не было бы унижающего и раздражающего чувства, что вот ты не такой, как все, что тебя не принимают, косятся и т.д. Этот клуб можно сделать и заочным, а если вдруг появится возможность, то и собираться где-нибудь. Когда мы с мужем попадаем в какое-то общество, он чувствует себя стесненно, скованно. А ведь он очень интересный человек, начитанный, умный, с душой честной, горячей. Да, именно честной, хотя некоторые считают, что если эзк, то вор, бандит, обманщик. Мой Виктор Алексеевич уже три года на свободе, говорит, что если бы не я, то не продержался бы столько. На работе его ценят, он сварщик шестого разряда. Всякое бывало за эти три года, но все осталось в семье, не выплеснулось, и из дома он уходил успокоенный. Он часто спрашивает: «Тебе плохо со мной?» А я отвечаю: «Не плохо, а трудно, но без тебя уже невозможно». И он тоже считает, что я для него самый близкий и родной человек.

Прошу редакцию дать мой адрес желающим написать.

**ГАЛИНА,
Запорожье**

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ
Фото АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

НЕ ПО ЗУБАМ...

По собственному печальному опыту твердо знаю: пломба в зубе долго не удерживается. Даже серебряная. После нескольких неприятных процедур остатки зуба приходится вырывать.

Если ты еще надеешься в дальнейшем что-то жевать, то неизбежна следующая процедура — ставить коронку. Стomatолог крепит коронку за соседний, еще здоровый зуб — при этом, обтачивая, травмирует и его. Металл постепенно разрушает здоровый зуб — через несколько лет приходится и его менять на искусственный...

Но ничто искусственное не заменит живое — это не мое дилетантское мнение, а молодого ученого-стоматолога из Уфы, кандидата медицинских наук Радмира Хасанова.

Не Радмир изобрел трансплантацию зубов. Сохранилась легенда, как одной французской принцессе вживили зуб, вырванный у камеристки. (Правда, нам вряд ли подойдут методы королевской семьи XVI века, да и камеристок-доноров сейчас не найдешь...)

Русские ученые пересаживали зубы более гуманным способом — от умерших людей. Пересадки проходили успешно, но вот какая проблема: зуб умершего «живет» не более четырех часов.

Научный руководитель диссертанта Хасанова профессор Геннадий Драновский, первым вжививший детям зубные зачатки, подсказал ученику главное направление поиска: найти надежный консервант, чтобы зубы сохранялись в нем долгое время. Только тогда трансплантацию можно поставить «на поток».

Пять лет Радмир вместе с группой молодых сотрудников Баш-

кирского мединститута пытался создать такой консервант. И создал. Состав его Радмир держит в секрете, даже не подает заявку на изобретение. Почему? В заявке на изобретение невозможно точно описать все тонкости технологии изготовления консерванта. По описанию могут сделать не так — значит, будет дискредитировано само изобретение. Лишь одно открыл Радмир: консервант сделан на основе башкирского меда. Зубы хранятся в нем до двух лет. Теперь вся проблема лишь в том, чтобы иметь оперативную связь с городским моргом...

За два года Радмир сделал около двух сотен успешных операций. Надо отметить, в одном случае из десяти организм отторгал чужой зуб, но никаких осложнений для здоровья не возникло. Это же не сердцу пересадить: ну, выпадет зуб — никогда не поздно вставить пластмассовый. (Забыл сказать: конечно же, Радмир экспериментировал не сразу на людях. Сначала, как положено, опыты на животных. И лишь убедившись в полной безопасности метода, Хасанов перенес его на своих пациентов.)

Идеальный вариант — когда в рану от свежесвыдранным тут же вставляется новый зуб. Но и спустя много времени можно сделать операцию на давно зажившей десне. Трансплантант прикрепляется тонкой провололочкой; через месяц Радмир ее снимает.

Отношения с официальной башкирской и российской медициной у Хасанова не сложились. Два дня работала комиссия из Москвы. После ее отъезда появилось вот такое письмо главного стоматолога Минздрава автономной республики: **«Согласно рекомендации комиссии МЗ РСФСР клиническая апробация пересадки зубных зачатков тов. Хасановым Р. прио-**

становлена. Одновременно рекомендовано продолжить научные исследования по данной тематике только на эксперименте. Главврач больницы, узнав о выводах комиссии, отобрал у молодых стоматологов комнату...

Не могу вдаваться в суть ученого спора, отмечу лишь: зубы, поставленные Радмиром, его коллегой Наилем Хамматовым, — прижились. Сосуды, нервы срастаются надежно. Операция в общем-то косметическая.

Из института Радмир ушел под «крышу» государственного концерна «Планета», создал в нем научно-производственный хозяйственный центр «Витадент». Заниматься экспериментами только на собаках — это для него пройденный этап.

В «Витаденте» лечат, удаляют, пересаживают зубы. Доход идет на научные исследования. Интересно, что деньги — 70 рублей — берут **после** полного приживления зуба. Бывшие больные вспоминают о том, что жуют «чужими» зубами, только получив приглашение на контрольный осмотр.

— Значит, после той комиссии, — спросил я Радмира, — вы оперируете подпольно и вас могут «привлечь»?..

— Почему же? Минздрав СССР дал разрешение на пересадку. В декабре у нас был председатель проблемной комиссии АМН СССР по детской стоматологии профессор В. В. Рогинский. Посмотрел больных, отметил, что пересаженные зубы порой даже лучше собственных. Пригласил нас с Наилем в Москву сделать показательные операции в Центральном институте стоматологии.

— А такая операция сложная?

— Любого стоматолога можно обучить за одну-две недели. Я делал в Минздраве СССР доклад по этим вопросам. Сейчас идет разгово-

вор о серийном выпуске консерванта...

От разговоров до дела у нас, увы, дистанция огромная. Нужна прежде всего солидная научно-производственная база. Сейчас в распоряжении Радмира — крохотный кабинет-лаборатория и два стоматологических кресла (поэтому сразу предупреждаю: не торопитесь звонить в «Смену» или Уфу — принять всех желающих Радмир не в состоянии). Концерн планирует построить для «Витадента» стоматологическую поликлинику, но пока это дело неопределенного будущего...

По подсчетам Радмира, 25 тысяч уфимцев нуждаются в пересадке зубов. Сколько же больных людей по стране!.. А ведь помочь им мог бы стоматолог районной поликлиники, имея он возможность пройти краткие курсы и получить трансплантаты.

Кстати, интерес стоматологов к методике Хасанова велик. Они самостоятельно ездят в Уфу, находят Радмира. Но в нынешних условиях он может передать опыт лишь малой части нуждающихся в нем врачей. Нужен всеозоный учебный центр, нужно современное производство консерванта — это не так уж много.

Ну, до каких пор вся страна должна выстраиваться в очередь к одному целителю — будь то психотерапевт, хирург или стоматолог?

Почему распространить даже самую простую методику нашей медицины не по зубам?

СОТВОРЕННЫЕ ОНЫ

ОЛЕГ ШИШКИН

90

Берлинский гарнизон капитулировал 2 мая 1945 года в 15 часов. Чуть позже в разрушенном здании рейхсканцелярии солдаты штурмовой группы батальона капитана Шаповалова 301-й стрелковой дивизии обнаружили шесть трупов, одетых в эсэсовскую форму. Тела с многочисленными ранениями находились в неестественных позах в 193-м кабинете бункера. Их широкоскулые, узкоглазые лица вызвали удивление солдат. На следующий день начальник отдела «СМЕРШ» 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии Иван Клименко, проведя подробный допрос пленных и главного опознавателя вице-адмирала Фоса, установил: погибшие являлись сотрудниками оккультного института, созданного по личному распоряжению фюрера в середине тридцатых. Они, по всей видимости, могли располагать какой-то исключительно ценной информацией о Гитлере, его приближенных и многочисленных опытах, проводившихся в лабораториях странного учреждения, сотрудниками которого они являлись. У двух опознаваемых обнаружили подозрительно свежие документы на имя Конрада Абеля и Виктора Шмитца, выданные тайной полевой полицией, и удостоверения врачей отоларингологической клиники «Шарите». Именно в этот стационар в первых числах марта 1945 года перевел часть своих отделений секретный институт, руководство которого облюбовало подвальные помещения больницы, наиболее безопасные во время воздушных налетов. Никакой дополнительной информации в первые дни собрать не удалось. Правда, пленная летчица Ханна Рейтч обмолвилась о том, что 23 апреля адъютант фюрера

Гюнше поручил ей вывезти из Берлина несколько тибетцев, однако в назначенное время вместо них появился опальный Геринг, и им чудом удалось взлететь на потрепанном «АРАДО» под кромешным огнем русских с автомобильного шоссе, пересекавшего Тиргартен в районе Бранденбургских ворот. В дополнение к сказанному получивший осколочное ранение головы офицер связи и обслуживающий персонал бункера повторил явно недостоверную информацию, будто таинственные азиаты занимались не чем иным, как реанимацией трупов и даже изготовлением зомби-убийц для нужд контрразведки. Сразу же после войны стали достоянием гласности куцы сведения о секретных экспедициях, посланных Гитлером в 1936, 1938, 1939 годах в Тибет и Трансгималаи. Цели отлично законспирированных акций не выяснены по сей день, так как все труды оккультного института исчезли во время эвакуации архива из Берхтесгардена на юго-запад рейха. Трупы тибетцев да несколько сомнительных легенд со средневековым налетом — единственное наследие колоссального научного центра.

Тема оккультного института до сих пор всплывает в прессе в связи со старыми слухами, имеющими отношение к Еве Браун — любовнице фюрера и фанатичной патронессе государственных колдунов. Ее имя прочно вошло в историю после того, как она отравилась цианистым калием, разделив со своим спутником горькую участь. Влюбленных после смерти сожгли в артиллерийской воронке в саду рейхсканцелярии.

История Евы Браун выглядит все же не так просто. Важно,

что она сама долгое время являлась величайшим государственным секретом. Гитлер никогда не показывался с ней в обществе. Но если все же кому-нибудь из фотографов удавалось запечатлеть эту пару, фотографии уничтожались, негативы засвечивались, а то и сжигались, автор отлучался от посещения раутов и вскоре исчезал. И хотя всей Германии были известны клички любимых овчарок фюрера (Блонди и Белла), Ева Браун находилась в непроницаемой тени, падавшей от человека с «железной волей». Кажется безумием то, что он сделал секретом сам факт ее существования и наложил на женщину поистине первобытное табу — запрет изображения.

Установление смерти Евы Браун стало делом чести главного управления РККА (ГУКР «СМЕРШ»), так как американцы передали информацию, что она была беременна. Только криминалисты, только показания свидетелей-пленных окончательно могли решить этот вопрос и унять головную боль генерала Абакумова.

Несколько трупов женщин, найденных в окрестностях канцелярии, были отвезены в штаб 3-й ударной армии, находившийся в пригороде Бух. Здесь к делу подключились маститые патологоанатомы.

Тем временем работники оперативных органов взялись за проведение акций, способствующих распутыванию дела. Из специальных источников они знали лишь о том, что в последние недели войны Гитлер лично руководил какой-то секретной операцией разведки. Возглавил ведение одного из самых загадочных дел, когда-либо проходивших по линии «СМЕРША», подполковник Клименко. Одним из первых лиц, открывших это следствие, стал начальник охраны берлинского штабного бункера имперской канцелярии генерал Раттенхубер. В начале допроса он нахально отвечал на вопросы следователя, начисто отрицал, что является главой телохранителей и стражи, делал ничего не значащие заявления о своей невинности. Но под влиянием мощных аргументов опытного оперативника фашист быстро прозрел. Он вынужден был рассказать, что в последние дни апреля Гитлером разрабатывалась операция под кодовым названием «Ева». Но больше Раттенхубер не смог ничего сообщить, так как стал снова изворачиваться, тянуть время, а затем, видя, что арсенал средств исчерпан, пытался симулировать потерю сознания и сумасшествие. Но с точки зрения ведения следствия даже и эти отрывочные сведения оказались исключительно полезными. Нить, появившаяся на допросе, потянулась дальше.

Как неоднократно подчеркивалось всеми без исключения свидетелями, в последние дни фюрер особенно ревностно оберегал близкое ему существо от контактов с внешним миром. В круг посвященных входили лишь немногие близкие. Встреча всех остальных с ней была практически невозможна. На первом этапе следователей поразило, что разнообразные воспоминания о Еве людей так называемого второго круга носят прямо-таки телеграфный характер. Генерал-лейтенант Ганс Бауэр, личный пилот фюрера, говорил, что она была ослепительно хороша, а Ганс Хофбек, унтерштурмфюрер СС, личный телохранитель

Гитлера с 1939 года, вспомнил о том, что в Эркнере или Петерсхагене была вилла ее подруги.

Еще один сюрприз преподнес дневник Мартина Бормана¹. Документ случайно обнаружили в одном из подбитых «тигров», попытавшихся 2 мая пробиться в направлении Потсдама. Записи из ценнейшего документа частично совпадают, а частично противоречат официальным реляциям, попавшим в руки военных прокуроров.

«Воскресенье, 29 апреля.

В ночь с 28 на 29 апреля иностранная печать сообщает о предложении Гитлера о сдаче рейха.

Помолвка Адольфа Гитлера и Евы Браун.

Фюрер диктует свое политическое, а затем и личное завещание. Предатель Йодоль, Гиммлер и генералы оставляют нас в руках большевиков.

Снова ураганный огонь.

А по сообщениям противника американцы проникли в Мюнхен.

30 апреля.

Адольф Гитлер — умер (рунический знак смерти).

Ева Б. — умерла (рунический знак)».

Заместителем начальника отдела «СМЕРШ» 3-й ударной армии подполковником Горбушиным было отмечено то, что в отрывке из дневника Мартина Бормана за период с 1 января по 30 апреля 1945 года имя Евы Браун упоминается лишь дважды: 1) в предложении о помолвке от 29 апреля (см. выше); 2) самой финальной записи от 30 апреля (см. выше). В предварительном отчете подполковник писал: «Пожалуй, столь сухое отношение к подруге фюрера — вот то, что отличает записи начальника партийной канцелярии от лавины правительственных реляций и военных депеш, где Ева упоминается многократно. Примером такого противоречия может служить запись от 15 апреля 1945 года — именно в этот день Браун прилетела в Берлин и уже до самой кончины не покидала бункер. Во всех без исключения официальных бумагах, в стенограммах, в записях секретарей информация о Еве Браун помещается в конце документов, являясь последним предложением в абзаце. Эта строка, сходная во всех источниках (по содержанию и орфографии), настораживает. Но записи из дневника Бормана вызывают недоумение.

«Воскресенье, 15 апреля.

Фюрер вызывает рейхсмаршала с докладом о ситуации в Померании и Силезии.

Неоднократные налеты».

Обычная, рядовая запись. Ни слова больше. Кажется странным игнорирование Евы Браун рейхсмаршалом нацистской партии, начальником партийной канцелярии, секретарем фюрера.

Неожиданно 11 мая в трех сейфах бункера было обнаружено несколько фотографий Евы. Это противоречило сообщениям об

¹ Этот документ в копиях имеется в архиве Военного совета 1-го Белорусского фронта, в архиве ГПУ Красной Армии. Обе копии датированы маем 1945 года.

уничтожении снимков. Фотодокументы не лучшего качества, но все же их следует перечислить:

1. Снимок в городском саду у фонтана.
2. Среди выпускниц школы.
3. В колыбели.
4. У моста.
5. На фоне пшеничного поля.
6. С родителями и сестрами.

По счастливой случайности в этот же день в руки оперативников попадает копия секретной телеграммы.

«Начальник разведки СС Шелленберг.

Начальнику специального разведштаба «Валли I» подполковнику Брауну.

Копия оригинала.

(Министерство обороны. Главный архив. Отдел Д. Секретные документы. 1945 год. Контрразведка. Инд. 14. СЕКРЕТНО.)

Дата: Берлин, 16 апреля, 1945 года; вручена 16 апреля 1945 года вечером.

№ 17155

Совершенно секретно.

Объект № 1 желает провести беспрецедентную акцию. Для организации привлекаются специалисты высшего класса. Мы решили, что опыт спецразведштаба «Валли I» может стать существенным. В ближайшее время попытайтесь прибыть в ставку невидимым (мы знаем, как это трудно) для получения необходимых инструкций.

Шелленберг».

Перед группой опытных военных прокуроров встала серьезная задача: кто такой подполковник Браун и что за спецштаб «Валли I» он возглавлял?

На первый вопрос кратко ответил генерал абвера Ганс Пикенброк после длительной беседы с подполковником Горбушиным:

«Незадолго до своего дня рождения, в первых числах апреля, я был на совещании у фюрера. Речь шла о работе наших агентов в частях Германии, оккупированных советскими войсками. Я стал объяснять ему смысл некоторых наших действий. И сказал, что еще в мае 1941 года был создан спецразведштаб. Сначала он находился недалеко от Варшавы, а позднее был передислоцирован в Бад-Эльснер. Им командует подполковник Браун. Гитлер эмоционально отреагировал на мои слова.

— Браун! Удачное слово. Скажите, этот Браун может прибыть в ставку для одного пикантного поручения?

Я ответил, что, живым или мертвым, он будет здесь.

— Нет, нет! Только живым, — возразил фюрер.

На этом моя миссия закончилась. Я больше не соприкасался с вышеуказанным подполковником до самого плена»¹.

Допросы, допросы, допросы. Сколько их в таком нелегком следовательском труде. Но за сухими, бесстрастными строчками протоколов встает титаническая интеллектуальная работа. По-

¹ Протокол опубликовал известный специалист, автор ряда книг по разведке Юлиус Смирнов.

рой в многочасовом процессе напряженной «раскрутки» оперативникам приходилось то спускаться в глубины человеческой души, то прибегать к самому простому, человеческому: «Как ты мог?» И сквозь запоздалое раскаяние прорастал тогда цветок правды. Такой же дорогой шел к мучительному осознанию своего прошлого криминаль-комиссар Хегль. Вот красноречивые строки из протокола его допроса.

«Вопрос. Имя и фамилия?

Ответ. Петер Хегль.

Вопрос. Звание?

Ответ. Криминаль-комиссар. Заместитель начальника охраны бункера Раттенхубера.

Вопрос. Кем работали до 1939 года?

Ответ. Служил в Мюнхенской полиции.

Вопрос. Что вы могли бы сообщить о состоянии дел в бункере в середине апреля?

Ответ. В середине апреля, кажется, 16-го, но, может быть, и раньше, в моем кабинете далеко за полночь зазвонил телефон. Это был фюрер. Он приглашал меня в конференц-зал для очного разговора.

— Есть один женский образ, который не дает мне покоя уже несколько лет, — начал Гитлер. — На митинге в Нюрнберге, еще до войны, моя машина летела мимо бескрайней толпы. Это были в основном женщины. Возбужденные и безумные, они что-то кричали. Но одно из этого моря лиц смотрело на меня спокойно, без эмоций, без экзальтации. Я до сих пор хорошо помню эту девушку, хотя, казалось, видел ее однажды. Мое поручение, может быть, вас шокирует: я хотел бы, чтобы мы с вами попытались воссоздать ее портрет.

Да, я был смущен, но, конечно, повиновался. В одном из просмотровых залов мы потратили два часа на реконструкцию с помощью фоторобота его воспоминания, его, как мне показалось вначале, секундной прихоти.

Вопрос. Подполковник Браун был вам известен?

Ответ. Нет. Он не входил в мое распоряжение и являлся представителем другой службы.

Вопрос. Когда вы впервые узнали его имя?

Ответ. На следующий день после разговора. Я снова был у фюрера утром. Небольшой рабочий перерыв после оперативного совещания. Гитлер сказал мне: «С этого момента, Хегль, я хочу лишь одного... Уже вызван в бункер подполковник Браун. Он занимался когда-то заброской диверсантов в тыл врага. В абвере он слышет автором лучших легенд для железных агентов. Я получил на него блестящую характеристику от руководства разведшколы «Цеппелин»¹. Это большой специалист. Вам нужно встретиться, посвятить его и сразу же заняться историей той женщины, портрет которой мы с вами сделали вчера».

¹ Любопытно, что подполковник Браун дублировал по линии абвера действия немецкой контрразведки, занимавшейся поисками пропавшего ФАУ в Кракове в период 1943—1944 годов.

Собственно, 17 апреля появилось несколько снимков неизвестной, часть из которых мне сегодня представили. Помимо них, существует еще четыре фотографии: в окружении рабочих, у стены дома, на Александерплатц рядом с шарманщиком (на обратной стороне снимка чернилами надпись: «Август 1940. Помни и верь»). И еще одна, с Гитлером. Увидев снимки, Гитлер прослезился и сказал: «Ты прекрасна». Затем он обернулся ко мне: «Это прекрасно. Но еще недостаточно. Вы должны принести мне еще какие-нибудь документы, бумаги, бумажки, справки о прививках, даже совсем как будто ничего не значащие записи, например, случайные стишки из альбома, принадлежащего ей. Может быть:

Все дамы, как цыганы,
Проворны на обманы».

На очной ставке, устроенной криминаль-комиссару Хеглю и подполковнику Брауну, раненному и попавшему в плен в Марбурге, выяснился еще ряд деталей¹.

Получив телеграмму от Шелленберга, подполковник несколько раз пытался вылететь в Берлин, но господство советской авиации в воздухе не позволило этого сделать. Браун многократно радировал в ставку о положении в Бад-Эльснере, и только тогда из столицы прилетел самолет, пилотируемый личным летчиком Гитлера Гансом Бауэром. Именно на этом самолете прилетел Хегль со своим адъютантом, капитаном СС Хорном. Буквально через несколько минут после приземления из ставки пришла короткая шифровка: «Ева». Радиограмма словно подхлестнула визитеров. Они помчались в резиденцию «Валли I» на максимальной скорости в специальном броневике.

Встретившись с подполковником, Хегль, не церемонясь, посвятил его в планы акции. Браун опешил от первых же слов и чистосердечно признался, что, несмотря на всю искушенность, не понимает цели предприятия. «Трудно объяснить. Ну так выполняйте приказ не раздумывая!» — приказал Хегль. За несколько дней работы в «Валли I» было сделано многое. К делу подключились мощный аппарат разведштаба и типография, изготавливающая любые документы. Сотрудники многих отделов по справочникам и подшивкам газет сверяли даты, давали ценные рекомендации, а иногда предлагали инициативы, способствовавшие делу.

Наконец, к вечеру 28 апреля собрали около 82 томов с грифом «Ева», и криминаль-комиссар отбыл в Берлин.

Последний разговор состоялся в 194-й комнате бункера. На встрече присутствовал начальник штаба генерал Кребс. Когда солдаты охраны разложили папки на столе и тумбочках, Гитлер не стал рассматривать документы. Он лишь слегка дотронулся до нескольких и, казалось, испытал от этого какое-то удовольствие.

— Все это необходимо для того плана, который я задумал, — сказал Гитлер. — Из настоящего таким образом сотворено

¹ Этот таинственный подполковник Браун впоследствии совершил побег. О нем вряд ли можно что-то добавить. Пожалуй, лишь то, что он имел чуть раскосые глаза.

прошлое, которое, в свою очередь, должно стать настоящим.

Кребс сказал после паузы:

— Лучше всего пустить себе пулю в рот!

— Разумеется, это так! — механически ответил фюрер. — Но кто же пристрелит меня, если выстрел окажется не смертельным? Тяжелый вопрос, слишком тяжелый. Однако, пережив этот секундный момент расставания с плотью, я буду торжествовать. Триумф! Триумф ожидает меня впереди. Должен признать, действительность меня больше не волнует. Я обнаружил, что у нее слишком много слабых мест. Она податлива, как панельная плита. Но теперь у меня есть козырь!

29 апреля состоялась тайная помолвка Гитлера¹. На званом вечере были лишь очень приближенные. Они видели его избранницу и поздравляли пару. Телохранитель Гитлера Хофбек поделился странным впечатлением; за четыре дня до 29 апреля он видел какую-то женщину². Охранник стоял на посту у двери, ведущей в сад, как вдруг мимо него прошла неизвестная женщина. Она была одета в синее платье, коричневые чулки, синие туфли. Не успел Хофбек прийти в себя, как женщина возвратилась из сада в бункер и бросила телохранителю: «Прощайте!»

Но что же произошло 30 апреля? Советские специалисты попытались сопоставить показания различных свидетелей.

Шофер фюрера Эрик Клемке:

«...В ту секунду, когда я очутился в бункере фюрера, Гюнше вышел из кабинета, и мы встретились в комнате, где проводились обсуждения положения на фронте. Я заметил, что Гюнше был на себя не похож.

— Шеф мертв!

С трудом я узнал, как прошли последние минуты Гитлера.

Шеф в кабинете выстрелил себе в рот и упал вперед головой на столешницу стола. В ту минуту, когда один из моих людей вошел в помещение и отапортовал, что у входа в бункер стоят канистры с бензином — литров 150—180. Врач Штумпфегер и Линге пронесли через комнату для совещания два трупа. Лицо шефа было закрыто до ноздрей. Левая рука выскользнула из-под плащ-палатки и висела в воздухе.

Гюнше и я положили два трупа рядом. Вокруг нас рвались снаряды, казалось, в этот момент огонь артиллерии, направленный в сад имперской канцелярии, усилился вдвое. У выхода из бункера рядом с нами, выполнявшими эту страшную задачу, стояли Геббельс, Борман и штурмфюрер».

Унтерштурмфюрер Хофбек:

«В тот день я с двумя охранниками стоял у заднего выхода. Около двух часов дня увидел группу, направляющуюся к нам. Впереди шел адъютант Гитлера Гюнше. Следом за ним Линге и Ганзен несли два трупа, завернутые в коричневые одеяла.

¹ Всю ночь, накануне, в соседнем, 193-м кабинете слышались странная возня и гортанное пение — на это указывают многочисленные показания.

² «Я не могу сказать почему, но все интуитивно связывали ее появление с тем, что творилось в соседнем, 193-м и с монголоидами», — вспоминал впоследствии Хофбек.

Замыкал шествие Шадле. Гюнше приказал: «Открой!» Я распахнул дверь. Адьютант дал команду отослать двух посторонних, стоявших со мной, что и было сделано. Трупы вынесли в сад и опустили на землю, примерно в двух метрах от двери. Вскоре появились Геббельс, Борман, Раттенхубер. Они подошли к трупам, отдали им честь поднятием руки и вернулись обратно в бомбоубежище. Гюнше вынес два бидона с бензином, облил ими трупы и поджег. Я не видел лиц покойных. Однако убежден, что это были они».

Начальник охраны генерал Раттенхубер:

«Около часу дня я проснулся, проверил посты и около 4 часов спустился в фюрер-бункер. Линге сообщил мне, что фюрер окончил жизнь самоубийством, и после этого ему, Линге, пришлось выполнить самый страшный приказ фюрера.

Я знал от д-ра Штумпфегера, что тот должен был снабдить фюрера и ее цианистым калием. Я был потрясен сообщением Линге, несмотря на то, что присутствовал накануне на прощании Гитлера. Я опустился на стул. Линге сказал мне, что трупы, завернутые в одеяла, сожжены у запасного выхода в сад. Далее он сообщил, что на ковре осталось кровавое пятно, когда я удивленно посмотрел на него, так как знал, что Гитлер имел цианистый калий, Линге сказал, что Гитлер приказал ему выйти из комнаты и по истечении 10 минут, если в комнате ничего не будет слышно, войти и выполнить его приказ».

Люди из свиты Гитлера были заинтересованы в том, чтобы фюрер покинул жизнь подобно древнеиндийскому божеству — на костре-гхате. Сам же он мечтал о другом. Ему всегда был необходим еще кто-то, кто мог быть для него чем-то более ценным. Он мечтал лишь о том, что с помощью этого существа предаст данному финалу классическую завершенность, именно так, как сам это понимал.

Офицеры «СМЕРША» занялись нижними челюстями трупов, найденных у имперской канцелярии, и с целью последнего опознания обратились к Фритцу Эхтману, выполнявшему протезные работы для высших чинов рейха. Он подтвердил, что нижняя челюсть под номером 6 принадлежала Еве Браун. Коронки, которые он сделал, сгорели, но был цел боковой мост.

— Это моя последняя, самая совершенная работа. Эта конструкция — мое достижение! — начал Фритц Эхтман. Впоследствии его слова совпали с рентгено снимками и фотографиями зубных протезов, сделанных дантистом Блашке.

Триумфом работы оперативников явился телефонный звонок.

— С вами говорит Первый, как идут дела, товарищи?

— Товарищ Сталин, мы установили, что Евы Браун не существовало, что это, так сказать, фокус.

— Весь советский народ внимательно следит за вами, товарищи, и сделает правильные выводы.

Дело это следует считать закрытым и законченным, специалистов, проводивших его, постигла печальная участь: все они были привлечены к ответственности по статье 58.1 «Б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащими, по закону 1926 года) и расстреляны.

А потом мы ослепли,
но как-то не сразу дошло —
если полная тьма,
ни к чему это хрупкое зреньё.
Долго жили надеждой,
варили траву и коренья,
приставали к всевидящим —
может, уже рассвело?
А потом стало свистеть,
что выросли дети и зрят
контур синего моря
и мягкую зелень травы...
Приставали к всевидящим,
те говорили — зарницы
наблюдает в районе Находки,
а в дебрях Москвы
просветления ждут через две
или три перестройки —
если только всем миром
и если прищучить разинь...
...О, куда ты летишь,
ненормальная дикая тройка,
дарвалдайскую медь
рассыная в дорожной грязи?..
...А потом мы оглохли...

На самом краю обретенного рая
сизжу... загораю...
болтаю ногами, глотаю маслины,
врищур, как в прицел
заресниченный, длинный,
то бабочка влезет, то дынная корка,
то юный папаша с мальцом на закорках,
то плавная рябь надувных крокодилов, —
наверное, столько не водится в Нилах,
и Конго, и всех Амазонках на свете,
как в этой, у моря отобранной клетки
с усталой водой между трех волнорезов
и краем песка...
Очерчен раек горизонта порезом.
А в общем — тоска.

НЕОДУЭЛЬНОЕ

Даже если успеешь зажмуриться —
чтоб не в глаза,
даже если успеешь ладонью

прикрыть щеку,
все равно помешать не сможешь
лететь плевку,
даже если летит он
не прямо в тебя,

а за...
И тогда по законам чести
бери отгул,
дымный порох готовь,
обегай по квартирам тех,
с кем на кухне своей,
создавая ритмичный гул,
многократно братался
среди прочих

хмельных утех —
потому что к заре
все должно быть готово
и
нужно будет сходитьсь,
подошвами руша наст,
и, дыханье смирая,
не струсить по счету «три»...
даже если проспит
и совсем не придет
Данзас...

≡

Удачи мои — черепки голубого на сером,
по пальцам, по нервам — рисунок моей аритмии...
Удачи мои — ненадежная хрупкая вера
в какое-то чудо. В какое — узнают шивы.
Иные узнают, и все станет в мире иначе,
и дети устанут болеть, и не высохнут реки,
и светлое слово не будет считаться удачей —
святым откровеньем блаженного или калеки...
И станет тепло, и народы забудут о нервах,
любясь и резвясь, погоняя то серых, то чалых...
Пока в этот рай не заявится новая стерва
за яблоком вроде. И все повторится сначала.

≡

Когда-нибудь, пройдя и Крым, и Рим,
по трещинам судьбу сложу в ладони...

На улице жгут листья. Теплый дым
в осеннем небе гасится и тонет.
И город вьется тысячью дымков —
как будто в мир иной перелетая,
душа земной оставила альков,
и легкий хлам по улицам летает...
...Когда-нибудь, за день до холодов,

сгребу листву руками без перчаток,
и в разнобойных контурах листов
своей ладони встречу отпечаток,
и обращусь в отечественный дым,
и отлечу, не спрашивая визы...
налево будет Крым, направо — Рим,
и оба вместе — позади и снизу...

≡
Я иду, отражаясь во всех зеркалах,
в темных окнах домов и высоких витринах,
в соцмодерновских арках и рамках старинных,
в лужах, книгах, зрачках, кимберлитовых глинах,
я иду, отражая реликтовый страх
всех зеленых эвглен, инфузорий, феринок,
опрокинутых в чашу с остатками пищи,
диплодоков, детей до рождения нищих,
матерей, промотавших себя на торжищах,
их отцов в частокколах хмельных карантиннов...
я иду, или время идет вдоль меня,
отражаясь в изгибах и фокусах впадин,
собираясь вином в темноте виноградия,
в теплом прахе дорог, в темной сути огня —
не корысти, а слова единого ради...

СЕРГЕЙ СОКОЛКИН

≡
Когда Бог проклял землю, то ветрами
замел дороги к истине самой
и все живое выдернул с корнями.
И сгинул род людской.

И лишь деревья по земле незрячей,
как высохшие ящурь, ползут.
И, заклиная небо, корни прячут
и новой почвы ждут.

ПОСЛЕ СЕЧИ

С последним солнцем Рим объяла мгла,
когда из арамейского предела
тьень от орла двуглавого сошла
к подножию родительского древа.

Ему томиться в поднятой пыли
с тех пор, как, перевыкорчевав корни
и приоткрыв лицо родной земли,
Микулушка вдохнул поганой крови.

Сквозь путь его в былые времена
крест-накрест проползли собачьи дети.
И навшие слепые племена
по трын-траве развеял темный ветер.

Оставив нам в котомке божий день
и тягу к хлебу на родных могилах.
А над землей кружит все та же тень,
но распознать корней еще не в силах.

Ночной свободы хаос безотчетный
к духоустройству прививает вкус,
весь этот мир — от Бога и до черта —
на миг выстраивая наизусть.

Пустая блажь, встающая из пепла,
в простонародьи званная судьбой,
что при рождении памяти ослепла
и по миру пошедшая с клюкой —

за ради хлеба —
да еще немая —
мысль, жадностью наполнившая рот, —
кто все уже на свете понимает,
тот ничего, увы, не создает...
Ему осталось только обонянье.
Но выхолощен воздух поутру,
где мысль, лишь отягченная деяньем,
сойдет за правду на людском мире.

Но, правя ежедневную заботу,
природа проступает даже тут —
и дерева, вытягиваясь к Богу,
корнями землю, как собаки, рвут...

Уже сознание не боится взгляду.
Встает слепого солнца торжество.
Еще Христа не принимает разум,
а дух уже свершает путь Его...

И когда петух заскочив на кол
недоклюнул беду нависшую
заломил картуз буйный колокол
с песней падая в землю нищую

И достигла до неба трещина
а звонарь ни мычит ни телится
небо кровью людской окрещено
а со шпилей орлы разлетелися

Как вороны кружат над падалью
облетая границы адища
а с церковок кресты попадали
да как звезды и все на кладбище

И тогда опять прокричал петух
и заплакал во сне юродивый
разбудил меня и я понял вдруг
колокольный звон

моя Родина

ЮРИЙ МАНИЛЮК

Конечно, там тебя никто не ждет.
Обидно — здесь никто не провожает.
И родина, уже почти чужая,
На память оплеухи раздает.
А ты устало смотришь в небосвод,
Вернее, в ту незлую половину,
Где трезвый поп целуется с раввином
И нищий нищему полцарства подает.
Возьми с собой граненый свой стакан.
Скрипучими глотками наркомана
Ты будешь пить на фоне Океана
Надежды исцеляющий обман.
Возможно, ты достоин жить честней.
Но будут наступать тебе на пятки
Души национальная загадка
И Ад, который следует за ней.
Быть может, кто-нибудь и соберет
Развеянные крохи урожая.
Но если здесь тебя не провожают,
То там наверняка никто не ждет.

СТАРАЯ ДАЧА

Проплывала река сквозь промозглую ночь,
Осыпались дожди на опавшие листья,
И казалось, что не было сил перевозмочь
Эту позднюю осень с надорванной мыслью.
Одиночество в радость, когда — не один.
Но так жутко порою скрипят половицы,
Безысходностью веет от зим-холодин,
И мерещатся шорохи, тени и лица.
Затаившись в углу, нескончаемо ждешь
Петушиного крика и белого света
И считаешь по каплям тринадцатый дождь...
Ведь когда-то должно прекратиться все это!
А дожди затянулись, как песнь ямщика,
И продрогший рассвет не спасет от недуга.
О щеку мою сонно потерлась щека
И ушла в никуда, как пришла ниоткуда.

Алексей Варламов родился в Москве. Ему 28 лет. Окончил филологический факультет МГУ и работает преподавателем русского языка для иностранных студентов. Рассказы его публиковались в библиотечке «Молодая гвардия», в журналах «Октябрь» и «Уральский следопыт».

ИНЖЕНЕР СЕРОВ

АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ

Инженера-путейца Владимира Георгиевича Серова сослали в Барабинск в конце двадцатых годов. Жена с ним сразу же развелась, и это было для Серова таким ударом, что все последующие тяготы судьбы он переносил равнодушно и отстраненно. Ему было в ту пору чуть больше сорока, но, оттого что мужчины в их роду всегда садели рано, он выглядел старше своих лет. Однако ни одиночество, ни время не вытравили примет дворянского происхождения, сквозившего и в его речи, и в манере держать себя с другими людьми. Надзиравшее за инженером начальство было им вполне довольное. Серов не вел никакой переписки, не имел в городе знакомых, никуда из Барабинска не выезжал и жил довольно бедно, подрабатывая мелким кустарным промыслом и давая уроки. Когда же срок его

ссылки закончился и он получил разрешение вернуться в Европейскую Россию, то остался здесь и устроился работать по специальности.

Барабинск был в ту пору крупным железнодорожным узлом на Транссибе. За сутки по станции проходило огромное число пассажирских и грузовых поездов, часто случались аварии, и к Серову отнеслись настороженно. За ним следили, не подсыпал ли он, например, в буксу песка, перепроверяли то, что он делал, стремясь уличить его в злом умысле, и Владимир Георгиевич решил даже вернуться к починке керосинок и к урокам, однако тут вышло постановление, запрещающее работникам увольняться по своему желанию. Ему пришлось остаться, и постепенно он разлюбил свою работу, по которой так тосковал все эти годы; ни вид паровозов, ни их долгие гудки, ни запахи не волновали его, как прежде. Он отработывал положенное и заботился лишь о том, чтобы никто не обвинил его во вредительстве.

С началом войны жизнь его почти не изменилась. Он получил бронь, продуктов на одного ему вполне хватало, правда, прибавилось работы, и ему даже стало казаться, что все давно забыли, что он бывший дворянин и бывший ссыльный. Война всех объединила и уравнила. Но однажды, летом сорок второго года, когда приходили особенно дурные вести с фронта, к Серову подошел сильно выпивший начальник станции, взял за грудки, угрожающе тряхнул и, ни слова не говоря, пошел прочь. Инженер знал, что этому незлому, но очень недалекому человеку пришла похоронка на сына и его можно было понять, но именно в этот момент Серов особенно остро почувствовал, что он навсегда останется для этих людей и в этой стране чужим, таким же чужим, как немцы, которых вывозили сюда из Поволжья, и все равно, рано или поздно, этот или другой начальник отправит его в расход.

Вышло же, однако, иначе. Неделью спустя после этого случая на станции произошла авария: сорвался и ушел под откос товарный поезд. Прибыла специальная комиссия из Новосибирска, установила причины аварии, и в результате был расстрелян начальник станции, а его место было велено занять Серову, единственному, чьи знания удовлетворили комиссию, не ставшую ввиду военного времени входить в подробности его биографии.

Серов отнесся к этой перемене в своей судьбе с тем же стоицизмом, с каким относился ко всем прежним переменам, однако убежденность в том, что его используют лишь потому, что он сведущ, и едва кончится война, как ему тотчас же подыщут замену, не оставляла его. Он не боялся смерти, но тягостное ее ожидание сделало его ко всему безразличным. Окаменели чувства, и он постепенно заметил, что ничего прежнего в его душе не осталось. Ушли куда-то столь дорогие и важные для него мысли о необходимости разделить участь своего народа и жить собственным трудом, то, из-за чего он остался в свое время в России, пошел служить новой власти и с чем ехал в ссылку, убежденный, что происшедшее с ним есть некоторая

трагическая закономерность, справедливое возмездие его классу за многовековое барство.

Теперь же ничто не волновало и не влекло его, лишь иногда на инженера нападала хандра, и он вспоминал далекую, точно не с ним бывшую жизнь, гимназию, балы, заснеженную Москву, а наяву видел перед собой составы с оружием, танками, скотом и людьми. Казалось, вся страна пришла в какое-то апокалипсическое движение, и, глядя на муки людей, ехавших много недель в грязных, переполненных вагонах, на свой Барабинск, где умирали с голоду дети и жирели спекулянты и рвачи, он ловил себя на мысли, что, может быть, и к лучшему то, что нет у него семьи и не надо постоянно думать, как уберечь ее от голода и стужи. А если опять случится какая-нибудь авария и на сей раз расстреляют его, то никого это не коснется.

Он видел много горя, каждый день его осаждали люди, которым надо было куда-то ехать, везти свой груз, семью; люди, у которых не было билетов, денег, которых обкрадывали или, наоборот, подкидывали им детей. Его пытались подкупить, ему угрожали, умоляли, плакали, и Серов взял себе за правило никогда и никому не помогать, потому что помочь всем он был не в состоянии физически, а сделать для кого-то исключение значило бы неминуемо обернуть это против самого себя.

Так он прожил эти военные годы, превратившись в какой-то сложный и полезный механизм и даже находя в этой работе известное удовлетворение, но в тот день, когда объявили победу, Владимир Георгиевич почувствовал тоску.

С утра шел дождь, и он тупо глядел за окно, где играла гармошка и танцевали какие-то бабы, а среди них единственный мужичок, пьяный инвалид, привалился к скамье и рыгал. Инженер думал о том, что теперь начнется другая жизнь, непредсказуемая и неизвестная, и ему не будет в ней места. Погруженный в эти мысли, он не сразу заметил вошедшую в кабинет дурно одетую женщину с изможденным лицом и спекшимися губами. Она остановилась в дверях, но потом, поколебавшись, подошла прямо к его столу.

Из ее сбивчивых слов Серов понял, что она эвакуированная, едет с детьми в Москву и ее сына схватили полчаса назад двое машинистов, когда тот попытался взять масла из бумажки, чтобы развести костер. Он рассеянно слушал и представлял, как сейчас опять придет в движение эта громадная страна, поедут на восток солдаты, а на запад эвакуированные женщины, дети будут красть из бумажки масло, их будут ловить и сажать в тюрьмы как вредителей.

— Из-за вашего сына могли погибнуть люди, — сказал он, резко повернувшись к женщине, но почувствовал, что говорит не то и глупо читать ей теперь нравоучения, а надо сделать поскорее так, чтобы она ушла и кончился рабочий день, он пришел бы домой, где его будет ждать молочница — сорокалетняя печальная вдовушка, и они вместе выпьют водки и утешат друг друга любовью, забыв о том, что совсем чужие люди.

— Никто не имеет права приближаться к бумажке. С вашим сыном теперь будут разбираться в НКВД.

Она охнула, побелела, видимо, до той минуты еще не представляя, насколько серьезно было все то, что произошло, и, вцепившись руками в стол, так что, казалось, никакая сила не оторвала бы ее от этого стола, произнесла:

— Отпустите его.

— Да что вы в самом деле? — обозлился не столько на нее, сколько на самого себя Серов. — Я-то как могу его отпустить? Идите вон сами и там просите.

Она сидела и никуда не уходила, и он подумал, что сейчас придется кричать, выгаликивать ее силой, может быть, звать милицию и в его кабинет прибегут какие-то люди. Если бы не эта тоска, томившая его с утра, он бы, наверное, так и сделал, но теперь что-то остановило инженера.

— Вот что, — сказал Серов, — возьми листок бумаги и напиши, как все произошло. Только живо. А потом штраф заплатишь, и дело с концом.

Она схватила у него листок, заозиралась, ища ручку, и презрительный вопрос: «Ты хоть писать-то умеешь?» — застрял у инженера на языке. Что-то необычное, новое или же, напротив, прочно забытое почудилось ему в этой женщине. Она писала, немного наклонив голову и отбрасывая прядь волос, очень быстро и легко, как будто это и было всю жизнь занятием ее огрубевших, но все еще тонких пальцев. Наконец, исписав листок с обеих сторон стремительным, убористым почерком, протянула его начальнику станции с таким видом, точно написанное ею могло действительно что-то значить, а не будет выброшено в корзину.

И опять что-то удержало его: вместо того, чтобы спокойно отправить ее, пообещав, что с ее сыном лучшим образом разберутся, он принялся читать и с самых первых строк отчетливо представил себе, как все это произошло. Дождь, ветер, они едут больше недели не в вагоне, не в теплушке даже, а на открытой платформе, женщина и трое ее детей. Готовят, когда поезд останавливается, и надо успеть развести костер, сварить похлебку, всех накормить и снова ехать, прячась за трактором от пронзительного ветра.

Серов поднял на нее глаза: на вид ей было лет сорок пять, но ее лицо еще хранило какие-то особые черты, так резко напомнившие ему молодость, Москву, и он вдруг понял, почему так мучительно притягивает его это лицо.

— Вы дворянка? — спросил он.

Какое-то странное выражение промелькнуло в ее глазах, сперва удивление, потом недоверчивость, страх, мольба, и, верно, поняв, что терять ей уже нечего, она молча кивнула. Владимиру Георгиевичу стало немного не по себе, когда он представил, что в этот день на забытой Богом станции встретились двое «бывших» — инженер-путеец, живущий под постоянным страхом расстрела, и эта женщина, привыкшая ездить лишь первым классом и вряд ли предполагавшая, что когда-нибудь ей придется везти своих детей хуже, чем везли скотину.

— Идите к своему поезду, — сказал Серов, — и ждите меня там.

Она заколебалась, не будучи уверенной, что этот странный человек ее не обманет, но потом вышла все же на улицу, где еще пьянее, отчаяннее и надрывнее играла гармонь и уж совсем разошлись женщины, и те, к кому должны были вернуться мужья и сыновья, и те, кому предстояло до скончания века вдовствовать.

Мальчишка был по счастью не в изоляторе НКВД, а в каком-то чулане, куда его заперли машинисты, ушедшие праздновать победу. Он лежал на полу, свернувшись калачиком, и спал, сжимая изо всех сил тряпку, как явное доказательство своей невинности. Серов усмехнулся: какое дело было бы этим гладким, отожравшимся в войну ряхам из НКВД до его тряпки, если у них глаза загорались нездоровым огнем, едва они только слышали слово «букса».

Они вышли в коридор, и Серову сделалось не страшно, а как-то мерзко при мысли, что их могут сейчас увидеть, что-нибудь спросить и догадаться, в чем дело. Но никто не обратил на них внимания, и когда, хоронясь за вагонами, они пошли к составу, Владимир Георгиевич подумал о странной вещи. О том, что привязанность людей одного сословия к другому, которую большевики назвали классово-солидарностью и на которой основали свою власть, не есть, как он всегда полагал, химера. И он помог этой женщине, рискуя собой, только потому, что она, так же как и он, бегала когда-то в гимназию, училась танцевать, играть на фортепиано и говорить по-французски, знала десятки других очень важных и тонких вещей, которые ей совсем негодились, а вместо этого пришлось учиться стирать, готовить, жить в общей квартире и в грязной избе, но наука эта, похоже, оказалась ей не под силу.

Увидев сына, женщина жадно схватила его за руку и стала ругать за то, что он сунулся в эту несчастную буксу, однако по тому, как парень беззлобно и даже снисходительно ее слушал, Серов понял, что именно благодаря ему они и смогли выжить. И сама мать не столько ругала его теперь, сколько корила. Потом повернулась к Серову и с той старомодной щепетильностью, от которой он давно отвык, отвела его в сторону и спросила, сколько она должна заплатить.

— Нисколько, — отмахнулся он, закуривая.

— Нет, — возразила она, — прошу вас. Мне так будет спокойнее. Чтобы по закону.

Она заметно нервничала, возможно, оттого, что боялась, что он назовет сейчас какую-то очень большую сумму, но старалась держаться с достоинством, и Серова вдруг охватило раздражение против ее беспомощности и беспомощности и никчемности их всех, позволивших загнать себя в подпол.

— По закону? — зло отозвался он. — По закону ему дали бы десятку. Вы как живете-то, милая? По закону. А муж ваш где? — спросил он уже совсем бесцеремонно, но давая себе право на эту бесцеремонность.

— Он умер, — ответила она, смешавшись. — Перед войной.

И вдруг снова заплакала, несчастная, уставшая от того, что не было рядом долгие годы ни одного близкого человека, и, разом

ему доверившаяся, стала рассказывать, как они получили письмо из Москвы, что их комната занята какими-то беженцами и тем удалось прописаться, как она сорвалась — собрались ехать срочно, а билетов не было, — едва-едва заплатив немислимые деньги и продав последнее, получили разрешение ехать на этой платформе, и слава Богу, что так, а то бы просидели еще незнамо сколько в Барнауле.

«Боже мой, — думал он с давно позабытой нежностью, — за что ей все это?»

— Вы напишите мне, как доехали, — сказал он, — и осторожнее будьте. Не верьте вы никому, ради Бога.

— Но вам же поверила, — ответила она, улыбнувшись, и он поразился тому, как была красива эта женщина.

Громадный состав дернулся и медленно потащился вперед, замелькали чьи-то лица, кто-то прыгал на ходу, и Владимир Георгиевич подумал, что ей ехать еще три недели через пол-России, Бог знает, что может с ней случиться и как встретит ее Москва. Он вернулся домой, но мысль об этой женщине его не покидала, он вспоминал ее лицо, эти слезы, ее доверчивость, недетские, цепкие глаза ее сына и вдруг поймал себя на ощущении, что остался таким же сентиментальным чудачком и будет жить этим воспоминанием много лет.

Однако некоторое время спустя он почувствовал день ото дня растущую, как опухоль, тревогу. Она будила его на рассвете и, ненадолго исчезнув, вновь о себе напоминала, и Серов чувствовал, что эта тревога связана с той женщиной. Наконец он получил от нее письмо:

«Милый, чудесный мой Владимир Георгиевич. Я молюсь за вас день и ночь. С вашей легкой руки наша жизнь переменилась. Сначала было трудно, и я уж совсем отчаялась. Поселившись в нашей комнате люди встретили нас враждебно, в комнату не пустили, и нам пришлось жить на кухне и в коридоре. Я решила подавать в суд, но теперь такая необходимость отпала. Они сказали, что скоро уедут сами, а пока что помогают нам и относятся как к родным. Я рассказала им о вашем благородстве, и они согласились со мною, что это мне Бог вас послал...»

Дальше читать он не смог. У него потемнело в глазах. Серов откинулся на спинку стула и стал растирать виски. По радио на всю станцию передавали сообщение из Москвы, где шли в параде Победы солдаты и бросали к Мавзолею вражеские знамена, а здесь, в Барабинске, было жарко, душно и были по домам солдатские вдовы.

Серов прижался лбом к стеклу и, подавив первую волну страха, подумал, что жалеть ему не о чем, все именно так и должно было быть и он знал, что этим кончится, лишь бы их не тронули.

Неделю спустя за начальником станции пришли, и очень скоро в Барабинске о нем забыли, только вспоминала его иногда молочница и ставила в открывшейся после войны церкви на всякий случай сразу две свечки: одну за здоровье, другую за упокой.

ЛЕНКА

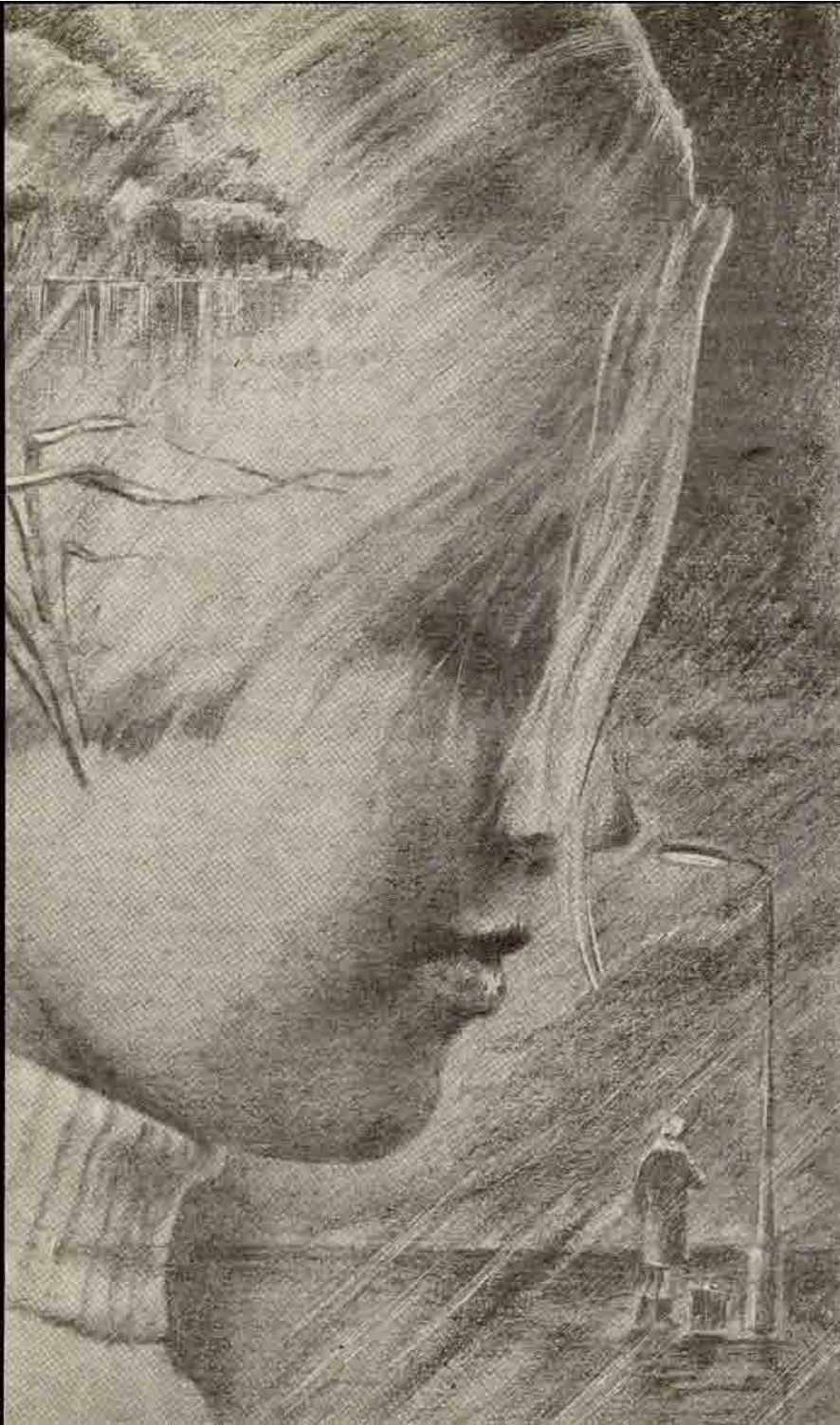
11

Всякий раз, когда Ленка вспоминала отца, она видела одну и ту же картину: они плывут в черной резиновой лодке по речке Еломе, плывут целый день мимо потопленных берегов, поросших березой и ольхой, пока не покажется из-за поворота темная избушка и можно будет найти берег, размять затекшие ноги и затащить рюкзаки в дом, где никогда не ставили замков. А потом развести огонь в очаге, повесить на крюки котелки и растянуться на полатах, поджидая, пока вскипит чай и сварится картошка. И смотреть, как дым уходит через крышу, как отец подкидывает в огонь дрова из сломленной сушины, а мимо открытой двери течет за камышами и тростной бурой, спокойная речка Елома, почему-то не обозначенная на карте. Деревень по берегам не было до самого Коротца, плыли себе и плыли, плулая в протоках и спасаясь от тяжелой волны, которую загоняло в Елому озеро Воже. Хлеб и масло давно кончились, рассчитывали купить в озерном селе Чаронде, но тамошние магазины были закрыты. Плыли, так и не зная, куда впадает Елома, и только однажды, на третий день, им встретилась моторная лодка, где сидели старуха в телогрейке с узлом в руках и парень в очках с мощными линзами. Проскочили мимо них, потом вернулись, заглушили мотор и спросили:

— Откуда вы?

— С Бекетовки, — ответил отец.

— Из-за озера? Бесстрашники, — покачала головой старуха, а парень стал с досадой заводить мотор; их снесло метров на сто, пока наконец мотор не завелся, и лодка унеслась за поворот,

и потом долго еще то справа, то слева слышалось ее ровное гудение. Так и не спросили тогда, куда течет эта самая Елома.

А вот сколько ей тогда было лет, Ленка не помнила — то ли двенадцать, то ли тринадцать, — помнила только отца: как он сидел в штормовке на веслах, лицом к ней и спиной к реке, и Ленка командовала: правым, правым давай, табань. Были и другие походы — шумные, многолюдные, с шашлыками и рыбалкой, но их она не помнила — помнила только этот, где однажды их чуть не накрыло волной в просторном озере Воже.

И сына Ленка назвала в честь отца Митей, хотя мужнина родня роптала и говорила, что нельзя называть первенца по материнской линии. Но Ленка настояла на своем, и никто не посмел ей перечить. Да и кто мог ей возразить, после того как отца не стало. Он был сильным и здоровым мужчиной, и никто из его друзей-походников не мог поверить, что после пятидесяти у него откроется страшная болезнь и он будет мучительно умирать, так медленно, что хотелось выматериться и взмолиться незнамо кому: ну не тяни же, кончай скорей, или — или. Но Ленка тогда этого не знала, ее берегли, потому что она была молода и могла нечаянно выдать то, чего не должен был знать, но что предчувствовал отец.

Ленка этого не знала, видела, что отец хворает, что характер у него стал тяжелый, после того как на Алтае ему пришлось сойти с маршрута, но думала: обойдется, да и возраст такой — отходил свое. Она только что окончила школу, поступила в пединститут, а не в университет, как мечтала, но это ли досада? — с месяц повздыхала, а потом привязалась к уютному зданию недалеко от дома на Плющихе, охотно туда бегала, а домой возвращалась поздно, потому что была хорошая компания, любили бродить по Москве, собирались, у кого свободная квартира, получали стипендию и топали в пиццерию на Рождественский, и слушать она никого не хотела, что нечего сопливой девчонке приходить домой, когда все честные люди спят, — все да не все, есть которые и не спят. Отцу это пришлось не по нраву, однажды он вспылил и пообещал, что не пустит ее на порог, если хоть раз придет домой на минуту позже одиннадцати. Ленка вспылела еще больше и заявила, что никому не позволит себя ограничивать, воспитывать: как хочет, так и будет жить. В отца пошла, на свою беду, воспитал ее самостоятельной, а ему, с пожелтевшим лицом и постоянными болями, все чудилась беда, что обидят его зеленоглазую рыжую Ленку, хлебнет она лиха, и как мог пытался остановить ее, помешать тому, чему помешать был не в силах. Раз вечером, когда она после полуночи осторожно скользнула в квартиру, скинула у порога сапоги и в шубке босиком побежала по коридору, он вышел из комнаты и шепотом закричал:

— Где ты шляешься, дрянь?

А Ленка-то с детства такого слова ни разу не слыживала, и на душе у ней до той минуты так сладко, так тревожно было, что резануло ее этой «дряню», и она посмотрела на отца дерзко, потом усмехнулась презрительно, по-женски, не как отцу родному, а как просто мужику какому-то, шагнула дальше и услышала в спину удушливое, смешанное с кашлем:

— Шлюха!

Ей показалось, что она ослышалась, но тотчас же вдогонку повторилось неестественно крикливое, горестное:

— Моя дочь — шлюха!

Лучше бы ударил, толкнул, она бы все снесла, но такое как стерпишь от отца. Остолбенела, а потом встрепенулась и, глотая слезы, стала рыться в ящичке стола, паспорт, деньги, несколько писем, больше ей ничего не надо. Он не смеет, пусть он отец, но все равно он не смеет, никому и никогда она не позволит себя унижать, что угодно — только не унижение. Скорей бы отсюда уйти, пока не пришла мать и не стала ее уговаривать, что отца надо понять, он старый больной человек, что ей тоже тяжело, но надо терпеть. А при отце мать будет молчать и слова не скажет, чтобы защитить от него Ленку. Черствая, эгоистичная дочь, как же, черта с два она тут останется, хватит. Растили, одевали, куском хлеба попрекали, больше не надо — сама проживет. Она еще раз оглядела комнату — вроде все, сорвала со стены обмотанного шарфом Вознесенского, сунула его в сумочку и выскочила в коридор. Звонко крикнула на всю квартиру:

— Я ухожу от вас. Эй вы, слышите, навсегда ухожу!

И, не дожидаясь ответа, захлопнула дверь.

Ленка помнила ту ночь, будто вчера это было. Помнила ясно, как вышла на улицу во втором часу, а там мело, клубился снег, у нее закружило голову от метели, и она быстро побежала по улице, потом свернула в переулок, не останавливаясь, перебежала через пустынное, мерцающее светофорами Садовое кольцо, вышла в Сивцев Вражек и тут только опомнилась и пошла спокойно мимо сонных особнячков и желтых кирпичных домов с недремлющими швейцарами, шла себе и шла, не зная, куда идет, курила на ходу, пока не замерзла. «Махнуть, что ли, в Шереметьево, в бар?» — мелькнуло в голове, но она прогнала эту мысль; в Шереметьево далеко и дорого, деньги теперь придется экономить. Вышла на Гоголевский бульвар, остановила такси и попросила отвезти ее к Ярославскому вокзалу. И сразу куда-то делось безрассудство, стало зябко на душе, и она принялась ходить по залу ожидания, поглядывая на спящих людей, свернувшихся кто на лавке, кто просто на полу, постелив газету. «Вот и у меня теперь нет дома, — подумала. — Папка, папка, что же ты натворил, что ж с тобой приключилось, что ты собственную любимую дочку распоследними словами называешь?»

А ведь именно с этого вокзала они уезжали в походы на Север и плыли по полноводным рекам, и кто мог тогда подумать, что через несколько лет она тут окажется одна-одинешенька и защитить ее будет некому? Какой бес ее попутал?

Она бродила по вокзалу, уговаривая себя не малодушничать, и, чтобы не хандрить, пошла в туалет наводить марафет. Долго стояла перед зеркалом, окрашивая ресницы и наводя тени, наложила немного румян, замаскировала бледность и, красивая, романтичная в шубке и шапочке, отправилась разглядывать расписание. Стояла у высокого, во всю стену расписания и читала названия далеких городов: Архангельск, Кемерово, Воркута,

Вологда, Хабаровск, Пекин, Серов, Горький, Лабытнанги. Глаза скользили то вверх, то вниз, и она представляла себе эти далекие, незнакомые города, где уже наступило утро.

«Уехать бы сейчас в Лабытнанги, черт их знает, где они находятся, и жить там одной, да ни от кого не зависеть. Но никуда ты, матушка, не уедешь, потому что ты слаба, закиснешь тут, воротнешься домой и будешь приходить ровно в десять». И добро бы так, но уж коль завелась, марку надо держать. Мол, никуда я не вернусь, с домом все покончено, буду жить где угодно, ночевать на вокзалах.

Пока она так стояла и шевелила губами, сбоку послышалось вкрадчивое:

— Гражданочка, предъявите ваш билет.

Обернулась: перед ней стоял нахохлившийся белобрысый сержант с короткими ресницами, молоденький, только форма делала его чуть старше.

— Вы куда едете?

— Никуда я не еду, — огрызнулась она.

— Пройдемте, гражданочка, — сказал сержант расслабленным голосом и ухватил ее за локоть.

— Куда еще? А ну пусти, чего пристал?

— Тише, тише, гражданочка, пассажиров разбудите.

— Да никуда я...

— Эй, глянь, проститутку поймали, — пронеслось по лавкам.

— Ишь, шалава, намазалась.

Сержант, сам, кажется, не ожидавший такого поворота, застеснялся, и они вдвоем пошли в сторону отделения, не глядя по сторонам. В отделении ее продержали недолго.

— Студентка? — ухмыльнулся заспанный старшина. — А на вокзале что ночью делаешь?

— Не ваше дело.

— Ты не борзей тут. А ну геть отсюда, и чтоб я тебя больше не встречал.

— А вы извинитесь вначале, — сказала звонко, еле сдерживаясь, чтобы прямо тут не брызнуть слезами.

— Ладно, топай, — вяло ответил старшина.

Потом она полчаса редела в туалете, размазывая косметику, умывалась, хлопала себя по щекам, но глаза все равно были опухшими и красными, и она казалась самой себе такой жалкой, что противно было смотреть. Дождалась, пока откроют метро, залезла в первый вагон на кольцевой, села подальше от входа, прислонила голову к стеклу и заснула. Спала до тех пор, пока пожилой мужчина с кейсом не наступил ей на ногу и не потребовал тем самым, чтобы она уступила ему место.

Так вот и прошла ее первая ночь на воле, ну да лиха беда начало. В институт пришла на первую пару, что случалось с ней редко, но лекцию не слушала, сидела и думала о своем. Что делать дальше, где жить? Перебирала в уме знакомых и не находила никого, кто бы мог ее приютить. Вот так вот, мальчишки-девочки, вместе гулять, веселиться — пожалуйста, а чуть что случись — сама выпутывайся. И подумала тогда, что плюнула бы она на все и вернулась домой, но после того, как ее за одну

ночь дважды обозвали шлюхой, после того, что она натерпелась, возвращаться домой — нет уж, увольте. С жильем все-таки устроилась. Приютила Ленку казачка Галя — осанистая, голосистая общажная девица. Казачка Галя была на пять лет старше Ленкиных восемнадцати, но выглядела на все двадцать восемь, и по Ленкиным понятиям была уже тетенькой. Казачка Галя ходила на все лекции, невозмутимо их записывала, таскала из библиотеки книги в здоровенной сумке и на переменах, когда все вылезали курить, доставала из сумки бутерброды, термос и неторопливо ела.

Была она всем денкам как мать родная, кормила их супами, оберегая от гастрита, заставляла хоть в сессию учиться, ругалась, звала вертихвостками, учила, как жить, и хотя по большому счету все от нее отмахивались, но любить свою кормилицу любили. Казачка Галя жила вдвоем с корейкой, миниатюрной девушкой с плоским лицом. Третья койка у них пустовала, и казачка без особых расспросов предложила ее Ленке. А потом варила на кухне борщ и степенно рассуждала:

— Ты, подруга, с глузду съехала. Жизни не знаешь, вот и бесишься с жиру. И все вы, москвички, такне, на всем готовеньком выросли. А как выросли, до свиданя, мамо и батько, я зараз самостийная.

— Ну и что? — возражала Ленка.

— А ничего. Ты на что дальше-то жить собираешься?

— Работать пойду. На вечернее переведусь. Институт брошу. Квартиру буду снимать.

— Работать она пойдет. Ты хоть знаешь, шо це такое работать? Я вон такая ж, как ты, молодая дура была. В Москву поехала в институт поступать. А только меня тут и ждали. Провалилась, конечно, так нет, домой не вернулась — застыдилась, шо родичи скажут. На стройку пошла лимитчицей. Апээн на Zubовском строили. За день навкальываешься, потом в комнате сидишь в халатике, книжку читаешь, а к тебе пьяный бригадир вваливается. Хорошо, я баба дюжая. А попробуй кому пожалуись, враз тебя вышибут.

— Так я же не на стройку.

— А везде одно, — отмахивалась казачка, — везде за себя постоять надо.

Ну и буду стоять, думала, ничего, как-нибудь проживу. Сунулась искать работу в институте на полставки, но все расхватили по осени, и она махнула рукой: обойдется, и на «степу» проживу. Казачка Галя хоть и ворчала, но к Ленке привязалась, следила, чтоб та не голодала и не тратила стипендию на пирожные. Еще она принялась было бороться с Ленкиным курением, но тут уж Ленка за себя постояла и бросить курить наотрез отказалась. Жили они втроем душа в душу. На стенках в комнате дружно соседствовали молодеватый Ким Ир Сен, Лермонтов — Галина любовь, и Ленкин Вознесенский. По вечерам гоняли чай с вареньем, баловались клубничной наливкой и принимали гостей.

Хорошо было. И никуда от этого не денешься, всю жизнь будешь помнить, что, когда отец умирал, хорошо было. Только неправда, что она совсем не помнила про отца, она ждала, что он

придет, но он так и не пришел, только однажды показалось ей, что мелькнуло в толпе его лицо, глаза, а потом его закрыли какие-то другие люди. И ей стало казаться, что она живет в другом городе и родной дом где-то далеко-далеко, как у всех. Но однажды, когда они сидели все той же теплой компанией и пили чай с наливкой, в комнату вошла мать. Ленка успела сунуть казачке сигарету и пошла в коридор.

— Ты что с отцом делаешь? — спросила мать. И правду говорят в таких случаях — лица на ней не было.

— А он что со мной делает? — вскинулась.

Она стояла перед матерью растрепанная, в какой-то блузе, пропахшая табаком, и было это так унижительно, словно она нашкодившая девчонка, и чтобы хоть как-то прикрыть это унижение, поглядела на мать отчаянно и дерзко.

— А он что со мной делает?

— Ты... ты... — задохнулась мать. — Ну и дрянь же ты бесстыжая!

Наверное, действительно дрянью была, что через собственный гонор не переступила, не кинулась в тот же вечер домой. Но, видит Бог, ничего она тогда не знала, ничего ей мать не сказала, ни когда приходила, ни когда свадьба была. А может, просто боялась на глаза отцу показаться, как он еще на нее посмотрит?

И почему, когда она вернулась в комнату, посмотрели на нее с осуждением эти девчонки, оставившие своих родителей на пять лет? Да что тут такого, думала Ленка, во всех нормальных странах молодежь живет отдельно от родителей, это абсолютно естественно, так и должно быть. Но что-то мучило ее, раздражало, и она злилась и на казачку Галю, и на саму себя, и даже новая прическа ее не развеяла.

В общежитии она прожила с месяц, а потом они с казачкой стали цапаться все больше и больше. Началось из-за корейки. Корейка Ленку очень занимала. Тихонькая такая, молчаливая, трудолюбивая, чего-то себе думает. Как гости придут, книжку отложит, сидит слушает, но слова не скажет. Про все слушает, все ей интересно, а в ответ ничего. Вот Ленка и решила корейку расшевелить. Не нашла ничего поумнее, как спросить:

— Слушай, а вас что, заставляют, что ли, значки с Ким Ир Сеном носить?

— Ким Ир Сен — наша великая вождь и учитель.

— Ну и что? Подумаешь, вождь и учитель. А своя-то голова есть?

Корейка промолчала.

— Ну хорошо. — Ленка решила подойти с другого бока. — А вдруг он в чем-то не прав.

— Ким Ир Сен все знает.

«Нет, это просто дурман какой-то, — подумала она. — Хуже Сталина». И принялась рассказывать корейке про культ личности и что из него получилось.

Вот за это казачка Галя ее разочек и отругала.

— Дура, — шипела казачка на кухне, размещивая все тот же борщ, — кто тебя просит соваться в это дело? Кто дал тебе право вмешиваться в то, в чем ты ни хрена не понимаешь? А если она

тебя послушает, ты представляешь, что они с ней сделают? И вообще не нравится мне твоя инфантильность, взрослая уже девица, а ведешь себя хуже семиклассницы.

— Значит, в ее нельзя, а в мою можно вмешиваться? В моей жизни ты много смыслишь? Ну-ну, в-в общем, т-так,— заикаясь, сказала Ленка,— е-если я т-тебя ч-чем-то н-не устраиваю, то п-пожалуйста, я м-могу и уйти.

Казачка секунду помолчала, подумывая, что ответить, и этого Ленке показалось достаточным, чтобы хлопнуть дверью. Галя догнала ее у лифта, привела обратно в комнату, но былой дружбы уже не было, как ни старались обе сделать вид, будто ничего не произошло. Хоть и была Ленка отходчивой, но обиду затаила. Да и не в корейнке дело, ничего казачка про Ленину историю с отцом не знала, а вроде как давала понять, что загостились ты, подруга, пора тебе до дому. Через несколько дней к ним неожиданно нагрянул комендант, и произошло то, что должно было рано или поздно произойти,— Ленку выселили.

А все потому, что упрямая была. Так складывалось, что надо было послушаться судьбу и вернуться домой, но она, как упрямая овца, все норовила ускользнуть и ускользнула себе на горе.

Собрала вещички и прямо с сумкой отправилась в кафе «Север» на улицу Горького пить шампанское и есть мороженое. Идти было абсолютно некуда, и, сколько могла, она оттягивала момент, когда надо будет решиться на определенный поступок. За то время, пока она сидела в кафе, к ней несколько раз клеились, уговаривали куда-то поехать послушать музыку, и надо было вставать и уходить. Но она думала со злостью: «Все равно буду сидеть, все равно идти некуда». Вот так, наверное, и становятся проститутками, когда идти некуда.

Она доела мороженое, оделась и вышла на улицу. Остановила такси и велела отвезти ее по одному адресу на Юго-Западной. Там, на Юго-Западной, проживал надежда современной науки Славик-математик, проживал один, потому как его родители — генеральша и генерал — предпочитали дачу в Опалихе. Славик, Славик, вот и о тебе пришла очередь вспомнить, хоть уж давно тебя не видела и давно мне не муж, но ведь Митькин папаша, а от этого куда денешься?

Хороший человек был Славик-математик, главное, порядочный, только кто по молодости на это смотрит? Порядочный-то порядочный, и аспирант, и с квартирой, но такая зануда, и жил как зануда, и к Ленке относился как зануда, и как зануда уговаривал ее уже почти год выйти за него замуж. Но представить тогда, что Славик станет ее мужем,— боженька, спаси и сохрани! А Славик был терпелив, он встречался с Ленкой раз в неделю, как по заведенному расписанию, водил ее на концерты классической музыки, где она по большей части скучала, чинно провозал домой и сносил все ее причуды. Причуд у нее было хоть отбавляй, она могла опоздать на час, не прийти вовсе, или в тот момент, когда задумчивый Славик поджидал ее с отсутствующим видом у консерватории, пройти мимо под ручку с каким-нибудь приятелем. Ей ничего не стоило в последний момент закапризничать, потребовать, чтобы вместо Гарри Гродберга

шли смотреть в третий раз «Аббу» или «Тутси», прислать вместо себя какую-нибудь подружку, поручив той липнуть к Славику. Продельвала это Ленка с одной-единственной целью, чтобы Славик от нее отстал. Заявить об этом прямо она не решалась, стоило ей представить оскорбленное лицо математика, как понимала, что легче слушать его утомительные рассуждения о Шопене. К тому же встречались раз в неделю, это не так часто, особенно если учесть, что можно иногда и пропустить. Плохо Ленка относилась к Славику, а он? Господи, да что он в ней нашел, на кой черт она ему сдалась со всеми своими выкрутасами и капризами, взбалмошная, дерзкая? Считал, что подходит ему как жена, любил? Ну и любовь же тогда у этих математиков! Я бы на его месте... А вернее всего просто развлекался, отдыхал от формул и жирных кривых линий, как отдыхал за преферансом. Наука, преферанс, она. Только на поверку все сложнее вышло. Вот и сидела она теперь в такси, пока оно крутило по мосту на Ленинский и дальше, мимо казенных домов, неестественно задравшего руки Гагарина, мимо леса к россыпи огней, а освистанные ветром пространства Тропарева — не чета родной Плющихе.

Вылезла из такси и пошла к подъезду. А если его еще дома нет? Пусть только не будет, пусть только попробует счастье свое проспять, дурак. Пусть только не будет, запоздало взмолилась у двери.

Но Славик был. Отворил ей дверь, стоял, одетый в китайский мужской халат, задумчивый, как всегда.

— Поди оденься, — приказала Ленка, — что ты, баба, что ли, в халате ходить?

— Ленка...

— Значит, так, — говорила она, яростно затягиваясь сигаретой. — Ты будешь спать в этой комнате, а я в той. И чтобы без глупостей мне, понял? А то уйду. Чайник поставь, — крикнула она уже из ванной, полезая в душ. Ее немножко знобило, и она сделала себе горячую-прегорячую воду, сколько было сил терпеть.

А потом долго ворочалась на генеральском ложе и чувствовала, что уснуть все равно не может. Все это время она пыталась отвлечься и не думать, в какое дурацкое положение себя поставила, приперевшись к Славику. Но теперь мысли о том, какая она идиотка, не давали ей покоя. Сейчас, сейчас, он только заснет, и уйду. Но потом услышала, как Славик встал, дверь скрипнула, он подошел к ложу, откинул одеяло и молча лег рядом с ней. Хотела вскочить, но не смогла. «Ну и пусть, — мелькнуло в голове, — главное — не быть никому обязанной». Только ничего, кроме разочарования, в эту первую свою ночь она не испытала.

А дальше все было, как в тумане, теперь не вспомнишь. Жила у Славика и думать ни о чем не думала. Ходила, как заводная, в институт, шаталась по улицам, потом приходила в Тропарево и только твердила: замуж не выйду, ни за что, пусть так, пусть, как шлюха, как назвали, за крышу над головой, что же делать, если больше нечем платить. Главное — не задаром, чтоб только

ни у кого не одалживаться. Со Славиком почти не разговаривали, но он, похоже, уже тогда относился к этой ситуации иначе и, пока она воображала себя падшей женщиной, препоручил ей домашнее хозяйство, и Ленка почувствовала, что начинает уступать и входить во вкус своего нового положения. Мало-помалу привыкла к Славiku, заботилась о нем, освоилась, передвинула кое-где мебель, сменила на кухне занавески и стала подумывать, что бы еще прикупить по хозяйству. И очень естественно, сама не подозревая, как это случилось, перешла в состояние замужней женщины. Остальное свершилось вовсе не заметно: как-то раз нагрянули генералы, Славик представил им Ленку, она их очаровала, ибо чего-чего, а умения очаровывать у Ленки было хоть отбавляй. И решили играть свадьбу. Сговорились с ее родителями, те пришли знакомиться, отец разговаривал с генералом о войне, мать держалась с большим достоинством и была по отношению к Ленке так предупредительна, будто Ленка ей не дочь родная, а воспитанница. А может, и не так все было, тот вечер — это уж точно провал в памяти. Потом, когда они ушли, она не плакала, а тупо сидела у окна и старалась припомнить отцовское оскорбление, но вместо злости появился какой-то неприятный привкус, который долго еще не пропадал.

Свадьбу праздновали в генеральской квартире по высшему разряду, с родственниками с обеих сторон, друзьями, подружками, ухлопали кучу денег, и из обрывочных разговоров Ленка узнала, что генералы предлагали оплатить все сами, но отец отказался и внес половину. Ленка тогда не могла понять, откуда взял, но беспокойство усилилось. Все было изысканно и чопорно, и Ленка, не спавшая ночь, чтобы не помялась сделанная накануне прическа, жалобно думала, что похожа на Дюймовочку, выходящую замуж за крота. От всей свадьбы ей больше всего запомнился генеральский тост. Генерал поднес молодым хрустальную вазу, наполненную трюфелями, и с легким поклоном сказал:

— Пусть в вашей жизни будет такая же смесь горечи и сладости, как в этих конфетах.

Ленка ждала, что скажет отец, но тот лишь слабо улыбнулся, беззащитно, открыто, как в лодке на речке Еломе, и проговорил:

— Будь счастлива, доченька.

И всем гостям стало чуть неловко, что сказал так коротко и просто и обратился к одной невесте. Она потянулась к нему, но в этот момент все завопили: «Горько!» — стали считать, кричать, и у Ленки закружило голову от шампанского и Славикина одколона.

Казачка Галя — позвала ее Ленка на свою беду свидетельницей — наклонилась и зычно прогудела:

— Ты чтой-то не радая, подруга? Смотри — не нравится жених, сама уведу.

И пошла петь. Хорошо пела подруга Галя: и весело, и озорно, и грустно. Ох, Ленка, что ж ты натворила? Не будет у тебя больше ни развеселой компании, ни кафе-мороженого на улице Горького, ни общаги, да и не этого жаль, а жаль чего-то другого: то ли ночного вокзала, где уходили далекие поезда в Лабитнанги, то ли тростны, что гудела по берегам озера Воже, то ли чего-

то еще не сбывшегося. А вышло так, что на собственной свадьбе видела она отца живым в последний раз. В свадебное путешествие поехали в Таллинн. Генерал сделал гостиницу с видом на старый город, но Ленка хандрела, была мрачна и менее всего походила на счастливую молодую жену. Неуютно ей было со Славиком, и хотелось бежать куда глаза глядят, очутиться одной на любой глухой станции, среди старух с палками и узелками, а не в шикарном номере, зеркалами отражавшем ее бледное чистое лицо.

Через три дня пришла телеграмма из дома: отец скончался. Совпадение его смерти и ее свадьбы ошеломило настолько, что долго она еще ходила сама не своя и задним числом пыталась что-то вспомнить, но вспоминать было уже поздно: в длинном приземистом здании за окружной дорогой, куда привез их военный автобус, гроб с телом поставили на стол, по очереди подходили, прощались. Потом вышла женщина в костюме, нажала на кнопку, и гроб опустился вниз. Ленке стало жутко от этого неестественного падения в огромные печи, как-то безысходно, как будто и впрямь так безнадежно и обреченно оканчивается человеческая жизнь и ничтошеньки от нее не остается. Мать держалась сухо и строго, не рыдала, делала все, что требовалось. После поминок Ленка хотела остаться у нее, но мать велела ей уйти. И сколько после этого ни пыталась Ленка с ней заговорить, та отвечала коротко, односложно и дочь к себе не подпускала.

Ну и пусть.

Потом она заболела, целыми днями валялась на диване и таращилась в окно. Ленка была беременна.

Носила она тяжело, ее часто мутило, она не высыпалась; потом уже, на поздних сроках, когда началась зима, на одно то, чтобы застегнуть сапоги и надеть шубу, уходили все силы.

Родов она не боялась, с родами должна была пройти мучившая ее беременность, и роды оказались легкими. Родился мальчик: Митя, Митенька.

Когда ей принесли сына, она долго не могла поверить, что это ее ребенок и, самое главное, что она теперь мама, мать, мамаша, она — девятнадцатилетняя девочка, самая младшая в палате, годящаяся в дочки своим соседкам. А когда поняла, то расплакалась, сама не зная отчего, и вдруг подумала, что рождение сына — некий знак «свыше» и это «свыше» назвало его именем отца, деда, значит, не в пустоту падает мертвое тело, остается от него, наперекор всему, что-то очень важное, что не может объяснить ни один человек. Значит, есть какая-то надежда, какой-то выход. И она вся раскрылась этой надежде, но так стукнулась, что до сих пор болело при одном воспоминании.

Началось с того, что молока было совсем мало, потом у Мити появился диатез, он стал расчесывать себя, лежал весь обвязанный, плохо спал, ему меняли диету, но диатез не проходил. Вскоре из Опалихи приехали генералы, приехали с самыми лучшими намерениями — помочь молодой семье. Ленку облагодетельствовали, особо не спрашивая, хочет она того или нет, и опять у нее завертелось в голове это ненасытное, сумасшедшее желание взять ребенка и уехать, уехать куда угодно, где нет

валяжного генеральского дома, его болтливой жены, Славика с преферансом, математикой и скукой на лице. Она чувствовала, что с ней происходит черт знает что. Стала истеричной, злой, и стоило ей только заметить, как морщится Славик, когда начинает плакать Митя, она кричала на него:

— Ну и не надо было ребенка заводить, если проклятая наука тебе дороже.

И ведь знала, что не права, что Славик помогал ей чем мог: пеленки стирал и к ребенку по ночам вставал, давая ей выспаться, все это знала, однако поделаться со своей раздражительностью ничего не могла.

И с генеральшей они были на ножах. Собственно, на ножах была Ленка, генеральша, напротив, вела себя очень миролюбиво, ласково втолковывала Ленке, как управляться с сыном, но всякий раз, когда выходило не по-Ленкиному, а по-генеральскому, она кипятилась и думала, что ее обдурили. Хотя, если бы не генеральша, неизвестно еще, что б с Митей было. Свекровь вызывала частных врачей, они назначали ребенку самую хорошую диету, немолочную, получали за визит по четвертному, а Ленка мстительно думала, что у нее таких денег нет и поэтому она вынуждена терпеть это унижение. Потом генеральша придумала еще одно важное мероприятие.

— Дмитрия надо крестить, — торжественно объявила она за обедом.

Генерал и его сын неопределенно пожали плечами, мол, делайте что хотите, ребенок — забота бабская. Ленку опять никто спрашивать не стал, она хотела по обыкновению взбрыкнуть, однако что-то ее в этот раз остановило. Крещение организовали на дому, за батюшкой ездил самолично генерал, таинство быстро совершили, и у Ленки от этого визита осталось ощущение, будто ребенку сделали очередную прививку.

И вообще ей стало казаться, что в этом доме ее никто всерьез не воспринимает как жену и как мать, и вся ее нынешняя жизнь была совсем не похожа на то таинство, к которому она прикоснулась новогодней ночью в роддоме на Ленинском проспекте.

«Я так больше не могу», — подумала она и пошла объясняться со Славиком.

Он честно отложил в сторону таблицы и расчеты, внимательно выслушал ее, потирая виски, но ничего не понял.

— Тебя кто-нибудь обижает, тебе говорят грубости, тебя в чем-то упрекают, тебе не помогают? Нет? Значит, тебе не может быть плохо, этому «плохо» неоткуда взяться. Значит, все дело в тебе самой, и ты сама должна как-то измениться.

«Ты, ты меня обижаешь», — думала Ленка, но вслух не говорила, потому что говорить такие вещи вслух бесполезно: их либо понимают без слов, либо не понимают вовсе. — Боже мой, но зачем же он тогда все это затеял, зачем я ему потребовалась, если ему все равно? Да лучше б ты был, проклятый, лучше б негодяем был, бабником, но хоть бы понимал. Что мне до твоей порядочности? Сварливая, ленивая, неблагодарная, избалованная жена, и опять я пришла к тому, от чего уходила, и опять я всем поголовно обязана. И свекровь вздыхает: бедный Славоч-

ка, как ему не повезло с женой, но он у меня порядочный и ее не оставит. Ах, так?»

И тогда она решила выкинуть фортель: как-то вечером, когда генералы отправились в Большой, а Славик всего-навсего в соседней комнате сидел над диссертацией, Ленка, нарочито громыхая вещами и телефоном, вызвала такси и собрала Митю. Она все ждала, что Славик выйдет, что-то почувствует, заволнуется, но он так и не поднял головы. Ленка вышла, хлопнула дверь и медленно, за руку с Митей, пошла к машине. Такси крутило по Москве, мимо университета, где она когда-то мечтала учиться, мимо Лужников, мимо ярмарки, Митя сопел, шофер искоса поглядывал на Ленку, но заговаривать с ней не заговаривал, и она подумала, что все это уже было, и точно так же крутило ее по Москве, и сколько так будет крутить, одному Богу известно.

Мать была дома. К появлению дочери с внуком она отнеслась очень сдержанно, если не сказать неприязненно, но Ленку это заботило мало. Здесь по крайней мере ее дом, здесь она прописана и сама себе хозяйкой будет. Поздно вечером позвонила генеральша.

— Да, да, Леночка, это не телефонный разговор, я завтра приеду.

И в самом деле приехала. А ты-то где, муженек? Выяснилось, что муженек тогда на Ленку осерчал и требует, чтобы она сама явилась к нему с повинной, что-де за дела, он себе такого не позволяет.

— Леночка, голубушка, мы люди простые, если тебя чем обидели, прости нас. Тебе трудно, а мне, думаешь, легко было? Пока в Москву перебрались, дослужились, сколько мыкались, таскались, глухомань, муж на службе, пойти некуда. И только к одному месту привыкнешь, сразу на новое. На Дальнем Востоке, на Урале, в Казахстане... Я ведь тоже думала: брошу все, уеду, не могу так больше. Это ничего, Леночка, это так надо, ты поживи тут чуть-чуть и возвращайся. Потерпи, Леночка, ради себя не можешь, ради Мити потерпи. Что поделаешь, бабья доля такая: мужик в делах, потом дома, а у нас целый день служба, и никто этого не понимает, ни один мужик.

Генеральша была высокопарна, но искренна. Ленка слушала ее внимательно, хотя злилась на себя за эту внимательность.

— Я ведь понимаю, Славик мой эгоист порядочный вырос. А что ты хочешь, один был, вот и избаловали. Ты потерпи, мне ведь хуже было. Я университет окончила, наукой заниматься хотела, а всю жизнь в гарнизонной библиотеке проработала. А у тебя все будет, хочешь учись, хочешь дома сиди, летом на дачу будем ездить. Еще себе ребенка родишь. Ты что надумала-то, дуреха? Ты ведь не ему, себе жизнь поломаешь. Послушай меня. Я тебе зла не желаю.

Но Ленка поняла, что никогда у нее со Славиком жизнь не наладится, и подала на развод.

Началась у нее жизнь — чем хуже, тем лучше.

Ждать помощи от матери не приходилось, ребенка никуда не

брали, и Ленка пошла работать в детский сад; и работа будет, и за Митей присмотрит. Сад был недалеко от дома — ведомственный.

Заведующая, дама уже в годах, но хорошо сохранившаяся, чем-то похожая на генеральшу, долго расспрашивала Ленку про ее, как она выразилась, обстоятельства, про причины развода, с сожалением вздыхала, что образование у Ленки хоть и педагогическое, но незаконченное, спрашивала, как она жить дальше собирается, как институт кончать. Ленке все эти участливые разговоры были неприятны, она была уже сама не рада, что завязалась в это дело, и хотела ответить что-то резкое, уйти, но заведующая поспешно сказала, что Ленка им подходит, они ее берут, конечно, не сразу на должность воспитательницы — пусть вначале поработает нянечкой и осмотрится.

И пошла Ленка в сад мыть посуду, полы, туалет. Первое время гора с недоеденной пищей, уборка туалета вызывали у нее отвращение, но скоро она к этому привыкла и работала почти машинально. Через месяц ей дали группу, но без няни, и ей по-прежнему приходилось мыть полы и посуду. Все так работали — одинокие несчастные бабы, которым некуда было деть своих детей. Многие увольнялись, а кто-то свыкался и работал всю жизнь. Хлебнула Ленка в этом садике изрядно: и гризи, и сплетен, и свар из-за игрушек, из-за родительских денег, натерпелась от комиссий и министерских проверок. Педагогом она была, видно, никудышным — дети ее не слушались, кричали, она пыталась быть с ними поласковее, но они еще больше садились на шею, носились как угорелые; то и дело приходила невзлюбившая ее за строгость методистка в хрустящем белом халате и тыкала Ленке за то, что у нее неправильно заполнен журнал, дети опаздывают на занятия в бассейн, родители в претензии. Потом во время ее смены у одной из девочек украли шубу, и Ленке пришлось платить. Потом что-то еще, еще, она чувствовала, как превращается в обыкновенную склочную бабу, сплетничает, таскает домой несъеденные котлеты и опускается ниже и ниже. Как я сюда попала, думала. Знать бы, чем кончится блестящий институт, ночной бар в Шереметьево, к чему придешь ты, генеральская невестка, девочка из хорошей семьи. И осталось ли в ней хоть что-то от той девочки, замороженно бродящей по Замоскворечью? Как же бездарно сложилась жизнь! А кого винить? Славика, себя, родителей, генеральшу? Мать ее осуждала, непутевая девка выросла, то из дому ушла, то с мужем развелась, позор! Развелась? У женщины должен быть любимый муж, понимаешь, мама, любимый, это самое главное. А все остальное — квартира, заработки, шмотки — это только остальное: хорошо, если есть, и черт с ним, если нет. Но так она говорила только себе, а про мать думала: что тебе объяснять, любимый или нет, у вас все по-другому было, раз замуж вышла, впряглась, значит, любимый, и говорить тут нечего — тяни давай. Может, так и надо, но я так не умею, я другая, и это надо обязательно понять и не осуждать меня.

Но однажды мать пришла к Ленке в неурочный час, встала в дверях, строгая, прямая, и вымолвила:

— Мне, доченька, сон был. Отец велел тебя простить.

И Ленка, растерянная, глупая Ленка в своем стареньком халатике, села на кровать и заплакала. А потом проснулся Митя и тоже заревел; они кинулись его успокаивать, и, пока мать укачивала внука, Ленка уже не плакала, а всхлипывала и думала о том, что мать все это время не могла простить ей смерть отца и считала ее во всем виноватой. Потом обе сидели на кухне, и каждая думала о своем, но на самом деле об одном и том же, и мать стала говорить, что последние два месяца, когда Ленка выходила замуж, отец лежал в больнице, но велел, чтобы она ничего об этом не знала. И ради того, чтобы прийти на свадьбу, он специально уходил из больницы, и никто его там не удерживал, потому что это уже было бесполезно. А Ленка сидела и пыталась вспомнить, каким был отец на свадьбе и во что был одет, но помнила только генеральский мундир с двумя желтыми звездами и длинный, будто бесконечный, стол. И голос матери, повторявший одни и те же слова:

— Мне, доченька, сон был. Отец велел тебя простить.

А потом опять потянулась жизнь, изо дня в день одно и то же: утром встаешь в шесть, будишь Митю и как сумасшедшая бежишь в сад, там, среди беготни, детских криков, суеты, работаешь до трех, на следующий день утро свободное, но опять встаешь в шесть, ведешь сына в сад, потом приходишь и заваливаешься до полудня, кое-как успеваешь сделать домашние дела — и опять на работу.

Первое время к Мите приходил Славик и забирал его на выходные. Ленка этому не мешала, но переживала страшно. Она боялась, что рассеянный муженек, который никогда полностью не пребывал в этом мире, недоглядит за сыном и Митя попадет под машину. И слава Богу, что генеральша Митю окрестила, есть Бог или нет, а парень без отца растет — ему хоть какая защита нужна. А потом Славик стал приходить все реже и реже и вскоре вовсе исчез. С тех пор Ленка его не видела и только по тому, как периодически увеличивались алименты, догадывалась, что дела мужа идут в гору. Встретила она его случайно на улице, узнала со спины, но прежде чем узнала его, узнала спутницу — такая широкая, крепкая спина, сильная шея были только у одной женщины. Ленка ускорила шаг и искоса поглядела на пару: так и есть, рядом со Славиком с особой статью вышагивала казачка Галя. Что ж, подруга честно предупредила: не нравится — уведу. Честно-то честно, но Ленка, уже давно забывшая про Славика, весь этот вечер вглядывалась в Митю, все искала в нем что-то от мужа и гадала, как живет сыну без отца. Но сын пыхтел, что-то строил из конструктора, был доволен и всем своим видом показывал: не приставай, некогда. Однако, когда он лег спать, Ленка стала припоминать казачку Галю и представлять, как они живут. Она ругала себя за эти мысли, пыталась их гнать, но чем сильнее гнала, тем больше они ее донимали.

А что, рыжая, грустно тебе стало; и не то что бы жалела, что со Славиком развелась, а подруга его ухватила, а просто себя пожалела. Но жалеть себя пришлось недолго: скоро у Ленки

начался роман. Только роман этот был таким же несуразным, как вся ее жизнь.

Героем романа был молоденький мальчик, вьюноша лет восемнадцати. Познакомились они на улице, когда Ленка выводила детей на прогулку. Он стоял и пялился на нее. День пялился, другой, Ленка не обращала на него никакого внимания, но мальчик приходил и простаивал за забором около часа. Потом несколько раз дожидался, пока всех детей разберут, и провожал ее до самого дома. Ленка на него пару раз цыкнула, но мальчик не отставал и приходил снова. В нем не было ни нахальства, ни настырности, а только какая-то дурацкая, упрямая покорность.

— Ну чего тебе надо? — спросила она его однажды, но мальчик только вздрогнул, и она махнула рукой — пускай ходит, если ему времени не жалко. Походит, походит и отстанет.

Потом ее ухажера заметили другие воспитательницы, и над Ленкой стали посмеиваться, как-то нехорошо посмеиваться, обидно, зло. Ленка обозлилась сама и в тот же вечер наговорила своему поклоннику резких слов. Мальчик оторопело выслушал ее и пролепетал:

— Не гоните меня. Я ведь ничего не прошу — только видеть вас.

— Чтoб я тебя тут больше не видела, — отрезала она и, подумав, добавила: — А то милицию вызову.

— А где же тогда?

— Где хочешь.

Через несколько дней мальчик объявился снова и пробормотал, что приглашает ее на концерт.

— В консерваторию? — злоеце прошипела Ленка. — Ты что, математик, что ли?

— Нет, я фотограф, — сказал он, оправдываясь. — Я думал, вы любите Баха.

Фотографа — хотя какой он был фотограф, мальчик на побегушках в лаборатории, несостоявшийся студент университета — звали Сашей, и было ему в самом деле восемнадцать лет. Встречались они раз в неделю как по заведенному расписанию, чаще у Ленки не получалось, а подходить к саду она Саше запретила, и он ее слушался.

Была осень; они не ходили ни в какую консерваторию, ни в кино, ни в театр, а гуляли допоздна по бульварам и разговаривали. Ленка чувствовала, как отогревается, смягчается ее душа, и на какое-то время удавалось забыть и про садик, и про хмурость матери, и снова ей казалось, что она принадлежит самой себе и ни от кого не зависит. А мальчик был чуткий, иной раз она диву давалась, как он может, такой молоденький, ее чувствовать; когда надо, молчал, иногда что-то рассказывал, иногда слушал ее, хотя дальше воспоминаний о детстве Ленка в своих рассказах не шла. Она привязалась к нему, привыкла и прозевала тот момент, когда нужно было остановиться. Подумала об этом поздно, когда сама уже без Саши не могла.

Потом началась зима, стало холодно бродить по бульварам, и, замерзнув, они заходили в старые дома и сидели там на широких подоконниках, грелись. Когда он потянулся поцеловать ее,

Ленка не отвернулась, а сама его поцеловала, неумелого, несмышленного. И, глядя на него, вздохнула:

— Что ж мне делать-то с тобой, дурачок?

Вздохнула и не задумалась, да и сколько, кажется, можно про свою жизнь думать, перебирать, копаться в ней — пусть уж идет, как идет. Стали встречаться часто, а потом как-то раз поехали к нему на дачу, ехали два часа в электричке, еще столько же шли через лес, морозно было. Пришли к дому, стали топить печь, он колот дрова, мужественно махая топором, а она сидела у огня и грела руки у открытой заслонки — все, как в домике на речке Еломе. Потом легли, и руки у него оказались такими холодными, что Ленка отпрянула:

— Иди грей.

И он сидел раздетый на стуле, дрожал и грел руки о большой алюминиевый чайник, пока она не позвала его:

— Ну иди же, дурачок.

Он очень волновался, торопился, и она шепнула:

— Не переживай, все получится. — И вдруг почувствовала себя такой взрослой и умудренной, как никогда раньше не чувствовала, и совсем маленьким показался мальчик, благодарно ткнувшийся в ее грудь.

Остыла печь, ветром выдувало тепло из летнего домика, и уже на рассвете — они все еще не спали — он опять встал и начал топить печь, а Ленка забылась и уснула.

А когда они вернулись в город, она вдруг стала думать, что будет, если об этом узнает его мать, как она станет смотреть ей в глаза, и не доведется ли ей опять услышать то, что выслушала она в ту ночь, когда ушла из дому. Так что куда ни денся, а думать надо. И сделала она это по обыкновению резко. Бросила ему в лицо, ошеломленному, еще не пришедшему в себя после поездки на дачу:

— Больше не будем встречаться. Хватит.

Саша выпятил губу, задрожал.

— Не заплачь, — насмешливо буркнула Ленка.

— Я на тебе женюсь, слышишь, вернусь из армии, и мы сразу поженимся. Или сейчас, хочешь?

— Нет, — мотнула она головой.

— Ты не можешь меня ждать, да?

— Глупый, что твоя мать скажет?

— Я из дому уйду.

— Не надо, не надо из дому уходить, — почти крикнула она и уже спокойнее сказала: — Когда ты придешь, мне будет двадцать семь, а моему сыну семь лет.

— Ну и что?

— А то, что тебе учиться надо, институт кончать.

— Одно другому...

— Мешает, мешает одно другому. Молодой ты еще, понял?

Она уже злилась на себя за то, что они затеяли этот разговор, сидели в каком-то скверике и доказать друг другу ничего не могли. Ленка замерзла и встала.

— Ты просто не хочешь меня ждать, — печально сказал он. — Это понятно, это очень трудно.

— А, думай как хочешь, — вскинулась Ленка.

— Но если, слышишь? — крикнул он ей вдогонку. — Если только у тебя получится, ты дожись меня. Я ведь серьезно. Я все понимаю.

Дождись, усмехнулась она, это у тебя, мой милый, возраст, это пройдет, встретишь другую и разве только, как меня зовут, не забудешь. А мне так и надо, нечего было распускаться. Ну и черт с ним со всем, пойду и напьюсь. А еще лучше не напьюсь, а приду домой, выпью чаю, залезу с ногами на диван и буду смотреть телевизор. А потом Митька вырастет, и можно будет уйти из детского сада. Институт уже не закончишь, но это не беда, и без института жить можно. Как-нибудь проживу. Как-нибудь. Господи, но за что мне такая судьба? Я ведь не злая, не подлая, не равнодушная, чем же я виновата-то? И страшно-то как за всех. Почему так страшно?

Она не могла уснуть и то и дело вставала к спящему Мите, хотя он уже давно вырос и в том не было никакой необходимости. Но страх не исчезал, и ей чудилось, что кто-то крадется к ней в ночной тишине — огонь, вода, зверь, человек... На душе делалось так тяжело, что, уткнувшись в подушку, Ленка начинала плакать. После слез становилось легче, и снова виделась ей речка Елома с подтопленными берегами, по которой плыли они с отцом в черной резиновой лодке.

А ведь в тот раз могло статься так, что они бы и не доплыли до Еломы. Перед этим было огромное озеро Воже длиной километров в сорок и шириною в пятнадцать. Они выплыли в это озеро из короткой, обмелевшей в тот год речки Вожеги, выплыли под вечер и хотели тут же заночевать, но около берега на сотни метров тянулась тростня, а сразу за нею начинался болотистый лес, и ставить палатку было негде. Решили плыть на другой берег, еле видневшийся вдали темной, смутной линией. Плыли не спеша, и так же медленно уходил от них ближний берег, а дальний, казалось, оставался на одном месте. Смеркалось, но на севере долго не гасло светлое пятно неба, и на его фоне виднелась тонко очерченная колокольня в Чаронде. К этой колокольне и плыли. Ленка сидела, укутавшись в плащ-палатку, чистила картошку и кидала в воду длинную, прозрачную кожуру, смотрела, как кожура медленно исчезает в сонной воде, и представляла себе костер и горячий, дымом пропахший чай. Потом ножик выпал у нее из рук, и она уснула прямо в лодке, опустив голову на колени. А проснулась оттого, что лодку стало сильно качать и швырять из стороны в сторону.

Поначалу Ленка не испугалась, страшно стало только тогда, когда посмотрела на отца. Он развернул лодку кормой вперед и яростно греб от себя, откидываясь всем телом. Волны становились все сильнее, но, на их счастье, они были недлинными, и лодку не захлестывало, а только подбрасывало и отпускало. Стало уже совсем темно, не было видно ни колокольни, ни берега, одна только вода кругом и сильный, с порывами, ветер. Потом начался дождь, лодка наполнялась водою, тяжелела, отец бросил грести и прямо на ходу стал подкачивать баллоны. Их стремительно несло незнамо куда. Отец сидел, низко надвинув

капошон, и курил, а Ленка смотрела на мерцающий огонек сигареты и держалась за рюкзак, боясь вылететь за борт. Потом лодка на что-то налетела, остановилась, и их накрыло волной. В тот же момент отец перемахнул через борт, оказался по грудь в воде и стал толкать лодку вперед в тростну. Тростна сгибалась, не поддавалась, еще несколько раз их окатило водой, но потом они вышли на спокойный участок, защищенный от открытой воды, и стали котелком вычерпывать воду. Из котелка пришлось выкинуть начищенную картошку, и Ленка до сих пор помнила, как ей было жаль этой крупной картошки, купленной в Бекетовке на том берегу озера Воже.

Они просидели, мокрые, в лодке, пока не начало светать и не показалась метрах в пятистах полуразрушенная колокольня. Ветер так и не стих, и до самой Чаронды отец тащил лодку за собой, ломая тростну. В деревне зашли в первый попавшийся дом, сушились, пили горячее молоко и слушали старуху, которая жаловалась на бешеную собаку, покусавшую ее правнука. Кроме старух, детей и собак, в этой Чаронде никого не осталось.

А потом Ленка зысыпала и не могла разобрать, то ли она вспоминает, как засыпала тогда на печи у старухи, то ли засыпает теперь, и только слышался ласковый голос отца:

— Ты не заболела, доченька? Как ты там?

Он был очень заботлив, ее отец, и всегда страшно за нее боялся. Когда лет с девяти она стала запирается, принимая ванну, потому что стеснялась, что он войдет, отец время от времени подходил к двери и шутливо спрашивал:

— Ты не утонула там?

— Утонула! — хотелось крикнуть ей теперь из этого сна, из глубокой ванны или из черной резиновой лодки, где она плывет в своем сне, только теперь не с отцом, а с сыном, и сидит на веслах сама. А лодку несет мимо берегов, на которых стоят с разных сторон отец, мать, Славик с казачкой Галей, генеральша, молоденький сержант с короткими ресницами, корейка с портретом Ким Ир Сена, заведующая детским садиком, Саша — и все они молчат. А лодку все быстрее несет по каким-то протокам, и вот впереди слышно, как бьется в порог вода. От этого грохота ей становится страшно, она сильнее налегает на весла и выгребает изо всех сил обратно, но весла плохо слушаются, прокручиваются, и всех ее усилий хватает лишь на то, чтобы остановить лодку и не налететь на порог. У нее болят руки, все тело, она напрягает их все сильнее и от этой боли просыпается.

СВЕТ И ТЕНЬ

130

ВИКТОР ЧЕРНОВ

Фото автора

Как горько, что наши социальные заказчики так долго игнорировали правду, наводили грим на лицо Времени, печатая в газетах и журналах лубочные картинки. Благодаря их заботам наше общество оказалось во многом лишенным истинной своей фотоистории.

Но сегодня все можно: снимаем, что хотим, печатаем, что хотим. Перестройка — золотой век фотографии? Увы, Картье-Брессонов что-то не прибавляется. На фотовыставках изобилие чернухи. Правда жизни? Нет, та же вчерашняя лакировка. Только со знаком минус. И там, и здесь — отсутствие интереса к человеку, боли за него, сострадания к нему и любви.

За три десятка лет работы с фотоаппаратом мне довелось снимать много разных людей: и достигших высот славы, и никому не известных. И всегда мне хотелось передать в снимке не столько профессиональные достижения, сколько суть характера.

Думаю, настоящая фотография — это прежде всего личностное отношение к факту жизни.

О моем отношении судить вам...

Поэты (Кайсын Кулиев и
Сергей Михалков. 1977 г.).

Хозяева земли.

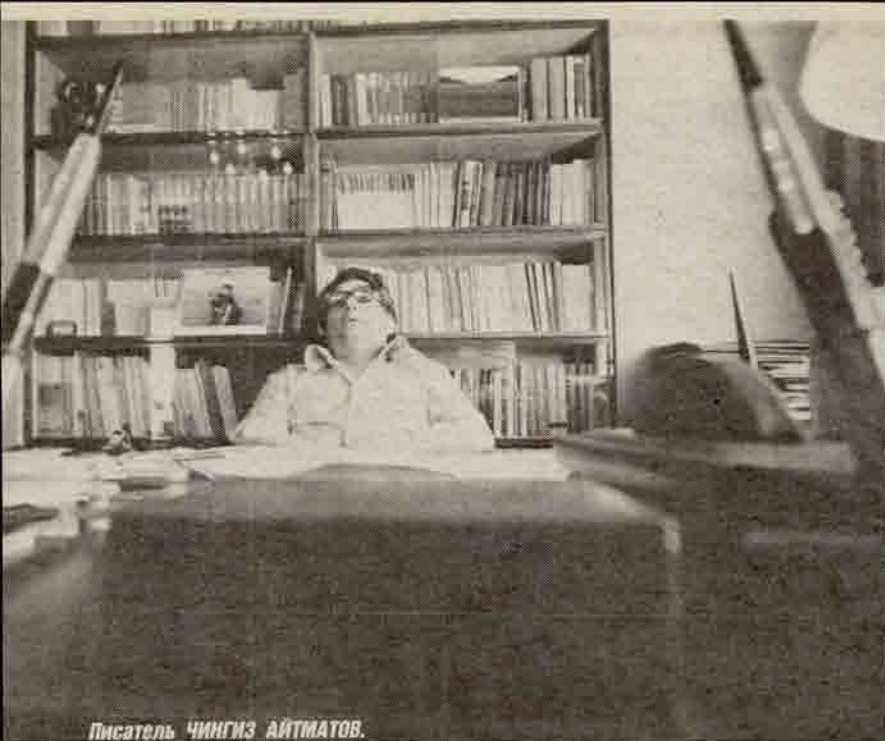

Лётчик-космонавт
Г. БЕРЕГОВ

Чай не пьешь — какая сила...

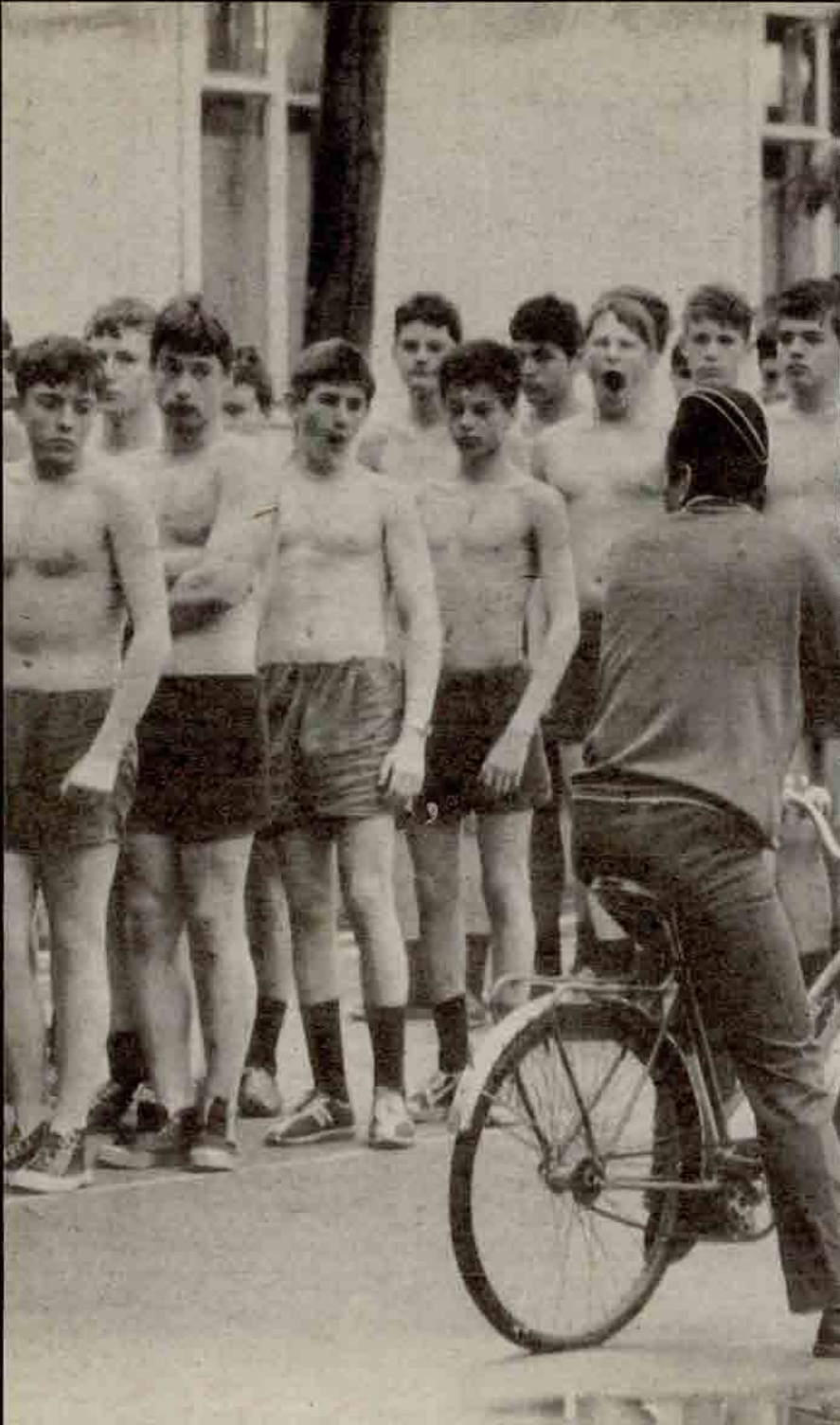
Писатель ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ.

Северяночка.

Академик
А. АЛЕКСАНДРОВ. 1986 г.

Приготовились к бегу...

Сохрани и помилуй...

Принцесса (ныне королева)
Нидерландов БЕАТРИКС
в Загорске. 1973 г.

Лауреат Нобелевской премии
академик Н. ПРОХОРОВ. 1972 г.

Утраченные мечты.

«В вихре в этой людности..»

Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807—1873), на протяжении своей долгой жизни не раз испытывавший и восторженную хвалу, и самый жестокий разнос, называл свою почти скандальную известность «сомнительным венцом». Поэт страдал не от издевок критики, а от ослепленности поклонников и противников, не желавших видеть его самобытное лицо и судьбу, которую, как известно, не выбирают.

Каждый критик — от Белинского до формалистов 20-х годов нашего века — создавал своего Бенедиктова, но одно оставалось бесспорным: репутация плохого, вычурного поэта, певца кудрей, разруганного Белинским, Чернышевским и Добролюбовым. Поэт давно превратился в некий символ: имя его упоминают часто, но мало кто внимательно прочел полного Бенедиктова.

Накануне гибели Пушкина молодой Иван Тургенев встретился с Бенедиктовым на литературном вечере у критика П. А. Плетнева. Бенедиктов находился тогда в зените громкой мимолетной славы. И это была известность целого направления в русской романтической литературе, о чем и сказал в своих воспоминаниях Тургенев: «Марлинский все еще слыл любимейшим писателем, Барон Брамбеус (О. И. Сенковский) царствовал... Бенедиктова заучивали наизусть...»

Молодежь увлеклась поначалу новым дарованием и его необычным языком, но в самом ее поклонении таились сомнения. «И мы хороши были! Знаете ли, кого мы ставили рядом с Пушкиным? Бенедиктова!.. Одно нас только немножко смущало: мы слышали, что Пушкин прочитал и остался холоден», — говорил

потом И. С. Тургенев. Такой успех поэта не мог быть продолжительным — кумиры и репутации рушились в те времена быстро.

И все же успех был настолько велик, что и по сей день остается классическим примером внезапной громкой славы.

Выходец из духовного сословия, ученик Олонеккой гимназии, затем петербургский кадет и поручик лейб-гвардии Измайловского полка, участник польской кампании 1831 года, незаметный чиновник министерства финансов, старый холостяк с хорошим пенсионом — ничего яркого и выдающегося в этой обычной биографии нет. Сама внешность поэта представлялась неинтересной, «несчастной»: маленький рост, хромота, круглое красное лицо, вздернутый нос, выцветшие, блуждающие глаза, вечно пыльный фрак петербургского чиновника. Бенедиктов всегда отличался скромностью, любил науки, особенно естественные, серьезно занимался высшей математикой и астрономией. Даже авторское самолюбие, столь обычное у поэтов, ему не свойственно: начав писать стихи, молодой чиновник упорно это скрывал. «Он пел про себя и не торопился дать знать о том, что у него есть лира», — писал о поэте Шевырев в 1835 году.

Читая свои творения в петербургских гостиных и именно там приобретаю первую известность, Бенедиктов долго не решался напечатать поэтический сборник, да и денег у него на это не было. Гвардейский офицер и литератор В. И. Карлгоф издал первую книгу поэта за свой счет, судьба Бенедиктова решилась окончательно: «Томик его стихотворений скоро был раскуплен, и они имели необыкновенный успех. О них везде говорили, их клали на музыку, учили наизусть» (Е. А. Карлгоф-Драшусова). Бенедиктов послал свою книгу Пушкину, и тот, встретив автора на улице, сказал: «У вас удивительные рифмы — ни у кого нет таких рифм! Спасибо, спасибо». Начиная стихотворец вполне понял иронию гения, но и Пушкин умел оценить поэтическую смелость, когда она уместна и удачна, и хвалил у Бенедиктова неожиданное сравнение небосвода с опрокинутой на мир голубой чашей.

Да, поэзию его можно было ругать и высмеивать, еще легче представить ее как набор несообразностей, следствие «ошибки ума» (Белинский), какого-то странного дефекта в поэтическом зрении и слухе автора. Но в жизни и творчестве Бенедиктова встречаются черты и строки, противоречащие сложившемуся облику поэта и его устоявшейся литературной репутации.

Например, известно, что с юных лет поэт был необыкновенно влюбчив и сохранил эту пылкость до конца жизни в многочисленных посланиях дамам и девицам. Есть сведения о его долгом романе с некоей замужней полькой и других увлечениях. Так что каких-то роковых неудач в любви и страданий невзвращенного чиновника на самом деле не было. В стычках с польскими повстанцами боевой офицер-гвардеец получил орден Анны четвертой степени за храбрость и ничем не уступал таким лихим рубакам, как поэты Денис Давыдов и А. С. Хомяков. Не соответствуют истине и утверждения о недостаточной образованности поэта: его гимназия, кадетский корпус и последующие занятия

повесомее нынешних институтов, да и многочисленные переводы Бенедиктова европейских поэтов (кстати, с подлинников, а не с пресловутых подстрочников) говорят о его великолепном знании и, главное, понимании мировой литературы и даре лингвиста.

Я. Полонский отмечал, что Бенедиктов не находился, подобно Лермонтову, в трагическом разладе со своим временем. Этот ухоженный ведшей его хозяйство сестрой холостяк-астроном с математическими способностями и редкой памятью на цифры любил свою работу в банке, стал там лучшим, ценным начальством чиновником, а потом и директором, заслужил благоволение воспитого им знаменитого финансиста Е. Ф. Канкрин, получил высокое жалованье, награды, казенную квартиру и дрова, чин действительного статского советника (то есть генерала) и хорошую пенсию. В его скромном, мирном облике нет ничего от бунтаря, байрониста и дуэлянта.

Все эти разрозненные биографические штрихи не совпадают с привычным портретом «поэта-чиновника» и неудачника. Да и как можно называть неудачником человека, знавшего такой успех в литературе и в свете, дружившего с лучшими людьми своего времени, напечатавшего почти все, что им написано, прожившего долгую, богатую впечатлениями и вполне благополучную жизнь? Бенедиктов хотел создать и создал поэзию, ни на что и ни на кого не похожую, сильную, красочную. Он придумывал мощные, тяжеловесные образы, обладавшие внутренней силой. Его поэзия черпает энергию в движении весомого слова.

Стоит повнимательнее вчитаться в нее. Ибо творчество поэта богаче, достовернее и красноречивее его легендарной, бедной фактами и документами биографии. Ведь он не только обновлял, золотил и украшал «избитое, изношенное слово». Здесь, среди фраз и завитушек, все время рождаются сильные, гармоничные, прочувствованные и продуманные строки. Вот поэт вспоминает о тайных занятиях литературой в кадетском корпусе, и сразу вспыхивает заверченный образ:

*И наши маленькие музы
Ласкали избранных детей.*

(«К М/ейснеру», 1835)

Среди банальных сомнений и разуверений вдруг звучит сильная мольба:

*Не говори, что я легок и молод!
Не говори, что время впереди!*

(«К Н-му», 1835)

Вспоминая в стихотворении «Возвратись!» (1836) свои сборы на польскую войну, поэт горько сетует:

А что ж не спросили: «Воротнишься ль ты?»

Природу Бенедиктов описывает обычно как огромный музей экзотических красот, как богатую и дикую этнографию и геологию (пышное стихотворение «Остров», 1850—1856), но, попав в деревню, он находит простые, сильные, точные слова:

*А с лугов мне веет сенокосом...
Запах-то! Дахнуть и умереть!*

(«Переселение», 1857)

Увлечение точными науками помогло Бенедиктову коротко и верно описать рождение гениальной мысли ученого как творческое прозрение:

*И, едва лишь зоркий разум
В очи истине взглянул,
Верной мысли луч блеснул...*

(«Коперник», 1870)

Трогательно выстраданное, выразительное просторечие стихотворения «Поздно» (1866), где не по-бенедиктовски обыденно и устало звучит мольба стареющего одинокого человека:

*О, не гоните, не гоните!
Я не присвою не свою;
Я не во храме, посмотрите,
Ведь я на паперти стою...*

(«Оставь», 1857)

И все же это Бенедиктов, но не легендарный, а подлинный. Такие «бедные» образы у него не просто случайность, в поздних стихотворениях они встречаются чаще и говорят об усиливающемся стремлении к точности, лиризму и простоте, странно сочетающемся с взевшимися в бенедиктовский стих богатой фразистостью и изысканностью длинных описаний. Сбылось предсказание Шевырева: «Опыт сообщит ему (Бенедиктову.— В. С.) более точности, верности, ладу с периодом и более отделки в подробностях».

Его поэтическое хозяйство становилось богаче с годами. Хлесткой, резкой точности слова требовала и политическая сатира, к которой Бенедиктов обратился в 50-е годы вслед гневным ямбам французских поэтов-романтиков Виктора Гюго и Огюста Барбье и нашего Лермонтова (стихотворение о Наполеоне III «Современный гений» и знаменитый перевод революционного «Собачьего пира» Барбье). Неторопливый выбор единственно верных прочувствованных слов ощущим и в посвященном памяти Жуковского и Пушкина «Воспоминании» (1852) и «Нескольких словах о Крылове» (1855). Эти поэтические мемуары полны светлой скорби и глубокой мысли, без оценок и наблюдений Бенедиктова любая биография Жуковского, Пушкина или Крылова будет не полной.

Стихотворения эти еще раз заставляют нас задуматься о лиризме Бенедиктова. Чистым лириком школы Жуковского он не был и сам это понимал. В послании к Полонскому емко сказано о его стихах:

*В них оттенки трепетали
Подвижной твоей души.*

В поэзии же самого Бенедиктова Белинский находил бессердечность, холодный блеск, сердито говорил, что ей недостает души. Да, поэзия эта более картинна, фразиста, описательна и как бы стесняется подлинных чувств. Сатира, ирония и библейские сюжеты оставляют мало места чистому лиризму. Это и имел в виду Шевырев, когда писал: «Бенедиктов не развил разнообразно своего лирического таланта».

Однако назвать Бенедиктова бездушным и холодным никак нельзя. Поэту принадлежит замечательное стихотворение «Недоумение» (1859), где с горькой иронией показана трагическая

разорванность души вечно и во всем сомневающегося человека нового времени, не знающего объективной истины и верящего любой гипотезе, каждой модной мыслишке:

*Нет! При распре духа с телом,
Между верою и знаньем,
Невозможно быть мне целым,
Гармоническим созданием.
Спорных сил разорван властью
Я являюсь, весь в лоскутках,
Там и здесь — отрывком, частью —
И теряюсь на распутьях.*

Это та же болезнь поверхностного скептицизма, полупросвещения, суетливости и несамостоятельности ума, которая, увы, распространена и сегодня.

Задолго до К. К. Случевского, И. Ф. Анненского и Александра Блока, Бенедиктов заговорил о пустых душах живых мертвецов, их молчаливых страданиях, о мире, как хороводе пестрых масок без лиц, о неподлинной жизни и страхе смерти («Пир», 1842; «Все люди», 1858; «Одно из двух», 1860). Старый романтик лучше молодых современников понял и выразил зарождавшиеся тогда мрачные настроения эпохи безвременья и «конца века», позднее погубившие хрупкий талант Н. Успенского, В. Гаршина, С. Надсона и ставшие одной из главных тем творчества Чехова.

Но, как и Чехов, Бенедиктов не находил никакого героизма в тоскливых жалобах, вечной подавленности и бездеятельности. Поэт знал других, сильных, героических и мудрых людей, иные времена и умел о них напомнить.

*...Темным, прошлым веком
Я не горжусь, а все ж иной
Тогда, под этой грубой тьмой,
Умел явиться человеком.
Меж диких сил и разных зол
являлись: здоровое сужденье,
Характер, воля, убежденье
И честный, искренний глагол;
Талант вздымался над толпами
И дело к общей цели вел.
Теперь — глядишь — над головами
Какой-то уровень прошел.*

(«Разговор», начало 70-х годов)

Так что в поздней своей поэзии Бенедиктов становился по преимуществу сатириком, равнодушным летописцем общественного сознания, неожиданно возрождая традиции Фонвизина и Новикова и приоткрывая тайники души человека. Но он так и не стал мастером «черного» юмора, русским Мефистофелем. Более того, и в старости он сохранил истинную шутливость, юмор его добрый, взгляд на «низкую» действительность острый и благожелательный, жизнелюбие неизменно, о чем свидетельствуют комические «Плач остающегося в городе при виде переезжающих на дачи» (1857) и «Признание в любви чиновника заемного банка» (1858). На все обвинения в холодности у поэта есть веселый прямой «Ответ» (1859):

*Люди... удивительно!
Как уехать вдаль?
С ними жить мучительно,
А расстаться жаль.
Нраву-то я странного:
Солом мне шой,
А ведь окаяниного
Любишь — ведь родной!..
Несмотря на трудности,
Как-то любо мне
В вихре этой людности,
В вечной толкотне!*

Бенедиктов не был одинок в жизни, не одинок он и в русской поэзии. И не в том дело, что рядом с ним стоят два выдающихся современника, шедшие той же дорогой: старый князь Петр Вяземский и молодой Константин Случевский. Бенедиктов прекрасно знал русскую поэзию и часто заимствовал отсюда строки и образы, переосмысляя их. У него полно прямых и скрытых цитат, особенно много взято их из Пушкина, но попадаются и Фет с Некрасовым (который начинал с подражания Бенедиктову), и Кольцов, и даже забытый всеми барон Е. Розен. Но есть еще один поэт-романтик, который неожиданно близок Бенедиктову. Я. Полонский назвал это имя: «Явился Лермонтов и — слава Бенедиктова поблекла». Верно, но известно и то, что автор «Даров Терека» внимательно читал и даже цитировал Бенедиктова, ценил сильное, гибкое слово предшественника, кое-чему у него научился. А Бенедиктов почтил память погибшего поэта замечательным стихотворением «По синим волнам океана» (1857). Такая постоянная переключка идей свидетельствует, что, создавая необычные образы, этот вечный новатор твердо стоит на родной земле и черпает из русской поэзии.

Поэтические открытия В. Г. Бенедиктова дали нам не только Козьму Пруткува и капитана Лебядкина, хотя и граничили иногда с пародией и переходили эту границу. Очевидные недостатки поэта являлись продолжением столь же явных достоинств. Необычность и силу его красочной образности оценили потом поэты-акмеисты, и прежде всего М. Зенкевич, отзвуки «тяжелой лиры» Бенедиктова встречаются у философа Н. Заболоцкого и сатирика Н. Олейникова, а его манерность и витиеватость породили Игоря Северянина. Проницательный и едкий, В. Набоков заметил в чрезмерно ярких и дисгармоничных образах Б. Пастернака следы ученичества у Бенедиктова. Этот список поэтических имен можно продолжить.

Но рядовые читатели подлинного, полного поэта не знали, над ними всегда тяготели давние критические суждения, не способные заменить собою точных историко-литературных оценок. Многие стихотворения Бенедиктова не были опубликованы. В свое время Полонский сетовал: «Бенедиктов как литературный деятель, несмотря на все свои способности и поэтический дар, остался без всякого заметного влияния на развитие нашего мыслящего общества». Эту очевидную несправедливость пора

исправить. Сегодня наследие поэта возвращается к читателям и, безусловно, будет принято с должным вниманием и признательностью.

НОЧЬ

Все смолкло. Тишина в чертогах и во храмах,
Ночь над Петрополем прозрачна и тепла.
С отливом пурпурным, недвижна и светла,
Нева красуется в своих гранитных рамах,
И так торжественно полна ее краса,
Что, кажется, небес хрустальных полоса
Отрезана, взята с каймой зари кровавой
И кинута к ногам столицы величавой,
Чтобы, восставшая в час утренний от сна,
Над этим зеркалом оправилась она.
Скользит по влаге чели. Свободно, без усилья
Летит он, веслами бока окрылены.
Грудь острая крепка, размашистые крылья
Росли в родных лесах, в дубравах рождены.
Они склоняются и с шумом тонут дружно, —
В их шуме слыто все: вздох, шепот, поцелуй, —
Вдруг вынырнут они, —
с них прыснет дождь жемчужный,
И брызги окропят поверхность гладких струй.
Задумчив, юноша над водною равниной
Плывет. Ему незрим челна спокойный бег,
А этот каменный великолепный брег
Проходит перед ним широкою картиной,
И пышно тянется необозримый ряд
Сих зданий вековых, сна царственных громад,
И каждая из них, приблизясь постепенно,
Взглянув на путника сурово и надменно,
Отводит медленно от грустного пловца
И стекла и врата блестящего лица.
И вот заветный дом, где вьется черный локон,
Где ножка дивная паркет животворит,
И тот на юношу бесчувственно глядит
Недвижной синевой своих широких окон,
И пуста на высоте привешенный балкон.
Молчит ночной гребец. Везде глубокий сон.
(1840)

ПЕРЕХОД

Видали ль вы преображенный лик
Жильца земли в священный миг кончины —
В сей пополам сраспределенный миг,
Где жизнь глядит на обе половины?

Уж край небес душе полуоткрыт;
Ее глаза туда уж устремились,
А отражать ее бессмертный вид
Черты лица еще не разучились, —

И неземной в них отразился б день
Во всех лучах великого сиянья,
Но те лучи еще сжимает тень
Последнего предсмертного страданья.

Но вот — конец! Спокоен стал больной.
Спокоен врач. Сама прошла опасность —
Опасность жить. Редеет мрак земной,
И мертвый лик воспринимает ясность.

Так над землей, глядишь, ни ночь, ни день;
Но холодом вдруг утро засвежело,
Прорезалась рассветная ступень, —
И решено сомнительное дело.

Всмотритесь в лик отшедшего туда
В известный час: он ясностью своею
Торжественно вам, кажется, тогда
Готов сказать: «Я понял! Разумею!

Узнал!» — Устам как будто нарушать
Не хочется святыню беззлагольства.
А на челе отписнута печать
Всезнания и вечного довольства.

Здесь, кажется, душа, разоблачась,
Извне глядит на это облаченье,
Чтоб в зеркале своем в последний раз
Последних дум проверить выраженье.

Но тленье ждет добычи — и летит
Бессмертная, и, бросив тело наше,
Она земным стихиям говорит:
«Голодные! возьмите: это ваше!»

(25 апреля 1853)

ПОЗДНО

Время шло. Время шло. Не считали мы дней,
Нас надежда всё вдаль завлекала,
Мы судили-рядили о жизни своей,
А она между тем утекала.

Мы всё жить собирались, но как? — был вопрос.
Разгорались у нас разговоры,
Простирались до мук, доходили до слез
Бесконечные споры и ссоры.

Сколько светлых минут перепортили мы
Тем, что лучших минут еще ждали,
Изнуряли сердца, напрягали умы,
Да о будущем всё рассуждали.

Настоящему всё мы кричали: «Иди!»
вдруг холодно стало, морозно...
Оглянулись — и видим: вся жизнь — позади,
Так что жить-то теперь уж и поздно!

(1866)

Ну вот — всё ладится, идет всё понемногу

Вперед. Надежда есть: жить будем, слава Богу!
Вот и устроились! — И светлый день блеснит
В грядущем... Поглядишь — и рухнет всё
мгновенно,
И все, что строил ты так долго, постепенно,
В один прекрасный день всё к черту полетит!
(1872)

ПОРЫВ

Как в ковanej клетке дубравная птица,
Все жажду я, грустный, свободного дня.
Напрасно мне блещут приветные лица
И добрые люди ласкают меня.
Мне тяжело встречаться с улыбкою ясной,
Мне больно смотреть, как играет заря,
Нет, милые люди, напрасно, напрасно
Хотите вы сделать ручным дикаря!
Вы сами видали, как странно и тщетно,
Скрывая унынье, притворствовал я,
Как в обществе чинном и стройном заметна
Глухая, лесная природа моя.
Природа была мне в притворстве уликой, —
Впиваясь в ее вековую красу,
Я рос на раздольях Карелии дикой,
Над озером бурным, в угрюмом лесу.
Со мной вы расстались, деревья родные!
Я помню, в минуты прощальной поры,
Как слезы катились у вас смоляные
Живым янтарем из-под темной коры,
Как вы мне, сгибаясь, главами кивали,
Даря свой последний, унылый привет,
Как мне ваши листья по ветру шептали:
«Куда ты уходишь? — Там счастья нет!»
О! я разорвал бы печали завесу,
Забытую жизнью дохнул бы вполне, —
Лишь дайте мне лесу, дремучего лесу!
Отдайте лишь волю широкую мне,
Где б мог я по-своему горе размыкать,
Объятия природе опять распахнуть
И праздно бродящую радость закликать
На миг перепутья в отверстую грудь!
(1838)

ЭЛЕОНОРА БЕЛЕВСКАЯ
Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

ЧУДО- ОСТРОВ

жить на котором — ох, как не легко и не просто...

Остров этот не сразу приютил меня...

Гостиница Свяжска размести-лась в старинном, затейливой кладки здании. Живут здесь лишь реставраторы, и без особого письма из Казанского реставрационно-го управления гостиничный смотритель наотрез отказался селить. Я пыталась что-то объяснить: журналист, дескать, — но он был непоколебим:

— Да хоть и министр... Мне бумагу давай! — Но все же посоветовал обратиться к директору школы-интерната В. Г. Трифонову: — Он депутат райсовета. Его все равно не обойдешь...

Так я впервые столкнулась с реальным воплощением в жизнь лозунга «Вся власть Советам».

Советы на острове — это Трифонов. Он же осуществляет всю полноту исполнительной власти, вплоть до функции отсутствующего здесь милиционера...

Его называют президентом, хозяином, комендантом острова. Он не знает ни выходных, ни отпусков. С раннего утра до позднего вечера Трифонова можно застать в рабочем кабинете, а если не застанут, идут домой в любое время суток, зная: не откажет...

Владимир Григорьевич живет на острове с 1958 года. С того самого, когда Свяжск и стал островом...

Возводилась Куйбышевская ГЭС. Под воду суждено было уйти обильным пастбищам, плодородным совхозным полям, березовым рощам. Покорители рек не исключали возможности затопления и самого древнего города (ему более 400 лет) вместе с шедеврами архитектуры, ведущими свою историю от Ивана Грозного. Во всяком случае, жителям Свяжска было предложено убраться отсюда вместе с домами, садами и огородами.

За это на семью давалось сорок тысяч (само собой, «старыми»...).

И заскрежетали пилы, застучали топоры по яблоням, березам, пошли бульдозеры крушить добротные бревенчатые дома...

Но не ушел под воду Свяжск. Спасли крутые берега. Стал он островом, отрезанным от суши широким мелководьем. «Живем как на блюбочке», — говорят свяжцы, дома которых не снесли и не затопили. (Про новоявленных островитян просто забыли...)

Им негде купить продуктов, тем более промышленных товаров, некуда обратиться в случае болезни. На острове нет ни медчасти, ни бани, ни клуба, ни библиотеки. Кинофильмов сюда не привозят. Аптеку закрыли в прошлом году. (Правда, во время моего пребывания открыли вновь, испугавшись, видимо, стихийного бунта свяжцев.)

Продуктовый магазин часто на замке — нечем торговать; даже с хлебом здесь перебои, особенно зимой. Продавец нередко остается без лошади, и не на чем съездить на «материк». Тогда приходится шагать, утопая в сугробах, восемь километров до села Васильева.

По утрам у единственной колонки выстраивается очередь. Тащат старухи ведра с водой целую версту.

И так каждый день...

А бывало, остров, стоящий среди неоглядных водных просторов, оставался без воды и света: линия электропередач то и дело выходит из строя.

— У меня на глазах это случилось четыре раза, — рассказывает Владимир Григорьевич. — Столбы в воде стоят. Ну, и ледоход, паводок... Однажды увидел, как две большие льдины двинутся к острову. Затребовал по рации катер, чтобы отогнать льдины. Катер вышел, покрутился и... пошел

обратно. Капитан увидел, что ветер переменял направление, решил, что опасность миновала. А ночью льдины опять понесло к острову. Упали двадцать пять опор. Погас свет, остановились артезианские насосы...

А не дай Бог свяжцу помереть в ледоход! Негде будет похоронить.

Издравле российские мужики возводили прекрасные храмы, а сами жили скудно, в приземистых домишках, зато храм был их прибежищем, служил им для общения с Богом.

Архитектурные памятники Свяжска не принадлежат его жителям. Они лишь великолепная декорация, оттеняющая убожество их быта. На острове, где каждая дорога ведет к храму, нет ни одного действующего. Правда, последнее время по христианским праздникам в древнейшей (деревянной) Троицкой церкви перед иконами зажигаются свечи и раздается песнопение... Без священника служат местные старушки молебн. Не по себе становится, когда слышишь в их немощном хоре слова Нагорной проповеди: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся».

Недавно появилась надежда, что отдадут верующим собор Богоматери всех скорбящих радости (построен выдающимся архитектором Э. Малиновским в 1906 г). Церковь берет на себя расходы по его реставрации... Но сколько этому решению предшествовало мытарств!

Верхне-Услонский райком КПСС провел настоящее расследование по ходатайству верующих: секретарь райкома Ф. Янтькова ходила по домам и допытывалась, кто подписал и почему. Узнав, что среди подписавших есть воспитательница школы-интерната, возмуща-

ВНИМАНИЕ! — СПАСИБО
ВОЗНУЖА СТРАНИ

лась: какое, мол, она имеет право «работать с детьми»...

А пока жаждущие духовного единения свияжцы ходят в Троицкую церковь, что строилась еще при Иване Грозном. (Сейчас она филиал Казанского художественного музея.) Отступая, войско остановилось здесь, на Шайтан-горе, и царь приказал построить на этом месте крепость. В Угличе рубили для крепости церковь и переправили сюда на плотах. Собрали без единого гвоздя... Обо всем этом рассказывает туристам Алексей Павлович Воздвиженский, старожил Свияжска, смотритель Троицкой церкви. И чувствуется, что для него Иван Грозный не просто исторический персонаж, а личность глубоко чтимая...

Завоевав Казань, Иван Грозный решил для укрепления своих позиций создать на Шайтан-горе оплот православия, и в 1555 году по царскому указу была направлена в эти места артель псковских мастеров-белокаменщиков во главе с церковным и городским мастером Постником Яковлевым и каменщиком Иваном Ширяем. Постник Яковлев — один из создателей московского знаменитого храма Василия Блаженного — и строил Успенский собор священного монастыря...

В монастыре нынче психиатрическая больница. От нее стеной отгорожены два храма — белокаменное чудо псковского зодчества Успенский собор и Никольская церковь, построенная той же артелью. Воздушный храм, будто написанный на небесном полотне, открывается взору сквозь проем в массивной монастырской стене.

Здесь прежде помещалась тюрьма — сначала для политзаключенных, потом для уголовников. Позже — овощной склад...

Некоторые архитектурные памятники Свияжска были взорва-

ны, на их месте утрамбованные временем горы строительного мусора. И нелепо торчит тут приземистый «посеребренный» бюст Ленина, обращенный к черным глазницам полуразрушенных кирпичных построек некогда процветающего купеческого городка. (Местный педагог с гордостью сообщила мне, что это один из первых памятников Ленину в Поволжье.)

На фасаде вспомогательной школы-интерната выцветшие лозунги: «Слава свершениям Великого Октября», «За наше счастливое детство, спасибо, родная страна». Интернат только что отремонтировали. Свежепокрашенные стены сверкают железной лазурью, пол — красной охрой. На массивные старинные стены краска нанесена без шпаклевки, как Бог на душу положит.

Казармой веет...

— Слава Богу, что такую красоту достали. Выбирать не приходится, — говорит Владимир Григорьевич. — Наши девчонки сами красили. Больше некому. Рвало их от этой нитрозмали... Выскочит на двор, потом опять идет красить... А что делать?

А рядом «колдуют» реставраторы над изысканнейшей гаммой фресок, над секретами старинной кладки: им не до интернатовских интерьеров — работают для музея, для плана, для вечности...

Это прекрасно, но неужто через четыре века мы можем только с огромными усилиями частично воссоздать то, что строили наши предки, а детям нашим жить и расти в окружении «казарменного» порядка и блеска. Где она, эстетика быта, несущая на себе черты эпохи, черты национального стиля? Что добавило наше время к бессмертным творениям древних зодчих? Бездарную скульптуру, бессмысленные лозунги, битое

стекло и мусор, которым усеяны берега, забиты овраги.

И все же мне довелось увидеть на острове современные произведения искусства, достойные великих традиций прошлого: сцену клуба школы-интерната украшало полотно, органично соединившее в себе древнерусские и западноевропейские традиции. Тот же почерк, тот же сдержанный цветовой строй, несущий в себе энергию современного восприятия, угадывался в нескольких небольших картинах, авторы которых — две студентки Казанского художественного училища.

Трифонов удивился, когда я сказала ему об этом. В искусстве он признает себя профаном, но зато за тридцать лет островной жизни стал профессиональным аграрником. При интернате (сами ребята создали!) — единственное на острове подсобное хозяйство с растениеводством и животноводством. Есть и стадо коров, и лошади, и трактора... Все это не только для школьников, но и для всех связяцев.

...Летом интернатских детей забирают родственники. Остаются «безродные». Их рабочий день, как и во время учебы, начинается в половине шестого утра. Дети идут доить коров. Потом работают в огороде.

Владимир Григорьевич справедливо считает, что сельские дети должны уметь все — и корову подоить, и лошадь запрячь, и крышу починить. Его воспитанники учатся быть хозяевами на земле, понимать и любить животных, жить в согласии с природой. Большинству это удается, несмотря на «приговор» медико-педагогической комиссии (здесь в большинстве умственно отсталые, олигофрены...). А по окончании интерната уезжают его выпускники в город поступать в ПТУ.

— Училища с удовольствием берут наших детей. Это теоретические предметы им с трудом даются, а к практическим они с интересом относятся, — говорит преподаватель швейного дела Галина Ивановна Гибалова.

Она показывает мне симпатичные сарафанчики, юбочки, сшитые ее ученицами... Увидела я и художественное творчество детей — рисунки, поделки из дерева, соломки, аппликацию, вышивки, макеты. В них есть и выдумка, и старание, и фантазия. Особенно поразила коллекция археологических находок, собранная на острове.

Конечно, я не берусь судить о правильности диагнозов, и все же меня заставляет задуматься такое вот определение олигофрении: «С правовой точки зрения человек является олигофреном, когда он не в состоянии заботиться ни о себе, ни о своих делах и не в состоянии этому научиться, а нуждается для своего блага и для блага общества в надзоре, контроле и уходе». И далее: «Некоторые дети зачисляются в категорию слабоумных лишь вследствие того, что они не подходят под определенную школьную программу» (Клеменс Бенда. «Клиническая психиатрия»).

...В школе-интернате обучается 120 детей, в общеобразовательной восьмилетке — только 30.

(Мне приходилось наблюдать, как направляются во вспомогательные интернаты с соответствующим диагнозом одаренные дети без всякого учета их способности к художественному творчеству. А способность к творчеству, как доказано специалистами, не свойственна олигофренам.)

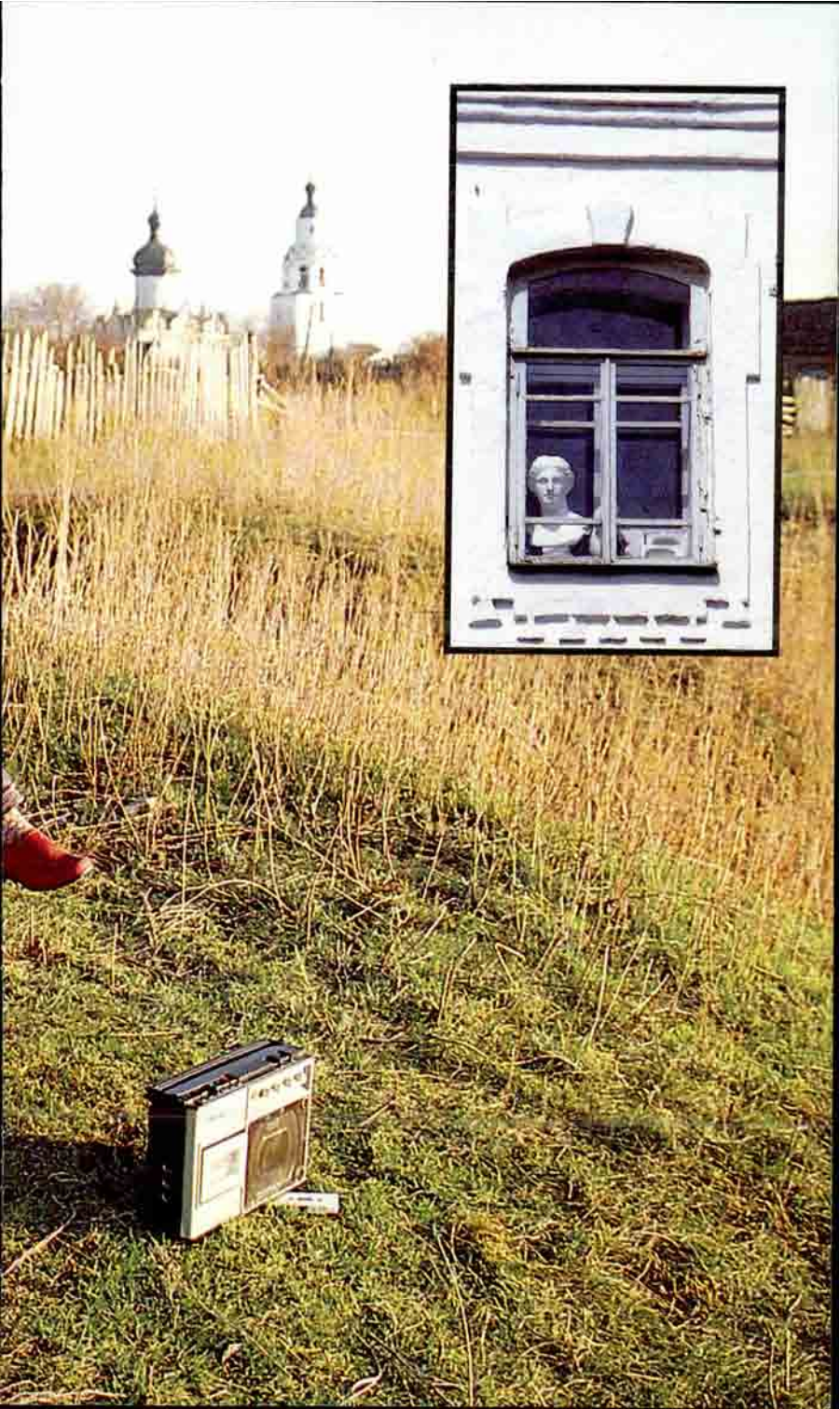
Когда я зашла к директору интерната попрощаться, он показал мне только что прибывшие из Казани циркуляры, касающиеся пе-

рестройки вспомогательной школы. Предлагалось на усмотрение педсоветов несколько вариантов. В том числе и такой: организовать на базе школы-интерната производственное обучение с тем, чтобы по окончании учебы воспитанники получали специальность и рабочую квалификацию...

Одновременно с этим циркуляром из республиканского Минпроса пришло предписание перевести всех детей-сирот, не имеющих родителей, из свияжского в казанский интернат.

Владимир Григорьевич не совсем уверенно сказал:

— Наверное, это правильно...

— А кто же будет летом коров доить? — вырвалось у меня.

— Ничего, учителя подоят...

Хотят молока, пусть работают.

Конечно же, меня больше заботила судьба детей, нежели коров. Как легко, росчерком пера решается их участь. Никто не интересуется, хотят ли этого сами дети. Надо ли их отрывать от земли, от этого простора, от интерната, ставшего для них семьей, переводить в город, где велика преступность среди подростков, где они не защищены от жестокости и насмешек ребят, чувствующих себя хозяевами?

...Вспомогательная школа-интернат и психиатрическая больница — единственные «кормильцы» жителей острова. Только здесь они и могут заработать себе на пропитание. Что ж, это тоже в наших традициях, когда прекрасные памятники природы и архитектуры служат приютом скорби: Соловки, Валаам... Свияжск — в этом же ряду.

Остров — место паломничества туристов. Летом почти каждый час к его берегу причаливает «ракета» с экскурсантами. На пристани и заканчиваются для них все бла-

цивилизации. Негде даже воды напиться, разве только из той же единственной на весь город колонки...

В прошлом году здесь побывало около пятидесяти тысяч человек. Но ни копейки от их посещения не пошло ни на благоустройство острова, ни на нужды его жителей. Ни даже на постройку киоска, торгующего водой, коржиками, сувенирами. (Когда американские туристы очень проголодались, их гиды направились к Трифонову с просьбой продать пару буханок хлеба...)

В отдаленной перспективе Свияжск планируется превратить в туристский Эдем, построить соответствующий комплекс, вывести с острова психбольницу и интернат.

Но планы эти при нынешнем строительстве и финансировании могут осуществиться лет этак через двадцать... Не раньше.

Ну, а пока «чудо-остров» во всем своем природном великолепии для жителей убог, скорбен и... все одно — любим, ими. Это их земля, * их отечество. Больных и здоровых, сырых и согретых домашним теплом...

— Мы как Ноев ковчег, — говорит «президент» острова Владимир Григорьевич Трифонов. — Но куда вынесет нас? Где та гора Арарат?..

ЖОЗЕФ ХОВАРД

ДЭМЪ

162

Пролог
СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

Карл Бугенгаген, всемирно известный археолог, нервничал. Он, как крот, ход за ходом буравил землю. Но волновался Бугенгаген совсем не потому, что забрался так глубоко. Напротив, ему нравилось здесь. Прохлада и сумрак будоражили приятные воспоминания. Стояла гробовая тишина.

Внезапно археолог услышал какие-то шорохи. Бугенгаген был не из пугливых. Ему давно уже перевалило за пятьдесят, но Карл по-прежнему оставался в форме: рослый и крепкий, литая шея и мускулистые плечи были точь-в-точь как у древнегреческих атлетов. Поседевшие волосы и борода вкупе с пронзительным и загадочным взглядом придавали ученому сходство с каким-то ветхозаветным пророком. Отчасти это внешнее сходство являлось истинным. Ибо Бугенгаген искал здесь, в недрах израильской земли, доказательства существования Дьявола.

Услышав шорох, Бугенгаген вздрогнул. Каждой клеточкой он ощутил угрозу со стороны своего могущественного противника. Археолог уже давно предчувствовал, что станет очередной жертвой в кровавом списке несчастных, пытавшихся предупредить мир о страшной опасности. Более того, у Дьявола была и особая причина избавиться от Бугенгагена, ведь ученый уже пытался убить ЕГО.

Сам археолог не нуждался ни в каких доказательствах. Все его подозрения оказались сущей правдой. Но ему необходимо было

СН

убедить в ней своего помощника Майкла Моргана — только так можно было сохранить эти страшные сведения. Бугенгаген слишком ясно отдавал себе отчет в том, что, покусившись на жизнь Антихриста, он не сможет избежать мести Дьявола.

Накануне они с Морганом сидели в уютном прибрежном кафе и наблюдали, как под их ногами на прохладном плиточном полу удлиняются тени.

Поначалу Морган не поверил Бугенгагену. Карл прекрасно понимал, что здесь необходимы только факты. И сейчас, в этом калейдоскопе ярчайших средиземноморских красок, когда солнце, заваливающееся за синюю водную гладь, дробило ее на огненно-рыжие осколки, а белоснежные каменные стены древнего израильского города Эйкра, отражая, струили мягкий закатный свет, Бугенгагену пришла вдруг мысль, не сошел ли он просто с ума.

Но следом за этой внезапно мелькнувшей мыслью он услышал в своем мозгу голос, убедивший археолога в том, что, находясь в здравом уме, он осенен свыше знанием и ответственность за это знание камнем лежала на его плечах.

Бугенгаген из кожи вон лез, пытаясь убедить скептически настроенного Моргана в правдивости своего рассказа. Но если Майкл всего-навсего сомневался, то уж его очаровательная подруга всем своим видом показывала, что не верит ни одному слову археолога. Бугенгагена вообще раздражало ее присутствие, но он нисколько не удивился, заметив рядом со своим помощником женщину, он просто разозлился.

Ее звали Джоан Харт. Броская особа с сияющими глазами и каштановыми волосами. Если бы Бугенгаген был помоложе, такая фемина вполне могла бы сразить его наповал. Но во времена его молодости женщин, похожих на Джоан Харт, просто не существовало. Джоан была фоторепортером, о чем при первой же возможности сообщала каждому встречному. Мимолетное знакомство скреплялось в довершение всего крепким рукопожатием и профессиональной улыбкой. Неизгладимое впечатление на собеседника производила и манера Джоан одеваться. Ее костюм от лондонского портного, сшитый, вероятно, по сногсшибательной цене, напоминал о временах Хемингуэя. Бижутерию она предпочитала огромных размеров, кроме нее на шее у Джоан всегда болталась пара фотоаппаратов «Никон». Она непрерывно курила и ни на минуту не закрывала рта.

Нельзя сказать, что в Эйкру журналистку привела ее профессиональная неумность. Нет. Джоан находилась в этом городе потому, что здесь был Майкл Морган. Он являлся сейчас для Джоан средоточием всей ее жизни. Хотя, если честно признаться, все, чем жила и дышала эта молодая прелестная женщина, было Майклу глубоко безразлично.

Джоан, только что прилетевшая из Лондона, уже встречала где-то заголовок газеты, которую Бугенгаген сейчас так упорно совал Моргану: «Похороны американского посла и его жены». Майкл тоже не впервые видел эту газетную строку, заголовок совершенно не привлекал его внимания.

— Да,— произнес он с хорошо сыгранной, вежливой заинтересованностью в голосе, свойственной только представителям высшего света Англии,— весьма любопытно.

Бугенгаген, ни на йоту не задетый этим тоном, показал Майклу еще одну газету — на этот раз американскую — с заголовком: «Президент и его жена успокаивают осиротевшего сына посла».

Бугенгаген ткнул толстым пальцем в фотографию шестилетнего мальчика с черной повязкой на рукаве. Лицо малыша было прекрасно и лучезарно, подобно ликам херувимов с полотен эпохи Возрождения или фресок на полотнах высоких церковных куполов.

— Вы его узнаете? — спросил Бугенгаген.

Морган снова взглянул на фотографию, на этот раз более пристально.

— Нет,— твердо заявил он.

На Бугенгагена — единственного живого свидетеля разыгравшейся трагедии — мало-помалу обрушивалась страшная усталость.

— Вы что, еще не видели стену Игазля? — резко вскинулся он.

— Ее ведь обнаружили только на прошлой неделе, Карл,— пытался было оправдаться Морган, но Бугенгаген тут же перебил его.

Археолог понимал, что единственным выходом из создавшегося положения было бы раз и навсегда объясниться с Морганом, как бы дико сейчас ни звучали доводы ученого. ВРЕМЕНИ

ОСТАВАЛОСЬ В ОБРЕЗ. Бугенгаген снова ткнул пальцем в фотографию и отчетливо произнес: «На стене Игазля я уже видел его лицо! Этот мальчик, этот Дэмьен Торн — Антихрист!»

Морган приподнял брови в знак протеста.

— Карл, — начал он, но ученый снова перебил его.

— Ты должен верить мне!

Морган вдруг перестал улыбаться. Напряжение, сковавшее лицо Бугенгагена, по-настоящему встревожило Майкла. Ведь перед ним сидел не выживший из ума старик, человек с застывшим от волнения лицом был его учителем; всем, что знал и умел Морган, он был обязан Бугенгагену.

— Карл, — мягко произнес Майкл, — я ведь не религиозный фанатик. Я — археолог.

Бугенгаген никак не отреагировал на это. «И где бы вы ни УСЛЫШАЛИ, что он идет...» Дальше Карл не мог вспомнить. Он не спал несколько ночей подряд и чудовищно устал. К тому же память начала подводить ученого.

Морган покачал головой и обратился к Бугенгагену:

— А где факты, Карл?

— Неделю назад, — произнес Бугенгаген, — отец Дэмьена пытался убить мальчика. На алтаре лондонской церкви Всех Святых. Посол стремился вонзить кинжал в сердце ребенка.

Джоан в ужасе содрогнулась. Морган, потянувшись за своим стаканом, еще раз пробежал глазами газетные заголовки.

— Похоже, репортерам не все удалось пронюхать, — продолжал Бугенгаген. Он глубоко вздохнул, затем произнес: — Эти кинжалы послу вручил я. Мой друг, отец Джеймс, находился тогда в церкви, он видел все собственными глазами. Святой отец позвонил мне и рассказал о происшедшей трагедии. Он узнал древние кинжалы и убедил полицейских, чтобы они их мне вернули.

За столиком воцарилось молчание. Морган замер со стаканом в руке и уставился на своего друга. Джоан также не сводила с Бугенгагена широко раскрытых глаз. Не давая им опомниться, ученый яростно, почти скороговоркой, продолжил:

— Американского посла звали Роберт Торн. Его новорожденный сын погиб в римском госпитале. И Торн, уступив мольбам какого-то священника, усыновил другого младенца. На самом деле этот священник оказался Апостолом Зверя. Торн убедил свою жену, что тайно усыновленный им малыш — их собственный ребенок. Торны всем сердцем полюбили ребенка, он рос и воспитывался в Лондоне, а супруги даже не подозревали, что рожден мальчик самкой шакала! Вскоре ребенок начал убирать со своей дороги всех, кто каким-то образом догадывался о его подлинной сути. Вот тогда Торн пришел ко мне за помощью. С первых же слов его рассказа я понял, что говорит он чистую правду, ведь мне давно являлись знамения, будто я скоро вообще останусь в одиночестве: один на один с этим Зверем. Я отдал тогда Торну семь древних кинжалов — единственное оружие против Дьявола, ими надо было пронзить Его тело. К тому времени жена Торна была уже мертва, впрочем, как и двое других несчастных, узнавших правду! — Бугенгаген покачал

головой. — Полицейские застрелили Торна до того, как он успел вонзить кинжалы в тело сына Дьявола. Они решили, что посол сошел с ума после смерти жены! — Бугенгаген снова замолчал и кивком указал на газетную фотографию. Все, чего он хотел от Моргана, заключалось в том, чтобы тот поверил ему, осознал страшную опасность и начал наконец действовать. — Ребенок все еще жив!

Последовало долгое молчание, затем Морган спросил:

— Где он теперь?

— В Америке. Живет со своим дядей — братом покойного Торна. И как написано: «Там его власть распространится, он будет разрушать и процветать, орудием в его руках будут и святыне и сильные мира сего».

— О Майкл, немедленно отправляемся в Америку! — воскликнула Джоан Харт, репортер до мозга костей.

— Да замолчи ты! — оборвал ее Майкл. То, что сообщил Бугенгаген, выходило за рамки сенсационной новости.

Бугенгаген тем временем наклонился к своей ноге и вытащил из ботинка чудесно сшитый кожаный мешочек с парой кармашков и бог весть каким количеством всяких ремешков и кнопок. Когда археолог положил его на стол, что-то внутри мешочка звякнуло.

— Ты должен передать это новым родителям мальчика, — заявил Бугенгаген. — Тут кинжалы и письмо, которое им все объяснит.

Морган никак не мог понять, чего добивается от него Бугенгаген. Одно дело — услышать эту фантастическую историю, пусть даже поверить в нее, и совсем другое — принять участие во всей этой заварухе.

— Извини, Карл, — засомневался Майкл, покачивая головой. — Ты же можешь ожидать от меня просто...

— Их необходимо предупредить! — резко перебил его Бугенгаген.

Посетители за соседними столиками стали на них оглядываться. Археолог перешел на хриплый шепот.

— Я уже стар и слишком болен. Я не могу сделать этого сам. И поскольку я — единственный, кто знает правду, я должен... — Очевидно, ужас от осознания этой мысли настолько сковал Бугенгагена, что он не в силах был закончить фразу вслух.

— Должен что? — пытал его Морган.

Ученый уставился на стакан:

— ...оставаться в безопасности.

Морган грустно покачал головой.

— Мой дорогой друг, у меня ведь определенная репутация.

Бугенгаген ожесточенно прервал его:

— Именно поэтому это должен сделать ты! Тебе они поверят!

Майклу подобное заявление совершенно не льстило. Его по-настоящему начинало беспокоить лихорадочное состояние Бугенгагена. К тому же он просто не рассматривал просьбу учителя всерьез.

— Но, Карл, меня же в определенном смысле сочтут за соучастника...

Бугенгаген поднялся из-за стола. Лучи заходящего солнца пронизывали белоснежную библейскую бороду ученого, строгость и отрешенность черт делали его лицо похожим на лик святого.

— Пошли к стене Игаэля, — скомандовал Бугенгаген.

Это был приказ, и Морган почувствовал, что не смеет ослушаться. Сопротивление на сей раз было невозможно.

— Ну и что дальше? — произнес он, хотя знал, что все уже решено.

— Пошли, — повторил Бугенгаген и, повернувшись, зашагал в сторону своего «джипа».

— Можно, я пойду с вами? — спросила Джоан, пытаясь протиснуть в ход свою самую обольстительную улыбку.

Морган отрицательно покачал головой.

— Почему бы тебе не подождать в отеле? Это не займет много времени. — Он наклонился к Джоан и поцеловал ее. Затем поднялся.

— Ладно, — улыбнулась женщина, притворно вздыхая. — Но предупреждаю — долго ждать я не собираюсь.

Майкл засмеялся и, послав ей на прощание воздушный поцелуй, исчез за углом. Это было их последнее свидание. Джоан Харт потребовалась вечность, чтобы примириться с этим, и еще целая уйма времени для того, чтобы осознать истинную причину.

Древний замок Бельвуар, окруженный стеной, расположился на самой границе Сибуланской долины, недалеко от города Эйкры. Он стоял здесь с двенадцатого века, с тех самых пор, когда крестоносцы явились сюда из Европы, дабы отвоевать Святую Землю у мусульман. Они построили замок в память о Христе. И именно в подземельях замка Бельвуар Бугенгаген нашел необходимое доказательство — Антихрист обитает среди людей СЕЙЧАС.

Отдаленный рокот мотора заставил длинношерстных овец, пасшихся у древних стен замка, приподнять головы. Занимался рассвет, красное солнце живым шаром зависло над долиной, разбрасывая вокруг длинные разноцветные тени. Когда «джип» неожиданно вынырнул из-за ближайшего холма и начал спускаться в их сторону, овцы, заметавшись, спешно разбежались; вразнобой зазвенели колокольчики, будто призывая непрощенных гостей к молитве.

«Джип», приблизившись к стене замка, остановился. Из машины выбрались Бугенгаген и Морган. Раннее утро было прохладным, но это, похоже, заметил только Майкл. Бугенгаген судорожно рылся в багажнике, выискивая среди автомобильного хлама еще одну шахтерскую каску. Там, куда они направлялись, им ОБОИМ нужны были каски. Внизу было так темно, что света одной лампы не доставало, а опасность обвала была слишком велика.

Ни Бугенгаген, ни Морган не заметили в суете одной детали. На стене, в самой ее высокой точке, сидел огромный ворон и наблюдал за ними. В его глазах застыла ненависть.

Мужчины пересекли просторный и сумрачный банкетный зал, окруженный шестью пятидесятифутовыми колоннами. С потолка, головами вниз, свисали спящие летучие мыши. Старик прижал кожаный мешочек к своей груди, будто боялся хоть на секунду расстаться с ним. Мужчины включили фонари на касках и начали осторожно спускаться по истершимся ступеням в подземные переходы.

Совсем недавно здесь уже побывали археологи. Плиты были сложены там, где производились самые последние раскопки, кругом было грязно, на каждом шагу встречались ямы. Все было свалено в одну кучу: и современное оборудование, и древние раскопки — все это было накрыто пластиковой пленкой и лежало вдоль стены.

Вдруг Морган увидел нечто, заставившее его похолодеть. Сердце его судорожно забилося, готовое выпрыгнуть из груди. Майкл чуть не задохнулся, разглядев на каменной стене гравюру и отвратительную, и прекрасную одновременно. На ней была изображена женщина, восседающая на багряном Звере. Семь отвратительных и уродливых голов было у Зверя и десять ужасных рогов; весь он был испещрен словами на древних языках, таких древних, что не говорили на них, наверное, целую вечность.

— «Вавилонская блудница», — прочел вслух завороченный Морган.

Ужасное имя эхом отозвалось в подземелье. Майкл отвел глаза от гравюры и заметил, что Бугенгаген, вскарабкавшись наверх, скрылся в стенном проеме. Морган невольно вздрогнул и последовал за своим учителем. Перспектива остаться в темноте один на один с «Вавилонской блудницей» ужаснула Майкла. И он очутился в следующем зале.

Она была там. Стена Игазля. Свет от фонаря на каске Бугенгагена выхватил из мрака гениальную картину художника, сошедшего в дальнейшем с ума. На них смотрело жуткое, зыбкое и вечно изменчивое лицо Сатаны.

Самый крупный фрагмент картины вызывал ужас: Сатана в пору своей зрелости. Он был уже почти сброшен в Хаос. Дьявол цеплялся за край пропасти, мускулистые руки и ноги напряглись в последнем усилии, а огромная летучая мышь распростерла над ним крылья, пытаясь защитить своего господина. Лицо Сатаны было повернуто в сторону и неясно очерчено.

На втором фрагменте была изображена голова. Вместо волос из скальпа выползали извивающиеся змеи с острыми языками. Но голова эта также не имела четкого рисунка лица.

Был здесь еще один портрет, самый незначительный по размеру — Сатана в детстве. Лицо выписано с потрясающей четкостью. Оно было прекрасно, подобно ликам херувимов эпохи Возрождения. Лицо Дэмьена Торна.

— Ну что, убедит тебя этот портрет? — проговорил Бугенгаген.

Но Моргану уже не нужны были никакие доказательства. Зачарованный, он медленно двинулся к стене, притягиваемый все ближе и ближе портретом. И вдруг в туннеле раздался звук,

напоминающий щелканье кнута. Сразу вслед за ним послышался грохот. Морган споткнулся и шагнул в сторону Бугенгагена. Оба застыли на месте. Секунды растягивались до бесконечности.

Внезапно потолок туннеля перед ними подался и стал рушиться, поднимая столбы пыли. Пыль клубилась, и Морган стал задыхаться. Бугенгаген оставался спокойным. Откашлявшись, Майкл обратился к археологу:

— Здесь есть еще выход?

Бугенгаген отрицательно покачал головой и тотчас почувствовал, как его охватывает дикий страх. Ученый осознал причину происходящего и в тот же момент понял, что они уже ничего не смогут сделать.

Снова раздался грохот и скрежет. Потолок позади них рухнул. Проход в туннеле составлял теперь не более пяти футов шириной, туннель стал их могилой.

Морган в ужасе взглянул на Бугенгагена. Старик закрыл глаза, смирившись со своей участью. Он был готов к смерти.

И вдруг послышался новый звук. Поначалу Морган не понял, откуда он доносится, но потом заметил тоненькую струйку песка, просачивающуюся из крохотного отверстия в потолке. Тут же образовалось второе отверстие. Через мгновение их было уже четыре. Потом двенадцать. Вскоре пошел настоящий песочный дождь. Песок попадал в глаза, забивался в рот; песочная куча у ног археологов росла и росла.

Тут и Морган ясно осознал приближение смерти. Он окинул взглядом туннель: внизу, под его ногами, покоилась «Вавилонская блудница». Ее уже почти засыпало песком. В диком и бессмысленном порыве Майкл принялся разгребать песок, разбрасывая его в разные стороны. Через несколько минут пальцы начали кровоточить, и Морган заплакал.

— Антихрист здесь! — прокричал Бугенгаген сквозь шум струящегося песка. — Вручи свою душу Господу!

В ответ снаружи раздался грохот, стены и колонны зашатались и стали оседать. Глубоко под ними послышался могучий гул. Морган, всхлипывая, продолжал расшвыривать песок, пытался освободить от него стену, чтобы докопаться до лаза. Но уровень песка поднялся уже до его пояса и стал стремительно расти.

Глаза Бугенгагена были закрыты. Он молился: «И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя». — Старик замолчал, затем снова заговорил: «Благослови нас, Иисус Христос, и прости нам...»

Песок достиг их подбородков, Морган что-то невнятно бормотал. Бугенгаген же продолжал: «...и покажется, что силы зла одолеют нас и возьмут верх, но ДОБРО победит. Ибо сказано в Апокалипсисе: ...и не войдет ничто нечистое и никто, преданный мерзости и лжи ...а ночи там не будет... ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец...»

Песок поднялся до губ, вот он уже засыпал нос, глаза, а когда накрыл их каски, свет от фонарей мгновенно погас. Тьма поглотила пространство. И пришла смерть.

Последний исполинской силы толчок, подняв к небу огромное облако пыли и щебня, превратил замок в руины.

Лишь две вещи остались нетронутыми. Стена Игаэля и лежащий у ее основания кожаный мешочек Бугенгагена. Как будто в последний момент какая-то другая сила, могучая и равная по мощности первой, вырвала у нее из рук единственное доказательство.

Внезапно из-под клубящихся пылью облаков стремительно вылетел черный ворон. Он кружил над развалинами, издавая пронзительные и наводящие ужас крики, затем взмыл в небо к поднимающемуся солнцу и растаял в раннем утреннем тумане.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Неровное, потрескивающее пламя костра освещало не детские серьезное лицо двенадцатилетнего мальчика. Напряженно застыл, он уставился на мечущиеся огненные языки. Мальчик пытался что-то вспомнить. Он чувствовал в крови толчки зыбких первобытных ощущений, где-то в глубинах его мозга таилась древняя мудрость, связывающая подростка с временами давно минувшими...

— Дэмьен?

Мальчик не шелохнулся. Садовники продолжали сгребать вокруг него опавшие листья.

Будто окаменев, стоял мальчик перед большим костром посреди широкой аллеи, ведущей к огромному старому особняку. Этот дом, напоминающий скорее дворец, находился в северной части Чикаго и принадлежал его приемным родителям.

Мысли подростка находились далеко отсюда, в ином времени и пространстве. Мальчик видел себя в окружении бесконечных ярких пылающих огней, стоны и непрекращающиеся вопли неслись со всех сторон — это стонали те, кто безмерно страдал, и боль их была оттого отчаянней и тяжелей, что конца ей не предвиделось.

— Дэмьен!

Видение исчезло. Дэмьен Торн тряхнул головой и обернулся на голос. Он прищурился, глядя на солнце, медленно скатывающееся за позолоченную крышу дома. На балконе третьего этажа стоял его двоюродный брат Марк и изо всех сил махал ему руками.

Дэмьену нравился Марк. Всегда добродушный и щедрый, Марк искренне полюбил сводного брата, семь лет назад попавшего в их семью. Между братьями установилась такая близость, какая редко возникает даже между родственниками. Оба носили тщательнейшим образом отутюженную форму военной академии, где они учились. Мальчики приезжали домой, чтобы отметить День Благодарения в семье. А теперь пришло время возвращаться в школу. День Благодарения вообще был самым грустным праздником в году — ведь именно после него Торны закрывали свой летний дом и переезжали на зиму в город. И так до следующего июня.

Дэмьен помахал в ответ рукой.

— Иду! — крикнул он и, обернувшись, бросил садовнику: — До следующего лета, Джим. — Старик едва кивнул в ответ.

Пружиня четкий и ладный шаг, Дэмьен помчался к дому, стрелой пронесся по лужайке и влетел в массивные двери особняка.

Марк тем временем вытащил свой любимый рожок и протрубил что-то печальное.

Дэмьен уже поднимался по лестнице.

Ему вот-вот должно было стукнуть тринадцать. Необыкновенный возраст, когда мальчик в полную силу должен ощутить свое мужское начало.

Дедушка Дэмьена — Реджинальд Торн завладел этим угольем в 20-е годы. Это был обширный кусок земли на озере Мичиган в северной части Чикаго. Часть заработанных во время первой мировой войны денег он использовал на постройку пышного особняка. Злые языки утверждали, что он просто свихнулся на этой почве. Над ним посмеивались, но всем судачествам пришел конец, когда сюда проложили прекрасную автомобильную дорогу. И теперь все, у кого имелся в запасе хоть какой-нибудь капитал, начали спешно застраивать северное побережье озера. Но ни у кого из вновь прибывших не было такого роскошного дома.

Торн часто повторял, что возвел эти чертоги для своих сыновей Роберта и Ричарда. Он обожал своих сыновей и, видя в них продолжение рода, делал для мальчиков все возможное. Когда их не приняли в престижную Дэвидсоновскую Военную Академию по причине того, что их отец занимается «торговлей», Торн выложил кругленькую сумму на постройку новой гимназии. Мальчиков туда, естественно, приняли, школе было присвоено имя их отца, а Ричард и Роберт закончили ее с отличием.

Роберт, старший сын, занимался дипломатией. А Ричард с головой ушел в семейный бизнес. Торн был доволен обоими. Все шло по его плану. Незадолго до своей смерти Реджинальд вложил деньги в постройку огромного музея в самом сердце Чикаго. В этом музее должны были демонстрироваться древние христианские реликвии и произведения искусства.

Он не дожид до того дня, когда был достроен музей. Как не дотянул и до времени расцвета «Торн Индастриз». И, к счастью, его уже не было в живых, когда его сын Роберт Торн — посол при английском дворе — был застрелен на церковном алтаре, где он, вскоре после трагического и необъяснимого самоубийства горячо любимой жены, пытался, очевидно, зарезать собственного сына.

Никто не знал, что помнил Дэмьен из событий того страшного дня, семь лет тому назад, когда отец волочил его к алтарю, чтобы вонзить в его маленькое, бешено колотящееся сердце кинжал, как замертво упал, сраженный пулей британского констебля.

Скорее всего Дэмьен ничего не помнил об этом трагическом дне, но психика его, по-видимому, была травмирована, и Ричард Торн запретил обсуждать события семилетней давности. Его вторая жена Анна — детский психолог — была убеждена, что вся эта драма погребена в глубинах подсознания Дэмьена, что может наступить час, когда мальчик все вспомнит, и совершенно непредсказуемо, в каких формах поведения проявится это воспо-

минание. Анна высказала Ричарду свои опасения. Но муж не дослушал ее. В конце концов, разве Дэмьену чего-нибудь не хватало?

Марк ничего не знал об этой трагедии, ему лишь сказали, что родители Дэмьена погибли при ужасных обстоятельствах и любое упоминание об их гибели может оказаться слишком болезненным для его сводного брата.

Единственным человеком, кто был твердо убежден, что Дэмьен помнил все отчетливо и ясно, была Мэрион Торн.

Тетя Мэрион, как ее здесь все звали, являлась прямой родственницей Реджинальда Торна. Это была редкая штучка, упрямая и своенравная. Никто не любил тетю Мэрион, ибо она вечно совала нос не в свои дела. Она никогда не была замужем и весь свой нерастраченный пыл посвятила племянникам и их семьям. Однако Мэрион всегда предпочитала Роберта, потому что он выбрал свой путь, порвал с семейным бизнесом. Известие о неожиданной и трагической смерти потрясло тетюшку до глубины души, с тех пор она испытывала к Дэмьену неприязнь. Тетя Мэрион чувствовала, что мальчик каким-то образом причастен к гибели Роберта, хотя и не осознавала истинного смысла прошедшей трагедии.

Тетя Мэрион прекрасно понимала, что ее не очень-то любят, но ее это не трогало. Она и раньше не испытывала к себе щедрого внимания. Ее редко звали на обеды, даже родственники не устаивали приглашением на семейные праздники.

На этот раз тетя Мэрион была вынуждена одолеть свою гордыню. Она без приглашения приехала к Торнам на День Благодарения. Ибо тетя Мэрион собиралась неожиданно сообщить всем что-то очень важное.

В этот субботний вечер она наблюдала, как мальчики прощались со всеми в холле; дверь была широко распахнута, чтобы Мюррей, шофер, спокойно сносил вещи мальчиков в машину. Из года в год повторялось одно и то же: приезжали они сюда с парой чемоданов, уезжали с шестью. Холодный ветер внезапно ворвался в холл, и Ричард Торн, красивый черноволосый мужчина лет шестидесяти, поеживаясь от пронизывающего сквозняка, отошел в сторону. Он давал Анне возможность не торопясь проститься с мальчиками.

Анна стояла в дверях и обнимала обоих мальчиков, покусывая свои губы, чтобы не разрыдаться. Целуя детей, она просила их не забывать писать письма и вести себя хорошо. Ричард, наблюдавший эту сцену, наполнился вдруг какой-то новой любовью к этой замечательной женщине, вошедшей в его жизнь в трудное и полное отчаяния время.

Марк обернулся и бросился к отцу, чтобы еще раз обнять его.

— Ну что, встретимся на нашем дне рождения, да, па?

— Спрашиваешь! Дэмьен! Подойди сюда. Обними, что ли, своего старика.

Дэмьен подбежал к Ричарду и прижался к нему, правда, не так пылко, как Марк. В дверях появился Мюррей и деликатно кашлянул.

Анна улыбнулась.

— Мы поняли намек, — проговорила она, направившись к Ричарду и подросткам. — Ну, мальчики, пора.

Обнявшись на прощание с мачехой, мальчики плюхнулись на заднее сиденье роскошного черного лимузина. Дверцы хлопнулись, мальчишеские носы и губы расплющились о холодные стекла в прощальном поцелуе, и машина плавно покатила, шурша по дорожному гравияу.

Ричард с Анной стояли на ступенях особняка и махали до тех пор, пока автомобиль не скрылся из виду. Когда они повернулись, чтобы войти в дом, Анна рассмотрела в окне третьего этажа тетюшку Мэрион, наблюдавшую за отъездом. Старушка тут же отскочила от окна, резко задернув занавески...

Дэ́мьен вольготно раскинулся на заднем сиденье.

— Ну и дела! — воскликнул он и присвистнул.

— И не говори, — согласился Марк. — Что за уик-энд! Мне уже показалось, что я начну орать.

— А давай сейчас поорем, — предложил Дэ́мьен. И они так пронзительно завопили, что чуть было не оглушили Мюррея.

— Мюррей, — позвал Дэ́мьен, когда им надоело кричать, — а ну-ка, выдай нам по сигаретке.

Мюррей отрицательно покачал головой и взглянул в зеркальце.

— Ты знаешь мое отношение к этому, Дэ́мьен.

Дэ́мьен, вздрогнув, пожал плечами.

— Пока не спросишь, никогда не узнаешь. — Внезапно он развернулся на сиденье, приставил большой палец к носу и, пошевелив другими пальцами, заgrimасничал: — Тетя Мэрион! Это тебе наш прощальный приветик! — выкрикнул Дэ́мьен. Марк протрубил в свой охотничий рожок.

— Боже, — произнес он, оборачиваясь, — до чего она противна. И чего они вообще разрешили ей приехать?

— Да все для того, чтобы она тыкала в нас пальцем и своей сварливостью портила праздник. Вот почему, — объяснил Дэ́мьен.

— По крайней мере нам не пришлось еще и сегодня с ней обедать. — Когда Марк сильно волновался, он начинал излишне четко выговаривать отдельные слова. — Ей, должно быть, уже лет сто, — продолжал он. — А чем это несет от нее постоянно?

— Дурак, это лаванда, — пояснил Дэ́мьен. — Все старые леди ею поливаются.

— Мальчики, — прервал их Мюррей, — только потому, что леди — старушка...

— Старушка действует нам на нервы, — смеясь, перебил его Марк.

Дэ́мьен вдруг изменился в лице.

— Мюррей прав, — заявил он.

Марк уставился на брата, пытаясь уловить в его голосе шутку. Но Дэ́мьен не шутил.

— Время бедняжки кончилось, — продолжал он, сам себе удивляясь. — И не следует нам над ней подтрунивать!

Дэ́мьен говорил такие странные вещи, что Марк, замолчав, разинул рот. Мюррей попытался изменить тему разговора.

— Вы уже встречались с новым командиром взвода? Оба подростка отрицательно покачали головами.

— Я надеялся, что они не смогут найти замену, — сказал Марк.

Дэмыен опять вздрогнул: «Пока не спросишь, не узнаешь».

— Вам когда-нибудь говорили, что случилось с сержантом Гудричем? — поинтересовался Мюррей.

— Нет, а... — протянул Дэмыен, пихнув Марка локтем под ребра. Он снова, похоже, включился в игру.

— Говорят, он покончил жизнь самоубийством. — Мюррей бросил взгляд в зеркальце. Но никакой реакции на эти слова не последовало. Самоубийство бывшего взводного, видимо, совершенно не волновало мальчиков.

— Эка невидаль — сержант взвода, — воскликнул Дэмыен. — Да все они одним миром мазаны. — И он, войдя в раж, начал выкрикивать команды: — Внимание! Глаза на лоб! Уши торчком! Пузо вперед! Целься!

Мальчики просто зашлись от хохота. Марк с обожанием взглянул на брата.

— Ты все-таки рехнутый, ты это знаешь?

Дэмыен кивнул, а затем, склонившись, таинственно прошептал:

— Я практикуюсь.

Марк хмыкнул.

— Еще один приветик тете Мэрион! — закричал Дэмыен.

74 Марк, всегда готовый доставить своему странному, чуждому и обожаемому брату удовольствие, громко протрубил в свой любимый охотничий рожок. Звук получился какой-то хрустальный и завораживающий. Он долго еще звенел в холодном ночном воздухе уже после того, как машина скрылась в темных окрестностях Иллинойса.

Обеденного стола вполне хватало для того, чтобы свободно разместить двенадцать человек, но сегодня за ним восседало всего лишь четверо. Ричард Торн занимал место во главе стола, слева сидела Анна. По правую руку расположилась тетушка Мэрион, а рядом с ней примостился взъерошенный мужчина средних лет, звали его доктор Чарльз Уоррен. Будучи одним из самых выдающихся знатоков христианских артефактов, он являлся куратором Музея Древностей, основанного Реджинальдом Торном.

Тетушка Мэрион собиралась произнести речь, и окружающим ничего не оставалось, как выслушать ее. Ричарду, правда, очень не хотелось, чтобы при этом присутствовали посторонние.

— Уже поздно, и я устала, — начала тетушка Мэрион, окидывая присутствующих взглядом и убеждаясь, что все трое внимательно слушают ее. — Перейду сразу к делу. Я старею и скоро умру. — Она в упор взглянула на Анну. — А вздохи свои поберегите на потом. — Анна попыталась что-то возразить, но тетушка продолжала. — Я владею тридцатью семью процентами «Торн

Индастриз» и, кажется, имею право распорядиться своей долей, как сочту нужным.

— Да, конечно,— подхватил Ричард, как всегда делал, когда речь заходила на подобную тему.

— Вы знаете также,— продолжала Мэрион,— что в настоящий момент я все оставляю тебе, Ричард.

Племянник кивнул.

— И что?

— Так вот, я сегодня здесь для того, чтобы объявить: пока вы не выполните мою просьбу...

Торн отшвырнул салфетку. Он на дух не переносил ничего такого, что хоть отдаленно напоминало вымогательство.

— Мэрион, не шантажируйте меня,— предупредил Ричард, чувствуя, как у него вскипает кровь.— Меня не волнует...

— Тебя не может не волновать сумма порядка трех миллионов долларов.

Доктор Уоррен смущенно привстал.

— Извините, но я не думаю, что здесь необходимо мое присутствие.— Он сделал движение, чтобы уйти, но Мэрион остановила его.

— Вы, доктор Уоррен, потому здесь, что являетесь куратором торновского музея! Двадцать семь процентов и этой собственности принадлежит мне!

Уоррен сел.

Тетушка Мэрион торжествовала. Она ощущала на себе пронзительный взгляд Анны, чувствовала, как та ее ненавидит. Но это ровным счетом не беспокоило тетушку Мэрион. Ей никогда не нравилась Анна. Более того, старушка предполагала, что время, когда Анна решила ворваться в жизнь Ричарда, было как-то слишком удачным. Здесь как будто присутствовала охота за приданым, и настойчивость, с которой молодая женщина обхаживала ее племянника, напоминала скорее кружение мух над свежим трупом.

Однако тетушка Мэрион припасла на сегодня еще кое-что. Слегка наклонившись вперед, она произнесла медленно и отчетливо:

— Я хочу, чтобы вы забрали мальчиков из военной академии и поместили их в разные школы.

Последовало долгое молчание. Наконец Анна, вложив в слова всю свою ненависть, произнесла:

— Меня совершенно не волнует ваше отношение к мальчикам. В конце концов это не ваши сыновья, а наши.

Именно этого и ждала Мэрион.

— Позвольте вам напомнить,— возразила она, ядовито улыбаясь,— что никто из них не является вашим собственным сыном. Марк — сын Ричарда от первой жены, Дэмьен — сын Роберта.

Анна задрожала от гнева. Пытаясь изо всех сил сдерживать слезы, она резко поднялась.

— Ну, спасибо. Большое спасибо!

Ричард нежно тронул жену за руку и заставил ее сесть. Потом обратился к Мэрион.

— Ради Бога, что вам нужно?

— Изолируйте Дэмьена, — проговорила старушка, и взгляд ее был тверд. — Его влияние ужасно, неужели вы этого не видите? Вы что, хотите погубить Марка, уничтожить его?

Ричард вскочил.

— Ну, хватит, — оборвал он тетушку. — Я провожу вас в вашу комнату, Мэрион.

Старушка поднялась ему навстречу.

— Ты ослеп, Ричард. — Она схватила его за обе руки. — Ты же знаешь, что брат твой пытался убить Дэмьена.

Доктор Уоррен находился в состоянии шока. Анна вскочила и воскликнула:

— Уведи ее отсюда, Ричард! Уведи!

Мэрион вдруг осознала, что если она не скажет всего сейчас, то не скажет этого никогда. И старушка продолжала:

— Почему он пытался убить Дэмьена? Ну ответь мне! Скажи правду!

Ричард еле сдерживал свою ярость.

— Роберт был болен, — отчеканил он, — психически.

— Ну все, хватит, — заверещала Анна, — не смей разговаривать с ней!

Доктор Уоррен не знал, что и делать. Он был ошеломлен. Не смея произнести ни звука, доктор комкал в руках салфетку.

Мэрион глубоко вздохнула и предприняла последнюю попытку шантажа. На этот раз в ее голосе прозвучала мольба.

— Если вы не разъедините мальчиков, я весь свой капитал оставлю на благотворительные фонды, на благотворительные...

— Да делайте с ним, что хотите! — взорвался Ричард. — Сожгите деньги, выбросьте их к черту, только не пытайтесь...

— Ричард, ну пожалуйста, — умоляла его Мэрион. — Послушай меня! Да, я стара, но я не выжила из ума. Твой брат пытался покончить с Дэмьеном. ПОЧЕМУ?

— Убирайтесь отсюда! — взвизгнула Анна. Она обежала вокруг стола и решительно устремилась к старушке, будто собиралась ударить ее. Ричард попытался удержать жену, но она тут же вырвалась и, ткнув в сторону тетушки Мэрион дрожащими пальцами, произнесла:

— Вели ей уйти!

— Я и так ухожу! — ледяным тоном произнесла старушка, вложив в него все свое достоинство. Она кивнула на прощание доктору Уоррену и покинула комнату. Ричард последовал за ней. Когда их шаги затихли, Анна, глубоко вздохнув, обратилась к доктору:

— Извините, Чарльз, мне и в голову не приходило...

— Ничего, ничего, все в порядке, — успокоил ее Уоррен. — Я все понимаю. — Он поднялся и кивком указал в сторону маленькой комнаты. — Почему бы нам не поглядеть на слайды, — предложил он. — У меня есть здесь замечательные штуки, которые я бы хотел продемонстрировать вам и Ричарду.

В действительности же ему хотелось поскорее покинуть этот дом.

На площадке третьего этажа тетя Мэрион высвободила наконец свой локоть из руки Ричарда.

— Я и сама пока могу идти! — с достоинством бросила она.

Молча миновали они длинный, покрытый ковром коридор, и лишь у двери спальни старушка снова повернулась к племяннику:

— Твой брат пытался убить Дэмьена...

— Но мы же с этим покончили, тетя Мэрион.

— Должна была быть причина.

— Я вам уже говорил. Я не могу больше об этом. Особенно в присутствии посторонних. Иисус Христос...

— Но зачем он пытался убить собственного сына?

— Он был болен, тетя Мэрион, психически болен.

— А Дэмьен? Думаешь, он не болен?

— Что Дэмьен? С ним ничего особенного не происходит! —

Торн опять начал выходить из себя. Одновременно он и злился на себя, понимая, как легко смогла Мэрион довести его до такого состояния. Может, она и прекратила бы свои нападки, если бы Ричард так остро не реагировал на них. Он попытался успокоиться. — Ваша ненависть лишена всяких оснований...

— Будь поосторожнее, — перебила его тетушка Мэрион.

«Наконец-то она приходит в себя», — подумал Торн и обратился к старушке:

— Ложитесь спать. Пожалуйста. Вы себя сейчас не контролируете.

Тетя Мэрион подняла брови. Она знала, куда нанести удар.

— Дэмьен не унаследует от меня ничего. Завтра я займусь этим. — Старушка потянулась к дверной ручке.

— Делайте, как знаете, часть акций компании — ваша! — Ричард понимал всю отчаянность положения. Ему была необходима эта доля, чтобы обеспечить интересы обоих сыновей. — Но уж если вы в моем доме...

— То я твоя гостя, — закончила Мэрион. — Я знаю. Но это моя комната, и я вынуждена просить тебя уйти. Сейчас же.

Торн вздохнул, наклонился и чмокнул старуху в макушку.

— Мюррей будет ждать вас завтра утром в машине.

Тетя Мэрион некоторое время подождала, пока он скроется в тени коридора, а потом, торжествующе улыбнувшись, прошагала в комнату и захлопнула за собой дверь.

Когда Ричард заглянул в маленькую комнату, Анна с доктором Уорреном уже установили проектор и экран. Чарльз хотел дать им возможность предварительно взглянуть на экспонаты новой выставки, которую он подготовил для чикагского Музея Древностей.

Ричард унаследовал от своего отца любовь к археологии и всячески поддерживал любое начинание в этой области. Одним из таких предприятий были рискованные раскопки близ города Эйкра, где обнаружили самые потрясающие за последние двадцать лет находки. И хотя инициатором раскопок являлся Реджинальд Торн, именно Ричарду предстояло пожинать плоды этого предприятия.

Чарльз Уоррен включил проектор, и Ричард притушил свет.

— Большинство этих экспонатов уже упаковано и находится сейчас в дороге. Вскоре первая партия прибудет сюда.

Первые слайды демонстрировали вазы и миниатюрные статуэтки. Разглядывая их, Торн, казалось, забыл о тетушке Мэрион, Анна улыбалась, поглядывая на мужа. Вдруг она перевела взор на экран, и у нее перехватило дыхание. На слайде была запечатлена фигура женщины довольно больших размеров, яркая и уродливая, облаченная в багровые и пурпурно-золотистые одежды со множеством украшений. Восседала блудница на Звере о семи головах. Каждая голова покоилась на длинной чешуйчатой шее, из лбов торчали рога, а из пастей — клыки и языки. Голова женщины была откинута назад, длинные волосы беспорядочно спутались, а сама она казалась пьяной от содержимого золотой чаши, которую сжимала в своей руке.

— О, господи, — пробормотала Анна.

— Да, — поддержал ее Чарльз, — вид у нее весьма устрашающий.

— Вавилонская блудница? — поинтересовался Ричард.

Чарльз кивнул. Анна вопросительно взглянула на мужа.

— Ты ее знаешь? — удивилась она, и все рассмеялись. Чарльз взял карандаш и подошел к экрану.

— Она символизирует Рим. А эти десять острых, как бритва, рогов на Звере — десять царей, у которых пока нет царств. Но Сатаной им была обещана временная власть до тех пор, пока не явится он в своем полном величии.

— А зачем она взгромоздилась на Зверя? — спросила Анна.

— Не знаю. Но, очевидно, она не останется на нем долгое время. Ибо сказано в «Откровении Иоанна Богослова», что десять царей «возненавидят блудницу, и разорят ее, и обнажат, и плоть ее съедят, и сожгут ее в огне».

— Потрясающе, — вздрагивая, произнесла Анна. — И вы во все это верите?

— Ну, я полагаю, вся Библия целиком состоит из удивительных и чудесных метафор. Нам еще предстоит найти разгадки ко многим из них.

— Например? — заинтересовалась Анна.

Чарльз был не из тех людей, кто при любой возможности пытается обратиться к вере первого встречного. Но он решил не увиливать от ответа и четко объяснить все Анне.

— Ну, имеется, например, масса свидетельств, что конец света уже близок.

— Что? — не поняла Анна. Она решила, что ученый шутит.

— Многие события, происшедшие за последнее десятилетие, были предсказаны в «Откровении Иоанна Богослова». Землетрясения, наводнения, голод, небо, потемневшее от смога, отравленные воды, меняющийся климат...

— Но такие вещи происходили всегда, — запротестовала Анна.

— Имеются и более любопытные свидетельства. Например, существует предсказание, что конец света наступит вскоре после того, как Библия будет переведена на все письменные языки. В начале 60-х годов это и было сделано. Предполагают, что последний Холокост начнется на Среднем Востоке.

— Но... — начала Анна, но тут вмешался Ричард:

— Вы не возражаете, если мы вернемся к слайдам? Если конец настолько близок, мне не терпится узнать, за что я выложил кучу денег, пока все это не превратилось в прах?

Напряжение рассеялось. Даже Чарльз рассмеялся. Он нажал кнопку дистанционного управления. На следующем слайде была также запечатлена Блудница, но сфотографированная издалека. Рядом с изображением стояла молодая женщина, так что, сравнивая ее рост и габариты картины, можно было судить о размерах фигуры Блудницы.

— Что это за девушка? — полюбопытствовал Ричард.

— Фи, а я-то подумала, что ты и ее знаешь, — съязвила Анна.

— Это моя приятельница. Репортер. Ее зовут Джоан Харт. Вы что-нибудь о ней слышали? Харт пишет биографию археолога Бугенгагена.

Следующий слайд демонстрировал Джоан Харт с близкого расстояния. Это была потрясающая рыжеволосая женщина с сияющими глазами.

— Похоже, ты у нее на крючке, а, Чарльз? — бросила Анна.

Чарльз отрицательно покачал головой и рассмеялся.

— Да нет, никаких планов на этот счет. Просто она здорово делает свою работу. Кстати, она собирается в Чикаго. Думаю, скоро явится сюда. Хочет взять у тебя интервью, Ричард.

— У меня? — удивился Ричард. — По какому, интересно, поводу?

— Раскопки, выставка, ну и все такое.

— Ты же знаешь, что я терпеть не могу всякие интервью, Чарльз.

— Да, знаю. Но я подумал...

— Так вот, передай ей это.

— Ладно, ладно. — Чарльз удрученно покачал головой, хотя был в курсе, насколько дорожил Ричард покоем своей семьи.

Несколько позже собравшиеся прощались в холле.

— Я завтра буду в городе, — заговорил Ричард, помогая Чарльзу надеть пальто. — А Анне придется остаться здесь и проследить, чтобы все было закрыто.

Чарльз кивнул.

— А чудное было лето, — вымолвил он и обернулся, чтобы поцеловать на прощанье Анну.

— Увидимся послезавтра, — пообещала она, распахивая дверь.

Ричард проводил Чарльза к машине:

— Да, по поводу тети Мэрион... — начал он.

— Все, все, я уже все забыл, — улыбнулся Чарльз.

Ричард захлопнул автомобильную дверцу и помахал Уоррену на прощанье, покуда тот не скрылся во мраке холодной ноябрьской ночи. Затем Торн вдохнул глоток морозного воздуха и вернулся в дом.

Тетушка Мэрион слышала каждое слово, сказанное при расставании, в том числе и сбивчивое извинение Ричарда за ее сегодняшнее поведение. Как обычно перед сном, старушка от-

крыла окно, что дало ей возможность подслушать разговор Ричарда с Уорреном.

— Неблагодарный слепец, — пробормотала Мэрион и вновь обратилась к старенькой Библии, которую листала каждый вечер. Сегодня она открыла ее на тексте Бытия: «...плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся на земле».

«Ну вот, — вслух размышляла тетушка Мэрион, — разве это не знак уж и не знаю чего!» Она толковала только что прочтенный отрывок, имея в виду компанию «Торн Индастриз». Ей виделось, что компании предначертано достичь таких вершин, которые вообразить невозможно. И еще крепче уверилась старушка, что доля ее ни в коем случае не должна попасть в руки Дэмьена, этого средоточия зла. Она решила завтра же, как только возвратится домой, изменить свое завещание. Конечно же, она завещает свою долю очень благонамеренной религиозной общине. Она проучит этих неблагодарных родственников! Мэрион до такой степени размечталась о мести, что даже не заметила огромного черного ворона, неожиданно возникшего на подоконнике ее спальни. В глазах замершей птицы застыла холодная ненависть.

Ричард читал в кровати, а вокруг возвышались кипы деловых бумаг. Он часто работал по ночам, так как необходимо было постоянно держаться в курсе событий. И все равно он не успевал охватить всего того, что происходило в его компании. Все данные, которые постоянно менялись, надо было удерживать в голове.

Сегодня Ричард никак не мог сосредоточиться. Лавина воспоминаний, с таким тщанием закапываемых в самые недра сознания, вдруг обрушилась на него. Кто знает, кем мог стать его брат? Может быть, даже президентом. Но в расцвете сил быть подстреленным, как собака...

— Ричард! — Анна, сидевшая перед туалетным столиком, замерла с расческой в руке. Он понял, что жена давно пытается привлечь его внимание. Ричард сдвинул на лоб очки и взглянул на нее. — Ты же обещал мне... — продолжала жена.

— Обещал что, солнышко?

Анна вздохнула. Было ясно, что он ни слова не слышал из всего сказанного.

— Что никогда больше тетя Мэрион не переступит порог этого дома. Никогда.

— О, Анна...

— Обещай мне!

— Ну ради Бога, старушке ведь уже восемьдесят четыре года!

— Мне наплевать на это. И ноги ее не должно быть здесь. Она злощая, ее надо опасаться, и...

— Да у нее же старческий маразм, Анна!

— Она отравляет даже воздух вокруг себя. Она действует мне на нервы и пугает мальчиков...

— Ерунда, они-то ее всерьез вообще не воспринимают.

— Да, конечно. Они насмежаются над ней, но, заметь, избегают находиться с ней в одной комнате. Особенно Дэмьен.

Ричард снял очки и положил их на ночной столик возле кровати. Сегодня он не в состоянии был прочесть ни строчки. Торн собрал документы и сложил их на полу.

— Ну, — попытался он снять напряжение, — по крайней мере рот она раскрывает всего лишь раз в несколько лет, прямо как какой-нибудь депутат во время предвыборной кампании.

— Не смешно, — оборвала мужа Анна. Она отложила расческу и выключила над туалетным столиком лампу. Потом встала, потянулась и подошла к постели. Ричард не переставал изумляться, как красива была Анна и как ему повезло, что он ее встретил. Ричард был уверен, что после ужасной и противоестественной гибели Мэри он уже не в состоянии влюбиться. И вдруг, как Божий дар, появилась Анна. Они мельком виделись в Вашингтоне. Ричард находился там по делам компании, она же переехала в этот город в надежде начать жизнь сначала. Сперва Анна принялась неистово флиртовать с ним, пока Ричард не рассказал ей о смерти Мэри и о своем нежелании вступать в какие-либо серьезные отношения. Анна резко изменилась и начала искренне ему сочувствовать. Наверное, из всего этого так ничего бы и не вышло, если бы, возвращаясь в Чикаго, Ричард не обнаружил свою будущую супругу сидящей рядом с ним. Анна утверждала, что это чистое совпадение, и Торн, польщенный и заинтригованный, великодушно принял эту ложь. Объявление об их помолвке стало настоящим сюрпризом для всех. Но Ричард не привык считать ее ни с какими условностями, к тому же он был бешено влюблен в Анну.

И вот Анна, спустя семь лет их супружеской жизни, здесь, в его руках, а он по-прежнему сходит по ней с ума. Ричард, конечно, должен был признать, что секс тут играл немаловажную роль. Анна вывела его на вершину наслаждения, этот пик уже мог показаться и греховным. Мэри была в постели робкой и стеснительной, Анна же соблазняла и одурманивала. Ричард даже не подозревал, насколько сам он был сексуален, пока в его жизни не появилась Анна и не пробудила в нем истинного наслаждения.

— О чем ты задумался? — прервала мысли Ричарда жена.

— О тебе. О том времени, когда мы встретились. И о том, как жутко я тебя люблю.

— Ах, об этом...

Ричард засмеялся. Да, Анна умела заставить его смеяться так, как он никогда не смеялся с Мэри. Но Ричард не мог сравнивать этих женщин. Он начинал чувствовать комплекс вины перед Мэри.

— Опять испытываешь чувство вины? — спросила Анна. Она умела читать его мысли.

— Нет, — солгал Ричард. Он слишком устал от откровений. Анна клубочком устроилась рядом.

— Что ты ей сказал? — промурлыкала она ему в ухо.

— М-м-м?

— Что ты сказал тете Мэрион, когда провожал ее?

— Я ей велел хорошо себя вести.

— И все?

— Ну, я, конечно, был несколько жестче, potvrжде, что ли...

— Может быть, выйди Мэрион замуж, она не была бы такой стервой. — Анна вновь прильнула к Ричарду.

— Интересно, чего только не сделает настоящий мужчина, — возбужденно проговорил Ричард, привлекая к себе жену. Она на секунду отстранилась и прошептала, глядя на него глазами невинной девочки:

— Обещаешь?

Ричард понял, что не может дальше сопротивляться.

— Обещаю, — прошептал он, выключая свет, — больше тети Мэрион здесь не будет.

Два огонька погасли в один и тот же момент. Освещение в спальне тети Мэрион и свет в ее глазах.

Старушка была мертва, Библия выскользнула из ее рук.

Никто не знал, что же здесь произошло, кроме исполненного черного ворона, вылетевшего из ее окна. Огромная черная птица стремительно взмыла в ночь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На следующий день в Дэвидсоновской Военной Академии состоялся торжественный парад. Курсанты высыпали на плац и под грохот школьного духового оркестра принялись маршировать в ослепительном блеске всех своих регалий.

Большинство ребят, прокручивая в голове ежедневные утренние занятия, пытались при этом демонстрировать что-то вроде бравой военной выправки.

Полковник стоял на широкой каменной лестнице, ведущей к главному зданию Академии, и сиял от гордости, глядя на стройные ряды молодых курсантов. Для военного он был тучноват, но, зная прекрасно, что родная страна не призовет его под знамена на свою защиту, полковник позволял себе это удовольствие — сытно и вкусно поесть.

Рядом с ним стоял строгий, красивый, несколько настороженный молодой человек. Его тугие мышцы прямо-таки играли под тщательно отутюженной формой. Внешний вид молодого человека походил на вызов обрюзгшему полковнику.

Полковник произнес приветственную речь по случаю возвращения курсантов в Академию после Дня Благодарения. Затем был сделан ряд объявлений о школьном расписании на следующие недели.

Стоя на плацу, Марк незаметно шепнул Дэмьену:

— Это, кажется, он. — Его слова относились к молодому, атлетически сложенному офицеру, застывшему рядом с полковником.

— Вроде ничего выглядит, — прошептал в ответ Дэмьен.

— Ну, если гориллы в твоем вкусе...

Как раз в этот момент полковник скомандовал:

— Взвод Брэдли — оставаться на месте. Всем остальным — в столовую. Правое плечо вперед... Шагом марш!

Мальчики сгрудились вокруг двух офицеров. Полковник кивнул в сторону молодого человека.

— Это сержант Дэниэль Нефф. Он здесь вместо сержанта Гудрича.

Данное сообщение явилось первым упоминанием о сержанте Гудриче. Как бы парадоксально это ни выглядело в военной школе, но с курсантами старались по возможности не заводить разговоров на тему о смерти, а уж разговоры о самоубийстве вообще не допускались, ибо подобный акт считался позорным для мужчины. Поэтому упоминание о несчастном Гудриче явилось первым и последним.

— Сержант Нефф — опытный солдат, — продолжал полковник, — и я наперед уверен, что вы станете лучшим взводом Академии. — Полковник подбадривающе улыбнулся. Потом повернулся к Неффу: — Ну, а дальше вы уж сами знакомьтесь, сержант.

Нефф лихо отсалютовал, а затем, продолжая стоять по стойке «смирно», проводил взглядом удаляющегося полковника.

В заднем ряду взвода стоял огромный парень, на голову возвышавшийся над всеми курсантами. Он был грузен и толст, его шея и кулаки неуклюже торчали из воротничка и рукавов рубашки, слишком для него тесной. Верзилу звали Тедди. Пытаясь как бы скомпенсировать свою более чем непривлекательную внешность, он измывался над всеми остальными ребятами.

В этот момент Тедди решил, что неплохо было бы с ходу произвести впечатление на нового сержанта.

— Господин сержант, — подобострастно заулыбался он, нарочито разглядывая ряд ослепительно сверкающих медалей на груди Неффа. — За что вы получили ваши награды?

— Откроете свой рот только тогда, когда я с вами заговорю, — рявкнул Нефф. — Вы будете слушаться каждого моего слова! Я намерен довести вашу подготовку до самого блестящего состояния. А посему буду полировать вас до тех пор, пока блеск ваших достижений не ослепит всю Академию.

Нефф замолчал и окинул взглядом всех курсантов.

— Ясно?

Побледневшие мальчики кивнули. Тедди опустил голову и сглотнул ком обиды, застрявший в горле. Он не выносил, когда его в чьем-то присутствии осекали.

— Я еще поговорю с каждым из вас отдельно. После завтрака в моем кабинете, — продолжал Нефф. — А пока что назовите ваши имена.

Расхаживая взад-вперед, он остановился перед Марком.

— Марк Торн, — робко произнес мальчик, изнемогая под жестким взглядом офицера.

— У меня, Торн, имеется воинское звание, и оно меня пока что устраивает.

— Марк Торн, господин сержант.

— Торн, а? — заулыбался Нефф. — Вашу семью ведь многое связывает с этой Академией, не так ли?

Марк, выросший в богатстве и роскоши, был идеально воспитан и чувствовал, что напоминать о своих славных предках значило бы допустить ужасную бестактность по отношению к остальным ребятам. Поэтому он, обливаясь краской стыда, молча стоял, не зная, что и ответить.

— Что, разве не так? — настойчивее повторил свой вопрос Нефф. Марк деликатно ответил:

— Мои отец и дед были здесь курсантами.

— Хорошо, — произнес Нефф, приятно удивленный тактичностью мальчика. — Но учти, что это не дает тебе никаких преимуществ, мы все здесь в равном положении.

— Да, господин сержант, — с готовностью кивнул Марк, сгорая от нетерпения, когда же наконец офицер от него отстанет.

Тедди не смог удержаться от соблазна вознаграждать себя за унижение.

— Мы все это слышали и раньше, — прошипел он. Курсанты замерли на месте.

Нефф круто повернулся к Тедди и злобно бросил:

— Но не от меня, ясно?

Да, этого «новенького» так просто не одолеешь. Тедди не выдержал тяжелого взгляда Неффа и опустил голову.

Нефф двинулся дальше.

— Имя?

— Дэмьен Торн, господин сержант.

Нефф стрельнул взглядом в сторону Марка, потом опять уставился на Дэмьена.

— Вы не похожи.

— Мы — двоюродные братья, господин сержант, — пояснил подросток и рискнул улыбнуться. Что-то неуловимое мелькнуло в глазах Неффа, но тут же исчезло.

— Хорошо. Но и к тебе относится то же самое. Никаких привилегий.

Дэмьен кивнул и провожал взглядом командира, пока тот подходил к следующему курсанту. Что-то в этом Неффе взбудоражило Дэмьена, взволновало его до мозга костей. Но что это было, он не понимал. Пока.

В шестидесяти милях от Академии, в самом сердце Чикаго, Ричард Торн шагал по затейливо обставленному вестибюлю огромного здания — главного офиса «Торн Индастриз». Рядом с ним находился и президент компании Билл Ахертон. В холле присутствовали еще несколько человек: либо самые рьяные служащие, так как было слишком рано, либо те, кто возвращался с ночной смены.

Ахертон, добрейший и внешне непримечательный, мог бы стать, вероятно, первоклассным шпионом. Ему стукнуло шестьдесят четыре года, и по жизни он скользил медленно, но уверенно, без всяческих усилий продвигаясь к намеченной цели.

После окончания колледжа Ахертон пришел работать в компанию «Торн Индастриз», в отдел развития и планирования. Он сделал блестящую карьеру и числился теперь вторым человеком после Ричарда Торна, являвшегося председателем правления директоров.

Ахертон по-прежнему жил в доме, который купил после женьгибы на своей однокурснице. Он горячо любил свою жену, она была его первой и единственной женщиной. Жизнь не припасла никаких особых сюрпризов для Билла Ахертонa, и он с удивленным смущением наблюдал взлеты и крушения судеб своих друзей, чье существование было значительно неустойчивей, чем его собственное.

Ахертон, возможно, был слишком мягок, но далеко не глуп. Да и кто, будучи недалеким человеком, мог бы стать президентом «Торн Индастриз»? Одна мысль сегодня не давала президенту покоя, мысль, зародившаяся в нем уже давно. И она была связана с Полем Бухером — директором отдела Специального Проектирования и его, Ахертонa, непосредственным подчиненным.

Бухер — молодой мужчина, почти на тридцать лет моложе Ахертонa, не делал секрета из того, что метил на место президента компании. Но не это беспокоило Ахертонa. У него с давних пор выработался иммунитет ко всякого рода интригам. Президент прочно занимал свое место, ибо прекрасно разбирался в работе и понимал, что Ричард Торн, один из его старейших и лучших друзей, никогда не поддастся ни на какие маккиавеллиевские уловки. А волновало Ахертонa то, что чем ближе узнавал он Бухера, тем явственней обнаруживал в нем жестокость и беспринципность. Проводимые его заместителем деловые операции рано или поздно могли отрицательно сказаться на репутации компании и, что еще опаснее, могли навлечь на «Торн Индастриз» серьезные неприятности, особенно если учесть, что в перспективе Бухера ожидали более обширные полномочия, чем в настоящее время.

Все это разом пронеслось в сознании Ахертонa, пока они вместе с Ричардом Торном пересекали вестибюль, направляясь к вращающимся дверям. Они должны были встретиться с Бухером, предложившим компании «Торн Индастриз» приобрести сельскохозяйственный завод и осмотреть предприятие.

Ахертон решил сегодня пораньше прийти на работу, чтобы поделиться своими опасениями с Торном прежде, чем они попадут на завод. Он понимал, что там у него уже не будет возможности выговориться.

Торн, как обычно, оставался дипломатом.

— Я первый, кто признает, что с Полем сработаться трудно, — высказал он свое мнение, — но ведь нам потребовалось целых три года, чтобы найти человека подобной квалификации.

— Но я не ставлю под вопрос его профессиональные качества, — возразил Ахертон, — я говорю о...

— О его стиле, — закончил за него Торн как раз в тот момент, когда они выходили к автомобилю, поджидавшему их.

Ахертон отрицательно покачал головой:

— Я легко мог бы смириться с его стилем. Каждый день я встречаюсь с разными людьми. Не в этом дело. Мне просто не нравится, что он предлагает. У меня это стоит уже поперек горла, и я не собираюсь скрывать свое отношение ко всем его затеям.

— Ты беспокоишься, как бы у нас не возникли неприятности в департаменте юстиции,— заключил Торн.

— Но он ввязался в очень щепетильные делишки...

Они подошли к лимузину, Мюррей открыл дверцу.

— Давай-ка выслушаем его самого,— предложил Торн, когда они удобно расположились на заднем сиденье автомобиля.— Я прошу тебя высказывать свои соображения несколько более... деликатно... чем обычно.

Мюррей захлопнул автомобильную дверцу под одобрительное хмыканье Ахертон.

Один за другим курсанты взвода Брэдли входили в кабинет нового командира. Они робко и нетерпеливо ожидали своей очереди в коридоре рядом с его кабинетом. Тедди с видом невероятной скуки опирался о стену. Он пытался придать своему лицу этакое бесстрастное выражение, чтобы никому и в голову не пришло, будто Тедди хоть на миг испугался Неффа, дважды унизившего его в глазах курсантов.

На самом деле Тедди порядком струхнул. И теперь пытался прояснить для себя, как изменить тактику своего поведения в отношении нового сержанта.

Как обычно возле Тедди околачивалась пара-другая подхалимов, на лицах у них было написано такое же нарочитое безразличие. Чтобы хоть как-то скрасить ожидание, Тедди решил на маленькое представление. Он подошел к противоположной стене, где аккуратными рядами были вывешены примерно сорок фотографий. На них в хронологическом порядке были запечатлены все футбольные команды Академии. Рассматривая фотографии, можно было узнать не только о том, как развивалась с годами игра в футбол, но и о том, кто учился здесь в разное время, сопоставив их с сегодняшними курсантами. Любопытный вывод напрашивался в результате этого сравнения: если и существовало в старое доброе время нечто, называемое честью мундира, то теперь ее место заняла озлобленность — именно на этом очень часто строились сейчас отношения между курсантами.

Тедди нашел наконец то, что искал:

— Мой старик играл за эту команду. Вот он,— пояснил он, тыча жирным пальцем в одну из фотографий. Несколько слоняющихся в ожидании своей очереди подростков подошли к верзиле, чтобы взглянуть на фотографию.— Он играл на переднем крае,— помедлив, продолжал Тедди, а затем оглянулся на Дэмьена.

— Роберт Торн играл правым защитником,— в голосе Тедди прозвучало неприкрытое презрение.— Мне кажется, уж ты-то в состоянии купить себе все, что угодно?

Дэмьен оттолкнулся от стены, на которую опирался:

— Тедди,— угрожающе произнес он.

Верзила оглянулся на приблизившихся курсантов, с нетерпением ожидающих развития событий, и откровенно полез на рожон.

— Ты не прикупил еще право на правого защитника?

Кругом послышались сдавленные смешки. Дэмьен двинулся на Тедди, но в этот момент дверь в кабинет Неффа распахнулась и оттуда вышел Марк. Он сразу же почувствовал сгустившуюся, напряженную вражду, возникшую между его кузеном и Тедди. Марк прокашлялся и спокойно произнес:

— Дэмьен, ты следующий.

Дэмьен взглянул на брата, затем снова впился глазами в Тедди.

— Не смей никогда больше упоминать имени моего отца. Никогда, — проговорил он, сам удивляясь той угрозе, которая прозвучала в голосе. Дэмьен резко повернулся и исчез за дверью, тихо закрыв ее за собой.

Тедди глянул на Марка и фыркнул.

— Твой братец, очевидно, думает, будто представляет из себя что-то стоящее, да? — Верзила повернулся к собравшимся. — Мой предок мне тут как-то поведал, что Торны сами себе мастертят шляпы, ведь ни в одном магазине не найти чего-нибудь подходящего на их умные и большие головы! — Тедди гнусно захихикал, и большинство курсантов, побаиваясь верзилу, последовали его примеру.

Марк шагнул к Тедди и отчетливо, с ледяным спокойствием, спросил его:

— Ты филателист?

Тедди не мог распознать подвоха, но прекрасно понял, что здесь спрятана какая-то уловка. Хотя совершенно не ожидал от Марка, что тот способен хоть на малейшее сопротивление. Вот Дэмьен — это, конечно, да, это крепкий орешек. Ну, а Марк...

— Кто, кто? — переспросил Тедди, потягиваясь и еще сильнее возвышаясь над Марком.

— Что ж, попробую тогда объяснить, — с холодной иронией продолжал Марк. — Ты марки собираешь?

— Нет, — ответил верзила, все еще не понимая, куда клонит этот Торн.

— Ну так, — ухмыльнулся Марк, — скоро начнешь. Прямо сейчас! — И с этими словами он изо всех сил пнул по левой ноге Тедди.

Верзила на мгновение застыл. Он был поражен не столько тем, что этот сосунок отдал ему ногу, — хотя боль была преизрядная, и Тедди запрыгал на одной ноге, — его удивило, как Марк посмел сделать это. Никто в школе так вызывающе не вел себя с ним, и Тедди пребывал в страшной растерянности.

Не отличаясь сообразительностью, верзила медленно раскидывал мозгами, что же ему предпринять. В это время Марк, грустно покачивая головой и заметно усмехаясь, ударил каблук по другой ноге Тедди. Ошеломленный Тедди не смог устоять на месте.

Курсанты еле сдерживали смех, до того нелепо выглядел их мучитель, прыгая с ноги на ногу. Но тем не менее они хорошо понимали, что основная битва еще впереди, и знали, кто ее выиграет. Поэтому, поставив на Тедди, они прикинули в уме возможные последствия своего смеха и сочли за благо смолчать. Расступившись, они оставили Марка один на один с Тедди.

Дэ́мьен стоял перед массивным письменным столом, за которым восседал Нефф, перелистывая дело Торна. Наконец он обнаружил то, что искал. Его палец побежал по списку оценок мальчика.

— Математика, — начал он, — «хорошо». Логика... «очень хорошо». Военная история... прилично. — Брови его поднялись. — Здесь можно постараться как следует.

— Да, господин сержант. — Дэ́мьен почти не слушал командира. Он едва заметно покачивался взад-вперед на носках и вслед за Неффом поглядывал в окно, мельком наблюдая, как самый младший взвод высыпал на утреннюю перемену.

— Физические упражнения, — продолжал Нефф, — «отлично». — Он отложил папку и, сцепив пальцы, наклонился вперед. — Я слышал, ты хороший футболист. — Торн вздрогнул. Он знал, что играл неплохо, но не любил говорить об этом. В конце концов слова ведь ничего не значили. Только действие имело силу.

— Гордись своими достижениями! — рявкнул Нефф, отчего Дэ́мьен тут же вытянулся по стойке «смирно». — Гордиться — нормально, правда, когда есть, чем гордиться! — Нефф для верности треснул кулаком по столу.

— Да, господин сержант.

— Я буду присутствовать на сегодняшней игре, — откинулся на спинку стула Нефф. Слова прозвучали скорее как вызов. Дэ́мьен кивнул. Едва осязаемое, какое-то глубинное волнение опять начало подниматься в нем. Нефф странным образом действовал на мальчика.

Воцарилось неловкое молчание. Сержант как будто собирался с мыслями. Наконец он прикрыл глаза и проникновенно начал:

— Я здесь для того, чтобы обучать тебя. Но не только. Мне необходимо и... защищать тебя. — Нефф подбирал каждое слово. — Если у тебя возникнет какая-нибудь проблема — приходи ко мне. Не бойся...

«Не бойся?» — мелькнуло вдруг в голове Дэ́мьена. Он начал внимательно прислушиваться.

— И днем, и ночью, нужен какой совет... приходи ко мне. — Нефф открыл глаза. — Понимаешь?

Дэ́мьен ничего не понимал, но согласно кивнул.

— Да, господин сержант.

— Скоро мы познакомимся с тобой поближе, — продолжал Нефф. Затем взглянул на папку и ткнул пальцем в соответствующий пункт. — Я вижу, ты сирота.

Мальчик опять кивнул.

Нефф подбадривающе улыбнулся.

— Я тоже, — сообщил он. — Видишь, между нами кое-что общее.

Дэ́мьен удивленно взглянул на сержанта. Он совершенно запутался и не мог объяснить, что происходит. Внезапно улыбка исчезла с лица Неффа, он встал, отвернулся и взглянул в окно. Голос его снова приобрел сухие, казенные интонации. Он вытер платком лоб и произнес:

— Пришлите Фостера.

Дэмьен бесшумно выскользнул за дверь.

Услышав, что дверь за мальчиком затворилась, Нефф уронил голову на грудь и глубоко вздохнул. Часть сложнейшего дела была сделана.

Дэмьен вышел в коридор как раз в тот момент, когда Тедди нанес сокрушительный удар по Марку. Марк, скорчившись, лежал на полу и прикрывал разбитое лицо руками. Ни секунды не раздумывая, Дэмьен крикнул:

— Тедди!

Странно прозвучал его голос, совсем не похож он был на его прежний мальчишеский, к которому здесь все привыкли. В этом окрике воплотилась пугающая глубина и сила, в нем прозвучала вся резкость команды, которой невозможно не повиноваться.

Верзила обернулся. На губах у него застыла торжествующая ухмылка. Но, заглянув в ледяные, пронзительные глаза Дэмьена, он в тот же момент перестал гримасничать.

Струдившиеся вокруг них курсанты замерли в ожидании.

И вдруг послышался какой-то странный звук, похожий на клацанье, как будто хлопали друг о друга тонкие металлические пластинки. Тедди завертел головой в поисках источника звука. Но, казалось, никто, кроме верзилы, и не слышал его. Ребята с удивлением уставились на Тедди. Клацанье становилось все громче, пока не стало ясно, что исходило оно от огромных, сильных крыльев, бьющихся в воздухе прямо над головой верзилы! Тот закрутился на месте и истошно завопил:

— Прекрати это!

Он размахивал руками, пытаясь ухватить нечто невидимое, что, похоже, стремительно атаковало его голову. Собравшиеся застыли с открытыми ртами. Дэмьен, казалось, находился в трансе. Марк вскочил на ноги и уставился на Тедди.

И тут внезапно как будто мощный воздушный поток подхватил верзилу, его приподняло над полом — все выше и выше — и яростно швырнуло о стену!

В этот момент дверь кабинета открылась, и на пороге показался Нефф. Неожиданное появление командира вывело Дэмьена из транса, он тряхнул головой и заморгал. Тедди скорчился у стены. Клацанье затихло. Курсанты, не шелохнувшись, стояли, как пригвожденные к полу.

— Что это ты делаешь на полу? — поинтересовался Нефф у Тедди.

Тедди не мог говорить. Всхлипывая и потирая челюсть, он сделал попытку привстать.

— Кто тебя ударил? — настаивал сержант.

Тедди наконец поднялся.

— Никто, сэр.

— О'кей, — согласился Нефф. — Фостер следующий.

Сержант повернулся и направился в кабинет. Курсант по имени Фостер последовал за ним, тихо притворив за собой дверь.

Установившаяся тишина невыносимо давила. Наконец Дэмьен, протолкнувшись сквозь ряды учащихся, устремился к выходу. Марк бросился за ним. На полпути Марк схватил брата за руку.

— Что ты с ним сделал? — взволнованно спросил он.

— Я не знаю, — ответил Дэмьен, не понимая, что произошло на самом деле. Может, он начинает сходить с ума, как и его отец?

— Меня пригласили играть в оркестре, — сообщил Марк.

Дэмьен улыбнулся, искренне радуясь, что предмет разговора наконец переменился.

— Отлично. — Дэмьен повеселел, мгновенно превратившись в прежнего раскованного и веселого мальчишку. Он захлопал ресницами и легонько ткнул Марка локтем. — Побежали на поле, я тебя сейчас обставлю!

И они помчались, хохоча и улюлюкая, расплескивая вокруг себя веселье и мальчишескую энергию.

Как и все обыкновенные дети.

Особняк Торнов готовился к зиме. Слуги вытрясали пыль из широких белоснежных покрывал и набрасывали их на мебель, отчего дом скоро превратился в некое подобие музея или усыпальницы.

Анна вышла из столовой и по широкой мраморной лестнице взбежала на второй этаж. Эта ежегодная домашняя рутина всегда угнетала ее, хотелось закончить все побыстрее.

Проходя мимо спальни, она заметила служанок, собирающих в комнатах грязное белье, и подошла к одной из девушек:

— Мисс Мэрион уже встала, Дженни?

Служанка отрицательно покачала головой:

— Мне кажется, она еще не проснулась, миссис Торн. Я стучала, стучала, но она не отвечает.

— Спасибо, — бросила Анна и заспешила в сторону спальни тетушки Мэрион. Подойдя к дверям, Анна настойчиво постучала.

Ни звука в ответ.

Она приложила ухо к дверям, но ничего не услышала.

— Тетя Мэрион, вы хотите опоздать на самолет?

И опять ни звука не донеслось из спальни.

Анна дернула ручку двери и вошла в спальню. Постель была пустой. Несмятые простыни и одеяло свидетельствовали о бессонной ночи тетушки. Анна бросилась в ванную и, не добежав до нее, обнаружила, наконец, тетушку Мэрион. Старушка, вытянувшись, лежала на коврике возле кровати.

Тело ее застыло в такой неестественной позе, что было ясно: Мэрион мертва. Старенькая Библия лежала здесь же, в нескольких дюймах от вытянутой руки.

Анна зажала рот рукой, чтобы не закричать, и зажмурила глаза, пытаясь отогнать от себя страшную реальность. И постыдный скандал накануне вечером, и глупые обвинения показались ей в один миг такими бессмысленными и жестокими.

Когда Анна вновь открыла глаза, взгляд ее упал на распахнутое окно. Утренний ветер колебал бледные кружевные занавески.

К югу от Чикаго территория приобретала вид плоской равнины, как в Канзасе. Здесь в основном находились сельскохозяйственные угодья. Новый завод, так приглянувшийся Бухеру, располагался именно в этой местности. Стеклоплатные стены завода простирались, казалось, в бесконечность — не здание, а прямо какая-то научная фантастика, — и все это на фоне пейзажа XIX века.

Фантомами из будущего казались и опускавшийся прямо на поле вертолет компании «Торн Индастриз», и небольшой электрокар, поджидавший их. Выглядел электрокар весьма занятно — нечто вроде супертележки для гольфа с вмонтированной внутрь радиосистемой и телевизором.

Управлял электрокаром Дэвид Пасариан, шеф отдела сельскохозяйственных исследований компании Торнов. Это был человек Бухера.

Пасариан был смуглым индейцем небольшого роста. Еще во времена своей юности он испытал на себе, что такое голод, и уж кому, как не ему, следовало заниматься сельским хозяйством. Отдел Пасариана выискивал все возможные способы накормить ту часть земного шара, которая, к великому негодованию индейца, называлась Третьим миром. Как не понять, возмущался он, что мир-то един, неделим, и либо все будут сыты, либо все будут голодать.

Пасариан вспомнил Бангладеш, где на улицах видел ребятишек, сбивавшихся, как дикие собаки, в стайки. Эти высохшие, сморщенные дети со вздутыми от голода животами готовы были убить за крошку хлеба. Сепаратизм, заложенный в самом словосочетании «Третий мир», бесил Пасариана так же, как и отношение к этим странам его начальника Поля Бухера.

Бухеру было ровным счетом наплевать и на детей, и на Третий мир, вместе взятых. Он не замечал вокруг себя ничего, кроме процентов с прибыли или иных голых и холодных цифр. Пасариан ненавидел холодный расчет своего начальника, но успокаивал себя мыслью, что расчет расчетом — Бог с ним в конце концов, — главное все же заключалось в том, чтобы накормить голодных.

Индеец согласился на уговоры Бухера встретить Торна. Пасариан сидел сейчас в этой не то тележке, не то напичканном всяким радиооборудованием контейнере.

Вертолет приземлился. Поздоровавшись, мужчины расселись в электрокаре и отправились в поле. Пасариан управлял тележкой, Торн сидел рядом, двое других находились сзади. Бухер с ходу начал высказывать свою позицию, подтвердив все опасения Ахертонна.

— Билл здесь просто ошибается, — склонившись вперед, к самому уху Торна, прокричал Бухер. — В моем докладе подчеркивался неоспоримый факт, что главный интерес для «Торн Индастриз» представляет в текущий момент область энергетики и электроники. Я пытаюсь доказать, что, идя на поводу у дурацких предрассудков, мы игнорируем то, что происходит, например, на этом заводе. Сами-то мы при этом рискуем. Ведь наше приносящее доходы будущее, — Бухер набрал в легкие побольше

воздуха, — наше будущее заключается только в одном: в голоде!

Ахертон даже фыркнул от негодования.

— Вот весь ты в этом, Поль, — возмутился он, потряхнув головой. — Это же бессердечно и...

— Правдоподобно! — закончил Бухер. — Нет, это не бессердечие. Это действительность.

Ахертон, наклонившись вперед, к Торну, громко и отчетливо произнес:

— К 1980 году нефть будет обходиться странам Среднего Востока в двадцать миллиардов долларов ежегодно. До процветания, мягко говоря, далековато, здесь не спасет и цена: 1 доллар за галлон. Мы взвалили на свои плечи ответственность за энергию и перед нацией, и перед всем миром, так давайте же тратить наше время и деньги на ее развитие, на совершенствование ее форм. Как насчет программ, которые мы уже начали разрабатывать в солнечной, ядерной и гравитационной энергетике? Что ж нам, все достижения, имеющиеся у нас в этих областях, списать на мусор? Что, все это зря делалось, зря время, что ли, тратилось?

— Кстати, о времени, Билл, — вмешался Бухер, взглянув на часы. — Пока ты тут взывал к нашим славным достижениям в области энергетике, восемь человек померли с голоду. Вообще каждые шесть тире восемь секунд один человек где-нибудь на земле обязательно отдает Богу душу. От голода. Стало быть, семь человек в минуту. За час — четыреста двадцать. Итого — десять тысяч за день.

Ахертон не скрывал своего презрения.

— К чему ты клонишь, Поль?

— Да все к тому, Билл, — вскипая, нетерпеливо пояснил Бухер, — что не имеет смысла создавать новые источники энергии, если не останется никого в живых, кто бы мог ими пользоваться.

Торн решил, что самое время вмешаться.

— Поль, не мрачноват ли твой прогноз? — засомневался он.

— Страшный день приближается, Ричард, — убежденно заверил Торна Бухер. — И быстрее, чем тебе кажется.

— Ну и дальше что? — спросил Торн.

Бухер испустил какой-то театральный вздох облегчения.

— А я было подумал, что ты не собираешься даже выслушать меня.

Ахертон бессильно откинулся на спинку сиденья и, помрачнев, скрестил руки. Пасариан натянуто улыбнулся. Если всего несколько дней назад эти заявления и походили на искренние, то теперь все это напоминало какое-то представление. Но любой способ, выбранный Бухером для решения очередной задачи, всегда приводил его к намеченной цели.

И пока электрокар катился к теплице, никто из четырех погруженных в спор мужчин не заметил служащего, изо всех сил махавшего им. Этот человек пытался привлечь внимание Ричарда Торна. Дело в том, что за несколько минут до настоящего

момента раздался телефонный звонок. Ричарда Торна спрашивали по чрезвычайно важному и безотлагательному делу.

В теплице четверо мужчин продвигались по длинному проходу среди безбрежного океана зелени. Они шли молча, потрясенные окружающим многообразием. Наряду с овощами каких-то невероятно огромных размеров здесь ютились миниатюрные растения в тепличных ящичках. Бухер краем глаза заметил, что даже Ахертон восхищен. Но, несмотря на внутреннее волнение, Бухер напустил на себя строгий и сдержанный вид и продолжал бубнить голосом, похожим на молитву.

— Жил однажды человек, — монотонно рассказывал он, — который спросил: «Можете ли вы вспахать море?» Люди решили, что он свихнулся. Но человек этот не был сумасшедшим, он всего-навсего опередил своё время. Ибо сегодня на этот вопрос мы можем ответить утвердительно и не просто «можем ответить», а и обязаны это сделать. Начало положит гидропоника. — Они двигались вдоль овощей, более ярких, чем обычно. Наконец мужчины очутились в помещении, где были выставлены кое-какие технические экспонаты. Стенды пестрели картами и графиками.

— Вот здесь, — указал Бухер на тщательно выполненный макет, — вы видите современного фермера таким, каким он будет. Вот он сидит за контрольным щитом в центральной башне. Монитор компьютера выдает ему информацию о состоянии полей. Миниатюрный воздушный аппарат с дистанционным управлением посылает на землю ультразвуковые волны, которые вместо самого фермера прекрасно управляют со вспашкой. Его автоматы могут собирать, сортировать и раскладывать по ящичкам сельскохозяйственные продукты. И все это с помощью механических пальцев, так же управляемых компьютером.

Ахертон обрел наконец дар речи.

— А что со всего этого будет иметь, к примеру, голодающий китаец?

— Да это же накормит их, — взбесившись, выкрикнул Бухер. — Китайцы, видите ли, гордятся, что в состоянии сидеть на одной чашке риса в день, но чем же здесь гордиться? И нам придется накормить этих людей! — В этот момент Бухер, бесспорно, оседлал своего любимого конька. — Чтобы добиться этого, надо вспахать океаны, разработать новые виды быстрорастущего риса, произвести горы искусственного мяса. И мы — «Торн Индастриз» — обязаны возглавить все это. Мы будем владеть землей или брать ее в аренду. Мы будем контролировать урожай и прирост животных. Мы произведем такие удобрения, что заставят пищу расти, как на дрожжах, мы спроектируем и построим машины, которые превратят бесплодные земли и отравленные моря в цветущие сады.

— А вы-то какое место во всей этой утопии займете? — презрительно бросил Ахертон. — Царское, что ли?

Бухер ни на грамм не обиделся. Произнес весь этот монолог, он оглянулся на зеленый океан и, опять погрузившись в себя, заговорил:

— Вы знаете... однажды жило одно весьма примитивное племя высоко в горах Мексики. Жили туземцы на очень плодородной земле, но не умели ее обрабатывать. Где-то рядом находилась американская строительная компания, прокладывавшая в тех местах дороги. Закончив свои работы, компания подарила этому племени трактор. Туземцам подробно объяснили, как управлять машиной. И вот, когда они научились вспахивать поля, что они сделали с трактором?

— Они его съели, — заявил Пасариан, впервые за это утро нарушив молчание. Было непонятно, осознал ли Бухер сарказм в словах индейца, во всяком случае, он проигнорировал это заявление.

— Туземцы вознесли трактор на алтарь и обожествили его. Они всем племенем валились перед ним на колени и молились. Ахертон вдруг весь похолодел.

В этот момент к ним подбежал техник в белом халате.

— Извините, мистер Торн, — вмешался он в разговор, — вас просят к телефону. Срочно.

Поблагодарив техника, Ричард извинился перед всеми и направился к телефону. Жаркий спор тем временем продолжался.

— Нефтяные страны, не колеблясь ни секунды, приставили к нашему горлу нож, разве не так? — неистовствовал Бухер. — Почему же в отношении еды мы должны поступать по-другому?

— Если мы собираемся превратить всех голодных в наемных фермеров, — с трудом сдерживая захлестнувшую ярость, проговорил Ахертон, — почему бы нам заодно не превратить их в рабов?

— Потребителей, а не рабов, — раздраженно поправил Ахертон Бухер, — дело ведь в том, что мы накормим их!

И хотя Пасариану не нравились мотивы, двигавшие его начальником, главной заботой индейца всегда оставалась возможность прокормить всех голодающих.

— Я вынужден согласиться с Полем, — заявил Пасариан. — Думаю, нам надо разрабатывать это направление.

Тут они заметили Ричарда. Он был бледен.

— Мэрион скончалась вчера ночью, — произнес он. — Сердечная недостаточность.

Ахертон был в шоке.

— Господи, Ричард. Искренне сочувствую.

Торн рассеянно кивнул: мысли его уже были заняты предстоящими похоронами.

— Видимо, мне придется покинуть вас, — обратился он к Ахертону. — Ты не подбросишь меня к вертолету?

— Конечно, — согласился тот.

— Поль, — продолжал Торн, — пожалуйста, доберись до телефона и предупреди директорат. И еще проследи, чтобы во все зарубежные представительства были разосланы телеграммы по поводу статуса управляющего заводом.

— Сделаю, сделаю, — заверил его Бухер.

— Собрание через десять дней. А похороны через три дня. Надо еще сделать взносы в Кардиоционный Фонд. О банках и Уолл-стрит я сам позабочусь. — Ричард распрощался со всеми и направился с Ахертонем к выходу.

Бухер поймал его за рукав.

— Ричард, — начал он, — может быть, завтра позавтракаем вместе и закончим наконец обсуждение этого проекта?

Ахертон негодуяюще отшатнулся, Ричард же спокойно отнесся к этому предложению.

— Да, конечно, — согласился он, — приходи завтра ко мне домой часам к восьми.

Пасариан покачал головой. «Да, этот не теряет времени даром. Старушка умерла. Ну, так что из этого, сказал бы Бухер, другие-то продолжают жить. Конечно, Поль добьет Торна, и решающим мнением в компании будет мнение Поля Бухера».

Бухер прервал ход мыслей Пасариана.

— Значит, Торны уже переехали в город? — поинтересовался он.

— Сегодня, — кивнул индеец.

— Опять зима, — подытожил Бухер. И отправился на поиски телефона, чтобы выполнить инструкции Торна.

Даже своей смертью Мэрион Торн причиняла всем массу неудобств.

В этот самый момент неподалеку от Гибралтарского пролива на высоте тридцать тысяч футов над Атлантическим океаном летел реактивный самолет. Поднявшись из аэропорта в Тель-Авиве, он направлялся на Запад.

На борту в туристском салоне сидела очень привлекательная рыжеволосая англичанка с сияющими глазами. Это была Джоан Харт. Как и сообщал доктор Уоррен, она предприняла это путешествие, чтобы взять интервью у Ричарда Торна. Но не голое любопытство, как предположил Торн, вынудило Джоан сорваться с насыщенного места.

С момента исчезновения ее друга Майкла Моргана прошло уже семь лет. За это время Джоан сама провела кое-какие расследования: она подробно изучила Библию и ту серию необъяснимых фактов, которые были связаны с рядом странных смертей. И все это каким-то непостижимым образом вертелось вокруг одного маленького мальчика — Дэмьена Торна.

Джоан уверовала наконец, что Бог выбрал ее своей посланницей. И хотя Бугенгаген пытался сделать когда-то своим духовным последователем Майкла, выбору его не дано было осуществиться. Но на той встрече присутствовала Джоан — она слышала все и поняла, что это не было простым совпадением. И та Сила, что привела ее семь лет назад в кафе, заставляла теперь сделать так, чтобы новый Антихрист не дожил до своего тринадцатилетия. Ибо в этот день Антихрист узнает, кто он, и тогда уничтожить его будет практически невозможно.

Джоан выпала участь Кассандры: ей никто не верил. Все, кто ее раньше знал, подшучивали над ней и утверждали, что пророчества Джоан — это очередная блажь, которая скоро пройдет. Люди незнакомые шарахались от нее как от безумной.

До некоторого времени и сама Джоан не вполне была уверена в здравости своего рассудка. Еще неделю назад ее мучили

сомнения. И тут ей поручили сделать репортаж о раскопках в замке Бельвуар. Она давно ждала этого момента. Бродя среди раскопок, Джоан обнаружила останки двух мужчин, живших, без сомнения, в XX веке. Она легко опознала их. Очень внимательно рассмотрела Джоан и стену Игазля.

Вот тогда-то она и решила лететь в Штаты, чтобы рассказать Ричарду Торну правду.

Надо было предупредить о страшной угрозе всех тех, кто находился уже в непосредственной опасности, ибо Сын Дьявола пребывал среди них.

Трудная и опасная была эта миссия, но Джоан стремилась выполнить ее с тем экзальтированным восторгом, который свойствен только истинно верующим.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Столовая в чикагском доме Торнов, отделанная темными деревянными панелями, выглядела элегантно, мебель была изготовлена из хромированного металла в сочетании со стеклом и мягкой коричневой кожей. Обычно Торн завтракал в светлой и просторной комнате рядом с кухней. Но сегодня это был не совсем обычный завтрак и Ричард решил перекусить в более строгой обстановке. Для встречи с Бухером он выбрал столовую.

Они уже доедали грейпфрут, но ни один из мужчин так и не мог решиться заговорить о деле, ради которого, собственно, и была назначена сегодняшняя встреча.

— И когда же вы планируете открыть эту выставку? — спросил Бухер, проявляя нарочитый интерес к археологическому хобби Торна.

— Это зависит от того, когда из-за границы придут последние контейнеры, — пояснил Торн. — Ориентировочно мы планируем ее к Пасхе. А твой доклад, Поль, был просто великолепен. Я никак не могу понять, как ты умудрился подготовиться к нему всего за месяц.

— Но... — протянул Бухер, соображая, как бы поскорее коснуться в разговоре необходимой темы. — Но... я не уверен, что осуществление этого проекта надо начинать с ходу, без полной поддержки всей нашей верхушки.

— М-да, к тому же, насколько я понял, Билл Ахертон против проекта.

— Да, и я ему доверяю. Тебе тоже следует доверять Биллу. Он, конечно, не из этих скороспелых всезнаек, но дело свое знает. — Торн отхлебнул глоточек кофе. — Я бы советовал тебе наладить отношения с Биллом. Это подстегнуло бы твоё продвижение в компании.

Бухер понимал, что его следующее заявление связано с определенным риском, но все же решился:

— Ричард, если Билл Ахертон не прекратит травить меня и моя карьера будет зависеть от каких-то реверансов в его сторону, то, может быть, лучше мне уволиться из компании?

— Чепуха,— возмутился Торн. Затем с улыбкой добавил: — Твое время еще придет.

Бухер, торжествуя в душе, удовлетворенно кивнул.

— Ладно,— согласился он,— отброшу пока эти мысли.— А про себя подумал: «Пока, до того момента, когда действительно придет мое время».

Закончив завтрак, мужчины спустились к автомобилю. Торн, несмотря на смерть тетюшки Мэрион, вынужден был лететь в Вашингтон, где у него была назначена важная встреча. Водитель лимузина поджидал его, чтобы отвезти в аэропорт. Прощаясь, Торн обратился к Бухеру:

— Ты придешь на день рождения мальчиков в этот уик-энд? В домик на озере?

— Ни за что не упущу такую возможность,— подыграл Поль Торну в попытке загладить их отношения. Он с удовольствием принял необходимое условие этой джентльменской игры.— А озеро уже замерзло?

— Спрашиваешь! — Торн положил руку на плечо Бухеру.— Захвати с собой коньки.

Поль, улыбувшись, помахал Ричарду рукой и заспешил на угол ловить такси. Внутренне он покатывался со смеху, представляя себе Билла Ахертонна на коньках, в накинутых поверх тройки пальто и шарфе, спотыкающегося на льду озера. Вот будет потеха.

Взявшись за ручку автомобильной дверцы, распахнутой Мюрреем, Торн услышал за спиной женский голос, принадлежащий, очевидно, англичанке:

— Мистер Торн? О, мистер Торн!

Он оглянулся и увидел необычайно привлекательную женщину, которая неистово махала ему, бросившись наперерез. На ней было ярко-красное шерстяное пальто с пушистым меховым воротником такого же цвета, красные перчатки, черные кожаные сапоги на высоких каблуках. На плече висела большая кожаная черная сумка. Улыбка у незнакомки была совершенно обворожительная, но какая-то неуловимая натянутость скользнула в ней.

На секунду-другую Торн опешил. Что-то знакомое почудилось ему в облике этой сногшибательной женщины, но он наверняка знал, что не встречал ее раньше. И тут Ричард наконец вспомнил, где он видел эту женщину: на одном из слайдов Уоррена она стояла подле фигуры Вавилонской блудницы.

Это была Джоан Харт, репортер. Приятное впечатление, вызванное видом этой красивой женщины, ищущей с ним встречи, тут же рассеялось. Она была всего-навсего репортером. И, как сообщал доктор Уоррен, намеревалась выцуганить у него интервью. Но Джоан Харт уже стояла рядом.

— Извините, что пришлось кричать, но я никак не могла упустить вас...

— Ничего,— холодно перебил ее Ричард. Он понимал, зачем она здесь, и не собирался отвечать на ее наверняка бестактные вопросы.

— Меня зовут Джоан Харт. Полагаю, Чарльз Уоррен рассказывал вам обо мне.

— Да, рассказывал. И я просил его передать вам...

— Он говорил, говорил,— нетерпеливо прервала Ричарда Джоан. Затем, сменив вдруг тему, почти жалобно продолжила:— Здесь жуткий холод. Не лучше ли нам посидеть в вашем автомобиле, пока вы мне объясните, почему отказались от интервью?

Торн нехотя улыбнулся.

— Из вас могла бы получиться настоящая леди.— Он указал Джоан на просторное заднее сиденье автомобиля.

Как только они уселись, Джоан залезла в свою сумку и принялась там копошиться. «В этой огромной сумке,— подумалось вдруг Ричарду,— могло бы уместиться обширное досье на Бугенгагена, от рождения и до смерти старика». Внезапно Джоан вытащила из сумки дорогой шелковый платок, который любая другая женщина с удовольствием носила бы на шее, и высморкалась в него.

— В холодную погоду я становлюсь жуткой развалиной.

— Мисс Харт,— начал Торн.

— Знаю, знаю. Вы на дух не переносите репортеров.

— И, кроме того, я очень спешу в аэропорт,— добавил он.

— Только несколько минут. Это все, о чем я вас прошу.

— Но я не могу опоздать на самолет. Может быть, мы встретимся в другое время?

— Мне всегда казалось, что самолет может подождать Ричарда Торна.

— Только не этот.

— Ну что ж, тогда я буду сопровождать вас в аэропорт.— Джоан неотразимо улыбнулась.— А куда вы летите?

Торн нажал кнопку переговорного устройства, позволяющего ему общаться с Мюрреем через толстое стекло, разделявшее их.

— Трогайте, Мюррей.

Затем, отключив связь, повернулся к Джоан:

— В Вашингтон.

Джоан опять улыбнулась.

— Никого не ждущий самолет номер один. А чем вы занимаетесь? Советуете президенту, как управлять страной?

— Нет,— ответил Торн, находя занимательным ее юмор.— Только госсекретарю. Ну, а чем я вам могу быть полезен?

Джоан Харт снова потянулась к своей сумке и вытащила маленькую записную книжку в кожаном переплете и золотой карандашик. Женщина тут же преобразилась, будто попавшие к ней в руки записная книжка и карандашик наделили ее особой силой. Она превратилась в бесстрастного профессионального репортера, подобно Бугенгагену, извлекавшему из-под земли свои реликвии, Джоан факт за фактом вытягивала сведения из своей очередной жертвы.

На полпути в аэропорт Торну порядком надоела эта игра в интервью.

— Мисс Харт, вы уже задали мне семь вопросов, и все они почему-то связаны с деньгами,— заявил он.

— Деньги заставляют крутиться весь мир, не так ли?

— Да, и не только мир,— вставил Торн.

Джоан заметила, что Ричарда начинает охватывать раздраже-

ние, но она никак не могла сказать ему самого главного. Еще не время. Чуть-чуть позже.

— М-м-м, ваш отец построил музей,— она взглянула в записную книжку,— в 1940 году. Во что это ему обошлось?

— Порядка десяти миллионов, или что-то около этого.

— Ну да, миллионом больше, миллионом меньше,— засмеялась Джоан.— Когда ваш отец впервые приехал в Чикаго, он устроился на биржу?

— Правильно.

— Скажите, а не заставлял ли он вас и вашего брата Роберта лезть в холодную ванну или спать на досках, дабы испытать на своей шкуре, что значит быть бедным?

Торн расхохотался.

— Кто же вам такое наплел о нас?

В этот момент лимузин резко затормозил. Они подъехали к разводному мосту около Мичиган-авеню. Сигнальные звонки и сверкающие красные огоньки на шлагбауме предупреждали: мост вот-вот разведут, чтобы пропустить судно. Ричард выглянул в окно и узнал танкер, принадлежащий «Торн Индастриз». Дорогу Торну пересекало его собственное судно.

Джоан Харт воспользовалась этой задержкой и внезапно повела атаку:

— Вы когда-нибудь встречались с Бугенгагеном?

— Нет,— ответил Торн, почувствовав, как резко сменила Джоан тактику.

— А вы знаете, что он был не только археологом? Бугенгаген был прежде всего экзерсистом — изгоняющим Дьявола.

— Не понимаю, какое это имеет отношение к...

— Его скелет нашли при раскопках замка Бельвуар,— не обращая внимания на реплику Ричарда, продолжала Джоан.— Вы об этом не знали?

— Чей-то скелет, мисс Харт. По-моему, официально его пока не идентифицировали.

В голосе женщины звучала твердая уверенность.

— Там нашли два скелета, мистер Торн. Один — Бугенгагена, а второй — молодого археолога по имени Майкл Морган. Майкл был моим женихом. Я встречалась с ним в день их исчезновения.

Как раз в эту минуту шлагбаум был поднят, и Мюррей завел мотор. Торн в бешенстве нажал кнопку переговорного устройства.

— Мюррей, подождите. Мисс Харт выходит.

Джоан скороговоркой выпалила:

— За неделю до своей гибели ваш брат прилетал в Израиль для встречи с Бугенгагеном. А через несколько дней после его смерти Бугенгаген и Майкл Морган были заживо похоронены. Вас не настораживает все это, мистер Торн?

«Ну вот, этого еще не хватало,— решил Ричард.— Сейчас она мне выдаст, кто убил Кеннеди». Ледяным голосом он отчетливо произнес:

— Не заставляйте меня выпшвырнуть вас, мисс Харт. Мы задерживаем движение.

— А вы знаете, почему полиция застрелила вашего брата? —

В дико сверкающих глазах Джоан появилось какое-то безумие. — Вам известно что-нибудь о кинжалах?

Мюррей вышел из машины и распахнул заднюю дверцу.

— Мне одно известно: вы напрасно тратите свое и мое время.

— Пожалуйста, выслушайте меня! — умоляла женщина. — Я долгие годы потратила на изучение всего этого! Все сходится... и теперь...

Ричард застонал. Только не это. Он было решил, что призрачная мистическая пелена вокруг гибели брата навсегда рассеялась. Не тут-то было.

Мюррей грубо схватил Джоан за руку. Цепляясь за сиденье, она воскликнула:

— Вы в смертельной опасности!

— Убирайтесь отсюда! И чтобы я вас никогда больше не видел! Ясно?

— Обратитесь к Христу! — воскликнула Джоан.

— Мюррей, ради Бога!

— Поверьте в Христа! — рыдала она.

Мюррей вытащил ее из машины и захлопнул дверцу. На улице Джоан продолжала кричать:

— Ради Бога! Только он может защитить вас! Взгляните же на стену Игаэля, мистер Торн! Вглядитесь в лицо Сатаны и скажите наконец, чье это лицо!

— Мюррей, черт подери, да поехави же поскорее от этой ненормальной! — заорал Торн.

Мюррей вскочил в машину и завел мотор.

Машина набрала скорость. Джоан застыла посреди дороги, слезы отчаяния струились по ее лицу, а холодный ветер пытался сорвать ярко-красное пальто с ее дрожащих плеч.

Когда Реджинальд Торн вздумал воздвигнуть себе монумент, идея создать музей пришла к нему как нельзя более по душе. Он отправился к своему старинному приятелю — помощнику главного чикагского архитектора, чтобы обсудить с ним эту мысль.

Торн предпочел неоклассицизм. Ему хотелось, чтобы здание через десятки лет не выглядело рухлядью. Долго и тщательно присматривался старик к архитекторам, пока не остановил свой выбор на уверенном в себе и полном сил молодом человеке, которого порекомендовал Торну его друг.

Приятель не подвел его. Он познакомил Торна с Фрэнком Райтом, и план создания музея немедленно начал претворяться в жизнь.

Сегодня, почти сорок лет спустя, музей Торна выглядел по-прежнему современно и восхитительно, как будто был построен неделю-другую назад. Музей расположился на берегу озера Мичиган и фасадом был обращен к наиболее роскошным кварталам Мичиган-авеню. Ни одно соседнее сооружение не превосходило красотой и элегантностью здание музея.

Когда такси с сидевшей в нем Джоан Харт затормозило перед музеем, в глаза ей бросились афиши, сообщающие о выставке полотен Эдварда Мюнха. На афишах была изображена наиболее

известная и шокирующая картина художника под названием «Крик». Вдруг Джоан как вкопанная застыла перед картиной. Она сочла ее за знак свыше и, вновь обретя утраченное вдохновение, вошла в музей.

Очутившись в огромном зале с устремленными к небу потолками, Джоан на мгновение почувствовала себя крошечной и беззащитной. Но она твердо знала, зачем пришла сюда, и собралась с духом. Гид направил Джоан в галерею на втором этаже, где Чарльз Уоррен готовил выставку реликвий, найденных несчастным Бугенгагеном при раскопках в Бельвуаре.

Уоррен, окруженный бесчисленными планами и фотографиями, объяснял Анне Торн, как он предполагает расположить будущую выставку. Анна давно сделала для себя выбор, остановившись на музее, и частенько интересовалась его делами. Но никогда еще Уоррен не наблюдал в ней такого любопытства, какое проявила Анна к находкам из Бельвуара.

— Мы собираемся реконструировать катакомбы вон там, в конце. — Уоррен указал на план. — По этому маршруту посетители будут переходить из галереи в галерею, и даже издалека какая-то часть катакомб будет всегда видна. Заканчивая маршрут, посетители пройдут по ним.

— Заманчиво, — похвалила Анна.

Уоррен благодарно заулыбался.

— Да, мне тут сообщили, что после моего отъезда раскопали кое-что, называемое стеной Игаэля. После реставрации ее пришлют сюда. — Он указал на еще одно помещение в плане. — Эту галерею я держу про запас, так, на всякий случай.

После упоминания о стене Игаэля любопытство Анны достигло апогея.

— А кто такой был этот Игаэль? — поинтересовалась она.

— Весьма загадочная фигура, — начал объяснять Уоррен, — монах и изгоняющий Дьявола. Предполагается, что он жил в XIII веке. Как повествует легенда, однажды ему явился Сатана, и бедный монах сошел с ума.

Уоррен ожидал, что Анна, подобно большинству людей, рассмеется, но, к его удивлению, она даже не улыбнулась. И он продолжал:

— Затем Игаэль заперся от всего мира. Лицо Сатаны преследовало его, видимо, так неотступно, что монах решил нарисовать Антихриста, каким он его видел — от рождения и до падения, это был единственный выход, чтобы избавиться от наваждения. — Уоррен вздрогнул. — Самого Игаэля никто никогда больше не видел. Только его стену.

— Я просто сгораю от нетерпения взглянуть на нее, — взволнованно произнесла Анна. Ученый как будто околдовал ее своим рассказом.

— А теперь, — сказал Уоррен, снова указывая на план, — относительно вашего любимого экспоната — Вавилонской блудницы! Ее мы установим здесь, посреди галереи номер 4. Таким образом никто из посетителей не пропустит ее.

В галерею неожиданно вошла Джоан Харт.

— Джоан, — удивленно и радостно воскликнул Уоррен. — Отлично! Когда вы прилетели?

— Прошлым вечером, — натянуто улыбнулась Джоан, пытаюсь держать себя в руках, так рвалось наружу все то, ради чего она сюда пришла.

— Анна, — обратился к жене Торна ученый, — это Джоан Харт, молодая женщина...

— С вашего слайда, — закончила Анна. Когда дело касалось красивых женщин, у нее срабатывала фотографическая память. Уоррен кивнул.

— Да, стоящая рядом с Вавилонской блудницей.

Анна хотела тут же съязвить на этот счет, но прикусила язык.

— Я Анна Торн. А вы, видимо, пытались взять интервью у моего мужа.

— Я уже взяла его.

Уоррен взбесился.

— Я же ясно сказал вам... — начал он.

Но Джоан оборвала его:

— Вы себе не представляете, насколько это было важно. И ваше «нет» не могло остановить меня.

— Вы, должно быть, умеете убеждать, — проговорила Анна уже менее дружелюбно. — А как вам вообще удалось к нему попасть?

Джоан при желании могла вести себя вызывающе, и ей вдруг захотелось подразнить Анну:

— Я бросилась ему на шею! — воскликнула она. — Прямо в его огромной сверкающей машине.

— Да-а? — протянула Анна. — Я уверена, он был в восторге.

— Ну, сначала не очень-то, — принялась напропалую врать Джоан, испытывая к Анне неосознанную неприязнь. — Ваш муж, конечно, не очень высокого мнения о репортерах, не так ли?

— Он считает, что они существуют за счет несчастий других людей, — заявила Анна, голосом давая понять, что это также и ее мнение.

Джоан расплылась в улыбке.

— Как шакалы? — спросила она, пытаюсь выведать, насколько хорошо осведомлена жена Торна.

— Отличное сравнение, — парировала Анна. Лицо ее оставалось бесстрастным.

Уоррен не знал, как выпутаться из этой ситуации, и сделал попытку сгладить разгоравшийся конфликт:

— Джоан пишет в основном на тему археологии, — робко пояснил он.

— Неужели? — ядовито улыбнулась Анна.

В этот момент визгливо засигналил карманный биппер. Уоррен, как правило, негодовал на это маленькое пискливое устройство, но сейчас обрадовался возможности выйти из конфликтной ситуации при помощи этого миниатюрного аппарата.

— Через минуту вернусь, — заверил он женщин.

— А знаете, — как бы между прочим заявила Джоан. — Ваш муж несправедлив к прессе. Репортеры деликатно относились к его брату.

— Что вы имеете в виду? — вскинулась Анна, не понимая, к чему клонит Джоан.

— Отчет о гибели Роберта Торна был выдержан в очень уважительном тоне. Хотя, строго говоря, обстоятельства его смерти были весьма необычными.

— Разве? — спокойно заметила Анна. — Я, к сожалению, ни разу не встречалась с братом Ричарда.

Джоан изобразила на лице удивление.

— Конечно, конечно! Что же это я все время забываю! Вы же вторая жена Ричарда!

— Мисс Харт, — начала терять терпение Анна.

— А теперь позвольте мне быть с вами откровенной, — не обращая внимания на попытку Анны вмешаться, продолжала Джоан. — Марк — сын Ричарда от первой жены, а Дэмьен — сын его брата. Получается, что вы не являетесь матерью ни одному из мальчиков!

— Вы, должно быть, пишете для какого-нибудь женского журнала! — взорвалась Анна.

— А Дэмьен? — настаивала Джоан. — Что вы можете сказать о нем? Что это за мальчик? Нравится ли ему военная академия?

Анна не успела ответить, так как в галерею ворвался Чарльз Уоррен.

— Анна, — закричал он, — ни слова больше этой женщине! — Ученый грубо схватил Джоан за плечи и подтолкнул к дверям. — Вы превратили меня в посмешище, — с болью заговорил он. — Ричард в бешенстве!

Терять Джоан было нечего.

— Вы в опасности! — отчаянно воскликнула она хриплым голосом. — Все вы!

— Да что же это такое в вас вселилось? — Уоррен выталкивал Джоан из галереи, подальше от Анны.

— Я видела стену Игаэля! — вскричала она, будто это могло что-то объяснить.

На Уоррена это не произвело никакого впечатления.

— Мне все равно, что вы там видели!

— Но вы обязаны быть начеку! — Джоан вырвалась наконец из тисков и повернулась к Анне. — Дэмьен...

— Что Дэмьен? — резко спросила Анна.

— Он... он... — залепетала Джоан и, внезапно замолчав, стремительно бросилась вон из галереи. — Я не знаю! — крикнула она на ходу.

Анна медленно повернулась к ученому.

— Черт подери, что все это значит?

Уоррен грустно покачал головой.

— Понятия не имею. Христос любит нас всех. Но только очень немногие — весьма необычные люди — по-настоящему любят Его!

Он был серьезен, но Анне его замечание показалось невероятно забавным. Улыбнувшись, она крепко обняла ученого, и оба вернулись к обсуждению будущей выставки, забыв о странной Джоан Харт, будто ее и не было вовсе.

Однако несмотря на то, что и Уоррен, и Анна заподозрили Джоан в безумии, она никогда еще не действовала так четко и целенаправленно.

Преследуемая демонами и, как ей казалось, сама бросившаяся по следу одного из них, Джоан точно знала, что ей делать.

Выскочив из музея, она напрямик направилась в бюро проката автомобилей, над дверями которого красовался лозунг: «Мы изо всех сил стараемся». Арендовав машину, Джоан тут же помчалась на север Чикаго. Через некоторое время она уже тормозила у вѐнной академии, где учились Дэмьен и Марк. Шла тренировочная футбольная игра.

Будь игроки на футбольном поле несколько старше, неожиданное появление Джоан могло бы стать причиной всеобщего смятения. Она, безусловно, являлась самой красивой из всех женщин, побывавших здесь за последнее время, а напряжение, отразившееся на чудесном лице, добавляло ей еще больше привлекательности.

Однако сегодня здесь не было никого, кто бы мог заметить Джоан: единственными зрителями на футбольном поле были несколько родителей, которые подбадривали своих драгоценных чад. Расположившись отдельными группками, они целиком сосредоточились на игре.

Заметить Джоан мог бы, конечно, Нефф, но он с таким напряжением следил за ходом игры, будто ребята сражались за суперкубок.

Рядом с Джоан Харт стоял паренек, который, судя по форме, был курсантом. Профессиональным взглядом Джоан моментально оценила ситуацию: мальчишка был какой-то хлипкий, прыщавый, на нос ему сползли очки с толстенькими линзами. Все его внимание было поглощено футбольным полем. Было совершенно очевидно, что один из игроков — его кумир. В иной ситуации Джоан Харт с удовольствием побилась бы об заклад, чтобы угадать, кто же этот кумир. Но сейчас ей хотелось только одного: знать, играет ли Торн и который из мальчиков Дэмьен. Под тяжелыми шлемами было совершенно невозможно разглядеть лица мальчиков. Джоан уже собралась спросить прыщавого мальчишку, но в это время Нефф объявил перерыв в игре. Джоан не расслышала слов сержанта. Она легонько похлопала подростка по плечу и, прервав его оцепенение, громко спросила:

— Дэмьен Торн играет?

Один из игроков неожиданно повернулся и впился глазами в спину Джоан Харт. Женщина всем телом ощутила этот пронзительный взгляд и резко обернулась. Ей почудилось, что она уже видела эти злобные желтые кошачьи глаза.

Внезапно игрок сбросил свой шлем, и Джоан в ужасе отпрянула. У него было такое же резко очерченное лицо, что и на картине в Эйкре.

— Вон Дэмьен Торн, — указал хлипкий курсант, но Джоан и сама уже знала это. Она безоговорочно верила в существование Дьявола, но, неожиданно узрев его в человеческом облике, запаниковала и отступила.

Джоан повернулась и, еле передвигая ноги, поплелась прочь

с игрового поля, изо всех сил пытаюсь выглядеть естественно. Но, не успев пройти и десятка шагов, она опутила вдруг такой ужас, что побежала, все быстрее и быстрее несли ее ноги. Так, не разбирая дороги, она долетела наконец до автомобиля.

Ее обдало жарким потом, под лопатками, как раз в том месте, куда уставились жуткие желтые глаза Дэмьена Торна, горело. Плюхнувшись на сиденье автомобиля, Джоан услышала резкий крик Неффа:

— Торн, что уставился как баран на новые ворота?

Лопатки перестали гореть. Джоан с трудом откопала в своей сумке ключи зажигания, ткнула ими в замок — не заводится, еще раз — опять не получилось. Наконец двигатель заработал. Зашуршали по гравию шины, и машина покатила прочь от Дэвидсоновской Академии.

Джоан направлялась на север. По идее ей нужно было бы развернуться и ехать напрямиком в Чикаго, но она понимала, что там ей не на кого рассчитывать.

К кому обратиться за содействием? Чьей помощью Джоан могла заручиться в борьбе против мощной, хитрой и всепроникающей Силы?

Она чисто механически продолжала крутить руль, полностью уйдя в себя. Подальше, подальше от этой страшной Академии.

Некоторое время спустя Джоан поняла, что заблудилась. Сосредоточившись, она огляделась и решила, что заехала далеко в глубь штата. Крутом раскинулись бывшие фермерские угодья. Местность была плоская, и Джоан тут же вспомнились крошечные, гладкие облатки, что выдавали в церкви по воскресеньям.

Горизонт простирался до бесконечности. На триста шестьдесят градусов вокруг Джоан лежала замерзшая, унылая равнина. Дорога, по которой катил автомобиль, похоже, была единственной. Она рассекала местность, и Джоан подумала: «Как кинжал Бугенгагена».

Внезапно налетел ураганный ветер. Несколько деревьев надломилась. Женщину опять пронзило ледящее чувство страха. Она попыталась сообразить, как ей вернуться в Чикаго или хотя бы найти какое-нибудь пристанище на ночь.

В этот момент движок в автомобиле забарахлил и, спустя какое-то время, заглох.

Так же внезапно затих и ветер. Некоторое время автомобиль еще катился по инерции, затем застыл посреди дороги.

Воцарилась абсолютная тишина. Вокруг не было ни одной живой души.

Джоан еще раз надавила на педаль газа, подергала ключ зажигания.

Ни звука в ответ. Она взглянула на бензиновый индикатор. Бак был наполовину заполнен.

Выходит, причина не в этом.

Внезапно она вспомнила, как погибли Бугенгаген и Майкл

Морган, и почувствовала озноб. Но Джоан не смирилась. Крайнее возбуждение охватило ее, бешено билось сердце, кровь стучала в висках. Джоан с неистовой поспешностью прокручивала в мозгу все возможности и лихорадочно искала выход, понимая, что находится перед лицом смертельной опасности.

Судорожно вздыхая, она начала бормотать какие-то слова: «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое...» Молитва оборвалась. Джоан взглянула на дорогу. Никаких признаков жизни.

И вдруг она заметила придорожный знак, хотя могла бы поклясться, что еще мгновение назад его тут не было. Старый и обшарпанный, он выглядел так, будто торчал здесь со времен менестрелей. Надпись на нем гласила: «Местечко Нэнси. Вкусно и по сходной цене». И затем более существенная информация: «3 мили».

Если бы Джоан чуть-чуть получше знала эту местность, она бы сообразила, что бесплодность этого района напрочь исключает какое-либо «Местечко Нэнси». Но она предпочла поверить в то, что где-то поблизости находится уютный ресторанчик, где люди могут спокойно поесть, поболтать и вволю повеселиться.

Ей нестерпимо захотелось туда, к людям.

Джоан открыла дверцу и выбралась из автомобиля. Сильно похолодало. Она наклонилась, чтобы вытащить свое пальто, и вдруг услышала отрывистые хлопающие звуки. Затем с крыши автомобиля донеслось странное царapanье.

Джоан резко выпрямилась и замерла в ужасе. На крыше, не более чем в двух дюймах от ее лица, сидел, нахохлившись, огромный черный ворон. Он с ненавистью уставился на женщину.

Джоан завизжала и, споткнувшись, еле удержалась на ногах. Ворон пристально следил за ней — таким же пронизывающим был и взгляд Дэмьена там, в Академии. Женщина замахнулась на ворона своим пальто, но огромная птица даже не шелохнулась.

Джоан захлопнула дверцу и начала натягивать пальто, не отрывая взгляда от ворона. Ворон сидел неподвижно, казалось, он пребывал в полной уверенности, что одним взмахом крыльев настигнет женщину. Джоан пятилась все дальше и дальше, в сторону «Местечка Нэнси». Вот уже от ворона ее отделяли добрых сорок ярдов. Она опустила голову и, сцепив руки, пробормотала еще один отрывок из молитвы. Как заклинание звучали слова Иисуса Христа из Евангелия от Луки: «А даю вам власть наступать на змей, и скорпионов, и на всю силу вражию; и ничто не повредит вам». Затем Джоан еле слышно прошептала: «Слава Тебе, Господи» и взглянула вверх. Ворон улетел.

Джоан вскрикнула от радости. Значит, то, во что она верила, — правда! Иисус обладал силой, он смог изгнать зло!

Но неожиданно ворон атаковал Джоан сзади, с отвратительным карканьем вцепился ей в волосы, глубоко вонзив свои когти.

Джоан истошно закричала. Она молотила по птице руками и пыталась оторвать ее от своей головы, но ворон в кровь исклевал ей руки.

Сверкая глазами, в которых все ярче и ярче разгоралось адское пламя, ворон вцепился своим желтым клювом в залитое слезами лицо Джоан и терзал его до тех пор, пока лицо не превратилось в страшное кровавое месиво.

Собрав остатки сил, Джоан со стоном подняла голову, обратившись к небу, но она не могла больше его видеть: на месте глаз зияли изодранные в кровь пустые глазницы. Женщина умоляла избавить ее от страшной, нечеловеческой боли.

Внезапно ворон, расправив крылья, взмыл высоко в небо. Ключья волос и кожи Джоан все еще свисали с его когтей.

Еле живая, Джоан споткнулась и соскользнула с дороги в наполненную грязью яму. Силы оставили ее, и она затихла.

Вдруг откуда-то послышался звук, похожий на шум мотора. Вниз по реке двигался грузовик. Он быстро приближался.

Джоан подняла голову. Возможно ли это? Она с трудом поднялась на ноги и попыталась выбраться на дорогу. Огромный, восемнадцатиколесный грузовик был совсем близко. Джоан крикнула из последних сил, моля о помощи.

Человеческий слух устроен весьма своеобразно. Если звук резко обрушивается на вас, то практически невозможно определить, откуда он доносится: спереди или сзади.

У Джоан Харт не было больше глаз. Когда грузовик внезапно вынырнул из-за поворота, водитель успел заметить жуткую, перепачканную кровью и грязью женщину. Она стояла посреди дороги, обратившись лицом в противоположную от грузовика сторону.

Водитель не успел затормозить.

Грузовик врезался в Джоан Харт, взметнув ее в воздух. Женщина умерла раньше, чем ее тело упало на асфальт.

Грузовик, проскрежегав тормозами, остановился в сотне ярдов от тела.

Наступившую тишину нарушали лишь глухой рокот мотора и пронзительное карканье ворона. Круг за кругом, он поднимался все выше до тех пор, пока не растаял вдали, в темнеющем синем небе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Едва ли на всей территории Соединенных Штатов отыщется второй такой уголок, подобный краю Озер в штате Висконсин; многие знатоки при этом небезосновательно полагают, что жемчужиной этого края является озеро Женева. Расположено оно на редкость удачно и достаточно близко к Чикаго, чтобы стать для его богатых жителей центром зимних развлечений, и в то же время на определенном расстоянии, которое отпугивало в праздничные и выходные дни основную массу населения этого города.

Зимний дом Торнов, или, как его еще называли, «озерный уголок», был построен из дерева. Дом был внешне стилизован под охотничью избу. Но внутри его имелись такие удобства, которые были по карману лишь очень обеспеченным людям.

Например, внутренняя телевизионная система слежения. Как и многие богатые люди, Ричард Торн имел все основания остерегаться кражи детей. В довершение всего рядом с домом была оборудована вертолетная площадка.

«Озерный уголок» был снабжен также одной из самых сложных частных телефонных систем, имеющихся в США. Конечно, Торн запросто мог отказаться от всех звонков, за исключением телефонного вызова от президента или госсекретаря. Но, как человек, облеченный властью, он предпочитал оставаться в пределах досягаемости.

На этот раз в доме на озере Женева собралась неизменная компания: сами Торны, их друзья и деловые знакомые. Предстояло отпраздновать тринадцатилетие мальчиков. Торнам нравилось устраивать вечеринки, особенно же они любили отмечать семейные торжества.

Хотя настоящий день рождения Дэмьена был шестого июня, с тех пор, как он вошел в семью своего дяди, дни рождения мальчиков праздновались в один и тот же день. Многие знакомые Торнов решили, что подобное совмещение двух праздников задумано просто удобства ради. И лишь Ричард помнил, что безумный поступок его брата Роберта каким-то образом связан с днем рождения Дэмьена.

Накануне торжества вечером Марк и Дэмьен устроились в гостиной. Они играли. Обычно Дэмьен всегда выигрывал. Но в этот раз Марк, похоже, обскакал брата. Марк совершенно спокойно относился к своим проигрышам, если в сражении участвовал только Дэмьен. Однако стоило кому-то из других сверстников вырвать победу у него или у Дэмьена, Марк моментально заводился. Когда же дело касалось только братьев, проигрыш не имел для Марка ни малейшего значения. Возможно, это объяснялось тем, что Марк всегда подсознательно помнил о трагическом прошлом брата. Он всегда был невероятно деликатен, даже в младенчестве, теперь же, по-своему заботясь о Дэмьене, Марк самозабвенно отдавал брату все самое лучшее.

Мальчики расположились перед пылающим кирпичным камином огромных размеров и бросали игральный кубик. Тишину в зале нарушали только потрескивание поленьев и стук фишек на игральном столе. Высоко над камином висело чучело оленьей головы. Ричард застрелил оленя как раз в тот год, когда был построен этот дом. Еще была жива его первая жена Мэри, и теперь даже мимолетный взгляд на чучело вызывал в Ричарде грусть. Мэри, ненавидевшую любое убийство, охватило в ту ночь страшное смятение при виде туши убитого оленя, которую Ричард тащил от ручья в Лэнд Роувер. Убийство животного и твердое намерение Ричарда иметь чучело головы оленя над камином привело к их единственной серьезной ссоре. Мэри была настолько не в себе, что нарушила неписаное правило: ограничиваться предметом спора. Она пошла дальше и припомнила мужу чуть ли не все его прегрешения. Всю неделю потом Ричард побаивался, как бы Мэри не ушла от него, но через свое упрямство так и не смог переступить: он-таки смастерил чучело и взгромоздил его над камином.

Когда Анна, впервые заметив голову оленя, спросила о ней мужа, Ричард ограничился рассказом об охоте, где застрелили этого самца. О споре со своей первой женой Ричард никогда бы не решился заговорить с Анной. Хотя порой сам себе удивлялся: ведь его вторая жена при всей ее женственности испытывала почти мужскую страсть к любому «кровавому» виду спорта. Совершенно очевидно, что Анна разделила бы увлечение Ричарда, заняв в том давнишнем, беспокоящем его инциденте позицию мужа.

Мальчики так увлеклись игрой, что не заметили, как Анна вошла в гостиную. Некоторое время она молча наблюдала за ними. «Какие они замечательные», — подумалось ей. Наконец она нарушила молчание:

— Эй вы, двое, уже поздно. Завтра такой день...

Марк, которому впервые за этот вечер пришлось везение, поднял глаза и попросил:

— Мам, мы почти закончили. Еще пару минут, хорошо? Ну, пожалуйста! — Он обратился к брату за поддержкой. Лукаво прищурившись, Дэмьен возразил:

— Пошли, Марк. Раз мама говорит, что пора спать, значит, так оно и есть.

Анна улыбнулась. Улыбнулся и Марк.

— У меня идея, — начал он. — Почему бы нам на ночь не оставить доску здесь, прямо так — не убирая?

Все засмеялись. Поцеловав мальчиков, Анна выключила свет и ушла. А братья отправились наверх по деревянной лестнице в свои спальни.

— Дэмьен, — заговорил Марк, — я хотел у тебя кое-что спросить.

— Это очень важно? — акцентируя в голосе томную усталость, обронил Дэмьен. В этот момент он точно спародировал занудливого и брюзжащего бизнесмена. Марк рассмеялся.

— Конечно, нет.

— Ладно, валяй, — милостиво разрешил Дэмьен.

— Что за дела у вас с Неффом?

Чего угодно ожидал Дэмьен, но только не этого вопроса. Он внимательно взглянул на брата и холодно спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, — протянул Марк, остановившись наверху у лестницы, — мне кажется, он все время за тобой наблюдает. Это как-то странно.

— Да, пожалуй, — согласился Дэмьен. Он прошел по темному коридору к своей комнате и открыл дверь. Потом повернулся к Марку, наблюдавшему за ним: — Нефф — сержант. А сержанты все странные. Ты что, не знаешь? — Он драматически поклонился и вдруг улыбнулся, давая понять, что шутит. Затем театрально произнес: — Спокойной ночи! — И исчез в своей спальне.

Гости прибыли вечером на следующий день. Здесь были и Бухер, и Пасариан с Ахертоном, и доктор Уоррен. Даже из Академии несколько ребят умудрились добраться сюда на торжество.

Посреди просторной и ярко освещенной столовой в окружении

друзей и гостей стояли Марк и Дэмьен. Они зажали глаза ладонями. Приглушили свет. В столовую доносились изысканнейшие ароматы из великолепной буфетной залы, где был накрыт длинный узкий стол. Этот стол XVI века долгое время принадлежал ордену фламандских монахов. Как-то во время визита в монастырь Святого Симона Ричард Торн обратил внимание на антикварный стол и мимоходом заметил своему близкому другу из семейства Херстов, что этот старинный предмет ему очень понравился. Спустя несколько недель стол был доставлен в Чикаго вместе с запиской следующего содержания: «Как-нибудь угостишь меня за этим столом». Поначалу Ричард пребывал в некотором замешательстве от подобной щедлости друга. Но подарок тем не менее принял и через некоторое время переправил его в Лейксайт.

Теперь же, стоя посреди зала, стол выдерживал немалую тяжесть: здесь были и копченая индейка, и деревенский окорок, и потрясающий ростбиф, и куча всяких салатов — словом, всё то, что так необходимо двум крепким юным паренькам, дабы набраться сил и превратиться в мужчин.

Не хватало только десерта, и его вот-вот должны были подать.

— А можно уже посмотреть? — проговорил Марк, все еще зажимая ладонями глаза.

— Пока нет, — ласково ответила Анна.

Из соседней комнаты донеслись поющие мужские голоса:

— С днем рождения! С днем рождения!

— А теперь? — не унимался Марк.

— С днем рождения, Марк и Дэмьен! — пропели мужчины.

— Можно! — волнуясь, воскликнула Анна, и оба мальчика тут же отняли руки от лица.

Они увидели торт таких размеров, что им одним можно было, наверное, накормить досьта всю Дэвидсоновскую Академию. Торт был трехъярусным, а его верхушка походила на озеро Женева, если на него взглянуть из окна столовой. По поверхности озера из сахарной ваты катались на коньках букочки-человечки в длинных пальто и шарфах: женщины в хорошеньких шляпках, мужчины в цилиндрах. Все эти конькобежцы конца прошлого века застыли на месте, освещенные, будто фонарями вокруг катка, тринадцатью свечами. Создатель этого торта обычно оформлял к рождеству витрины самых фешенебельных чикагских магазинов. Но тут его убедили применить свое искусство в новой области. И он создал нечто, что несомненно явилось самым восхитительным и, возможно, наиболее дорогим тортом ко дню рождения из всех когда-либо существовавших.

Марк восторженно захлопал в ладоши, Дэмьен заулыбался. Грянули аплодисменты.

— Фантастика! — воскликнул Марк.

— С днем рождения, мои дорогие мальчики! — Анна обняла Марка и Дэмьена и расцеловала их.

Марк не мог больше сдерживать свое любопытство, он вырвался из объятий Анны и бросился к тарту, который как раз водрузили на стол. Следом за ним кинулся к столу и Дэмьен.

В зал вошел Бухер, пропустивший церемонию поздравлений.

Его одолела мучительная мигрень, и он пытался избавиться от нее, отлежавшись в одной из комнат.

Анна первая заметила Бухера и сочувственно улыбнулась.

— Ну как, получше, Поль? — поинтересовалась она.

— Да, намного, спасибо, — ответил Бухер. Но сведенное болью лицо выдавало его состояние. — Последние дни я был страшно занят, — признался он и поглядел в другой угол на Ахертона, стоявшего рядом с мальчиками. Марк восхищенно разглядывал маленькие фигурки на торте, а Дэмьен тем временем успел засунуть в сахарный лед палец и весь вымазался.

— Мам! Мистер Бухер! Подите сюда, посмотрите же! — крикнул Марк, с трудом отрывая взгляд от этого произведения искусства.

Анна улыбнулась и подошла к Марку, а Бухер направился в сторону Дэмьена, который стоял, прислонившись плечом к стене. Мальчик заметил приближение Бухера, улыбнулся и вежливо кивнул, надеясь, что тот пройдет мимо. Дэмьена не устраивала перспектива заниматься болтовней со взрослыми, ведь поблизости находился такой роскошный торт!

— Как к вам относятся в Академии, Дэмьен? — спросил Бухер.

Дэмьен вздрогнул.

— Хорошо, мистер Бухер.

— А сержант Нефф? Он как? — продолжал спрашивать Бухер. Дэмьен заинтересовался.

— Вы его знаете? — удивился мальчик. Растерянность была написана на его лице.

Бухер рассмеялся и положил руку на плечо Дэмьену.

— Я спросил о нем только потому, что наблюдаю за вами, — улыбаясь, пояснил Бухер. Дэмьен не знал, что и ответить. Он смутился и снова уставился на торт. От Бухера, похоже, было трудно отделаться. — Скажите, пожалуйста, Дэмьен, — опять начал тот, — а знаете ли вы, чем я занимаюсь в «Торн Индастриз»?

Дэмьен взглянул на него и отрицательно покачал головой.

— Не совсем, сэр. — Мальчику казалось, что его глаза достаточно красноречиво выражают скуку, но деликатность не позволяла резко оборвать разговор. Между тем Бухер продолжал:

— А вам следует знать о «Торн Индастриз» абсолютно все. В конце концов ведь однажды компания станет вашей.

— И Марка, — поправил его Дэмьен.

— «Вашей» — я имел в виду вас обоих, — уточнил Бухер. «Этот мальчик — не дурак, — подумалось ему. — Такту и дипломатии обучен прекрасно». — А почему бы вам не зайти как-нибудь на завод? Поглядеть на все своими глазами?

Предложение показалось Дэмьену заманчивым.

— А можно я приду с друзьями? — спросил он. И тут же представил себе, как они под видом экскурсии на целый день отделаются от занятий в Академии.

— Конечно, конечно, — тут же согласился Бухер, делая при этом широкий жест политика, только что удачно завершившего дело чрезвычайной важности.

В это время Ричард Торн постукал серебряной ложечкой по

хрустальному бокалу; этот звук заставил всех разом замолчать. Гости расселись за столом, и Ричард поднял свой бокал:

— Именно в такие моменты хочется поднять бокал за нашу удачу и поблагодарить судьбу за все, что мы имеем. Потому что мы действительно имеем очень многое. Торны — особая семья. И очень важно, что мы используем свое привилегированное положение, как мне кажется, правильно и мудро. Мы ни на минуту не должны забывать: так было всегда, но все это может оборваться, если мы не будем много и упорно трудиться, дабы быть достойными того, что нам оставлено. Это все, что я хотел сказать. Марк, ты, конечно, будешь рад услышать, что я не собираюсь тут выступать с речью.

— Но ведь ты как раз только что с ней выступил, папа, — возразил Марк, и все рассмеялись. Ричард жестом призвал гостей к молчанию.

— Хотя мне действительно надо сказать еще кое о чем... — За столом раздались дружные и нарочитые стоны. — Помогите! — театрально воскликнул Ричард. — Я чувствую себя как победивший адмирал Нельсон!

На этот раз все покатились со смеху. Счастливые слезы выступили на глазах Ахертонна, а Чарльз Уоррен ухмылялся, как Чеширский кот.

Ричард, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Я все-таки скажу, как бы вы ни пытались меня остановить. — Он на мгновение замолчал и для лучшего эффекта затаил дыхание. А затем, заскользив по паркету, закричал: — Все к окну!

Несколько озадаченные, гости бросились за ним. Однако первым подскочил к отцу Марк, обожавший сюрпризы и надевшийся на очередную забаву.

— Пожалуйста, выключите свет, — попросил Ричард, когда вся компания собралась у широкого окна. Комната погрузилась во мрак. Деньги творят чудеса! Снаружи в темном ночном небе, как по мановению волшебной палочки, вспыхнул фейерверк. Это был один из самых ярких и красочных фейерверков, когда-либо виденных присутствующими. Зеленые, голубые, желтые и красные радужные брызги рассыпались по небу, превращая ночь в неоновый день. Взлетали ракеты, оставляя за собой хвосты огненных брызг; шипя, они взрывались где-то в полторах сотнях футов над озером. И вдруг вся эта польхающая феерия каким-то образом распалась на огромные красочные буквы: **С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, МАРК И ДЭМЬЕН!**

Все ошеломленно замерли и тут же принялись неистово хлопать в ладоши, обниматься и целоваться.

— В это невозможно поверить, папа! — воскликнул Марк, бросившись к отцу, чтобы обнять его.

Дэмиен улыбался. Он, пожалуй, был так же взволнован, как и Марк, но не считал нужным выражать свои чувства подобным образом. Его эмоции были глубоко запрятаны и всегда строго контролировались.

Единственным человеком, оставшимся ко всему этому пиротехническому зрелищу совершенно безразличным, был Бухер.

Он стоял позади Дэмьена и пытался опять поговорить с ним. Склонившись над мальчиком, он зашептал ему на ухо:

— Тринадцатилетие юноши многие расценивают как начало половой зрелости. Мужского начала. Евреи, например, называют его «бар митцвах». В переводе с иврита это означает «Сын Долга», или «Человек Долга».

Дэмьен никак не мог понять, что имеет в виду Бухер. Но мальчику ничего не оставалось, как продолжать игру в вежливость.

— Неужели? — спросил он, все еще не отрывая взгляда от фейерверка.

— Ты также будешь отмечен, — произнес Бухер. Дэмьен обернулся и поглядел на него. Глаза их встретились. Бухер мягко заговорил, он почти завораживал своим голосом: — Извини, мне придется процитировать из Библии: «В «Первом Послании к коринфянам» говорится: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое». Время придет, и ты оставишь «младенческое» и столкнешься с тем, «кто ты».

— А кто я?

Бухер кивнул.

— Великий момент, Дэмьен. Ты, должно быть, уже чувствуешь его.

Дэмьена охватило волнение. Поначалу он решил, что Бухер добивается его расположения, чтобы как-то польстить Ричарду. Но именно Бухер только что выразил словами то глубокое беспокойство, которое испытывал Дэмьен последние несколько месяцев.

— Думаю, что да, — медленно произнес Дэмьен, — я чувствую... не уверен, но я ощущаю... что-то происходит со мной... собирается произойти...

— Предчувствие судьбы, не так ли? — улыбнулся Бухер. — Оно у всех у нас есть. И у твоего отца, и у Билла Ахертон... и у меня. — Он помедлил, а затем с какой-то нарочитой драматичностью в голосе произнес: — Я тоже сирота, ты этого не знал?

Дэмьен отрицательно покачал головой.

— Поэтому я мог бы помочь тебе преодолеть возможные будущие препятствия. Кстати, ты ведь начал предчувствовать свою судьбу с прошлого июня, не так ли? Когда наступил твой настоящий день рождения...

Дэмьен был ошеломлен, но не успел он открыть рот, как их позвал Ахертон:

— Эй вы, двое! Присоединяйтесь к нам!

Церемония по разрезанию торта была в самом разгаре.

— Дэмьен, иди же сюда! — нетерпеливо окликнул брата Марк. Он уже готовился задувать свечи.

— И не забудьте загадать желание! — напомнила мальчишкам Анна.

Дэмьен бросился к Марку, испытывая облегчение от того, что отделался наконец от Бухера. Слишком тягостным казалось мальчику общение с этим человеком.

Марк и Дэмьен набрали в легкие воздух и, стремительно выдохнув его, задули все тринадцать свечей, расставленных на торте.

— Молодцы, мальчики, — воскликнула Анна. — Разрежьте теперь торт. А то мы все жутко проголодались!

— Да, пока мы не начали есть, — заметил Дэмьен, — у меня тут кое-что есть для Марка. — Он полез в карман.

— Ба-а, — хитро протянул Марк, — и я кое-что забыл отдать тебе. — С трудом сохраняя подобие серьезности, он тоже засунул руку в карман.

Размерами и очертаниями подарки мальчиков походили друг на друга как две капли воды. Даже оберточная бумага была одинаковой. Марк начал смеяться:

— Если ты приготовил для меня...

— То же самое, что я приготовил для тебя, — перебил его Дэмьен. Они взглянули на Анну и воскликнули:

— Мам!

Счастливо улыбаясь, Анна наблюдала за мальчиками, которые нетерпеливо распаковывали подарки. Наконец они вытащили наборы красивых армейских ножичков. На сверкающих клинках была выполнена гравировка. Раздалась одобрительные возгласы.

— Я как раз такие хотел! — воскликнул Марк и легонько подтолкнул брата локтем.

— Я тоже! — заявил Дэмьен.

Мальчики решили обновить свое сокровище и разрезать праздничный торт. Но прежде чем они приступили к этому, Дэмьен своим ножичком неожиданно срезал с верхушки торта одного конькобежца. Затем вдвоем с Марком они вонзили ножи глубоко в торт под одобрительные возгласы окружающих.

На следующее утро лучи яркого солнца, отражаясь и дробясь в ледяном панцире озера Женева, заливали все вокруг сверкающим, радужным сиянием.

На свои собственные средства природа устроила восхитительное дневное шоу, перещеголав вчерашний вечерний фейерверк.

Из озера вытекала речка; изгибаясь, она убегала далеко в лес. Именно здесь проходила сегодня хоккейная битва.

К полудню игра была в разгаре. Хоккейные команды составились, в основном, из служащих «Торн Индастриз».

На первый взгляд казалось, что хоккей на свежем воздухе — это всего-навсего чудесное развлечение. Но и Ахертон, с его потрясающим внутренним чутьем, и Бухер, бесконечно чуткий к любому изменению эмоциональной температуры, прекрасно сознавали, что происходит в действительности. По ряду причин хоккей в компании «Торн Индастриз» воспринимался как средство продвижения по служебной лестнице. Ричард Торн — человек глубоко порядочный — без сомнения был бы невероятно поражен, если бы узнал, что в нижних эшелонах власти его компании классный хоккейный игрок считается очень важным лицом, что его молодые и ретивые служащие время от времени

проводят свои субботние дни на озере дю Лак, тренируясь под руководством стареющего канадского экс-чемпиона.

Сегодня день выдался на редкость удачным. Все были полны сил, даже пожилые служащие вышли на площадку, пытаясь укротить холод.

Здесь же присутствовали и жены, раздетые в пестрые шерстяные шапочки, шарфики и варежки, теплые, мягкие сапожки; каждая стремилась сегодня походить на девушку из мечты, которой когда-то грезил любой из присутствующих мужчин и которая почудилась ему либо на катке Рокфеллеровского центра, либо на льду одного из местных озер.

Дэмьен и Марк были капитанами. Они бросили жребий, кому первому предстоит набирать команду. Жребий пал на Дэмьена. Он, конечно, тут же воспользовался случаем и первым выбрал своего приемного отца. Ричард забавно раскланялся, выказывая нарочитую гордость тем, что его отметили первым, а затем присоединился к Дэмьену.

Марк начал с Ахертонна. Строго говоря, игроком тот был неважным, но недостатки с лихвой восполнялись энтузиазмом Билла. Ахертон благодарно улыбнулся и заскользил в сторону Марка. Следующим Дэмьен выбрал Бухера. Возможно, это был своего рода ответный шаг после вчерашнего, такого необычного, разговора. Или Дэмьен вдруг осознал, что Бухер был из породы тех, с кем надо играть в одной команде, а не против. Бухер стремительно бросился к Дэмьену и Ричарду, обдав их веером ледяных осколков.

Следующий свой выбор Марк остановил на Пасариане. Ему нравился индеец, хотя, по большому счету, от Пасариана был такой же толк, что на скачках — от задумчивой кобылы. Но дух индейца компенсировал неумение играть. На льду он творил чудеса. Пасариан так умел подбадривать игроков, что команда неизменно одерживала победу.

Наконец команды были сформированы, очерчены края площадки, и игра началась.

Бухер был умелым игроком, всегда уверенным в себе и идущим напролом. Видимо, он много и упорно тренировался. Ричард держался в тени, не выказывая желания играть виртуозно и попасть в центр внимания. Он наблюдал за Бухером и вдруг понял: у Поля начисто отсутствует понимание, что все это — просто игра. Охотничий азарт Бухера настрожил и испугал его. Он исподтишка принялся наблюдать за своим приемным сыном.

Даже в этой любительской игре Дэмьен выказывал поразительное, особенно для мальчика его лет, мастерство. Мелькая то здесь, то там, он наслаждался борьбой, сверкал лезвиями коньков, выписывая на льду замысловатые фигуры. Все восхищенно наблюдали за ним; Дэмьен, ловко и умело орудуя клюшкой, большую часть времени не выпускал шайбу, и, несмотря на все усилия соперников, именно он определил ход игры.

Чарльз Уоррен предпочел сегодня не играть. Вместо этого он проковылял на своих коньках к краю реки, окончательно притомившись, стряхнул снег — следы последнего падения — и неуклюже заскользил туда, где Анна Торн возилась у большой

передвижной жаровни. Все слуги были отпущены, поэтому здесь царил на редкость непринужденная атмосфера. Анна состряпала уже целую гору гамбургеров, булочек с сосисками и жареного на углях мяса — и все это так быстро и толково, будто родилась настоящей кухаркой.

Заметив Уоррена, жена Ричарда крикнула:

— Что вы хотите?

— Булочку с сосиской, — запыхавшись, бросил Уоррен. Анна протянула ему одну.

— Все?

— Для начала все, — заявил Уоррен. — Я так проголодался, что, наверное, съел бы все ваши сосиски.

Он проглотил за один прием полбулочки и водрузил на оставшуюся часть целую горку лука с соусом.

— Я читала о вашей приятельнице в газетах, — заговорила Анна. — Конечно, бесполезно сейчас об этом говорить, но я очень сожалею.

Уоррен кивнул:

— Я никак не пойму, что могло там произойти...

Но Анна уже отвернулась, продолжая наблюдать за игрой.

Уоррен дожевывал остатки булочки с сосиской и воровато потянулся за следующей.

Никто из присутствующих не заметил гигантского черного ворона. Он уселся на ветвях высокого темного дерева всего в двадцати футах от них. Ворон разглядывал людей холодными, пронзительными глазами.

218 Ричард тем временем передал точный пас Дэмьену, тот аккуратно перехватил его своей клюшкой. Ахертон, неуклюжий в хоккейной форме, играл защитником. Он двинулся вперед, пытаясь остановить мальчика.

Дэмьен, наслаждаясь игрой и скоростью, прорвался вперед. Ни на секунду не сомневаясь, что обыграет старика, он устремился прямо на Ахертон. Тот поскользнулся и, с трудом удержав равновесие, весь съезился и закрыл глаза, ожидая столкновения.

Дэмьен, однако, в самое последнее мгновение проделал восхитительный пируэт вокруг Ахертон и с огромной скоростью помчался вперед к воротам. Когда он выполнял свой эффектный трюк, лед слегка треснул.

Ахертон открыл глаза и попытался уяснить, что же произошло. Дэмьен будто испарился. Ахертон обернулся и увидел рвущегося к воротам мальчика. То и дело спотыкаясь, старик пересек площадку и заковылял вслед за Дэмьеном. Незаметная поначалу трещина позади Ахертон стремительно расширялась.

Вот она уже опередила старика и догнала Дэмьена. Лед под ним захрустел.

Бухер первый заметил это и рванулся к обоим игрокам.

Внезапно раздался зловеющий хруст, трещина вокруг Ахертон превратилась в широкую полынью. Игроки в ужасе застыли на своих местах. Зрители с берега что-то кричали.

Наконец Бухер добрался до Дэмьена, обхватил его за пояс, приподнял и швырнул в безопасное место. Сам он при этом находился всего в нескольких дюймах от трещины.

Ахертон испугался. Он понимал: происходит нечто ужасное, но был бессилён что-либо предпринять. Старик не успел вовремя переступить трещину на льду.

— Билл! Держись! — крикнул Торн и бросился к Ахертону.

В застывшем воздухе опять раздался треск. Он походил на хруст костей. Лед вокруг Ахертонна разломился на отдельные кусочки. Старик на крошечном ледяном островке посреди холодной и темной реки оказался отрезанным от берега.

Трещина тем временем расплзалась и расплзалась. На противоположной от трещины стороне сбились в кучу игроки. Они протягивали Ахертону хоккейные клюшки, предлагая ему уцепиться за них. Но все было напрасно. Крошечный ледяной островок накренился под весом старика, и Ахертон начал соскальзывать к его краю прямо в темный водоворот.

Анна зажала рот, чтобы не закричать. Она поняла, что вот-вот произойдет страшная, непоправимая беда. Дэмьен рвался из объятий Бухера. Полный отчаяния, он стремился помочь старику, но Бухер крепко держал мальчика.

— Прыгай! — кричал Пасариан.

Но было уже слишком поздно. Плавающая льдина под Ахертонном, накренившись, выскользнула из-под него и вместе со стариком ушла в булькающую темную поверхность.

Несколько секунд Ахертонна не было видно. Внезапно он вынырнул, судорожно хватая ртом воздух. Мужчины цепочкой легли на лед. Торн протягивал руки, пытаясь дотянуться до пальцев Ахертонна.

Голова старика едва-едва поднималась над водой. Глаза были полны ужаса. Ахертон судорожно цеплялся за лед, пытаясь выкарабкаться. Кровь струилась из расцарапанных ладоней. Он издал душераздирающий крик, и тут же поток подхватил его и утянул вниз. Старик исчез под водой.

Люди на льду словно окаменели. Они не верили собственным глазам.

И вдруг прямо под Торном появилось лицо, плотно прижатое к внутренней поверхности льда. Это был Ахертон. В его широко открытых глазах застыла мольба. Окровавленными кулаками он пытался снизу пробить лед. Послышался странный звук, отдаленно напоминающий крик, и Ахертонна, из последних сил цепляющегося за ледяной панцирь, опять утянуло стремительным потоком.

Какое-то время присутствующие еще могли по розовому кровавому следу подо льдом проследить страшный путь старика. В отчаянии люди бегали по льду, следуя за замерзающим и тонущим Ахертонном. Пытаясь проломить лед, они колотили своими клюшками по застывшей поверхности реки, чтобы пробиться к погибающему человеку.

Дэмьен вырвался, наконец, из объятий Бухера и помчался ко всем остальным. Торн лезвиями коньков пытался разбить лед.

Ахертон начал задыхаться. Сквозь призму толстого льда он смутно распознавал очертания людей, суетящихся на поверхности, до него доносились какие-то глухие обрывки их криков. Но старик не мог пробиться к ним. Легкие его разрывались. Вдруг

впереди сверху забрезжил свет. Яркий круг на фоне мрачной воды. Это было дерево, растущее на берегу, но часть его оказалась под водой и образовала в ледяном панцире промоину. Собрав последние силы, Ахертон стал молиться.

Его чудом вынесло в польню.

— Вон он! — кричал Дэмьен. Все бросились к дереву, но остановились на некотором расстоянии от него, так как лед был слишком тонок. Голова Ахертонна отчетливо виднелась над поверхностью промоины, лицо его было искажено, как загарпуненная рыба, он судорожно ловил открытым ртом воздух.

— Мы идем к тебе! — заорал Ричард, и они с Дэмьеном дойм за доймом стали приближаться к Ахертону по тонкой корке льда.

Еще какое-то мгновение голова старика была видна. А потом будто чья-то гигантская рука схватила его за лодыжки и потянула под воду.

Темная фигура Ахертонна все глубже опускалась на дно, пока совсем не пропала.

— Всем растянуться! — в отчаянии кричал Торн. — Мы потеряли его.

Но все уже было напрасно. Ахертон исчез. И пока люди на льду выстраивались в цепочку, огромный черный ворон сорвался с ветки и взмыл в небо, затянутое облаками.

ГЛАВА ПЯТАЯ

220

Почти месяц миновал с тех пор, как погиб Ахертон, а Бухер все никак не мог закончить переустройство своего нового кабинета. Стены, ранее оклеенные обоями, он отделал деревянными панелями, на смену старым кожаным креслам из мужского клуба Ахертонна появилась современная мебель, обтянутая черной кожей и сверкающая хромировкой. Бухеру льстило, что его нынешний кабинет имел сходство со столовой Торнов в их чикагском доме. В конце концов ведь именно там все и началось.

Бухеру нравилось так же иметь собственный портрет в красивом багете. Он висел в зале перед кабинетом, где сидели секретарь и администратор, там, где ему и полагалось висеть... на месте бывшего портрета Ахертонна.

Но больше всего в это январское утро Бухера порадовал его помощник Байрон. Это был послушный и сообразительный молодой человек.

Как только лимузин Бухера затормозил перед главным зданием «Торн Индастриз», от его дверей отделился Байрон с журналом в руках.

Это был последний номер журнала «Форчун», на обложке его красовалась копия портрета, висевшего перед кабинетом Бухера. Поль специально вылетал в Нью-Йорк, чтобы заказать эту фотографию. Надпись на журнальной обложке гласила: ПОЛЬ БУХЕР, НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ «ТОРН ИНДАСТРИЗ».

Байрон, не шелохнувшись, стоял у дверей в ожидании распоряжений босса.

Бухер слегка кивнул и, на ходу бросив помощнику: «Спасибо, Байрон», прошел мимо.

— О, так вы уже видели журнал, — разочарованно протянул Байрон.

Бухер взглянул на своего помощника с нескрываемым презрением.

— А вы думали, что подобные вещи происходят случайно? — Иногда наивность помощника казалась ему наигранной. Десять лет назад сам он не был таким. Во всяком случае, так ему казалось. Ибо чем старше становился Бухер, тем более тщательно срабатывала его память.

Байрон оборвал ход мыслей босса.

— Мне кажется, снимок получился удачным, — заявил он, кивая на обложку.

Бухер не соизволил даже ответить.

Стоя в холле, они ожидали лифта.

— От Пасариана есть какие-нибудь известия? — поинтересовался Бухер.

— Нет, сэр, — заговорил Байрон. — Похоже, он совсем исчез.

Плавное разошлись двери лифта, и мужчины вошли в него. Бухер нажал нужную кнопку. Когда лифт миновал три этажа, Байрон вдруг обрушил на Бухера новость: «Ричард хочет видеть вас прямо сейчас».

Поль на мгновение растерялся, но лишь на мгновение. Он узнал эту игру. Сам он сотни раз играл в нее, карабкаясь по служебной лестнице. Суть этой игры сводилась в данном случае к следующему: Ричард рано вернулся из отпуска. Я это знаю, а ты — нет. Он хочет тебя видеть. Сейчас. Это означает, что у тебя, возможно, неприятности. Я назвал его Ричардом. Раньше я никогда не называл его иначе, как мистер Торн. Это означает, что у нас с ним теперь, возможно, другой уровень отношений. И был он достигнут за твоей спиной, пока ты занимался своим кабинетом и фотографировался на всякие там обложки. Может быть, я даже знаю почему Ричарду — как я его теперь называю — не терпится увидеть тебя.

Но Байрон не учел того, что Бухер был опытейшим и прожженным игроком. Затеять против него какую-то комбинацию все равно, что применить защиту Капабланки против самого Капабланки.

— О! — спокойно протянул Бухер. — Он уже у себя?

Байрон был сражен.

— Да, — хмурясь, ответил помощник. Он судорожно пытался придумать, что можно еще добавить.

Наконец Байрон произнес:

— И он здорово загорел.

Оба прекрасно понимали, что ответ оказался неудачным.

За столом, где совершенно свободно могла бы разместиться целая делегация ООН, сидел Торн и пил кофе.

Не успел Бухер открыть для приветствия рот, как Ричард выпалил:

— Какого черта Пасариан опивается в Индии?

Бухер, поставив на стол свой «дипломат», сел. «Надо дать ему возможность выговориться. Попытаюсь угадать, что все это значит. И какой странный вид у Торна,— размышлял Бухер.— Воротничок с монограммой на рубашке растегнут. Отсутствует галстук. Небрит. Конечно, Ричард имел на все это право, но он никогда не позволил бы себе появиться здесь в таком виде, не имея на то определенных причин».

Это была уже не игра, Ричард действительно был взбешен.

— Мне необходимо еще одно компетентное мнение по поводу закупки земли в тех краях,— начал Бухер.— Кто лучше...

— А мы уже покупаем эти земли? — испуганно спросил Торн.

— Вы согласились с тем, что я полностью реализую выводы своего доклада,— продолжал Бухер, оправдываясь и испытывая при этом унижение.— Это явилось условием моего согласия стать президентом компании.

Торн потер обеими руками лицо и вздохнул:

— Но это не означает, что вы можете исключить меня из управления моей собственной компанией. Прежде чем что-то реализовывать, вам следовало бы спросить меня.

— Но вы же были в отпуске,— запротестовал Бухер.— Я решил вас не беспокоить лишней раз.— Произнося эти слова, Поль понимал, насколько фальшиво звучит его объяснение.

— Меня в любой момент можно было найти по телефону,— парировал Торн. Затем он устало опустил голову на грудь и грустно добавил: — Билл никогда бы не принял подобного решения, не поставив меня в известность.

— Я не Билл,— возразил Бухер.

— А я и не жду от вас, чтобы вы им были,— вскинулся Ричард.— Но я очень рассчитываю, что вы будете соблюдать правила поведения в компании!

Наступило долгое молчание. Торн решил смягчить удар.

— Поль,— начал он,— вы блестящий специалист. И вы, конечно же, заслуживаете, чтобы быть на самом верху. Но, пожалуйста, никогда не забывайте, чья это компания.

— Это больше никогда не повторится.— Похоже, Бухер искренне раскаявался. Он попробовал сменить тему разговора: — Вы искали Пасариана. Зачем?

— Там какие-то неполадки с его установкой П-84,— сообщил Торн.— Уолкер начал по этому поводу психовать. Я, конечно, понимаю, что Уолкер всегда чего-нибудь боится: то катастроф, то других неприятностей, но на этот раз он и меня заставил беспокоиться.

— Я позабочусь об этом,— поднимаясь, заверил Ричарда Бухер. Он понял, что беседа закончилась.

— Надеюсь, что так.— Торн дождался, пока Бухер вышел из кабинета, потом встал и подошел к большому окну, выходявшему на красивую старую водонапорную башню. Вид из окна, как правило, успокаивал его, но только не сегодняшним утром. Торн был слишком огорчен.

Что-то терзало его с момента трагической смерти Ахертон, но Ричард не мог объяснить, что конкретно его беспокоило.

Курс лекций назывался «Военная история: теория и практика». И хотя название заинтриговывало, на самом деле эти лекции представляли собой несколько расширенный обзор наиболее знаменитых сражений. Предполагалось, что они должны вселить в курсантов уважение к воинским доблестям. Это иногда срабатывало, но в большинстве случаев подростки оставались совершенно равнодушными к боевым заслугам предков. Курс был обязательным, и каждому мальчику надлежало пройти его.

На сегодняшнем уроке истории присутствовали почти все курсанты из взвода сержанта Неффа. Школьный священник рассказывал ребятам о знаменитом гунне Аттиле. Священник Будмэн был высок, худощав, его черные волосы разделял прямой пробор. Он носил церковный воротник и твидовый пиджак. Читая повествования о жизни и подвигах Аттилы, Будмэн проникал за пределы холодных и бесстрастных страниц, заглядывал в душу воинственного гунна. Священник чувствовал, что Аттила был глубоко несчастным человеком, страдальцем, что по-настоящему он не был никем понят. И это родило его, Будмэна, с великим гунном.

— Этого беднягу, — любил повторять священник, — история интерпретирует, конечно же, неправильно. Вам необходимо уяснить, что Аттила считался среди своих соотечественников справедливым правителем...

Единственным подростком в классе, кто внимательно слушал лектора, был Дэмьен, что явилось неожиданностью даже для него самого, ибо Дэмьен не очень-то жаловал историю. Напротив, он чувствовал какое-то внутреннее сопротивление к этому предмету. Однако за последние несколько месяцев Дэмьен вдруг начал испытывать странное и смутное очарование при мысли о тех, кто жил и умер много-много лет назад.

— Меньше всего Аттила стремился к разрушениям, — продолжал священник, — во всяком случае, по сравнению с другими завоевателями до и после него...

Марк и Тедди, который пристроился с некоторых пор к Торнам, затеяли возню. Марк что-то накарябал на обрывке бумаги, и Тедди еле сдерживался, чтобы не захихикать.

— В самом деле, — рассказывал Будмэн, — ведь Аттила так стремился получить всестороннее образование, что пригласил к своему двору многих ученых римлян...

В этот момент Марк сунул клочок бумаги Дэмьену. Тот глянул на обрывок и, захваченный врасплох, не сумел сдержать смех.

Священник замер на полуслове:

— Кто смеялся? — спросил он.

Дэмьен тотчас вскочил:

— Я, господин священник.

— Подойди сюда и захвати с собой этот листок. — Дэмьен немедленно исполнил приказание.

Марк беспокойно заерзал на стуле, Тедди слегка пихнул его в бок.

— Ну и дела,— прошептал он.

Курсанты с любопытством наблюдали за происходящим.

Будмэн взял в руки клочок бумаги. На нем был нарисован он сам: в высоком церковном воротнике и верхом на коне. Над собой священник держал несколько вражьих голов.

Будмэн похолодел. Получалось, что насмехались даже не над ним, а над его обожаемым Атиллой. И делал это один из самых толковых ребят.

Будмэн скомкал рисунок и выбросил его в мусорную корзину.

— Итак,— произнес он после драматической и, как ему казалось, наводящей страх паузы,— у нас в классе объявился художник. Торн, я, похоже, навожу на вас скуку? Вы, конечно, все знаете о подвигах Аттилы?

Глубоко вздохнув, Дэмьен ответил:

— Кое-что, сэр.— И сам удивился своему ответу.

— Кое-что, да? — повторил священник с тем же сарказмом.— Вот если бы Атилла так же знал всего-навсего «кое-что» о военном деле, мы бы сегодня и имени его не вспомнили.— Он прищурил глаза.— Торн, а вы что-нибудь, кроме своего имени, знаете? Что-нибудь об Аттиле или римлянах?

Дэмьен еще раз глубоко вздохнул:

— Думаю, что да, сэр.— Но он же ничего не знал! Что за чертовщину он вдруг понес?!

В классе зашумелись, обсуждая, что за штуку затеял Дэмьен. Всем было известно, что прямая конфронтация была не в его духе.

— Значит, «думаете, что знаете»,— передразнил мальчика священник.— Ну что ж, сейчас мы это выясним, не возражаете? Ответьте мне, Торн, какова была численность войска Аттилы, когда тот завоевал Галлию?

— Примерно полмиллиона человек, сэр.— заявил Дэмьен, даже не успев удивиться, откуда в его голове появился ответ. И тут же, как будто со стороны, услышал сам себя: — Но он был разбит Аэцием в битве при Шалоне в 451 году. Он вернулся назад, завоевав Северную Италию, но не дошел до Рима.

Будмэн опешил. Он не ожидал этого. Но класс ждал, и не в его правилах было сдаваться. Придется доводить опрос до конца. В любом случае ответ мальчика напоминал скорее цитату из энциклопедии. Возможно, Торн принадлежал к такому типу учащихся, которые знали все наизусть, такие всегда отвечали, что Америку в 1492 году открыл Колумб, но они не имели представления о том, что искал-то путешественник Индию.

Будмэн решил задать вопрос на сообразительность.

— А почему Атилла не дошел до Рима?

И снова Дэмьен ни на секунду не задумался.

— Считается, что это заслуга папы Льва I, его дипломатии.

Но настоящая причина крылась в отсутствии провизии... — Здесь Дэмьен на мгновение заколебался. Будмэну показалось, что мальчик сбился. В сознании Дэмьена тем временем всплыло жуткое видение венерического заболевания, и мальчик пытался подобрать слова, чтобы объяснить это. Наконец он произнес: — И кроме того, армия была подкошена... чумой.

Несколько курсантов уловили суть заминки и захихикали. Дэмьен покраснел.

Священник был взбешен.

— Тихо! — заорал он на курсантов. Затем, опять повернувшись к Дэмьену, решил подловить мальчика на каких-нибудь малоизвестных фактах и покончить, наконец, с этим тягостным инцидентом.

— Когда родился Аттила?

— Это неизвестно, сэр.

— Дата правления?

— С 434 по 453 год нашей эры, сэр. Умер от носового кровотечения во время... м-м-м... празднования своей последней свадьбы.

На этот раз взорвался уже весь класс.

— Замолчать! — взвизгнул священник, и его уверенность пошатнулась. Он вплотную подошел к Дэмьену и проговорил прямо в лицо мальчику, будто испытывая его:

— Как звали его брата?

— Бледа.— И снова Дэмьен не ограничился этим простым ответом. Мальчик, вдруг наполнившись каким-то могучим и все-сильным знанием, начал его излучать. Глаза Дэмьена заблестели. Казалось, что пульсация этого знания распространяется по всему классу. Она словно обрела материальность. Дэмьен вдруг узнал все о гунне Аттиле, но он не мог понять откуда пришло это озарение. Он как будто растворился в мозге Аттилы. Дэмьен читал его мысли, как будто они были его собственными. Ему внезапно показалось, что он знал Аттилу в одной из своих прошлых жизней.

А, может, он им и был когда-то?

— Аттила и его брат Бледа унаследовали империю гуннов в 434 году нашей эры,— продолжал Дэмьен.— Она протянулась от Альп и Балтики до Каспийского моря.— Дэмьен императорским жестом широко распротер свои руки.— Два брата были неразлучны.— Тут Дэмьен уставился на брата. Марк вздрогнул и оцепенел под этим тяжелым и всепроникающим взглядом.— Между 435 и 439 годами, хотя никаких письменных упоминаний об этом нет, принято считать, что Аттила подчинил себе варваров в северном и восточном концах империи...— Внезапно Дэмьен остановился и взглянул на Будмэна.— Мне продолжать?

Священник прекрасно понимал, что теперь остановить Дэмьена невозможно. Он был ошеломлен, непонятный ужас начал овладевать Будмэном, но он чувствовал, что необходимо довести эту игру до конца. Священник кивнул в ответ.

Дэмьен заговорил снова.

— В 441 году Римская империя отказалась платить Аттиле дань, и он атаковал Дунайскую границу. Аттила был великолепным воином, и невозможно было устоять против него. Годом позже римляне попросили перемирия.

Подростки заворуженно слушали Дэмьена.

— Аттила был также мудрым политиком,— продолжал тот.— Он умел обратить предрассудки своего народа себе на пользу и заставил людей обожествлять, например, обнаженный меч.

Однажды в пустыне пастух, разыскивая пропавшего теленка, наткнулся на меч, торчащий в песке, будто его сбросили с небес. Пастух принес его Аттиле. Тот тут же явился перед своей армией и, высоко взметнув над собой этот меч, объявил, что обладает духом «Смерть — в — Бою».

Клас ловил каждое слово Дэмьена. Марк же внезапно ощутил смутное чувство страха.

И тут Дэмьен выдал такое, что даже священник слышал впервые.

— Возможно, — произнес мальчик, — Аттила потому высоко над собой вознес меч, что он напомнил ему детство. Ведь его мать точно так же поднимала малыша над собой, считая, что если она подобным образом подержит его в течение часа каждый день, то он проникнется силой солнца. Говорят, это изменило даже цвет его кожи, он стал смуглым. — Дэмьен на секунду остановился. Сердце его бешено колотилось. — Это происходило, когда Аттиле было три года.

Священник, открыв рот, уставился на мальчика.

Но Дэмьен знал гораздо больше. Неведомая сила как будто выжимала из него факты.

— Внешне Аттила мало походил на своего брата, — продолжал мальчик, — уж не говоря о цвете кожи. Но его мать прославилась тем, что развлекала не одного мужчину. Причем совершенно открыто. Когда Аттила затеял свое первое сражение, он был моим ровесником... — Дэмьен остановился и через мгновение поправился: — Нашим ровесником. Есть даже картина, где он в этом возрасте изображен с мечом, пронзившим одновременно трех взрослых мужчин. Возможно, это преувеличение. Он был очень красив в эти годы, и многие женщины желали его. Примерно в этом же возрасте Аттила начинает участвовать и в черных мессах...

Этого Будмэн уже не мог вынести.

— Возмутительно! — воскликнул он. — Откуда вы взяли эти сведения? Назовите ваш источник! — Это было любимое выражение Будмэна.

Впервые Дэмьен растерянно запнулся.

— Я... я не знаю, сэр. — Ошеломленный и потрясенный, он внезапно смешался, будто нарушил какую-то заповедную границу.

Священник тут же воспользовался замешательством мальчика.

— А что, его брат — я полагаю, — он тоже участвовал в черных мессах?

— О нет, сэр, — возразил Дэмьен, уверенно покачав головой. — К этому времени Аттила уже убил его.

Марк задохнулся.

А Дэмьен уже не понимал того, что произносили его губы. Слова как будто сами выплескивались из него.

— Ему пришлось пойти на это, чтобы править в одиночестве. А потом, — внезапно мальчик понизил голос, будто пытаясь поделиться каким-то очень важным секретом, — он начал назы-

вать себя такими именами, как Великий Нимрод, Бич Божий и... Антихрист!

В классе воцарилось мертвое молчание. В этот момент дверь резко распахнулась, и в класс вошел Нефф. Он подошел к священнику. Будмэн дрожал всем телом, на лице его выступила испарина. Он находился в состоянии полнейшей растерянности. Нефф прошептал ему что-то. Священник кивнул в ответ.

Сержант обратился к Дэмьену:

— Следуйте за мной, Торн.

Дэмьен молча пошел за Неффом.

— Спишите то, что на доске,— выпалил Будмэн и поспешил вслед за Дэмьеном и Неффом, оставляя застывших в абсолютной тишине ребят. Через мгновение класс взорвался жарким и ожесточенным спором.

Нефф уводил Дэмьена в такое место, где их не смогли бы услышать. Семенявший за ними священник проскользнул в туалет. Ему необходим был глоток воды. Как только дверь за Будмэном захлопнулась, Нефф обернулся и сердито произнес:

— Что это вы там пытались проделать, Дэмьен? — Впервые сержант обращался к Торну по имени.

Дэмьен, до сих пор находящийся в состоянии прострации, медленно произнес:

— Я отвечал на вопросы, господин сержант.

Нефф отрицательно покачал головой.

— Вы просто выпендривались,— коротко бросил он.

Дэмьен даже не удивился, откуда Неффу все известно. Он был переполнен происшедшим, той внутренней колоссальной силой, которая вдруг открылась ему.— Но я знал все ответы! — твердил он Неффу.— Я их просто знал!

Сержант был неумолим.

— Вы не должны привлекать к себе внимание.

— Но я и не старался...— пытался оправдаться Дэмьен.— Я просто чувствовал это...

Нефф перебил мальчика.

— Наступит день, когда все узнают, кто вы,— отчеканил он.— Но этот день еще не пришел.

То же самое говорил Дэмьену и Бухер.

Опешив, Дэмьен пролепетал:

— Кто же я? — Подсознательно он начал испытывать страх. Мальчик не понимал происходящего, не ведал своего предназначения в этой жизни, он только заметил, что все эти люди как-то особо выделяли его. Дэмьену показалось, что он начинает сходиться с ума.

— Почитай Библию,— посоветовал Нефф.— В Новом Завете есть «Откровение Святого Иоанна Богослова». Это как раз для тебя, Дэмьен... «Откровение»... для тебя... о тебе...

Дэмьен уставился на Неффа.

— Прочти его,— как-то слишком поспешно бросил сержант.— Прочти, выучи и осознай.

Слезы навернулись на глаза Дэмьену. От ужаса и усталости он заплакал.

— Что мне полагается осознать? — Мальчик с мольбой протянул к сержанту руки. — Пожалуйста, объясните мне.

Нефф долго и пристально разглядывал мальчика, прежде чем ответить. А затем тихо и с нескрываемым подобострастием в голосе произнес:

— Кто ты есть.

Дэмьену показалось, что перед уходом Нефф слегка поклонился ему.

Мальчик остался один в темном гулком коридоре, слезы струились по его лицу. Он пытался сосредоточиться и понять, что наговорили ему все эти люди. Наконец Дэмьен решил заглянуть в «Откровение Иоанна Богослова».

И узнать, было ли там действительно что-нибудь о нем самом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В Дэвидсоновской Академии имелся вполне приличный оркестр, который принимал участие во всех праздниках. Марк был здесь ведущим горнистом. Хотя нотные возможности горна несколько ограничены, Марк удивительным образом приспособился вкладывать в звучание этого музыкального инструмента всю свою экспрессию. Кроме того, Марк получил и особое задание — выдувать на горне различного рода сигналы. Он горнил подъем по школьному громкоговорителю. Ребятам очень нравилось, как мальчик интерпретировал на свой лад обеденный призыв. Даже в постный день, когда повар, кашеваривший, по слухам, еще во времена гражданской войны под началом генерала Ли, стряпал для ребят осточертевшую вермишель с сыром или какого-нибудь резинового тунца, Марк непостижимым образом мог поднять подросткам настроение. В таких случаях он трубил к обедне дополнительное «у-у-у-у», будто импровизировал для солистки стриптиза.

День сегодня выдался пасмурный, и оркестр решил порепетировать для парада. Второй этаж общежития делился на маленькие комнатки, напоминавшие клетушки. Окнами они выходили на плац. На первом этаже, прямо под спальнями, располагались классные комнаты. В центре находился просторный и свободный зал. Именно здесь репетировались различные парадные оркестровки.

Сейчас оркестр исполнял марш, который нравился Марку. Музыка обволакивала мальчика, а барабан стучал в такт с его собственным пульсом. Прекрасные акустические параметры зала превращали обычную репетицию оркестра в праздник.

Была еще только середина дня, но на улице уже потемнело. Курсанты коротали свободное время либо в своих комнатах, либо в гимнастическом зале.

Никто не обращал внимания на Дэмьена. Мальчик только что стащил у Будмэна Библию. В спальнях курсантов не было Библии. Школа обеспечила своих учеников книгами по футболу и другим видам спорта, но не Словом Божьим. Первым делом Дэмьен отправился искать эту книгу в библиотеку, но не обнару-

жил здесь ни одного экземпляра. Возможно, он искал не на тех полках. Дэмьен был слишком осторожен, чтобы попросить у кого-нибудь помощи. Он тут же сообразил, что найдет Библию у священника. Нужно будет поискать у него в кабинете.

Дэмьен дождался дневного перерыва. Это было время, когда большинство курсантов и учителей разбредались по своим комнатам. Начиная греметь оркестр. Мальчик прокрался в кабинет священника. Кабинет, как всегда, был не заперт: в Дэвидсоновской Академии все полагались на кодекс чести.

На письменном столе и на полке лежало несколько томов Библии. Дэмьен выбрал книгу в самой тусклой и неприметной обложке, надеясь, что ее хватятся в самую последнюю очередь. Он рассчитывал, что уже сегодня прочитает нужный текст и к вечеру вернет томик на место.

Когда Дэмьен по балкону возвращался к себе в комнату, кровь вдруг запульсировала в висках. Он отодвинул занавеску, которая заменяла курсантам дверь, и присел, чтобы собраться с мыслями. Он едва не терял сознание от головокружения и возбуждения.

Вот-вот прояснится, кто же он такой. Перспектива была, конечно, жуткой. Да и скольким людям достанет мужества открыть указанную страницу, если там сказано об их судьбе?

Дэмьен сорвал одеяло и простыни с кровати и подоткнул их под дверную занавеску. Мальчик пытался загородить свет, чтобы никто не догадался, что он в комнате. Дэмьен вытащил из-под рубашки украденную Библию и, растянувшись на животе, положил книгу на пол так, чтобы на нее падал свет от единственной лампочки возле кровати. Расположившись на голом матрасе, мальчик принялся листать Библию и, найдя «Откровение Иоанна Богослова», углубился в чтение:

«...и дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?»

Дэмьен оторвался от книги и попытался понять, что все это может означать. Мальчик вспомнил Марка, который обожал его с самых первых дней, вспомнил и Тедди, который теперь так же в нем души не чаял. Дэмьен подумал о Бухере, о Неффе — они странным образом выделяли мальчика и заставляли думать о его особой значимости. Дэмьен вдруг осознал, что никто из курсантов не может превзойти его по физическим данным, что никто из них не в состоянии ни в чем опередить его.

Волнуясь, мальчик продолжал читать:

«И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с сидящим на коне и воинством Его...»

Внезапно Дэмьен вспомнил, как ясно и отчетливо представил он себе Аттилу, насколько пугающе вжился он в этот образ: ведь мальчик видел себя там, на поле боя, верхом на коне, его окружала воинственная орда, готовая к любым его приказам.

Дэмьен судорожно сглотнул. Что-то росло в нем, и это что-то готово было вот-вот взорваться. Мальчик вскочил с постели и заходил по комнате. Ему необходимо было двигаться. И хотя по мере чтения Дэмьен чувствовал, как его заполняет ужас,

мальчик понял, что должен дочитать текст. Он наклонился и схватил книгу, впиваясь в текст горящими глазами.

«Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него, как у медведя, а пасть у него, как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть».

Дэмыен сообразил, что это всего-навсего метафоры, так же описывали и Аттилу. Когда его воины возвращались с поля битвы, они рассказывали, как свиреп был их вождь и на кого он был похож во время сражения. Мальчик прикинул в уме, как эти повествования обрастали со временем подробностями, пока не стали легендами, а Аттила в них превратился в страшного зверя, против которого не мог устоять ни один человек.

Дэмыен подумал, что, возможно, когда-нибудь о нем самом будут рассказывать подобные истории.

Однако, как только Дэмыен осознал свою власть, в его мозгу тут же мелькнула мысль: «Я не могу! Я же всего-навсего ребенок!»

Мальчик чувствовал, что надо читать дальше, хотя буквы расплывались перед его глазами, полными слез:

«И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их, или на чело их. И что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет сие начертание, или имя зверя, или число имени его. И дано было ему вести войну со святыми, и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем!»

Сердце Дэмыена готово было выскочить из груди. Он испытывал огромное желание схватить книгу, выбросить ее, затоптать, сжечь и все-все разом забыть.

Мальчик зашвырнул Библию в дальний угол. Она стукнулась о противоположную стену и упала на пол. Тут же в стену постучали, требуя не шуметь.

Дэмыен застыл, уставившись на книгу. Она манила его, как пламя бабочку. И хотя мальчик уже понимал, что Библия сожжет его дотла, он не мог сопротивляться. Разгадка была совсем близко, и ему предстояло узнать ее, даже ценой собственной души.

Как в бреду, Дэмыен поднял книгу. Страницы в месте удара измялись и сморщились. Лихорадочная дрожь охватила мальчика. Его руки тряслись. Он с трудом нашел то место в тексте, где остановился, и с огромным усилием продолжил чтение:

«Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя: ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть».

Дэмыен захлопнул книгу. Итак, вот оно, доказательство! Если у него нет этого знака, он в безопасности! Он свободен!

С отвращением прижав к груди Библию, готовый в любой момент разорвать ее в клочья, Дэмыен выскочил из комнаты, распинав по дороге баррикаду из постельного белья. Мальчика уже не беспокоило, видит ли его кто-нибудь. Он мчался по коридору в ванную комнату.

Здесь никого не было. В свете люминесцентной лампы ярко сверкала кафельная плитка, а сумерки за окном сгустились.

Ветер шумел в вершинах деревьев. Темные облака стремительно неслись по угасающему небу.

Дэмьен дрожащими руками положил украденную Библию в раковину и встал перед зеркалом, забрызганным зубной пастой. У него почти не оставалось никаких сомнений. Ребром ладони мальчик протер зеркало и взгляделся в свое отражение. Он знал, что на его правой руке не было никакого знака, иначе он давно бы его заметил. И тем не менее, Дэмьен еще раз осмотрел в свете люминесцентной лампы свою руку со всех сторон. Никаких меток. Рука как рука.

Тогда Дэмьен, глядя на свое отражение, раздвинул надо лбом волосы.

Никакого знака.

Он раздвинул волосы в другом месте и снова взглянул на свое отражение.

Опять ничего. Дэмьену внезапно показалось, что он сходит с ума. Что с ним происходит? Зачем он позволил себе вообразить весь этот ужас? Как легко пошел он на поводу у взрослых, внушивших ему подобные мысли. Ему же тринадцать лет, он становится взрослым мужчиной. Он просто начинает ощущать первые сексуальные позывы. Возможно, именно так они и начинают проявляться. И они, наверное, не одного его сводили с ума.

Если бы на месте Дэмьена был кто-то другой, он вполне ограничился бы этой догадкой. Но только не Дэмьен. В конце концов он же причислял себя к клану Торнов, а уж они-то всегда доводили начатое дело до конца.

Дэмьен раздвинул волосы на своем темени.

И тут он увидел нечто ужасное.

Конечно, этой метки никто никогда не видел. Это были три крошечные шестерки, едва различимые даже в свете люминесцентной лампы.

666.

Дэмьен чуть не задохнулся. Он привалился к стене, еле удерживаясь на ногах. Мальчика ошеломило это открытие. Он никак не мог оправиться от потрясения. Значит, все это было правдой. Все, чего Дэмьен страшился, о чем ему толковал Нефф, на что намекал Бухер. Все, все было правдой.

Слезы брызнули у него из глаз. Он выскочил из ванной комнаты, по-прежнему прижимая к груди Библию. Дэмьен не знал, что ему делать, куда идти. Единственное, что ему хотелось — это остаться на какое-то время одному.

Он рванулся к лестнице. Оркестр все еще гремел внизу. Дэмьен протолкался сквозь встречную толпу курсантов и понесся мимо классных комнат. В этот момент его заметил Марк и крикнул:

— Дэмьен!

Но Дэмьен даже не обернулся. Возле кабинета священника мальчик остановился, чтобы вернуть Библию на место. Дверь в кабинет была открыта, и это означало, что священник находился внутри. Тогда Дэмьен швырнул Библию на пол рядом с дверью и помчался обратно. Выскочив из общежития, он пересек стадион, миновал входные ворота в Академию и устремился вниз по дороге.

Так, ничего не соображая, пытаясь скрыться от всех, Дэмьен неся и неся вперед, в неизвестность. Он бежал до тех пор, пока его легкие не начали пылать, а ноги одеревенели и перестали ему повиноваться. Дэмьену показалось, что он умрет, если сделает еще хоть один шаг. Споткнувшись, он остановился возле одиноко растущего дерева, упал на колени и зарыдал.

Долго сидел Дэмьен, оцепенев и уставившись в одну точку, затем поднял глаза и взглянул вверх, на потемневшее небо. Прямо над головой собирались дождевые тучи, а откуда-то издали доносились раскаты грома. В отчаянном и безнадежном протесте Дэмьен протянул к небу руки. Что это было — мольба? Или он уже сдался в эти минуты?

Высоко над ним, на самую верхушку дерева спланировал огромный черный ворон. Он уставился на охваченного отчаянием и болью мальчика. Глаза птицы как будто источали торжество.

Дэмьен был бы еще сильнее потрясен, окажись он сегодня свидетелем двух невероятных событий.

Первое событие имело место в спальне Поля Бухера. Тот готовился ко сну. Бухер снял с безымянного пальца правой руки кольцо, которое носил с момента «посвящения», и вдруг обнаружил на этом пальце отметку. Знак, с нетерпением ожидаемый им все это время. Отметка была крошечной, едва различимой. Бухера охватил восторг. Три цифры — 666. Наконец-то его приняли.

Второе событие произошло в ванной комнате в небольших апартаментах Дэниэля Неффа. Умывшись и почистив зубы, Нефф, как всегда с момента «посвящения», откинул со лба волосы и наклонился к зеркалу. Вглядевшись сегодня в свое отражение, он заметил ее — эту метку. Наконец-то. Три цифры — 666.

Теперь уже ничто не стояло у них на пути.

Марк беспокойно ворочался в кровати.

После репетиции он сразу же вернулся в комнату, где жил вместе с братом. Здесь, на полу, он обнаружил смятую постель. Заправив кровать Дэмьена, он лежал на своей койке и пытался расслабиться. Марк с нетерпением ждал брата. Он никак не мог понять, что же произошло. Сегодня на уроке Марк заметил какое-то неистовое состояние Дэмьена, затем это его поспешное бегство из общежития. Они не успели поговорить, а Дэмьен до сих пор не вернулся. Марк был не на шутку встревожен и не мог заснуть.

Наконец он услышал легкие шаги Дэмьена. Марк повернулся и увидел в дверях брата, пристально смотревшего на него.

— Где ты был? — с беспокойством спросил Марк. — Я так боялся за тебя!

Дэмьен ни слова не проронил в ответ. Он молча двинулся к своей койке и как-то отрешенно рухнул на нее. Дэмьен уставился в потолок, даже не заметив, что Марк заправил ему постель.

— Дэмьен! — нетерпеливо прошептал Марк, но опять не получил ответа. Он проследил за взглядом приемного брата и снова позвал, на этот раз громче: — Дэмьен, с тобой все в порядке?

Долгое время Дэмьен молчал. Наконец он произнес:

— Теперь все в порядке. Выключи свет. А то у нас с тобой возникнут неприятности.

Марк погасил свет. Комната погрузилась во мрак. Когда глаза привыкли к темноте, Марк разглядел неподвижно лежащего брата; он уставился в потолок невидящими глазами и тихо спросил:

— Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Спи, — приказал Дэмьен непривычно резким и твердым голосом. И отвернулся к стенке.

Но прошло еще много времени, прежде чем Марк уснул.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пасариан, измученный сменой часовых поясов, с раздувшимся портфелем, спешил по покрытому гудроном шоссе. Позади него остывал самый большой самолет компании, только что проделавший беспосадочный перелет из Индии.

Пасариан направился к ближайшему телефонному автомату. Несмотря на поздний воскресный вечер, отложить этот звонок он не мог. Торну необходимо рассказать, что произошло. И немедленно.

В кармане индеец обнаружил кредитную телефонную карточку и горсть индийских монет. Он нервно постукивал по стеклу телефонной будки, ожидая, пока, наконец, соединится с дачей Торнов на озерах. Поднявший трубку лакей доложил, что Торн будет сегодня только поздно вечером и пообещал передать своему хозяину послание индейца.

Пасариан расстроился, он никак не мог сообразить, что же ему делать. Некоторое время он размышлял, затем опять снял трубку и, не придумав ничего подходящего, набрал номер Бухера.

Квартира Бухера выглядела такой же безликой и холодной, как и его кабинет. Единственное, что тут по-настоящему привлекало взгляд, — захватывающая дух панорама Чикаго.

Бухер читал, когда раздался звонок. Он протянул руку и снял трубку.

— Бухер, — представился Поль.

Последовала пауза, легкая заминка, потом в трубке раздался голос Пасариана:

— Поль, это я, Дэвид. Мне надо кое-что сообщить тебе.

— Где ты? — Голос Бухера напрягся.

— В аэропорту. Здесь, в Чикаго. Мне надо уехать. Неприятности.

Бухер оборвал его:

— Немедленно приезжай сюда.

В это время Ричард и Анна наслаждались одиночеством. Мальчики вернулись в Академию; гости, которых непременно надо было развлекать, разъехались по домам. Да и ни на какие

встречи не надо было мчаться сломя голову. Телефон молчал. Торны пребывали в каком-то романтическом настроении и решили вечером прокатиться по снегу на санях.

Это были настоящие сани, огромные и тяжелые. Справиться с ними могла только одна лошадь — Клайдсдэйл. Пару таких лошадей Ричард прикупил на прошлое Рождество у своего приятеля. Анна тогда перекрасила сани, прикрепила к ним колокольчики. И теперь их залихватский звон предупреждал о приближении упряжки.

Заскрипели полозья, раздался конский топот — это возвращались с прогулки Ричард и Анна. Тесно прижавшись друг к другу под одним теплым одеялом, счастливые и радостные, они только удивлялись: за что им такая благодать...

Войдя в дом, Ричард тут же обнаружил послание Пасариана. Он сразу попытался дозвониться до него, но индейца не оказалось на месте. Ричард пожал плечами и повесил трубку.

— Нет дома, — обратился он к Анне и привлек ее к себе. — Завтра утром увижу его. В конце концов не так уж это и важно.

Анна, порозовевшая на морозе, со сверкающими в волосах снежинками, была очаровательна. Она потянулась, чтобы поцеловать мужа.

— Ничего не может быть более важным, чем то, что я для тебя припасла... — вымолвила Анна.

Ричард ответил ей долгим и страстным поцелуем. Тогда Анна взяла его за руку и повела наверх, в их спальню.

Пасариан сидел на черной кожаной кушетке в строгой элегантной гостиной Бухера и медленно потягивал кофе. Мысли его разбегались. Он чувствовал себя выжатым как лимон. Когда Бухер предложил индейцу выпить что-нибудь крепкое, тот отказался, зная, что моментально уснет от спиртного.

Бухер пытался осмыслить все то, что сейчас рассказал ему Пасариан.

— Итак, ты думаешь, — начал Бухер, — что этот человек не захотел продавать нам землю и потому был убит? Да еще одним из наших людей?

Пасариан устало кивнул.

— Я почти уверен в этом.

— Но это невозможно! — воскликнул Бухер и направился к бару, чтобы плеснуть в бокал спиртного.

— Я объездил восемь провинций, прицениваясь и проверяя землю, и в трех из них...

— Трех?

— Три убийства. — Пасариан отхлебнул глоток кофе и поставил чашку.

— Но кто это мог быть?

— Понятия не имею.

— Да, — глубоко вздохнул Бухер. — Пожалуй, будет лучше, если во всем этом разберусь я сам.

Индеец поднялся.

— Доложить Ричарду? — Он потянулся за пальто.

— Да уж, придется! — ожесточенно произнес Бухер. — Я звякну ему утром. — Он помог Пасариану надеть пальто. — Кстати, — как бы между прочим, проговорил Бухер, — Торн хочет тебя видеть.

— Ричард? Зачем?

Бухер проводил Пасариана до дверей.

— Очевидно, что-то с твоей П-84. У тебя на письменном столе должна быть докладная, Ричард обеспокоен. Надо срочно проверить утром. — Он пожал индейцу руку и добавил: — Я не хочу покрывать это, Дэвид.

Пасариан кивнул.

— Ладно, я проверю, — бросил он и открыл дверь.

Бухер устремил взгляд в окно, рассматривая очертания Чикаго.

— Надеюсь, эти люди на полях не слишком энергичны? — тихо произнес он. Потом обернулся к индейцу и улыбнулся: — Спасибо, что заглянул, Дэвид. Я действительно ценю твое доверие.

Пасариан кивнул, попрощался с Бухером и вышел, чувствуя себя не в своей тарелке. Он размышлял, правильно ли только что поступил.

Плохие новости, привезенные внезапно возвратившимся Пасарианом, начисто выбили из колеи Бухера. Надо было доложить обо всем Торну. Кроме всего прочего, предстояла мышинная возня с установкой П-84. Голова у Бухера шла кругом от всех забот. Поэтому неудивительно, что он начисто забыл, какой сегодня день. А ведь именно сегодня должны были приехать курсанты из Академии, чтобы осмотреть недавно приобретенный сельскохозяйственный завод.

Бухер выглянул из окна и, увидев внизу автобус Дэвидсоновской Военной Академии, весьма удивился. Когда до него наконец дошло, зачем здесь этот автобус, Бухер немедленно вызвал секретаршу и велел на время отменить все телефонные разговоры. Необходимо было заняться мальчиками.

«Едва ли можно было выбрать более неудачный день», — подумал Бухер.

Тем временем подростки оживленно обменивались впечатлениями. До сего момента они имели лишь отдаленное представление, насколько богаты Торны. Но сегодня, увидев кирпичные громады, занимающие по площади целый город — в таких небольших городках жили некоторые из курсантов, — мальчики были просто ошеломлены. Кто-то даже присвистнул.

Тедди решил разрядить возникшую напряженность.

— А входит ли в экскурсию обед? — Он похлопал себя по животу и облизнул губы наподобие некоего гротескового персонажа из мультфильма.

— Конечно, — вежливо заверил его Дэмьен.

Марк решил продолжить начатую Тедди игру.

— Мы проверим на тебе действие нового пестицида, — заявил он, и все рассмеялись.

Курсанты вошли в главное здание компании, где их уже ждал Бухер.

Дэмыен вдруг почувствовал, что несколько смущается в его присутствии. У мальчика не было времени, чтобы усвоить даже сотую часть того, что он узнал о себе. И хотя Дэмыен ощущал себя сильнее и увереннее, он прекрасно понимал, что время действий еще не наступило. Мальчик, мельком глянув на Бухера, прочитал надпись на стеклянной стене, мимо которой они проходили: «Сектор пестицидов. Вход воспрещен. Только для сотрудников».

Бросив взгляд сквозь стекло, Дэмыен успел рассмотреть просторное помещение размером с добрую баскетбольную площадку. Мальчик заметил Пасариана. Зал был битком набит разноцветными, замысловато переплетенными трубами и плангами и походил на внутренности очень большого и сложного робота.

Эта лаборатория, созданная Пасарианом, была его детищем. Именно здесь собирались совершенствоваться и другие приобретения индейца — установку П-84.

Пасариан стоял у большого компьютерного пульта, наблюдая, как на монитор поступает нужная информация.

Представив мальчиков одному из своих сотрудников, Бухер отрядил его сопровождать ребят. Сам же поспешил назад, в свой кабинет. Здесь предстояла очень важная конференция. Эту встречу готовили в течение нескольких недель.

Бухер предпочитал иметь дела с людьми, в чьих жилах бурлила молодая кровь, кто был до краев наполнен энергией и силой. Он безгранично мог сеять свои идеи в таких пытливых и одержимых жаждой деятельности умах. Только эти молодые люди могли стать достойными и исполнительными союзниками в борьбе за осуществление его проектов.

Бухера не переставало удивлять, какими же юными выглядели эти люди: одинаково причесанные, в костюмах-тройках. Ему вдруг показалось, что он обращается со вступительным словом к выпускникам Гарвардской школы бизнеса.

— Если проект приобретения земель, какой мы сейчас пытаемся осуществить в Индии, станет реальностью, — разглагольствовал Бухер, — нам придется опасаться местного населения, которое вдруг решило, что мы начнем его эксплуатировать. Ерунда, мы не собираемся этого делать! Мы находимся там, чтобы помогать! У этих людей, — конечно, не по их вине, — отсутствуют и культура, и образование. Мы принимаем все это, как само собой разумеющееся. Мы нерадиво будем исполнять свои обязанности и как сотрудники «Торн Индастриз», и как американцы, — Бухер удовлетворенно отметил про себя, что в должном порядке расставил слова, — если не поделимся нашим изобилием с теми, кто несчастлив и голоден. И еще запомните: обеспечивая пищу Индии и Ближний Восток, мы предотвратим продвижение в эти регионы русских. Таким образом мы приобретем не только благодарность, но и ресурсы.

В кабинет вошла секретарша.

— Мистер Пасариан приступил к испытанию П-84, — сообще-

ла она, залившись краской при виде столь многочисленного племени молодых мужчин.— Вы просили доложить.

— Спасибо,— поблагодарил Бухер, повернулся к аудитории и улыбнулся.— Джентльмены, отдохните полчаса.— Он вышел, прикрыв за собой дверь.

Эти могли и подождать. Никаких отлагательств не терпело лишь дело с Пасарианом.

Сотрудник, сопровождавший мальчиков по заводу, был благовоспитанным молодым человеком. Он принадлежал к низшим эшелонам власти и работал в отделе связей с общественностью. И действительно, молодой человек в это утро всего себя посвятил ребятам, надеясь, что его ретивость произведет на юных сыновей Торна благоприятное впечатление, и они со временем о нем вспомнят.

Молодой сотрудник только что привел ребят в сектор пестицидов.

— Чтобы урожай был как можно богаче и для ускорения его созревания,— объяснял он,— требуются более эффективные и улучшенные удобрения, а также вновь изобретенные пестициды.

Группа остановилась перед запертыми дверями. Это и был отдел по производству пестицидов, где Пасариан проводил испытание своей установки П-84. Гид показал охраннику свои документы и незаметно сунул двадцатидолларовую бумажку. Это помещение никогда не включалось в обычную экскурсию, но молодому сотруднику так хотелось сделать для юных Торнов и их друзей что-то особенное.

Распахнулись массивные двери, и курсанты вошли внутрь помещения. Двери за ними немедленно захлопнулись. На полную мощность гудели машины, и сопровождающему ребят сотруднику пришлось повысить голос, чтобы его услышали.

— Сложная работа,— он почти кричал,— целиком выполняется всего лишь тремя сотрудниками вон там, у компьютерных пультов.— Гид указал в направлении застекленной площадки прямо посреди зала.— Вот почему вы здесь никого не видите.

Большинство ребят были несколько ошарашены масштабом происходящего. Но только не Тедди. Мысли его опять застопорились на привычной теме.

— А существуют ли в природе пестициды, повышающие сексуальную активность? — поинтересовался Тедди.

— О господи, Тедди,— накинулся на него один из курсантов.— Ты опять об этом!

Но молодой сотрудник как ни в чем не бывало продолжал свое объяснение.

— Тедди совершенно прав,— возразил он,— сексуальные стимуляторы — феромоны — извлекают из насекомых и прячут в ловушку, чтобы привлечь особей противоположного пола, в этом-то капкане и гибнут насекомые. А истребив достаточное количество представителей одного пола, вы по существу уничтожите и сам вид, так как не остается никого, кто бы мог его воспроизводить.

Однако вся эта информация бледнела по сравнению с окружающей грандиозностью происходящего. Гид провел ребят по металлической лестнице прямо под потолком. Они находились теперь высоко над лабиринтом разноцветных труб.

— Это устройство для сортировки, — на ходу продолжал объяснять молодой сотрудник, то и дело срываясь на крик. — Оно, как и все остальное тут, компьютеризировано. Установка запрограммирована таким образом, чтобы поставлять на главный завод точные порции смесей вещества и растворов из складских цистерн.

Теперь все могли видеть Пасариана, расположившегося внизу, рядом со сложнейшей измерительной системой. Она фиксировала необходимое давление и крепилась в связке желтых труб.

Пасариан взглянул вверх и узнал своих юных друзей.

— Марк! Дэмьен! — позвал он. — Что вы здесь делаете? — Индеец был встревожен их присутствием. С испытанием установки что-то никак не клеилось.

Мальчики улыбнулись ему.

— У нас грандиозная экскурсия! — прокричал Дэмьен. Потом они вместе с Марком помахали Пасариану рукой и двинулись дальше. Индеец почувствовал замешательство.

Как раз в этот момент в дальнем углу зала внезапно лопнула труба, и из нее с шипением повалил густой зеленоватый пар. Он стремительно наполнял зал.

— Утечка! — закричал кто-то.

Пасариан поднял глаза и увидел, как лицо его помощника искажилось от вдыхания ядовитого газа. Помощник еще раз судорожно вздохнул, потерял сознание и опрокинулся через поручень. Он упал на пол, разможив себе голову.

Пасариан не верил собственным глазам. Он бросился к компьютерному пульту и заорал:

— Всем выйти! Заберите отсюда детей!

Его приказ долетел до экскурсантов. Гид испуганно оглянулся. Газ уже почти поднялся до их уровня.

Пасариан впился глазами в показания измерительных приборов. Давление стремительно падало по мере того, как из развороченной трубы мощной струей уходил газ.

На пульте имелась кнопка тревоги. Пасариан изо всей силы надавил на нее. Сквозь стекло он глянул в прилегающий компьютерный зал и увидел, что два техника в белых халатах оживленно болтают друг с другом. Аварийная кнопка, похоже, не срабатывала. Откуда мог знать индеец, что эту кнопку сегодня утром установил его начальник Бухер?

Пасариан снова нажал кнопку, но оба техника как ни в чем не бывало продолжали свою беседу. Очевидно, они ничего не замечали.

И тут индеец услышал крики курсантов. Ребята задыхались и кашляли, они, спотыкаясь, наталкивались друг на друга в отчаянной попытке выбраться отсюда. Охваченные ужасом курсанты жадно хватали ртом воздух. Слезы струились у них из глаз. У некоторых ребят на лицах и руках высыпали крошечные волдыри.

Сопровождающий курсантов сотрудник бросился к грузовому лифту и принялся неистово нажимать подряд все кнопки.

Но безуспешно. Лифт не работал.

Сотрудник тькал в кнопку за кнопкой. Он не знал, что ему делать. Меньше всего в этой ситуации молодой человек боялся за свою собственную жизнь. Но допустить, чтобы с кем-нибудь из юных Торнов случилась беда, — этого он не мог. Чего будет стоить тогда его собственная жизнь?

Единственным человеком, кого, казалось, совершенно не коснулась всеобщая паника, был Дэмьен. Газ не действовал на него. Он оглянулся на своих друзей, уже начинающих терять сознание. И тут впервые Дэмьен ощутил свою особую силу.

Понял мальчик и другое. У него появилась свобода выбора. Он может сейчас уйти и остаться в живых. Он будет единственным уцелевшим в этой аварии. Но есть еще одна возможность. Дэмьен поможет всем остальным выпутаться из этой ситуации и, конечно, тут же попадет в герои.

Странно, но все это начинало обретать для него некий смысл.

Дэмьен решил помочь ребятам. Ему пришлось по вкусу мысль прослыть героем. Мальчик быстро оглядел потолок и заметил металлический трап, закрепленный на стене и ведущий к люку, который выходил, очевидно, на крышу.

— Туда! — крикнул Дэмьен и устремился к трапу. Он ловко и грациозно вскарабкался по нему, дотянулся до портика и наконец распахнул люк, впуская потоки солнечного света и свежего воздуха.

Остальные ребята брели, еле передвигая ноги, вдоль узкого прохода. Они опирались друг на друга. Мальчики на ощупь взобрались по трапу на крышу, где тут же рухнули, распластав руки и глубоко вдыхая воздух тяжелыми, жадными глотками.

Внезапно Дэмьен вспомнил про Пасариана. Он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, все ли на месте, потом повернулся и снова скользнул вниз. Мальчик двигался быстро и осторожно по верхнему коридору. Потом он молниеносно сбежал по металлической лестнице.

Никого. Пасариана и след простыл. Лишь зеленый ядовитый газ, клубясь, наполнял зал. Сработал наконец аварийный сигнал, и кругом замелькали красные огни.

Дэмьен перебежал на другую сторону и опустился по лестничному пролету на следующий уровень.

Здесь он увидел Пасариана. Но индеец уже ни на что не реагировал. Скорчившись, он лежал рядом с развороченной трубой. Рука индейца была вытянута вперед, по-видимому, это была его последняя попытка заделать отверстие. Вдувшееся и покрытое волдырями лицо было практически неузнаваемо.

Дэмьен с отвращением отвернулся и со всех ног кинулся к лестнице.

Вновь очутившись на крыше, мальчик обнаружил, что остальные ребята все еще находятся в состоянии панического смятения. Они катались по крыше, задыхались, жадно хватая ртом воздух. Дыхание с присвистом вырывалось из легких. От боли слезы струились из глаз.

Дэмыен пробирался между корчившимися телами к Марку. Ему необходимо было узнать, в каком состоянии находится его брат.

И пока Дэмыен разыскивал Марка, он внезапно осознал, что вот такой — нынешний — он начинает себе нравиться. И плевать на то, кто он есть на самом деле.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Узнав о случившемся, Ричард Торн и Анна покинули Озерный уголок и помчались в Детский госпиталь, куда после аварии отвели курсантов.

Торн стоял бледный и небритый. Его трясло от гнева. Он разговаривал с Бухером по больничному телефону рядом с палатой мальчиков.

— Кажется, с ними обошлось, — говорил Ричард, — но я пока не переговорил с врачом. Мне нужен полный отчет о том, что произошло, и этот отчет должен лежать сегодня на моем письменном столе!

Ричард бросил трубку и, вконец измученный, тяжело привалился к стене.

Краешком глаза он заметил высокого и красивого чернокожего врача, входящего в палату мальчиков. Торн бросился за ним. Он с нетерпением ждал результатов предварительных анализов.

Анна сидела на стуле меж двух кроватей. Марк был бледен и слаб. Однако Дэмыен, похоже, чувствовал себя вполне прилично.

Врач подошел к Анне. Он назвался доктором Кейном. Торн стоял позади него.

— С мальчиками все будет в порядке, — обнадежил доктор Кейн. — Мы проверили, не повреждены ли у кого из ребят легкие. Никаких признаков. Какое-то время их еще будет подташнивать, но постоянных...

— Я хочу, чтобы за всеми ухаживали самым лучшим образом, — прервал его Торн.

Доктор Кейн утвердительно кивнул.

— Конечно, — согласился он, отводя Торна в сторону. — А нельзя ли мне переговорить с вами лично? Всего минуту? — прошептал врач.

— Да, да, конечно. — Торн последовал за доктором в коридор. Дэмыен, лежа в кровати, пристально наблюдал, как они выходили.

Выйдя в коридор, доктор Кейн подождал, пока пройдет медсестра, и, когда уже никто не мог услышать их, тихо заговорил.

— Мы провели все возможные анализы крови и поврежденных тканей. Каждый мальчик в той или иной степени подвергся воздействию газа. Каждый, за исключением вашего сына Дэмыена.

Мыскулы на лице Торна дрогнули.

— Что вы имеете в виду? — спросил Ричард. — Он что...

Доктор Кейн перебил его.

— Нет, нет, мистер Торн. Это совсем не то, что вы думаете. — Врач изо всех сил старался объяснить все как можно деликатней. — Дэмьен вообще не подвергся никакому воздействию... совсем.

В палате Дэмьен обратился к Анне.

— Как ты думаешь, что происходит? — Его глаза начали затуманиваться темным и холодным гневом.

— О, скорее всего ничего, — рассеянно произнесла Анна. — Доктора ведь так любят всякие секреты.

Когда мужчины вернулись в палату, Ричард выглядел очень расстроенным.

— Доктор просил оставить Дэмьена здесь еще на пару дней, — произнес он, пытаясь говорить непринужденно. — Ему необходимо провести еще кое-какие анализы.

Дэмьен сел на кровати.

— Но со мной же все в порядке, — запротестовал он. — Почему мне надо остаться, если...

— Вы хотите провести повторные анализы? — прервала мальчика Анна, обращаясь к доктору Кейну.

Торн выразительно взглянул на них: не в присутствии ребят.

Дэмьен снова заговорил:

— Я не хочу оставаться здесь!

Анна подошла к мальчику и взяла его руки в свои.

Марк тоже поспешил на помощь брату.

— Если он останется, то и я с ним.

Анна устремила взгляд на врача.

— Почему мы не можем сейчас же забрать их домой? Мы приведем сюда Дэмьена на следующей неделе. Ужасно все, что с ним произошло.

— Может быть, так и сделаем? — робко спросил Ричард.

Похоже, доктору Кейну не очень нравился этот вариант, но врач прекрасно понимал, что он окончательный.

— Хорошо, — согласился доктор Кейн.

Анна, торжествуя, улынулась и еще раз обняла Дэмьена.

— Замечательно, мальчики, — обратилась она к ним. — Почему бы вам теперь не отдохнуть, а попозже мы заедем за вами и отвезем на озеро, договорились? Свежий воздух будет вам полезен.

Мальчики радостно закивали, расцеловались с родителями и проследили взглядом, как за ними и доктором Кейном закрылась дверь.

В тот же день поздно вечером доктор Кейн сидел в больничной лаборатории, склонившись над микроскопом. Он пытался усвоить значение только что увиденного и в сотый раз уставился на стеклянную пластинку с мазком крови. Затем заглянул в справочник, лежащий подле него: это была толстая голубая книга с мелким шрифтом и до мельчайших деталей подробными фотографиями, потом снова уставился на слайд. Ошибки быть не могло.

Кровь Дэмьена Торна содержала хромосомный набор шакала.

Это походило на какую-то абракадабру, что-то вроде дурацкой шутки, и тем не менее доказательство было налицо. Вот с ним-то рассудительный ум Кейна и вел сейчас борьбу.

По необъяснимой причине Кейну не хотелось заниматься всем этим в одиночестве. Врач поднял трубку и набрал внутренний добавочный номер. Совершенно случайно его друг и коллега оказался на работе.

— Да, — буркнул знакомый голос.

— Бен! — крикнул Кейн. — Слава Богу, ты еще на месте! Можно я спущусь к тебе на минутку? Надо перекинуться парой слов.

— Вообще-то, — раздался хрипловатый голос, — я уже ушел.

— Пожалуйста, это срочно, — попросил Кейн.

— Ладно, спускайся, — согласился наконец коллега.

— Спасибо, Бен. Через минуту буду. — Кейн повесил трубку, аккуратно поставил слайд в контейнер и, засунув справочник под мышку, направился к лифту.

В Озерном уголке все крепко спали. И лишь Дэмьен бодрствовал. Он неподвижно лежал в постели. Его широко раскрытые глаза были устремлены в одну точку. Казалось, они глядели на что-то невидимое, находящееся в ином, далеком измерении. Мальчик чувствовал, что ему необходимо сосредоточиться на этом. Он изо всех сил сконцентрировался. Пот выступил на лбу, и все тело охватила дрожь.

Доктор Кейн вошел в лифт и нажал кнопку. Ему надо было спуститься на шестнадцатый этаж. Дверцы плавно захлопнулись, и лифт двинулся.

Но почему-то не вниз, а вверх.

Врач глянул на светящееся табло. 21...22...23... Он снова нажал на кнопку «16». Лифт остановился, и дверцы разошлись.

Доктор Кейн в третий раз надавил ту же кнопку.

Дверцы лифта сомкнулись, и он наконец поехал вниз: 19...18...17...

Лифт миновал шестнадцатый этаж и, набирая скорость, продолжал спускаться.

Кейн испугался и ощутил замешательство. Он уронил справочник и слайды. Врач судорожно тыкал пальцем во все кнопки подряд. Они вдруг разом загорелись и начали мигать. Лифт набирал скорость. Он стал вибрировать и трястись.

10...9...8...

— Господи, Боже мой! — закричал Кейн, колотя по панели и нажимая все кнопки и выключатели.

5...4...3...

Внезапно лифт, дернувшись, застопорился. Кейна швырнуло на пол. В мертвой тишине на полу лифта неподвижно лежал врач, боясь шевельнуться или вздохнуть.

Потом он перевернулся, медленно и осторожно. Сел. Ощупав себя, Кейн убедился, что ничего не сломал. Кажется, все обошлось. Он был ошеломлен, но не ранен. Кейн заметил, что

слайды разбились, но сейчас ему было на это наплевать. Он радовался, что остался жив.

А высоко над ним, в шахте, от внезапной остановки лифта оборвался один трос. В эти мгновения он падал с молниеносной скоростью, как огромный, смертоносный кнут.

И тут Кейн услышал звук: высокий, пронзительный, металлический визг. Врач огляделся, но так и не понял, откуда исходит этот шум. Он поднял глаза и успел заметить, как трос надвое перерезал крышу лифта, скользнул вниз и то же самое проделал с полом, заодно расчленив пополам и самого Кейна.

Дэмень наконец расслабился; глаза его закрылись, и он уснул, так мирно и безмятежно, как не спал уже целую вечность с тех самых пор, когда почувствовал это странное внутреннее волнение. На шестой день июня.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ричард с Анной валялись в постели, просматривая доставленные вместе с завтраком утренние газеты. Ричард уткнулся в свою любимую «Уолл Стрит Джорнал», Анна же предпочитала «Чикаго трибун».

Раскрыв газету, Анна чуть не задохнулась.

— Ричард! Посмотри! — вскрикнула она, протягивая мужу газету.

244 Там помещалась жуткая фотография погибшего доктора Кейна. Внизу была напечатана сопровождающая статья о трагедии в лифте накануне вечером. Рядом коротко излагалось и об утечке газа на «Торн Индастриз».

Ричарда не особенно взволновала гибель доктора Кейна. Он тут же пробежал глазами заметку об аварии в компании, интересуясь, в каком свете выставили журналисты эту историю.

— Только вчера мы разговаривали с ним, — задумчиво произнесла Анна, накручивая на палец прядь волос. — Тебе не кажется, что во всем этом присутствует нечто сверхъестественное?

— Гм-м-м...

Анна отхлебнула глоток кофе и в упор посмотрела на мужа.

— В любом случае интересно, что за анализы собирался провести доктор Кейн?

— Я не уверен, — пробормотал Ричард, — я не думаю, что даже он... — Торн вдруг умолк. — А где мальчики? — внезапно спросил он.

— Спят, я полагаю. А что?

Ричард отложил газеты и повернулся к Анне.

— Я просто не хочу, чтобы они об этом узнали.

— Но почему? — Анна забеспокоилась. — Что тебе сказал врач?

— Похоже, на Дэмена газ никак не подействовал.

— Ну, а что же в этом плохого-то? Нам следует благодарить судьбу...

— Но именно это обстоятельство взволновало врача, — возразил Ричард. — Так произошло потому, что у Дэмьена, как утверждал Кейн, иная хромосомная структура.

— Иная? — воскликнула его жена. — Да это просто какой-то абсурд!

— Именно так я ему и ответил, — согласился Ричард. — Но, похоже, доктор Кейн был по-настоящему обеспокоен.

Анна некоторое время сидела молча, потом спросила:

— И что же ты намерен предпринять?

— Да ничего. — Ричард снова потянулся за своей газетой. — Я не покупаюсь на эти генетические штучки. Дэмьен в полном порядке.

Доктор Чарльз Уоррен только что вернулся из Эйкры, где возглавлял утомительную отправку последних экспонатов, найденных во время раскопок в замке Бельвуар. Экспонаты было намечено выставить в музее Торна.

Уоррену так и не удалось увидеть стену Игаэля. Бесценный экземпляр был упакован и отправлен до того, как прибыл ученый. Уоррен очень расстроился по этому поводу. С тех самых пор, как его погибшая приятельница журналистка Джоан Харт устроила из-за стены такой скандал, его словно магнитом потянуло к этому экспонату. А теперь он вынужден дожидаться, когда стена Игаэля придет, наконец, в Чикаго, или же мчаться в Нью-Йорк и отлавливать ее там, карауля приход судна.

Уоррен испытал нечто, похожее на счастье, когда ступил на порог своего кабинета. Ученый полагал, что его кабинет является лучшим рабочим местом во всем здании музея. Кабинет находился на уровне подвала, он примыкал к котельной и тем самым обеспечивал тишину и уединение, необходимые для работы. Особенно в такие вот вечера, как сегодняшний, когда музей уже закрыт и все разбрелось по домам.

Кабинет Уоррена был оборудован по последнему слову техники, все это оснащение помогало ученому сохранять и реставрировать древние находки. Здесь имелись специальные кондиционеры, инфракрасное с ультрафиолетовым освещением, переносные обогреватели, напичканные термостатами, уйма каких-то химикатов в бутылках, многочисленные кисти, а также масса различных ножей и ножичков.

Имея в своем распоряжении эту любопытную комбинацию из древних памятников и современной технологии, ученый добивался того, что фреска вековой давности выглядела как новенькая. При этом оригинальный замысел художника оставался неповрежденным. Для реставрации Уоррен использовал только те материалы, что были доступны древним художникам.

Доктор Уоррен рассматривал некоторые вещицы, полученные накануне из Эйкры. Отодвинув в сторону несколько бронзовых ножей и пару глиняных плошек, он вытащил очень древний кожаный сундучок. Это был один из экспонатов, которые Уоррен привез сюда на самолете лично. Предполагая их ценность, он

только и ждал подходящего момента, чтобы в одиночестве внимательно осмотреть находки.

Доктор Уоррен развязал кожаные ремешки и открыл сундучок. Заглянул в него, понюхал. На поверку оказалось, что сундучок был не таким уж древним, хотя, конечно же, далеко не современным.

Ученый сунул внутрь руку и вытащил несколько туго перевязанных пергаментных свитков. Он отложил их в сторону. Потом снова полез в сундучок и извлек оттуда миниатюрное распятие с фигуркой Спасителя. Христос, казалось, мучился в страшной агонии. Ученый уставился на предмет. Затем отложил его и снова запустил руку внутрь сундучка, доставая оттуда вполне современный конверт! Доктор Уоррен был крайне заинтригован, но и этот конверт последовал за уже извлеченным содержимым.

В сундучке кое-что еще оставалось.

Уоррен поднял со дна довольно увесистый сверток, обернутый в ветхую, разодранную тряпку: когда ученый вытаскивал этот сверток, что-то внутри его звякнуло. Он развернул ткань и обнаружил семь тонких, очень острых и, похоже, невероятно древних кинжалов. Рукоятки их — каждая в виде распятого на кресте Христа — были вырезаны из слоновой кости.

Любопытство Уоррена достигло предела. Он схватил конверт и разорвал его. Оттуда вывалилась кипа каких-то бумаг. Ученый изумленно уставился на нее. Он узнал почерк Карла Бугенгагена.

Уоррен начал читать бумаги.

Сегодня был один из тех редких чудесных вечеров, когда семья Торнов собралась в собственном кинозале и смотрела захватывающий вестерн. Полсеместра мальчики уже отзанимались и теперь приехали на отдых.

На экране высокий мужчина шагал по улице какого-то заштатного городка. Руки его находились на бедрах, в нескольких дюймах от рукояток револьверов.

Мужчина, конечно же, не заметил короткого дула винчестера, нацеленного на него из окна третьего этажа, как не заметил и колебания занавесей в окне второго этажа, где находился, по мысли режиссера, пустой продуктовый склад.

И вот грянул выстрел, мужчина упал.

Внезапно изображение начало множиться, стало каким-то размытым, а затем перескочило с экрана на стену.

— Пристрелить киномеханика! — завопил Дэмьен.

И тут же из отверстия в стене высунулась голова Марка. Мальчик крикнул в ответ:

— Упал замертво! — Он нетерпеливо повернулся к проектору, исправляя неполадки.

Как правило, у проектора стоял один из лакеев, но Марк упросил Ричарда научить его пользоваться аппаратом. Сегодня мальчик впервые выступал в роли киномеханика и, как нарочно, застопорил фильм на самом интересном месте.

К счастью, Марк быстро справился с забарахлившим проекто-

ром и снова запустил фильм. Все это время Дэмьен сочувственно подбадривал брата.

И вот герой вскакивает на ноги и устраивает восхитительную пальбу. Правой рукой он выхватывает пистолет и наповал укладывает человека с винчестером, а левой вытаскивает еще один пистолет и отправляет на тот свет кого-то за колеблющейся занавеской. Этот кто-то вынужден рухнуть напрямиком на крышу склада, а потом, прокатившись по ней, свалиться оттуда на стоящую внизу лошадь. Сам герой тут же прыгает на другую лошадь и скачет навстречу заходящему солнцу под общие громкие аплодисменты.

— Ну! Хоть конец счастливый! — произнесла Анна, пока Дэмьен включал свет.

— Так, средненький фильм, — резюмировал Дэмьен.

Анна улыбнулась и покачала головой.

— А не слишком ли ты молод для подобной циничности? — Она встала и потянулась. — Кто желает сэндвич?

— Первый! — Ричард поднял руку.

— Второй! — присоединился к нему Дэмьен.

— По-моему, Марк тоже не против, — сказала Анна и пошла на кухню.

Тем временем Марк в будке осторожно сматывал фильм, стараясь не поцарапать киноленты. Дэмьен свертывал экран, а Ричард складывал настольную игру.

Внезапно раздался звонок в дверь. Ричард с Дэмьеном в один голос воскликнули:

— Кто бы это мог быть?

Дэмьен пожал плечами.

— Пойду открою, — бросил он и направился к входной двери.

На пороге стоял Чарльз Уоррен. Он насквозь продрог и весь был запорошен снегом. В руках он сжимал конверт с бумагами Бугенгагена. Ученый дрожал, но не от холода. Только что он прочел нечто такое, что до смерти напугало его.

Когда дверь открылась и Уоррен увидел перед собой Дэмьена, он чуть не задохнулся от неожиданности. Чарльз попытался улыбнуться, но улыбка получилась какая-то вымученная, и Дэмьен мгновенно уловил эту перемену. Он моментально насторожился.

— Хэллоу, доктор Уоррен, — чеканя слова, произнес мальчик.

— Привет, Дэмьен, — Чарльз пытался говорить как можно естественней. — Ты не передашь папе, что мне необходимо повидать его?

— А он вас ждет? — вопрос Дэмьена прозвучал сухо и официально. Мальчик даже не пригласил ученого в дом.

— Пожалуйста, передай ему, что я здесь, — произнес Уоррен, и в его голосе зазвенели стальные нотки.

Дэмьен на секунду заколебался, потом проговорил:

— Входите.

Уоррен шагнул в холл, и мальчик прикрыл за ним дверь.

— Я передам ему, что вы здесь, — сказал он и направился в комнату.

Уоррен стряхнул с куртки снег.

— Там доктор Уоррен,— сообщил отцу Дэмьен.

— Чарльз? — Ричард обрадовался, но удивился. — Отлично!

Так веди же его!

Но Уоррен, не вытерпев, уже сам входил следом за мальчиком.

— Попроси маму слепить еще один сэндвич для доктора Уоррена,— велел Ричард Дэмьену, который молча вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Оставшись в одиночестве, Дэмьен дал волю своему бешенству. Ему не требовалось никакого объяснения, зачем здесь Уоррен и какова причина столь странного взгляда, каким ученый окинул в дверях мальчика. Но он ничего не мог сделать — пока. Дэмьен поспешил на кухню заказать еще один бутерброд, как ему было велено.

Пока Ричард наполнял коньяком два бокала, Уоррен размышлял, с чего начать.

Торн совершенно забыл о Марке, который все еще продолжал перематывать пленку. Мальчик находился в будке, откуда было слышно каждое слово беседы доктора Уоррена с отцом.

Чарльз взял предложенный Ричардом бокал с коньяком и отхлебнул такой большой глоток, что хозяин удивленно взглянул на него.

Алкоголь придал Уоррену храбрости, и он решил спросить Торна напрямик.

— Ричард,— начал он,— можно я спрошу тебя об одном очень деликатном деле?

— Чарльз, мы же друзья,— подбодрил приятеля Торн.— Продолжай.

Уоррен глубоко вздохнул и поинтересовался:

— Ты не мог бы мне сказать, что на самом деле произошло в Лондоне с твоим братом?

Голос и поведение Ричарда резко изменились, в них появилась та холодная твердость, которая пресекала все разговоры на подобную тему.

— Почему ты задал этот вопрос? — наконец выдавил из себя Ричард.

— Накануне я распечатал прелюбопытнейший сундучок, который нашел в Эйкре. Принадлежал он Бугенгагену. В этом сундучке содержались личные вещи археолога. А нашли его рядом со скелетом Бугенгагена.

— Ну и что? — выпалил Торн. В его голосе начинало звучать нетерпение.

Уоррен сделал еще один приличный глоток.

— Знал ли ты, что именно Бугенгаген вручил твоему брату кинжалы? Те самые, которыми Роберт пытался заколоть Дэмьена?

Торн резко оборвал друга:

— Что ты такое несешь, черт подери?

В проекционной будке Марк, холодея, вслушивался в разговор.

— Семь лет назад Бугенгаген написал тебе письмо,— продолжал Уоррен.

— Письмо? Мне? — Торн принялся взад-вперед ходить по

комнате. — Я не получал никакого письма.

— Он не успел его отослать. Письмо находилось в сундучке.

— И ты его прочел? — произнес Торн обвиняющим тоном.

Уоррен как-то весь сжался.

— Ричард, — умоляюще вымолвил он. — Ты же знаешь меня.

Я — человек рациональный. Но то, что я хочу тебе сейчас сказать, прозвучит наверняка совсем по-иному.

— Ну давай же, Уоррен, выкладывай все поскорее, ради Бога!

— Бугенгаген утверждает, что Дэмьен... — Уоррен судорожно сглотнул, — что Дэмьен... орудие Дьявола. Антихрист!

Торн уставился на Уоррена так, будто тот сошел с ума.

А в проекционной будке у Марка перехватило дыхание.

Уоррен тем временем продолжал:

— Он не человек, Ричард. Я понимаю, все это выглядит сумасшествием, но Бугенгаген утверждает, что Дэмьен — порождение шакала!

Торн рассмеялся.

— И ты не преминул тут же выложить мне все это? — Он мотнул головой и собрался уйти.

Уоррен осушил бокал и поставил его на стол.

— Твой брат все понял, — заговорил он, следуя за Торном. — Он приехал к Бугенгагену в отчаянии, не зная, что ему делать. Старик поведал Роберту, как покончить с мальчиком.

Торн с грохотом опустил на столик стакан и повернулся к Уоррену.

— Мой брат был болен, — ледяным тоном произнес он. — Болен психически. Смерть его жены...

— ... вызвал Дэмьен! — закончил за Ричарда Чарльз. — И все остальные смерти... пять необъяснимых случаев. Кажется, это лишь часть тех предначертаний, что записаны в «Откровении Иоанна Богослова». — Уоррен понимал, что вступил на опасный путь, но продолжал, не обращая внимания на раздражение Торна. — Бугенгаген...

— Который, очевидно, свихнулся, — перебил Чарльз хозяин.

Уоррен в изнеможении покачал головой. Страх вновь овладел ученым.

— Я знаю, все это звучит безумно... — признался он.

— Но ты этому веришь, — возразил Ричард.

Уоррен вытащил из кармана письмо Бугенгагена и швырнул его на стол.

— Вот это письмо. Прочти его сам.

— Нет.

— Если Бугенгаген прав, — настаивал Чарльз, — то все мы в опасности. Ты, Анна, Марк — все мы. Вспомни-ка, что случилось с Джоан Харт — она знала.

Торн оставался несокрушимым.

— Я не намерен читать бредни старого маразматика! — произнес он.

— Ричард, — умолял Уоррен, — я знал Бугенгагена. Он не был старым маразматиком. Неужели ты не испытываешь ни малейшего подозрения? Неужели ничего странного...

— Нет! — заорал Торн.

Уоррену вдруг показалось, что Ричард его сейчас ударит, но он настойчиво продолжал: — Ты не замечал ничего такого, что показалось бы тебе странным? Ни в словах, ни в поведении мальчика?

— Я хочу, чтобы ты сейчас же ушел, Чарльз...

— Смерть уже не раз посетила нас...

— Убирайся! — Торна затрясло от ярости.

Но Уоррен уже не мог остановиться.

— Знаки слишком очевидны, Ричард. Да и совпадения что-то уж больно участились. Куда уж дальше. Почитай Библию — «Откровение Иоанна Богослова» — там все сказано! Нам придется испить чашу до дна!

— До какого дна?

— Стена Игаэля, — выдохнул Уоррен, тяжело дыша. — В письме Бугенгаген сообщает, что эта стена явилась последним доказательством, убедившим его. Сейчас стена Игаэля на пути в Нью-Йорк. И будет там со дня на день.

— Ты уже закопался в прошлом, — язвительно произнес Торн, — и превратился в религиозного маньяка, как и твоя приятельница Джоан Харт. Нет уж, я в этом не участвую. Сам поезжай и смотри на что хочешь!

— Я поеду, — мягко промолвил Чарльз и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Ричард, подавленный и оглушенный, опустился на стул. Он ощущал в словах Уоррена долю правды, но Торна обескураживало, что Чарльз вообще обладал этими сведениями. Что касается всего остального... Ричард удрученно покачал головой. Он чувствовал, что потерял близкого друга, а почему — Ричард не понял.

В проекционной будке Марк дрожал как осиновый лист. Он дотянулся до заслонки отверстия и осторожно задвинул ее.

Тем временем на кухне Дэмьен помогал Анне лепить сэндвичи. Услышав, как хлопнула входная дверь, затем завелся мотор и по дороге заскрипели шины, они взглянули друг на друга, а потом на вновь слепленные бутерброды.

— Ну ладно, так уж и быть, — бойко затараторил Дэмьен. — Придется, как видно, съесть их мне.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сон Дэмьена был таким безмятежным, каким и полагалось быть сну тринадцатилетнего мальчика.

Анна тоже мирно спала.

Но Ричард Торн не смыкал глаз, точно так же бодрствовал и Марк.

Занимался рассвет.

Торн, усталый и изможденный, сидел за письменным столом в своем кабинете. Обхватив голову руками, он пытался сообразить, что же ему делать. Перед Ричардом лежало письмо Буген-

гагена, адресованное ему. Ричард несколько раз перечитал его. Намеки были слишком очевидны и невероятны, так что Торну требовалось некоторое время, чтобы все это переварить.

Ричард собрал странички письма и запер их в столе. Потом встал и потянулся. Подошел к окну. Солнце едва-едва вытягивало свои лучи за далекими, покрытыми снегом холмами.

«Все это не может быть правдой,— прошептал Торн.— Такая штука, как Дьявол, существует лишь в людском воображении».

Он повернулся и зашагал наверх, в спальню, надеясь прилечь и уснуть хотя бы на пару часов.

Ричард не мог предположить, что сегодня не спал и Марк. Мальчик сделал вид, что спит, а когда все в доме стихло, выскользнул из постели и пробрался вниз, в библиотеку. Там он снял с полки большую семейную Библию и принялся читать «Откровение Иоанна Богослова».

Сумеречный утренний свет проник в окно библиотеки, когда Марк наконец оторвался от книги. Он чувствовал себя смертельно уставшим. Но самым страшным было то ужасающее знание, которое он только что почерпнул из Библии.

Ибо Марк, не задумываясь, сразу уверовал, что Дэмьен плоть от плоти Дьявола.

Он поднялся и поставил Библию на место. Потом тихонько, на цыпочках, выбрался в холл, стащил с вешалки свое тяжелое зимнее пальто, облачился в него и незаметно выскользнул на улицу. Ему необходимо было уйти отсюда и подумать, что делать...

— Кто, кто? Кто — Дэмьен? — воскликнула Анна, отрываясь от плиты, где она жарила яичницу.— И ты этому веришь, Ричард?

— Я не говорил, что верю этому, Анна,— возразил муж, стоящий в дверях кухни с письмом Бугенгагена в руках.— Я тебе просто пересказываю то, что наболтал тут Чарльз и что написано в этом послании.

— Но ты же не собираешься лететь в Нью-Йорк, Бог ты мой! — Анна отшвырнула ложку и направилась к шкафу за тарелками. Разговор показался ей каким-то бредом.— Уж не означает ли это...

— Нет! — рявкнул Ричард.— Все это чушь, и я, конечно, не верю в это. Но Роберт был убит в церкви, когда пытался заколоть Дэмьена, а...

— Да-да, Уоррен все-таки добрался до тебя.— Анна подошла к столу и поставила тарелки.— Теперь и ты заразился этим безумием.— Она приблизилась к мужу, перехватила из его рук письмо Бугенгагена и положила на стол. Затем взяла Ричарда за руки.— Я не позволю этому безумию овладеть тобой. Ты устал и не соображаешь, что делаешь. Ты никуда не едешь. И забудь обо всей этой ерунде...

— Анна...

— Нет-нет, покончим с этим. Ты услышал глупую, дурацкую историю,— теперь забудь ее,— Анна расплакалась.— О Ричард, что с нами происходит? Или мы все посходили с ума?

Ричард прижал ее к себе.

— Не плачь,— пытался он успокоить жену.— Ты права. Я устал и заработался. Прости меня, пожалуйста, прости...

— О Господи, конечно же,— пробормотала Анна, уткнувшись ему в плечо.

— Ну, успокойся, все в порядке. Я никуда не еду.

— А Дэмьен?.. Ты будешь по-прежнему к нему относиться?..

— Ну конечно, конечно.

— Обещай мне.

— Обещаю.

Обнимая жену и слегка покачивая ее в своих объятиях, Ричард стоял и глядел в окно. Вдруг он заметил на улице Дэмьена, пересекающего аллею позади дома. Мальчик направлялся в лес.

Эта картина пробудила в Ричарде смутное волнение.

— А где Марк? — спросил он, стараясь скрыть охватившую его тревогу.

— Он уже давно куда-то ушел,— ответила Анна, отстраняясь от мужа и вытирая глаза.— Когда я утром выходила за газетами, то заметила, что на вешалке нет его пальто.

— А почему бы и нам не погулять, а? — предложил Ричард.

— Но яичница...— Анна бросилась к плите, где уже начинали пригорать яйца.

— Я бы предпочел свежий воздух.

Анна уставилась на мужа. Что-то невероятное происходило в их семье, то, чего она никак не могла понять. В свое время, выходя замуж за Ричарда, она вполне отдавала себе отчет, насколько сложной будет их совместная жизнь. Но Анна так любила Ричарда и его мальчиков, что ей казалось, будто она преодолет любые семейные кризисы.

Однако сейчас уверенность Анны несколько пошатнулась.

Женщина пожала плечами и поставила сковородку в раковину.

— Хорошо,— с легкостью согласилась она,— идем на прогулку.

Марк сидел под деревом далеко от дома. В глазах мальчика застыл детский ужас. Он судорожно вцепился в колени, но не от холода, а от пронзительного страха, ибо никогда в жизни Марк так не боялся.

Мальчик не знал, у кого просить помощи. Ведь раньше все свои тревоги и страхи он выкладывал Дэмьену. А теперь?

Теперь он остался один на один со всем этим кошмаром.

Вдруг совсем рядом Марк услышал шаги.

— Марк? Эй, Марк!

Это был Дэмьен. Вездесущий Дэмьен.

Марк вскочил на ноги и, крадучись, стал отступать в глубь леса.

Дэмьен шел по пятам.

Марк бросился бежать.

— Эй, Марк!

Марк в глубине души понимал, что не уйдет далеко. Мальчик не спал всю ночь, он был измучен, ужас сковывал движения. Он

поравнялся с огородным деревом и нырнул за его ствол, пытаюсь хоть чуть-чуть отдышаться.

Прошло всего несколько минут, и он снова услышал рядом с собой голос Дэмьена.

— Я знаю, что ты здесь, — произнес Дэмьен.

Марк задрожал всем телом.

— Оставь меня одного, — еле слышно проговорил он.

Дэмьен обошел дерево и остановился в шести футах от Марка.

— Почему ты убегаешь от меня? — с горечью в голосе спросил Дэмьен.

Воцарилась длительная пауза. Наконец Марк хрипло вымолвил:

— Я знаю... кто ты.

Дэмьен улыбнулся:

— Знаешь?

Марк кивнул.

— Я слышал, что рассказал доктор Уоррен папе.

Дэмьен нахмурился.

— Так что же он сказал? — Это был уже скорее приказ, нежели вопрос.

— Он сказал... — Марк с трудом подыскивал слова, — он сказал, что Дьявол может создать свой образ на земле.

— Продолжай.

Марк отвернулся. Слеза скатилась по его щеке.

— Ну скажи это, Марк, — почти прошептал Дэмьен. Марк судорожно сглотнул.

— Он сказал... что ты — сын Дьявола.

Дэмьен тяжелым взглядом уставился на брата.

— Продолжай, — скомандовал он.

И тут Марка словно прорвало.

— Я видел, что ты тогда сделал с Тедди, — громко воскликнул он. — Я видел, что случилось и с Ахертном, и с Пасарианом! Твой отец пытался убить тебя! — кричал Марк. — Считают, что он сошел с ума, но если это и так, то только потому, что он знал. — Марк, весь дрожа с головы до ног, рухнул на колени.

Дэмьена охватило волнение. Он не собирался причинять брату боль.

— Марк, — начал он.

— У-у-у-у, — всхлипывал Марк.

— Ты мой брат, и я люблю тебя...

— Не называй меня своим братом! — вскинулся Марк. — У Антихриста не может быть брата!

Дэмьен тряхнул Марка за плечи.

— Послушай меня! — закричал он.

Марк отрицательно покачал головой.

— Признай же, — выпалил он, — признай, что ты убил свою собственную мать!

Это была последняя капля. Связующая мальчиков нить оборвалась.

— Она не была моей матерью, — яростно возразил Дэмьен. — Моей матерью...

— ... была самка шакала.

— Да! — с гордостью вскричал Дэмьен, и голос его еще долго отдавался эхом в лесу. Теперь мальчик полностью осознал всю свою силу. В глазах Дэмьена разгоралось пламя, а от его лица исходило какое-то нечеловеческое сияние. — Я рожден по образу и подобию величайшей силы, — заявил он, и голос его напрягся. — Отвергнутый ангел! Лишенный своего величия и сброшенный в бездну! Но он восстал во мне! Он смотрит моими глазами, и у него мое тело!

Марк с отчаянием огляделся по сторонам. Страх уже прошел. Мальчик чувствовал чудовищную опустошенность. Происходящее походило на бесконечный кошмарный сон, и убежать из него не было никакой возможности.

— Пойдем со мной, — предложил Дэмьен. — Я могу взять тебя с собой.

Марк поднял на него глаза. Он перестал дрожать, долгим взглядом уставился на кузена, наконец медленно покачал головой:

— Нет.

Дэмьен попытался еще раз:

— Не заставляй упрашивать тебя...

Марк твердо стоял на своем:

— Нет!

И этот отказ как будто вдохнул в него силы. Марк вскочил с земли и бросился бежать так быстро, как только позволяли его ослабевшие ноги.

— Марк! — позвал его Дэмьен.

— Отстань от меня, — бросил он Дэмьену.

— Марк! — крикнул вслед Марку Дэмьен. Это был голос, только однажды слышанный Марком. Тогда, в коридоре, когда Дэмьен расправился с Тедди. — Посмотри на меня! — приказал он.

Марк остановился. Он был не в состоянии сделать ни шагу.

— Пожалуйста, уходи, — умолял мальчик.

Голос Дэмьена пригвоздил его к месту.

— Я еще раз прошу тебя, — спокойно промолвил Дэмьен, — пожалуйста, пойдем со мной.

Марк обернулся и посмотрел прямо в глаза Дэмьену.

— Нет, — решительно ответил он и внезапно ощутил потрясающее спокойствие. — Ты, Дэмьен, не можешь избежать своей судьбы. А я — убежать от своей. — Марку вдруг показалось, что какая-то другая сила заставляет его произносить эти слова. — Ты обязан делать то, что тебе на роду написано.

Марк, покорившись своей судьбе, молча ожидал развязки.

Гнев охватил Дэмьена, гнев, порожденный отверженностью. Он рос и рос в мальчике, глаза которого разгорались все ярче, все пламенней. Внезапно слезы навернулись на них, и Дэмьен, взглянув на небо, весь задрожал...

Ричард и Анна заметили следы ног обоих мальчиков и поспешили на поиски. Шагая рядом с мужем и постоянно касаясь его, Анна казалась спокойной. А Ричард то и дело поглядывал на небо. Будто ощущал в воздухе какое-то предзнаменование.

И вдруг до Марка донёся шум, тот самый шум, какой услышал Тедди в коридоре, рядом с кабинетом сержанта Неффа. Клацание, будто бились друг о друга тонкие металлические пластинки. Звук хлопающих крыльев ворона.

Защищаясь от невидимого, стремительно атаковавшего противника, Марк вытянул руки и принялся отбиваться. Он кричал и визжал, пытаясь вырваться и убежать, но страшный клюв и когти безжалостной птицы рвали его плоть. Он упал на колени и застонал от боли. Кровь застилала ему глаза; единственным, кого он перед собой видел, был Дэмьен — воплощение зла: выпрямившийся в полный рост, безжалостный и холодный.

Клюв птицы разбил череп Марка. Лицо мальчика побелело, глаза закатились. Он упал лицом в снег.

Шум крыльев затих. Дэмьен взглянул вниз, на мертвое тело Марка, и закричал. Его крик походил скорее на вой, в нем сквозили одиночество и тоска.

Снег вокруг Марка постепенно краснел от сочившейся крови.

Дэмьен подбежал к Марку, упал на колени и попытался поднять хрупкое безжизненное тело. Он стремился вернуть брата к жизни.

Жуткий вопль Дэмьена донёся до Анны и Ричарда. Подбежав, они увидели Дэмьена, склонившегося над безжизненным телом брата. Он всхлипывал: «Марк, о Марк...»

Услышав крик Анны, Дэмьен поднял глаза и мгновенно припал к себе. Он отскочил от Марка.

— Мы просто гуляли... — воскликнул Дэмьен, — ... и он упал! Он только...

— Возвращайся в дом! — завопил Ричард. Он подбежал к Анне, стоящей на коленях возле тела Марка.

Дэмьен пытался возразить:

— Но я ничего не сделал!

— Возвращайся домой, черт тебя побери! — Ричард дрожал от гнева.

Дэмьен повернулся и бросился к дому. Слезы струились по его лицу.

— Он упал! — бросил мальчик через плечо. — Я ему ничего не сделал!

Ричард отвернулся от убегающего Дэмьена и склонился над женой. Обхватив ее за плечи, он приподнял Анну. Удостоверившись, что она может стоять на ногах, Ричард наклонился и подхватил на руки тело своего мертвого сына.

Потом распрямился и в упор взглянул на Анну. Глаза его обвиняли.

Анна нервно дернула головой и, запинаясь, произнесла:

— Нет-нет, это не Дэмьен. Он не...

Но она так и не закончила фразу. Ричард отвернулся от жены и, прижимаясь щекой к окровавленному лицу своего погибшего сына, побрел прочь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Семейный склеп Торнов располагался на Северном берегу, неподалеку от поместья. Тут вместе со своей женой спал вечным

сном Реджинальд Торн; первая жена Ричарда, Мэри, была похоронена здесь же; да и тетя Мэрион обрела последний приют вблизи своего брата.

Марка похоронили рядом с матерью.

«Однажды, — подумал вдруг Ричард Торн, обводя невидящим взором собравшихся этим морозным и тоскливым днем вокруг небольшой могилы, — однажды я тоже окажусь здесь».

Анна с Ричардом были облачены в черное. Дэмьен, стоящий рядом с Анной, был одет просто — в синюю курсантскую форму с черной повязкой на рукаве.

Поль Бухер представлял на похоронах компанию «Торн Индастриз». Здесь же находился и сержант Нефф, прибывший из Академии с небольшим почетным караулом. Когда гроб опускали в могилу, курсанты взяли под козырек, а один из них выступил вперед и протрубил на горне сигнал, которым обычно Марк провожал всех ко сну.

Услышав звуки горна, Анна разрыдалась, Торну же, как ни странно, этот сигнал напомнил вдруг старую ковбойскую песенку. Давным-давно, когда он и его брат Роберт были еще детьми и учились в Академии, они собирались с другими курсантами вокруг костра и весело горланили эту песенку. Слезы выступили у Ричарда от этого воспоминания, и он заплакал. Впервые после гибели сына.

Когда священник приступил к проповеди, Ричард отвернулся. Что мог сказать о Марке совершенно незнакомый человек?

256

Священники вынуждены говорить штампами, а Ричарду меньше всего хотелось слышать сейчас какие-то банальности о Марке.

Взгляд Ричарда упал на Дэмьена, и то, что он вдруг уловил, привлекло его внимание. Мальчик уставился на Неффа, который, в свою очередь, пристально смотрел на Бухера. Взгляд же Бухера был сосредоточен на Дэмьене. Четкий, маленький треугольник.

Торн почувствовал, что его дернули за рукав. Он обернулся и увидел Анну. Ее лицо было залито слезами, а глаза молили не отвлекаться от церемонии.

Ричард погладил руку жены и снова взглянул на могилу, заставив себя вслушиваться в проповедь и отыскивая в ее словах хоть какой-нибудь смысл. Но вскоре опять мысленно перескочил к событиям последних лет.

Память возвратила его к разговору, состоявшемуся после вскрытия в кабинете доктора Фидлера.

— Как это могло произойти? — спросил Ричард врача. — Ведь вы наблюдали его с момента рождения. Неужели же не было ни единого признака?

Семейный врач грустно покачал головой.

— К сожалению. Мне уже как-то приходилось сталкиваться с подобным, — начал он. — Совершенно здоровый мальчик или мужчина, но эта штука уже сидит в организме, выжидая своего часа, какого-то непредвиденного напряжения. У него была очень

тонкая артериальная стенка. Она-то и лопнула... — Врач широко развел руками — жест неизбежности и сострадания.

Анна перебила его:

— Значит, он был обречен с рождения?

Доктор Фидлер кивнул.

— Более чем вероятно, — мягко заверил он. — Я очень сожалею, очень.

Похоронная церемония закончилась, и траурная процессия двинулась прочь от могилы. Начинался сильный ливень, и с последними словами утешения все начали разбредаться по своим машинам.

Ричард принял от собравшихся соболезнования, ограничившись скупыми грустными улыбками и легкими прикосновениями рук, а затем рухнул на заднее сиденье автомобиля рядом с Анной и Дэмьеном. Он подал знак Мюррею, и лимузин медленно тронулся.

В один из поздних вечеров на следующей неделе в доме Торна раздался звонок. Звонил священник из Нью-Йорка и просил Ричарда немедленно приехать. Он сообщал также, что доктор Чарльз Уоррен находится в плохом состоянии и не перестает звать Ричарда Торна.

Несколько минут понадобилось Ричарду на сборы, он побросал в чемодан кое-какие вещи. Анна пыталась убедить мужа остаться хотя бы до утра, но он и слышать не хотел об этом. Он должен был ехать немедленно.

— Я не хочу ехать, — кричал он жене, — но я вынужден!

Анна опустила на кровать и потянулась за сигаретой. Ее руки дрожали.

— Почему ты не можешь поговорить с Чарльзом по телефону? — спросила она. — Зачем тебе ехать в Нью-Йорк? Чарльз в конце концов не самый твой близкий друг, чтобы сломя голову мчаться к нему на ночь глядя.

— Мне передали, что он в смертельной опасности и нуждается во мне, — перебил жену Ричард. Он окинул взглядом комнату, соображая, не забыл ли чего.

— Здесь ты нам тоже нужен, — тихо проговорила Анна.

Ричард повернулся и посмотрел на нее.

— Я вернусь как можно быстрее. — Он наклонился и, чмокнув ее в щеку, направился к двери.

— Что я завтра утром скажу Дэмьену? — спросила Анна.

Стоя в дверях, Ричард на мгновение заколебался. Он не подумал об этом.

— Скажи ему, — произнес Ричард, все еще соображая, — скажи, что мне надо помочь Чарльзу утрясти кое-какие таможенные дела в Нью-Йорке. Придумай что-нибудь. Только не говори ему правду! — И он поспешил из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Пока Ричард на цыпочках спускался по лестнице к ожидающему его в лимузине шоферу, он, конечно же, не заметил, как

приоткрылась дверь спальни Дэмьена. И взгляд желтых, как у кошки, глаз пронизал тьму.

Сразу после того, как шасси самолета отделились от взлетной полосы, Ричард включил над головой свет и вытащил из «дипломата» письмо Бугенгагена. Колоссальный объем информации, а времени в обрез. Торн глянул на часы. Половина пятого утра. В Нью-Йорке он будет в семь тридцать или, самое позднее, в восемь. Город в это время только начинает пробуждаться.

Ричард снова посмотрел на странички и уже в четвертый или пятый раз принялся читать:

«И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя».

Торн вздрогнул. За последние несколько месяцев произошло столько смертей — слишком много для банального совпадения. Отдельные части начинали, наконец, складываться в единое целое.

Первой в этой страшной цепочке оказалась тетушка Мэрион. Ее голос вдруг зазвучал в мозгу Торна.

«Дэмьен оказывает ужасное влияние, ты разве не замечаешь? — спрашивала тетушка Мэрион. — Ты хочешь, чтобы Марк был уничтожен, чтобы его погубили?»

Потом эта журналистка Джоан Харт. Жуткая, жуткая гибель. Судя по той короткой газетной заметке, смерть была мучительной. И кому она только понадобилась?

«Все вы в смертельной опасности! — предупреждала Джоан. — Уверуйте в Христа!»

И Ахертон. Еще одна невероятная, страшная потеря. А он кому мешал? Торн не мог этого понять. Смерть Пасариана тоже, казалось, не имела смысла.

Ричард подумал о своей компании — одной из крупнейших трансконтинентальных корпораций мира. О том, как однажды ее унаследует Дэмьен. И тут все встало на свои места. Ахертон стоял на пути Бухера, и Ахертон исчез с лица земли. Бухер стал президентом компании, и его план уже начал осуществляться. Но не так гладко, как тому хотелось. Возникли кое-какие проблемы, и первым их обнаружил Пасариан. И... погиб.

Когда-нибудь, если, конечно, все будет развиваться в соответствии с планом Бухера, Дэмьен унаследует корпорацию, контролирующую питание всего земного населения.

Торн вспомнил похороны Марка и странную, треугольную связь между Дэмьеном, Бухером и Неффом. Но Нефф-то тут при чем? Ричард опять вернулся к страничкам письма, чтобы попытаться найти ключ к разгадке:

«...и дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним?»

Дракон.

Может, Нефф как раз и являлся этим драконом? Военный стратег, чтобы обучить и выпестовать...

«И дано было ему вести войну со святыми, и победить их: и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем...

И восстанет он против Царя Царей...»

Торн не мог читать дальше. У него заболели глаза, а мысли начали путаться. Он уже был не в состоянии о чем-нибудь думать. Ричарду как воздух были необходимы несколько часов сна.

Его преследовала фраза Уоррена, брошенная Чарльзом в тот вечер, когда ученый демонстрировал им слайды из мест раскопок: Имеется много свидетельств о близком конце света.

Анна рассмеялась тогда, но Уоррен продолжал как ни в чем не бывало читать выдержки из библейских пророчеств. И что же? Все они осуществились, и все сразу. Наводнения, голод, тьма, войны...

Торн подумал вдруг о некоторых тревожных событиях в мире, происшедших совсем недавно. Ситуация на Ближнем Востоке все еще грозила вылиться во всеобщую войну, в нее, возможно, будут вовлечены и все другие страны. И будет она называться Третья мировая война. Конечно, если останется в живых хоть один человек, кто будет ее так называть.

Ядерное вооружение распространяется устрашающими темпами. Почти каждая нация имеет уже доступ к атомной бомбе. И все что требуется — это где-нибудь, пусть даже случайно, по самой дурацкой причине рвануть хоть одну бомбу. Тут-то и произойдет неизбежная и необратимая цепная реакция: каждая нация будет стремиться стереть с лица земли другую, пока та, другая, не уничтожила ее саму.

Нью-Йорк не являлся исключением из числа городов, перенесших в этом году те или иные потрясения. Лондон, Париж, Москва, Токио — все эти столицы претерпевали мощные мистические крушения. Конечно, здесь можно было подозревать и саботаж, но не было найдено ни одного свидетельства, подтверждающего эту версию. Везде грабежи, разбой, насилие и убийства, все более жестокие и изощренные. И не оставалось уже на мировой карте города, где бы не происходили какие-нибудь катаклизмы.

Похоже, человеческие существа постепенно превращались в роботов, орудующих без чувств и сострадания. В этой суматошной жизни у них не оставалось ни минуты, чтобы остановиться и задуматься. Стольким разочарованиям и такому частому бессмысленному насилию подвергались люди, что рано или поздно замыкались в себе, изолируя свой дом-крепость от окружающего мира.

Да и в природе происходили весьма странные и необъяснимые явления. Снег сыпал там, где раньше его и в помине не было, засуха обрушивалась на области, прежде подверженные ливням, а засушливые земли затапливались водой. Ураганы, торнадо и землетрясения все чаще опустошали и разоряли планету. Трудно сказать, на самом ли деле участились подобные проявления стихии, или же мир просто получал большее количество информации об этих случаях. Но результат оставался тем же. Казалось, будто этих катастроф стало больше.

Торн был уже не в состоянии бороться с дремотой. Веки его

спипались от усталости и вскоре закрылись. Он забылся неглубоким и беспокойным сном.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Было уже светло, когда самый маленький самолет компании коснулся посадочной полосы в аэропорту Ла Гардиа.

Торн потянулся и, зевнув, взглянул на часы. Семь сорок пять.

Вдруг Ричард почувствовал себя одуроченным. То, что он пролетел тысячу миль — и все из-за какого-то ночного звонка от священника, сообщавшего ему о состоянии Уоррена, — внезапно показалось Торну чем-то нереальным. К тому же последняя встреча Ричарда с Чарльзом вылилась в их ссору, и Уоррен уехал. Торн был уверен, что им уже не доведется обрести былые дружеские отношения.

Но сведения, которыми Уоррен пытался поделиться с Ричардом в тот вечер, как дамочков меч зависли над самим Торном. Теперь и Ричард ощущал жгучую потребность увидеть стену Игаэля собственными глазами и понять все до конца.

Он был уверен, что Уоррен уже был у стены.

Ричарда серьезно обеспокоил тот факт, что звонил священник, а не сам Чарльз. Возможно, таким образом Уоррен пытался заманить Торна в Нью-Йорк. Откуда Ричард мог знать, что там происходило? Торн пересек здание аэропорта, взял такси и назвал адрес, следуя указаниям священника, полученным накануне ночью. Таксист, удивленно взглянув на Торна, пожал плечами, и машина тронулась.

Сидя в такси, Торн задавал себе вопрос по поводу происходящих событий: кому это может быть выгодно? Вдруг Ричард понял, что все эти ужасные события были выгодны Дэмьену Торну.

Только два человека отделяли сейчас Дэмьена от возможности контролировать могущественнейшую компанию: Ричард Торн и его жена.

Торн знал наверняка, зачем Уоррен ищет с ним встречи. Чарльз будет просить его убить Дэмьена.

Это уже было. Бугенгаген и Роберт Торн. Они намеревались сделать это семь лет назад, однако попытки эти привели их к гибели.

«Опять меня понесло не туда, — подумал Торн. — Я обязан сохранять спокойствие. И ясный ум. Слишком много поставлено нынче на карту».

— Вы предпочитаете заплатить сейчас? Мне подождать вас здесь? — Таксист прервал размышления Торна.

Ричард пробормотал какие-то извинения и полез в карман за бумажником. Проезд влетал ему уже в тридцать долларов. Торн сунул таксисту еще пару банкнот сверху, чтобы тот дождался его, вышел из машины и огляделся по сторонам. Он находился у старой, разрушенной церкви, стоящей рядом с железнодорожными путями. Рельсы тянулись сюда издалека — с Центрального вокзала.

Церковь выглядела заброшенной. Ричард подошел к ней и толкнул дверь. Она легко распахнулась. Торн оглянулся на такси. Машина стояла на месте, у обочины тротуара, тихо работал мотор. Таксист сдвинул на глаза кепку, похоже, он уже задремал. Торн повернулся и вошел в здание.

Внутри церковь была такая же пыльная и обшарпанная, как и снаружи. Деревянные скамьи были сработаны из рук вон плохо, они, похоже, вот-вот развалятся. Окна были грязными, казалось, что стекла в них никогда не мылись, кое-где они были выбиты. И лишь почти неуловимый запах ладана говорил о том, что здесь время от времени проходят службы.

Ричард направился к алтарю. Как только он подошел к поручню, дверь слева внезапно отворилась, и оттуда вышел невысокий горбатый священник.

— Мистер Торн?

Торн кивнул.

Хромая, священник подошел к Ричарду и протянул для приветствия руку.

— Я отец Уэстон. Спасибо, что пришли.— Он пожал протянутую Торном руку.— Доктор Уоррен ждет вас.— Священник жестом указал на боковую дверь справа от алтаря и направился к ней.

Ричард последовал за ним.

— Спасибо, что позвонили,— прошептал он.— Что случилось с доктором Уорреном?

— Он не хочет говорить со мной, я только уверен, что этот человек обуреваем жутким страхом.

Они подошли к небольшой боковой двери, и священник легонько стукнул в нее один раз. Изнутри донесся хриплый голос: «Кто это?» Голос был какой-то чужой и совсем не походил на голос Уоррена.

— Здесь мистер Торн,— объявил священник.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Уоррен. Выглядел он чудовищно. Казалось, его подкосила какая-то внезапная и ужасная болезнь. Глаза Чарльза покраснели, щеки впали, а кожа под трехдневной щетиной имела неестественный бледно-желтый цвет. Уоррен трясущимися руками сжимал распятие.

— Ричард? — воскликнул он голосом, в котором сквозил ужас.

— Это я, Чарльз.

Уоррен ринулся вперед. Он схватил Торна за воротник плаща и втащил в комнату. Захлопнув за собой дверь, он запер ее на засов.

Торн украдкой взглянул на Уоррена, почти уверенный, что тот сошел с ума.

— Чарльз,— осторожно начал Ричард ласковым голосом,— я вот сразу же приехал, как только...

Казалось, Уоррен не слышал его. Дикий взгляд ученого был устремлен сквозь Торна куда-то вдаль.

— Зверь с нами,— прошептал он.— Это все правда, сущая правда! Я видел стену...

— Чарльз, пожалуйста, выслушай меня...

— Я видел ее! Она кошмарна! — Уоррен вздрогнул и в ужасе зажмурился.— Она свела с ума и Джоан Харт, и Бугентагена...

Торн подскочил к Уоррену и схватил его за плечи.

— Возьми же, наконец, себя в руки! — Ричард не верил своим глазам. Неужели перед ним стоял человек, который на протяжении многих лет управлял его музеем и долгие годы был его лучшим и верным другом? Если во всем этом и присутствовал Бог, то какое же нелегкое существование уготовил Он всем тем, кто в Него верил!

Внезапно Уоррен перестал дрожать. Он уставился на Торна, будто пытался прочесть на его лице разгадку.

— Теперь ты веришь мне, Ричард, — спросил он, — или до сих пор считаешь, что я свихнулся?

Ричард все еще держал Чарльза за плечи. Он пока не хотел говорить, что поверил Уоррену. Кто-то из них должен по крайней мере оставаться спокойным и рассудительным. Но кое-что надо было сделать. Торн должен был увидеть стену Игаэля собственными глазами.

— Где она? — наконец проговорил он. — Где стена Игаэля?

Вслед за Уорреном, указывающим дорогу, Торн шагал по железнодорожным путям вдоль длинной линии товарных вагонов. Уоррен шел, вцепившись в распятие; он казался еще более возбужденным, чем прежде. Время от времени Чарльз останавливался и поднимал глаза к небу.

— Что ты там высматриваешь? — поинтересовался Торн.

Но возбуждение Уоррена переходило уже все возможные границы. Он едва мог говорить. И лишь невнятное бормотание слетало с его губ: «...еще не здесь... ничего... скоро...»

Наконец они подошли к месту, где на рельсах в тупике одиноко стоял вагон с контейнерами «Торн Индастриз». Уоррен, повозившись некоторое время с замком, позвал Ричарда. Торн удивленно взглянул на Чарльза.

— Разве ты не полезешь со мной? — обратился он к Уоррену.

Уоррен отрицательно замотал головой и снова посмотрел на небо. Внезапно он застыл на месте, скованный жутким страхом.

Торн проследил за его взглядом. Не более чем в двадцати футах от них в небе медленно кружил огромный черный ворон.

Ричард снова посмотрел на Уоррена, боязливо жавшегося к вагону и вцепившегося в распятие.

— Пойдем, Чарльз. — Он попытался успокоить Уоррена. — Это же просто птица.

Уоррен затряс головой, не спуская с ворона глаз.

Торн глубоко вздохнул и взобрался в вагон.

Вагон был уставлен ящиками разных размеров, все они были тщательно заколочены. Все, за исключением одного, взломанного кем-то, очевидно, в большой спешке. Торн подошел к развороченному ящику.

А в это время издали вдруг начал откатываться назад длинный эшелон. Тяжелые вагоны, с грохотом наталкиваясь друг на друга, двигались в направлении отдельно стоящего вагона с контейнерами «Торн Индастриз».

Стоящий у вагона Уоррен закрыл глаза и начал молиться. Внезапно по соседнему пути на огромной скорости прогрохотал

поезд. Он так оглушительно засвистел, что заставил Уоррена броситься на землю. Когда поезд умчался, Чарльз поднялся на ноги и пошел к носовой части вагона. Там он остановился и приготовился к неизбежному.

Внутри вагона Торн сорвал с ящика доски и обнаружил фрагмент стены. Выступающий край был, похоже, вытесан из камня.

Он казался очень древним. Краски на нем совсем поблекли. Торн продолжал отдира­ть доски. Глаза Ричарда внезапно остановились на рисунке. Это было изображение маленького ребенка. Но лицо было каким-то расплывчатым.

Снаружи тяжелый эшелон стремительно набирал скорость. Головной вагон был весь покрыт огромными ржавыми штырями. Они угрожающе выпирали. Эшелон достиг стрелки. Она сработала и перевела пути. Состав, грохоча, направился в сторону вагона с контейнерами «Торн Индастриз».

Уоррен снова зажмурил глаза и принялся неистово бормотать молитву. А над ним в небе ворон описывал все более и более сужающиеся круги.

Торн добрался до очередной секции ящика и обнажил ту часть стены, где Сатана уже в зрелом возрасте был изображен цепляющимся за край пропасти. Но и здесь лицо Сатаны было как-то размыто.

«Я что, тоже сошел с ума? — подумал Торн. — Здесь нет никаких доказательств».

Ричард сорвал последние доски.

И тут, наконец, он увидел лицо. Казалось, его нарисовали всего несколько лет назад, так четко и ясно было оно изображено.

Лицо Дэмьена Торна.

Имелись, конечно, и некоторые отличия. Вместо волос художник изобразил извивающихся злобных змей с острыми языками, а глаза на рисунке были не человеческие, а кошачьи — желтые и пронзительные. Но в целом это было лицо Дэмьена.

В этот момент длинный состав, грохоча, приблизился к вагону Торна. Уоррен, погруженный в молитву, широко раскрыл глаза, но было уже слишком поздно, чтобы отскочить от выпирающих штырей вагона, стремительно надвигающегося на ученого. Штыри молниеносно пронзили Уоррена, пришили его тело к передней стенке вагона «Торн Индастриз». Уоррен еще успел крикнуть от ужаса и мучительной, нечеловеческой боли, а затем повис на острых концах, как заживо припиленная бабочка.

От столкновения Ричард растянулся на полу вагона. Стена Игазля позади него начала медленно крениться. Ричард заметил, что она вот-вот упадет на него, и едва успел увернуться. Стена рухнула как раз на то место, где он стоял минуту назад. Она разлетелась на миллион крошечных кусочков.

Доказательства, ради которого Торн отмахал столько миль, больше не существовало.

Но Торну некогда было думать об этой потере. Он выпрыгнул из вагона и с колотящимся сердцем огляделся по сторонам в поисках Уоррена. Непостижимо, но Уоррен был все еще жив. Кровь струйкой вытекала из его рта, а в местах, где ржавые штыри распорили грудь, рубашка пропиталась кровью, уже слегка запекшейся.

— Боже! Чарльз! — Торн, охваченный ужасом, кинулся к умирающему другу.

Уоррен с трудом протянул руку с распятием.

— Возьми, — хриплым голосом прошептал он. — И возьми... кинжалы. — Чарльз силится вздохнуть. — Мальчик... должен... быть... убит.

— Кинжалы? — вскричал Торн. — Они у тебя?

— Уходи, — выдохнул Уоррен, — пока не поздно!

Торн поднял глаза. На крыше вагона сидел ворон, уставившись на них цепким, пронизывающим взглядом. Торн снова посмотрел на Уоррена.

— Где кинжалы? — Он внезапно осознал, что и сам находится в смертельной опасности.

Но Уоррен уже ничего не слышал. Глаза его закатились, и распятие выпало из безжизненной руки.

Торн в ужасе отскочил назад.

В эту секунду ворон издал хриплый, отвратительный звук и стремительно ринулся вниз с крыши вагона прямо на Торна.

Ричард бросился к распятию. Он схватил его и выставил крест над собой за мгновение до того, как на него обрушился ворон. Птица злобно закаркала и отлетела, выжидающе кружась над Ричардом.

Торн бросился бежать, взметнув высоко над собой распятие. И тогда ворон улетел.

А Ричард все бежал и бежал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДАТАЯ

В Дэвидсоновской Военной Академии проходил вечер, посвященный ежегодному вручению личного оружия.

Церемония проводилась на внутреннем плацу. А родители и остальные курсанты собирались на балконе и наблюдали, как особо отличившимся мальчикам вручают сверкающие символы их достижений.

В этом году подобной чести удостоились шесть курсантов. Среди них был и Дэмьен. Марк также должен был получить парадный клинок, и пять курсантов растянулись таким образом, чтобы было ясно: одного человека в их ряду не хватает.

Дэмьен, подтянутый и гордый, застыл, ожидая своей очереди. Он до сих пор носил черную повязку, туго стягивающую его левое плечо.

Анна стояла на балконе рядом с Бухером. Казалось, она вот-вот расплачется. Бухер заметил это и предложил женщине носовой платок. Анна, признательно улыбувшись, взяла его.

Внизу, на некотором расстоянии от курсантов, одиноко стоял трубач. Он трубил каждый раз, стоило только очередному мальчику выступить вперед, чтобы получить клинок.

На противоположной стороне балкона собралась стайка хорошеньких девушек. Все они оделись в одинаковые нарядные платьица. Среди девушек выделялась одна юная особа. И не только своей ошеломляющей красотой и свежестью. Позади нее стояли два здоровенных мужчины в темных костюмах. Глядя на

них, любому становилось ясно, что это телохранители. Хотя самую девочку вряд ли кто-нибудь смог бы узнать. Поскольку отец ее, губернатор штата Иллинойс, всячески пытался оградить своего единственного ребенка от любопытных взоров общественности.

Во время торжественной церемонии девочка не сводила глаз с Дэмьена.

Когда объявили его имя, Дэмьен, как на марше, выступил вперед. Эффектно щелкнув каблуками, он застыл на расстоянии шага от вручающего награду.

На балконе Анна нервно вцепилась в руку Бухера. Он погладил ее руку и ободряюще улыбнулся.

После того как Дэмьен получил личное оружие, награждающий протянул ему второй клинок.

— Возьми его, — заявил он, вручая оружие. — Это клинок вашего брата Марка, которого уже нет среди нас. Но он заслужил эту награду.

Толпа разразилась неожиданными аплодисментами. Анна вытерла глаза. Энергичнее всех хлопала дочка губернатора на противоположной стороне балкона.

Дэмьен элегантно поклонился и отступил назад, на свое место в строю.

Позади Анны возникла фигура шофера Мюррея. Он что-то прошептал ей на ухо. Анна кивнула и обратилась к Бухеру:

— Мне придется уехать, Поль. Ричард только что позвонил с самолета. Через несколько минут он прилетает. Я хочу встретить его в аэропорту...

Бухер кивнул.

— Вы приедете на котильон? — поинтересовался он.

Анна пожалала плечами.

— Постараемся, — бросила она и поспешила вслед за Мюрреем.

Бухер проследил за ее уходом, потом посмотрел вниз и поймал взгляд Неффа. Оба одновременно кивнули и отвернулись.

Анна уселась на заднее сиденье автомобиля. Она с нетерпением ожидала возвращения Ричарда.

Самолет подрулил почти вплотную к автомобилю и остановился. Моторы, наконец, заглохли, и сбоку был спущен трап. Дверь распахнулась, и Ричард, заметив Анну с шофером, торопливо начал спускаться.

Не поздоровавшись с Анной, Ричард обратился к Мюррею:

— Где Дэмьен? — Его голос дрожал от возбуждения.

— В Академии, сэр, — опешив от такого странного поведения, пробормотал Мюррей.

— Мы возьмем такси до музея. Я хочу, чтобы вы сейчас же привезли туда Дэмьена. — Открыв заднюю дверь, Ричард подождал, пока его жена выйдет из машины. — Пойдем, — скомандовал он, — ты едешь со мной.

Оба поспешили к зданию аэровокзала. Анна силилась не отстать от мужа. Она никак не могла понять, что происходит. Мюррей посмотрел им вслед, и в его глазах вдруг загорелась ненависть.

Котильон был в полном разгаре. Казалось, что эти мальчики и девочки явились сюда из старых добрых времен. Курсанты

были одеты в парадные мундиры, а большинство девочек облачились в корсажи и длинные — до пола — платья.

У стены возле стола с пуншем стояли подростки, которые по каким-либо причинам не желали танцевать: кто стеснялся, а кому и просто было скучно. Девочки сбились в стайку по одну сторону стола, мальчики находились по другую. И хотя они обменивались друг с другом взглядами и хихикали, никто так и не решился предложить пойти потанцевать.

У противоположной стены стояли Дэмьен и сержант Нефф, оба внимательно наблюдали за танцующими. Наискосок через зал Нефф вдруг заметил девочку с двумя телохранителями, пристально разглядывавшую Дэмьена.

— Наберись-ка смелости и пригласи ее потанцевать, — посоветовал Дэмьену сержант.

— Дочку губернатора? — полюбопытствовал Дэмьен. Он прекрасно понимал, чего хотел от него Нефф.

Нефф кивнул.

Дэмьен улыбнулся.

— Вы забываете, что я знаком с этой семьей, — на ходу кинул он сержанту и направился через зал к противоположной стене.

Нефф наблюдал за ним. На лице сержанта было написано удовлетворение.

Ричард мчался по лестнице, ведущей на нижний этаж музея. За ним по пятам бежала Анна.

— Ты не убедишь меня в этом! — запыхавшись и пытаясь догнать мужа, выкрикнула она.

— Тебе придется поверить! — возразил Ричард. — Он убил Марка. Он убил Ахертон и Пасариана.

— Прекрати! — взмолилась Анна, догнав его и схватив за руку. Ричард оглянулся.

— Убийства будут продолжаться. Он убьет любого, кто встанет на его пути. — Ричард вырвался из тисков жены и бросился вниз по широкой мраморной лестнице.

Внутри Анны все кипело.

— Как? — воскликнула она. — И как же он их убил? Он что, заставил треснуть лед?..

— Нет, — прервал ее муж, — он не сам...

— Или он разворотил трубу, по которой шел газ?..

Ричард как вкопанный замер на полдороге и взглянул на жену.

— Есть другие, — произнес он. — Те, кто его окружает.

— Ричард, — начала Анна, пытаясь казаться спокойной, — ты только послушай, что ты несешь! Это же бред сумасшедшего! Какие-такие «другие»? Еще дьяволы? Тайная организация дьяволов? Ричард, ну, пожалуйста!

Ричард схватил ее за руки.

— Анна, — проговорил он умоляющим голосом, — я видел, как погиб Чарльз...

Анна задохнулась. Она впервые услышала о смерти Уоррена.

— И я видел на стене Игаэля лицо Дэмьена!

Наступила долгая, тревожная пауза.

Ричард и Анна застыли друг перед другом: два противника в этой страшной борьбе. Ричард страстно желал сейчас только одного: чтобы Анна поверила ему. Анна же больше всего на свете хотела обратить все в шутку. Пусть в ужасную, но в шутку. Ее вдруг охватил ужас при мысли, что еще может произойти.

— Что ты собираешься делать? — спросила она тихо.

Дэмень танцевал с дочкой губернатора. Казалось, что для девочки котильон с Дэменом являлся самым счастливым событием в ее жизни. Мальчики благоговейно наблюдали за этой парой, а большинство девочек были переполнены ревностью. Ибо эти двое составляли потрясающе красивую молодую пару.

Развернувшись в танце, Дэмень заметил в дальнем конце зала Неффа и Мюррея. Они о чем-то оживленно беседовали. Шофер поймал взгляд Дэмена.

— Прощу прощения, — обратился Дэмень к своей даме, — я скоро вернусь. — Он проводил губернаторскую дочку до ожидавших ее верзил и направился в сторону Мюррея и Неффа. Когда Дэмень приблизился к ним, Нефф шагнул ему навстречу и очень четко произнес:

— Будьте осторожны!

Дэмень окатил его ледяным презрением и надменно отчеканил:

— Вы забыли, кто я.

Нефф, словно извиняясь, склонил голову.

Дэмень повернулся на каблуках и вышел из зала, следуя за Мюрреем. Они направились к автомобилю.

Ричард нашел, наконец, ключ и открыл дверь в кабинет Уоррена. Он бросился в комнату, включил свет и начал суматошно что-то искать: выдвигал и задвигал многочисленные ящики, забирался под столы и другую мебель.

— Что ты делаешь? — воскликнула Анна, стоя в дверях. Ричард поднял глаза и очень отчетливо произнес:

— Кинжалы здесь. Они должны быть здесь.

Анна ворвалась в кабинет.

— Ричард, нет! — закричала она. — Не делай этого! Я не позволю тебе... — Ричард оттолкнул ее.

— Уйди! — приказал он. — Я знаю, что они где-то здесь.

Анну охватил ужас.

— Ты собираешься убить его?

Ричард продолжал рыться в шкафу.

— Он должен быть...

— Нет!

— Анна, этот мальчик не человек! — Торн наткнулся, наконец, на запертый ящик и с ожесточением дернул за ручку.

— Но он же сын твоего брата! — Анна зарыдала. — Ты целых семь лет любил его, как собственного сына!

Но Ричард больше не слушал ее. Ему надо было вскрыть ящик. Он в отчаянии огляделся по сторонам, ища какой-нибудь подходящий инструмент, и вдруг заметил поднос, доверху за-

полненный разным археологическим хламом. Тут же лежало долото. Торн схватил его и опять повернулся к ящику.

На улице перед музеем затормозил автомобиль. Из него вышел Дэмьен. Он что-то быстро проговорил Мюррею, а затем, перескакивая через две ступеньки, помчался по лестнице наверх.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Подожди, Ричард! — умоляла Анна. — Пожалуйста, ради меня, подожди!

Но с таким же успехом она могла обращаться к глухому. Ибо Ричард уже не слышал жену. Он взломал ящик и с каким-то странным удовлетворением смотрел на семь кинжалов, сверкающих в холодном свете.

А тем временем Дэмьен сбегал вниз по широкой мраморной лестнице, ведущей из вестибюля на нижний этаж. Откуда-то издали до мальчика доносились приглушенные голоса, Анна о чем-то умоляла, а Ричард сопротивлялся. На лице Дэмьена, однако, ничего не отразилось. Он продолжал спускаться.

Анна бросилась к ящику, отпихнув мужа от страшных кинжалов.

— Я не позволю тебе... — завизжала она. Ричард пристально посмотрел на Анну.

— Дай мне кинжалы, Анна.

Она замотала головой, слезы заструились по ее щекам.

— Анна. — Ричард говорил очень вятно, подчеркивая каждое слово. — Дай — их — мне.

Они немигающим взглядом уставились друг на друга. Казалось, минула целая вечность.

Наконец, Анна первая отвела глаза и растерянно осмотрелась. Неземная тоска овладела сердцем женщины. Медленно-медленно выдвинула она ящик.

Дэмьен стоял прямо за дверью кабинета Уоррена. Он напряженно прислушивался. Взгляд его был сосредоточен. Казалось, мальчик находился в состоянии транса. Дэмьен закрыл глаза. Дрожь охватила его с головы до ног.

Анна колебалась. Движения ее устрашали своей целенаправленностью. Но тем не менее в поведении женщины ощущалось и странное противоборство, будто она силилась сама себя остановить, отстранить от той неведомой и страшной участи, уготованной ей кем-то жестоким и могущественным. Голос ли звучал внутри Анны, гораздо более мощный, чем ее собственная слабая воля?

Анна извлекла из ящика кинжалы. Потом повернулась лицом к мужу.

Ричард протянул руки за кинжалами.

Внезапно Анна, охваченная странной, демонической силой,

рванула вперед. Лицо ее исказилось, стало похожим на страшную и злую маску. Взгляд блуждал, как у безумной. Она приблизилась к мужу и прошептала ему на ухо:

— Вот, Ричард, вот твои кинжалы! — и вонзила в его тело все семь ножей.

От ужаса и боли Ричард широко раскрыл глаза.

— Анна! — только и успел выдохнуть он, упал ничком, и острия кинжалов еще глубже вонзились в его тело.

Анна гордо откинула голову назад, глаза ее победно заблестели, на губах заиграла торжествующая улыбка. И тут женщина выкрикнула:

— ДЭМЬЕН!

Дэмьен перестал дрожать и открыл глаза. Он потянулся к дверной ручке, потом заколебался, будто что-то заставило его переменить решение. Дэмьен, не двигаясь, постоял некоторое время в глубокой задумчивости. А потом решительно повернулся и пошел назад, к лестнице.

В котельной, непосредственно примыкающей к кабинету Уоррена, один из самых больших котлов начал зловеще вибрировать...

Анна стояла в кабинете, спокойная и безмятежная.

Дэмьен прибавил шаг.

В этот момент котел взорвался. Струи горящего топлива пробились сквозь вентиляционную решетку в кабинет Уоррена. Огненная лава обрушилась на Анну, застывшую в самозабвенном иступлении. Женщина вскрикнула и... превратилась в пылающий факел.

Миссия Дэмьена на этот раз подходила к концу. Он быстро пересек холл. Везде оглушительно завывала система аварийной сигнализации, сработавшая от пожара внизу.

И тогда, наконец, включилась система тушения пожара. Тело Анны окуталось облаками пара.

Слишком поздно.

Торжествуя в своем страшном иступлении, подобная демонической Жанне д'Арк, Анна подняла глаза и прокричала:

— Дэмьен! Дэмьен!! ДЭМЬЕН!!!

У выхода из музея Дэмьен помедлил и оглянулся назад. Какое-то подобие грусти мелькнуло в его глазах. Затем он распахнул дверь и шагнул в ночь.

Перед ним, распростершись во всем великолепии, лежал Чикаго, ярко сверкавший на фоне ясного ночного неба.

Вдруг издалека раздались завывающие звуки сирен. Это спешили к зданию музея пожарные машины.

Внизу у входа ждал длинный черный лимузин. Мюррей, вытянувшись, как всегда, стоял справа возле открытой дверцы.

Дэмьен быстро сбежал по широким ступеням и нырнул на заднее сиденье автомобиля.

Там, удобно раскинувшись в темноте, сидели Поль Бухер и сержант Нефф. Оба удовлетворенно улыбались.

Дэ́мьен нажал кнопку, и Мюррей завел мотор. Когда лимузин бесшумно заскользил в ночь, Дэ́мьен еще раз оглянулся на окна музея, уже почти целиком охваченного пламенем. Огненные сполохи отражались в автомобильных стеклах, они же мелькали на лице Дэ́мьена.

В глазах его застыл восторг...

Дэ́мьен улыбался.

«Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно; потому что сам Сатана принимает вид ангела света».

(Второе послание к коринфянам, 11:13)

**Перевод с английского
МАРИНЫ ЯКОВЛЕВОЙ и
ВАЛЕНТИНЫ ВОЛОСТНИКОВОЙ.**

«...Дзъен поднял голову и увидел идущего в его сторону молодого священника с кинжалом в руке. Он медленно распрямылся, заметив, что священник запер за собой ворота виадука. На противоположной стороне моста ворота тоже медленно закрылись. Верхом на лошади к Дзъену приближался седобородый монах.

Дзъен окаменел. Его поймали в ловушку! Но как?! Как они могли это сделать? Как смогли угадать, куда именно побежит лисица?

Однако времени на размышление не оставалось. Вглядевшись в лицо старца, Дзъен отметил, что на его губах играет победная улыбка...»

В 1992 году читайте в «Смене» третью часть сериала «The Open» — повесть Гордона Макгила «Последнее противостояние».

ЖИЗНЬ В
"ДОМЕ ВЕЧНОГО
СНА" И ВОКРУГ НЕГО

В конце 70-х «Крематорий» являл собой дуэт: Григорян плюс Троегубов, оба студенты, а значит, и песни их были студенческими. Концерты они давали... на квартирах, для близких и друзей. Последних становилось все больше, и они превращались в музыкальных единомышленников. Такими были Сергей Пушкарев (бас-гитара) и Михаил Россовский (скрипка). Поначалу звучание было акустическим, но уже вполне сценическим. Ну а когда появились электроинструменты...

Впрочем, послушаем самих исполнителей.

Вот что рассказал Армен Григорян:

— Действительно, вначале нас было только двое, Виктор и я, да и песни мы сочиняли просто так, для себя. И опять же вы правы: следующий этап — концерты на квартирах, для узкого круга. Однажды мы попробовали записать то, что получилось, — своеобразные циклы, объединенные общей концепцией, и оказалось, это нравится очень многим, и они ждут от нас продолжения. Когда вышел первый магнитоальбом, нам сказали: давайте еще. При этом мы выделялись среди тогдашних групп — они тоже играли на квартирах, однако использовали только акустические инструменты. Мы же возили с собой по домам аппаратуру с колонками. Вместо барабанов использовали ритм-бокс, и не потому, что мы так специально задумали, просто у нас в то время не было ударника.

...Не было у «Крематория» и многого другого. «На этой улице нет фонарей, здесь не бывает солнечных дней», — уж не о том ли времени поет Григорян в программном (?) антишлягере под названием «Crematorium» (которое мы

даем в переводе на английский, чтобы не писать его в ...надцатый раз по-русски) не о том ли безвременье? И все же именно тогда создавались композиции, ставшие позднее «oldies but goldies» в свободном переводе с битловско-инглишového — «фондом классики».

Однако популярность масштаба «широка страна моя родная» задала близости от «Дома вечного сна» только в 1984-м. Быть может, поэтому рок-бонвиван А. Г. из попс-«З. Д.» утверждает с присущим ему юношеским максимализмом, что в том году все и началось. «Когда в полку отважных могильщиков застоя... прибыло», — это мы цитируем его заметку «Без холмика на могилке» в «Московском комсомольце» за 23.II.1991. Выходит, тем, 1984 годом он и датирует появление «Крематория»? Дебютный магнитоальбом, «Винные мемуары» (1984), добавил свои пары к общему чаду популярности. Хотя чего стоило группе сделать «домашнюю» запись, могут поведать только сами музыканты.

А. Григорян: — Я и по сей день не могу забыть, как мы записывались в самом начале — в театре Маяковского и в театре Советской Армии: в ужасных условиях, многие инструменты даже услышать было нельзя — звук шел прямо на пульт.

И все же группа сумела записать еще один магнитоальбом, «Крематорий II» (1985), после чего ее приняли в 1986 году в Московскую рок-лабораторию. Оказавшись после квартирной вольницы на коротком поведении у коллективизаторов, внимавших указаниям эмиссаров спец-наз-рока, а иначе говоря — попав в «обойму» поднадзорных музыкантов (к тому времени их стало пятеро: добавились тезки Дмитрию — Бродкин на фортепьяно и Саралидзе на скрипке, а также Алексей Кондрачев на ритм-боксе) вынуждены были с ног до головы измазаться в «Крем...», ибо «...аторий» команда спец-наз-роковцев повелела кастрировать.

Но фэны-то, раздобывшие третий магнитоальбом группы, «Иллюзорный мир» (1986), знали, что для них поет все-таки «Крематорий».

Но даже в «кремовом» состоянии имелось, оказывается, преимущество: выступления теперь были вполне легальными, под эгидой, так сказать. А вот раньше...

— Скажи, только честно, — попросили мы Григоряна, — а до того, как в народ бросили клич «Перестройка!» и прозвучали фанфары гласности (полусвободы полуслова), вы ощущали себя в оппозиции к Системе? Может, пытались как-то бороться с ее зловонными «отправлениями», ядовитыми для всего человеческого в искусстве, в музыке? Или хотя бы сопротивлялись?

А. Григорян: — «Крематорий» об этом уже спрашивали, но только западные журналисты: мол, вы боролись? и что, вас, конечно, преследовали?.. Хотя, если честно, как вы и просите, — то воспринимали нас, я думаю, как песчинку, одну из тысяч, до которой Системе-монстру особого дела нет. А вот «механизмы», составляющие этот монстр, — вплоть до «гаек» или же «болтов», — они создавали проблемы на каждом шагу, и серьезные проблемы, связанные прежде всего с концертированием по домам. Более того, от меня и других членов группы эти «механизмы» требовали — вы можете представить! — не сочинять песни. Но мы тогда существовали в подполье, фактически — вне Системы. Почти.

Армен сочинял «вне Системы» два года — вместе с другими музыкантами-друзьями; потом еще четыре года — при снисходительном отношении надзирателей из Системы — уже один, сольно. В том смысле, что все, без исключения, песни для магнитоальбомов, начиная с «Иллюзорного мира», были написаны лидером «Дома вечного сна». В числе этих магнитоальбомов: наисвежайший «Зомби» (1990), а также «Кома» (1988), «Клуб-

ника со льдом» (1989), «Живые и мертвые» (1989). Последний, как и одноименный виниловый диск, составлен из лучших песен разных лет, и среди них: «Мусорный ветер», «Эй, Хабибуллин!», «Таня», «Кондратий», «Безобразная Эльза». Великолепны также композиции: «Женщины города роз» и «Фригия», с теперь уже виниловой «Клубники...».

— В целом для вашего творчества не характерна погоня за красивыми мелодиями — потенциальными шлягерами, так ведь? — спросили мы у Армена в надежде услышать опровержение.

— Когда «Мусорный ветер» попал в хит-парад «Московского комсомольца», мне позвонил Шавырин и сказал: «Отлично, давай еще «хиток» в таком же роде...» А я не пишу хиты. Да и эту вещь нечасто исполняю на концертах, даже если очень просят. Ведь «Мусорный ветер» — о человеке, который уже несколько лет покоится на армянском кладбище.

Ну, раз дело не в шлягерности, точнее, в ее отсутствии, значит, в основе популярности «Крематория» — исполнительское совершенство вкупе с изысканностью аранжировок и оригинальностью инструментовок... (Каковы формулировочки!)

— Это в принципе не так, — опять возражает Григорян. — Если принимать в расчет только музыкальную часть нашего творчества, выяснится: я не самый лучший певец, да и скрипач «Крематория» — тоже не самый лучший... А ударник? А гитарист? А все прочие? Но ведь и живой классик Боб Дилан, между прочим, не очень-то в ладах с академическим пением, разве не так? А уж как инструменталист (его «стихия» — акустическая гитара и отчасти гармоника) он поднялся немногим выше уровня любителя-самоучки. Но в результате у него получается великая музыка!.. В наших же песнях главное — тексты. На концертах мы видим: публика знает их наизусть и часто подпевает... Что значат для нас

концерты? Мы просто выходим, играем, а устраивать шоу, к тому же отрепетированное, — увольте. Хотя могли бы, например, с песней «Клаустрофобия»: используя тщательно продуманное и просчитанное освещение сцены, нетрудно создать у зрителей ощущение, будто стены в зале качаются... Могли бы, но зачем? Мы до сих пор даем «квартирные концерты», на которые собираются наши друзья. Небольшая аудитория, человек семьдесят... А вообще-то концертов мы даем очень мало. Потому что коммерческий успех интересует нас в последнюю очередь.

— Ну, а зарубежные гастроли — интересуют? Не в плане коммерции, но как людей искусства: и себя показать, и мир посмотреть?

— Разговор о поездке «туда» вообще-то был: представители одной страны просили Госконцерт организовать наши гастроли, но им ответили, что мы ехать «в эту» границу не хотим. А нам о таком предложении вообще не сообщили! Вместо «Крематория» туда отправили «Санкт-Петербург»: мы якобы капризничаем, эта же группа — безотказная... А вообще наши песни, наверное, лучше примут в странах Латинской Америки и в тех европейских, где популярна музыка с этническими корнями, однако — не в англоязычных.

...Не так давно была выпущена книжка «Рок-музыка в СССР: опыт популярной энциклопедии», где сообщалось: «Троегубов, пытаясь вырваться из творческого кризиса, создает свою группу «Дым», в которую переходят Пушкарев и Саралидзе... Осенью 1988-го Григорян собирает новый состав». Что же произошло в действительности?

Виктор Троегубов (он похож на охотника с картин мастеров эпохи Возрождения — длинные прямые волосы, небольшая борода): — Я ушел из «Крематория» потому, что в принципе это была разгилядская группа, а мне хотелось профессиональной — в музыкальном плане — деятельности. Точнее, хотелось проверить себя: профессионал я в музыке или нет. Поэтому

му в группе «Дым» были собраны музыканты-профессионалы, и какое-то время я работал с ними в студии, а в конце прошлого года мы даже приняли участие в нескольких концертах... Записанный нами материал был принят на «Мелодии» практически сразу, как мы его принесли, единственное, в чем возникало некоторое сомнение, «пропустят» ли тексты. Но в итоге и эту проблему удалось решить. Надеюсь, когда номер «Смены» с материалом о нас выйдет из печати, альбом группы «Дым» уже появится в продаже.

...А два виниловых альбома «Крематория» — вот они, уже выпущены, однако, прочитав этот материал, вы можете не спешить в магазин: весь тираж «Клубники со льдом» и «Живых и мертвых», насколько мы знаем, уже распродан. И поэтому «Астро Ньюс» хочет «заочно» представить тех, кто помогал Армену Григоряну — лидер-вокал, эл. и ак. гитары — озвучивать его опусы: Дмитрий Куликов — лидер-гитара, Михаил Россковский — скрипка, флейта, Александр Куницын — саксофон, вокал, Сергей Третьяков — бас-гитара, Андрей Сараев — ударные, а также (на диске «Живые и мертвые») Е. Хомяков — гитара, С. Пушкарев — бас-гитара, А. Кондратьев — ритм-бокс, О. Бочарова и В. Власенко — вокал...

И еще одно. На «презентационных» концертах 22 и 23 февраля Армен и Виктор опять играли вместе. Быть может, Троегубов «одумается» и вернется под крышу отчего «Дома вечного сна»?

— Какие планы на будущее? — спросили мы напоследок Григоряна. — Похоже, скоро мы вернемся к застою-но-тоталитарной системе. Что тогда будет делать «Крематорий»?

— Работать в подполье. Играть на квартирах. И хотя мы не исполняем социальный рок, но поддерживать то, что сейчас делают и еще могут натворить главные перестройщики, мы не собираемся... Наше дело — музыка.

И группа — это саморазвивающийся организм. Если, к примеру, вы услышите в какой-либо песне «Крематория» отрывочек из авангарда, джаза или еще чего-нибудь, то не подумайте, что так было специально задумано, — так получилось. В основе нашего творчества — ритм-энд-блюз, а в него уже вплетаются мотивы армянской, латиноамериканской, французской музыки.

Как это важно сегодня: принимать в свою музыку, а значит, и в душу, музыку всех стран, народов, религий. И творить из этого планетарное искусство.

**Материал подготовлен
Музыкально-информационным
агентством**

«Астро Ньюс».

Report: Михаил ЖИГУЛЬСКИЙ.

**Bureau(file and style): АЛЕКСАНДР НА-
ЛОЕВ.**

Фото на 4-й стр. обложки:

АЛЕКСАНДР ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

«ИНФОРМСЕРВИС»

ВСЕСОЮЗНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СЛУЖБА ЗНАКОМСТВ

ПОМОЖЕТ ВАМ ИЗБЕЖАТЬ ОДИНОЧЕСТВА.

Наша цель — найти для вас человека, который вам нужен, с которым вы легко и радостно пойдете по жизни.

В чем загадка взаимного влечения, любви с первого взгляда? Может быть, это величайшая психологическая и биоритмическая совместимость, угаданная интуитивно?

Мы определяем совместимость заранее, заочно, опираясь на современные научные методы и компьютерную технику. Вам самим надо будет сделать совсем немного: ответить на вопросы двух наших анкет, которые содержат как чисто бытовые, так и психологические тесты.

Мы располагаем достаточно большим банком данных, и наших предложений вам придется ждать недолго.

Мужчины обычно более робко, чем женщины, обращаются к службе знакомств. Будьте решительнее — мы предоставляем вам льготы.

Наша служба сотрудничает с американской службой знакомств «Рашен-Американ Романс К°». Может быть, ваш суженый живет в США или Японии? Может быть, он ищет вас здесь, за океаном, или в Стране восходящего солнца? Совместными усилиями поможем ему и вам. Пишите, и американские коллеги проведут конкурсный отбор.

Еще один вид услуг: наша астрологическая служба готова составить для вас индивидуальный гороскоп по основным направлениям вашей жизни на основе древнеиндийских предсказаний о судьбе человека с прогнозом всего, что благоприятствует вашему здоровью, карьере, любви, учению. Ваш индивидуальный гороскоп поможет вам сориентироваться в сложном настоящем и по-новому «взглянуть» в будущее, приоткрыв его таинственную завесу, вернее найти путь к жизненному успеху.

✉ **ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:** 105215, Москва, Е-215, А/Я 57, «ИНФОРМСЕРВИС». На конверте сделайте пометку «З» или «Гороскоп». Не забудьте вложить в письмо конверт с вашим точным адресом — в нем мы вышлем вам анкеты и сообщим условия обслуживания.

НАШ ИНДЕКС:
70820

СМЕНА-92

ЭТО — захватывающие встречи с мастерами классического и «крутого» детектива — Агатой Кристи, Раймондом Чандлером, Эрлом Стенли Гарднером, Россом Томасом, Николаем Леоновым, Грегори Макдональдом, Эдом Макбейном, Дерекком Марлоу...

ПЛЮС — мир интригующих мистических произведений Грегори Макгила, Джона Андайка, Роберта Блоха, Эрвина Ховарда...

ПЛЮС — фантастика Роберта Силверберга, Джека Вэнса и Деймона Раньона.

«СМЕНА»-92

ЭТО — эстетика «Живописи XX века» и «Истоков»; знакомство с музыкальной классикой и авангардом; традиционные для журнала литературные портреты и размышления известных искусствоведов и культурологов страны.

ПЛЮС — стихи и проза молодых и уже хорошо известных вам авторов.

«СМЕНА»-92

ЭТО — острые публицистические выступления по молодежным проблемам: предпринимательство, образование, занятость, семья, возможность и умение отдыхать...

ПЛЮС — разговор об армейской службе, правопорядке, реформах во всех областях социально-экономической жизни.

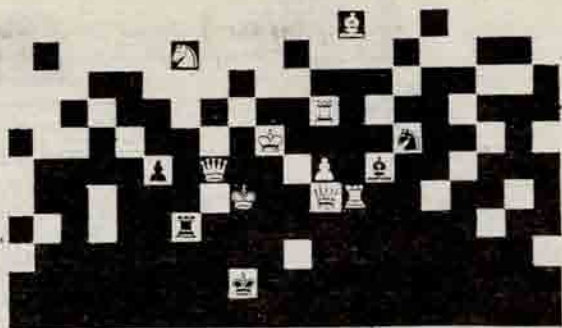
ПЛЮС — зротический «ликбез»...

Но есть и большой МИНУС — в свободной продаже «Смены» **НЕТ**.

А на «черном рынке» цены

БЕЗУМНЫЕ!

«Смена»-92 — это всего 24 руб. 60 коп. за год и 2 руб. 05 коп. — за один номер.

33-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

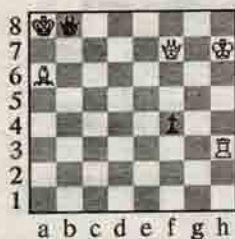
Под редакцией
гроссмейстера
ВИКТОРА
ЧЕПИЖНОГО

Сегодня «Смена» заканчивает публикацию заданий очередной шахматной Олимпиады. В последнем туре нашего заочного соревнования любителям шахмат предстоит решить три задачи и три этюда. По просьбам участников Олимпиады трудные задания были сравнительно равномерно распределены по турам, что, надеемся, позволило большинству решателей сохранить интерес к спортивной борьбе. Обращаем внимание на то, что при равенстве набранных баллов для выявления победителей будут учитываться обнаруженные в заданиях дефекты: побочные решения, нерешаемости, дуали и т.п. Сумма набранных баллов определит также, какие разрядные нормативы по шахматам покорились участникам Олимпиады.

Ответы на задания следует присылать на отдельных открытках (без конвертов!) с пометкой «33-я шахматная Олимпиада. VII тур». На открытках последнего тура, кроме решения, следует также указать фамилию, имя и отчество, профессию, спортивный разряд и адрес. Последний срок отправки открыток — 1 ноября.

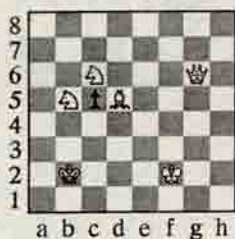
СЕДЬМОЙ ТУР

I

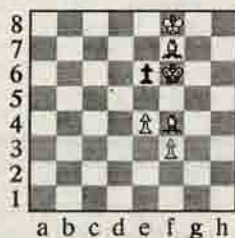
Белые: Крh7, Фf7, Лh3, Са6 (4)
 Черные: Кра8, Фb8, п.f4 (3)
Мат в 3 хода (3 балла)

II

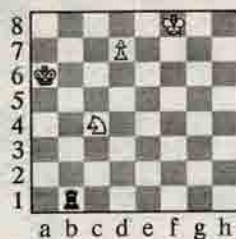
Белые: Крf2, Фg6, Сd5, Кb5, Кс6 (5)
 Черные: Кrb2, п.c5 (2)
Мат в 3 хода (3 балла)

III

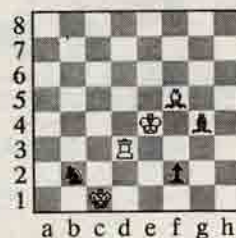
Белые: Крf8, Сf4, Сf7, пп.e4, f3 (5)
 Черные: Крf6, п.e6 (2)
Мат в 4 хода (3 балла)

IV

Белые: Крf8, Кс4, п.d7 (3)
 Черные: Кра6, Лb1 (2)
Выигрыш (3 балла)

V

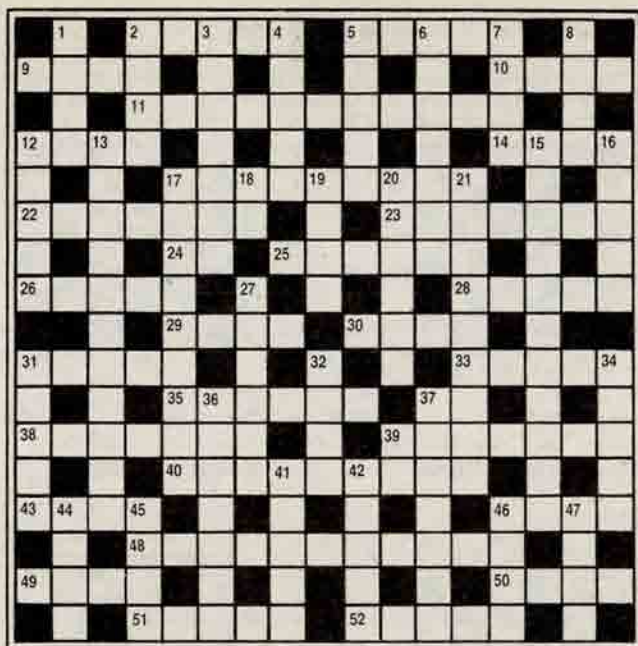

Белые: Кре4, Лd3, Сf5 (3)
 Черные: Крс1, Сg4, Кb2, п.f2 (4)
Ничья (4 балла)

VI

Белые: Крf8, Фс3, Се5, Кh7 (4)
 Черные: Крf5, Фа7, Кс6 (3)
Выигрыш (4 балла)

2. Скрипач королевской капеллы в Париже; в 1816 году в Милане состязался с Паганини, но проиграл великому итальянцу. 5. Ковер из Азербайджана. 9. Калым на Руси. 10. Зверь, чье имя древние славяне охотно давали малышам. 11. Основное занятие адыгейского племени темиргоевцев до революции. 12. Шотландский химик и физик, открывший углекислый газ. 14. Название раны в думе К. Рылеева «Иван Сусанин». 17. Скифский Посейдон. 22. Сословие; из которого вышли почти все декабристы. 23. Обычно — среди корней, у кольраби — на стебле. 24. Живущий в Бразилии народ; среди его ритуальных игр — бег с бревном. 25. Единица, примерно втрое большая ламберта. 26. ...Афуа — богиня плодородия у африканского народа ашанти. Посвященный ей день — пятница. 28. Одно из русских названий изгороди вокруг селения. 29. Пианист. Игрой на прощальном (после учебы) концерте в Вене был так восхищен Бетховен, что поднялся на эстраду и поцеловал мальчика. 30. Участник айтывса. 31. Лахесис («дающая жребий»), ... («прядущая»), Антропос («неотвратимая»). 33. Восемь населенных в основном валлийцами графств, откуда «выходит» наследный принц страны. 35. Пергамент для миниатюрной живописи. 37. Областной центр, контролирующей территорию высотой до 7134 метров. 38. Флейта-малютка. 39. Муж героини оперы Римского-Корсакова «Боярыня Вера Шелого».

(по месту жительства). 40. Одна из ягод, чай из которых на Руси пили еще до основания Москвы. 43. Древний гибрид сурепицы и огородной капусты. 46. Великий прорицатель в опере, первое представление которой было в Милане 25 апреля 1926 года под управлением Тасканини. Оно закончилось тем, что дирижер опустил палочку и сказал: «Здесь смерть вырвала перо из рук маэстро». Только на другой день опера прозвучала полностью (ее дописал Альфано). 48. Иерархия. 49. Японский мастер по хокку, чья поэтика основана на «печали одиночества». 50. «Туда, сюда, а с места никак» (загадка). 51. Южноамериканский обладатель непомерно большого клюва. Среди ветвей дерева выглядит, как яркий плод. 52. Эрмитажная картина, написанная учителем Тициана.

По вертикали:

1. Турмалин, используемый прежде всего в траурных украшениях. 2. Философ, чьи идеи стали основой ассоцианизма в психологии. 3. Немецкий писатель. Многие его стихотворения положил на музыку знаменитый автор баллад Иоганн Лёве. 4. Восточный народ. Мужчины зимой поверх шубы надевали юбочку из нерповой шкуры. 5. Азиатская птица, иногда стаями залетающая в Европу, где обычно погибает. 6. Ткань из «Коробейников» Н. Некрасова. 7. «И зимой и летом одним цветом». 8. Содержимое мотни. 12. Сторожка Семена в рассказе В. Гаршина «Сигнал». 13. Прибор, который с трудом, но глотают. 15. Закавказская ящерица, любительница весенних «поклонов». 16. Центральный город исторической области Пикардия. 17. Владимирская крупная, арден, брабансон, клейдесдаль, першерон, рысак, суффолк, шайр (производное). 18. Русский художник, чья картина есть в «Истории Петра Великого» А. Брикнера. 19. Изнурительная трудовая повинность, которую отбывали индейцы Южной Америки во времена испанского колониального владычества. 20. «Деньги — ..., а без них плохо» (поговорка). 21. Песня, едва не ставшая, по свидетельству философа Г. Федотова, русским гимном. 27. Каждое из песнопений библейского Давида. 31. Писатель, выросший в поселке, где позже Абнер Даблдей изобрел бейсбол. 32. Дельфин, гроза пираний. 34. После книжки. 36. Лампадка перед образами. 37. Журнал, где А. Чехов вел юмористическое обозрение под псевдонимами «Рувер» и «Улисс». 39. Буква, «назначенная» трансцендентным числом. 41. Декабрист-мыслитель, погибший в Акатуе. 42. Стихотворение, где В. Ходасевич обратился к своей первой жене Марине: «Все равно. Теперь ты мне чужая». 44. Самоцвет, талисман из которого должен носить родившийся под знаком Тельца. 45. Футбольный или хоккейный итог. 46. Объект, заменявший в старину баню русскому крестьянину. 47. Заяц зимой по нему бежит, собака бежит, а лось проваливается.

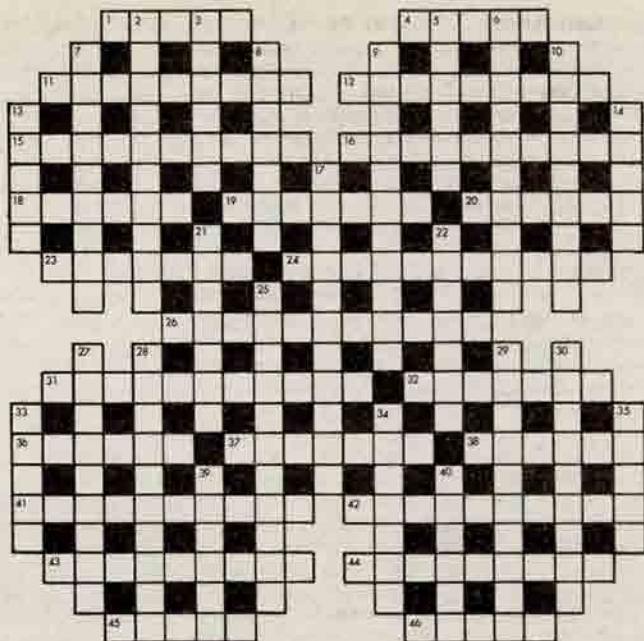
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

1. Жертва. 6. Адами. 9. Пищик. 12. Сезанн. 13. Лес. 14. Аляска. 15. «Банкрот». 16. Изюм. 19. Цинк. 20. Химия (Хем). 21. Эльюар. 26. Волонтарист. 27. Театр. 29. Укроп. 30. Уравниловка. 34. Ницца. 35. Селен. 38. Юмор. 40. Капа. 41. Пистоль. 44. Замбия. 45. Ель. 46. Клюква. 47. ...гладь... 48. Якорь. 49. Звезда.

По вертикали:

1. Жасмин. 2. Разнух. 3. Вина. 4. Тилак. 5. Фискальство. 7. Долт. 8. Мاستиф. 10. Шен. 11. Галка. 14. Аусан... (в порядке смены). 17. Милоков. 18. Киото. 22. Кошка. 23. Прорицатель. 24. Человек. 25. Этика. 28. Лидер. 31. Лилия. 32. Гюрза. 33. ...холмик... 36. Наркоз. 37. Шарага. 39. Эльда. 41. Пирр. 42. Ола. 43. Хлев.

КРОССВОРД
Составил
В. КОЛЯДА,
пос. Токовский
Днепропетровской
области

По горизонтали:

1. Серебряная монета, которую барыня в повести А. Пушкина «Станционный смотритель» дала Ваньке.
 4. Непоседа. 11. «Птичье» прозвище Козетты в романе В. Гюго «Отверженные». 12. Всякое занятие, из-за которого человек может прослыть чудачком. 15. Путеводитель пассажира. 16. Дисциплина, изучающая географические названия. 18. Носитель неожиданного счастья или несчастья. 19. Ученый, ведущий телепередачи «В мире животных». 20. Водопад на реке Снейк в США. 23. Система судебных учреждений. 24. Мнимость, фальшивость. 26. Период итальянского Ренессанса, когда распространился маньеризм. 31. Луговая флора. 32. Чужеродное вещество, вызывающее иммунный ответ организма. 36. Земледелец в стихотворении А. Фета «Не дивись, что я черна...». 37. Бессознательность, неспособность воспринимать окружающее. 38. Исторический заповедник Камбоджи с руинами ее древних столиц. 41. Высотное детище швейцарского физика О. Пикара, испытанное им в 1931 году. 42. Горная порода, образованная из застывшей магмы. 43. Человек, захвативший власть силой. 44. Изумление. 45. Машина для буксировки прицепов, трелевки леса. 46. Магнитный сплав железа с никелем.

По вертикали:

2. Способ предпосевной обработки семян. 3. Приятное свойство цветочных часов, которые впервые устро-

ил швед Карл Линней. 5. Один из первых советских драматургов. 6. Подмосковный курорт, окрещенный русской Швейцарией. Местная природа залечатлена на полотнах И. Левитана, А. Саврасова. 7. Персонаж немецкого народного театра (в переводе на русский — Ванька-колбаса). 8. Американская птичка, ночью, в холод и при недостатке пищи впадающая в оцепенение; при этом температура ее тела падает вдвое и больше. 9. «...в одежде, отделанной мехом» — картина Альбрехта Дюрера. 10. Обманчивая внешность. 13. Двадцать дюжин. 14. Квантовый генератор, с помощью которого, возможно, станет реальностью управляемый термоядерный синтез. 17. Один из первых рассказов Н. Лескова. 21. Правительственное лицо, отвезшее студента А. Полежаева к царю Николаю по поводу поэмы «Сашка». 22. Во второй части поэмы Н. Некрасова «Русские женщины» («Княгиня М. Н. Волконская») героиня говорит о сестре Зинаиде: «Мила и умна была молодая княгиня, как музыку знала! Как пела она! Искусство ей было...». 25. Должность в Политехнической школе, которую получил ставший позже знаменитым физиком инженер О. Френель (переведенный в 1817 году по ходатайству Д. Арго и П. Лапласа из провинции в Париж), после того как послужил смотрителем мостовых столицы. 27. Виртуозная музыкальная пьеса, близкая к фантазии. 28. Название пехоты в русской армии. 29. Слой газовой оболочки Земли, нижняя граница которого в горах образует снеговую линию. 30. Балет П. Чайковского. 33. Остров с вулканом Фудзияма. 34. Обязательный элемент одежды спортсмена в спортивной выездке. 35. Представитель кельтского племени, населявшего Англию до ее завоевания англосаксонцами. 39. Тореро со шпагой. 40. Русское название языческого идола.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7**

По горизонтали:

7. Мачете. 8. Мапуту (Мозамбик). 10. Дантон. 11. Рефрен. 14. Йемен. 15. Кумач. 16. Хромосома. 18. Левитан. 19. Абордаж. 20. Эрзац. 23. Дилетант. 24. Изоляция. 25. Вольт. 26. Портмоне. 29. Рыбников. 32. ...шпага. 35. Обелиск. 37. Лимонад. 38. Кинология. 39. Страж. 41. Фиакр. 42. Честер. 43. Утопия. 44. Адонис. 45. Идиома.

По вертикали:

1. Батан. 2. Вестерн. 3. Черномор. 4. Юмореска. 5. Апофема. 6. Штрек. 9. Рефери. 10. Дефиле. 12. Нутрия. 13. «Казачи». 16. Хабаровск. 17. Абсорбция. 20. Этвеш. 21. Залка. 22. Цитра. 27. Орбита. 28. Толкач. 30. Ирония. 31. Осадка. 33. Прогресс. 34. Глобулин. 36. Кистень. 37. Ливония. 40. Жердь. 41. Фирма.

Мамшины куклы

286

Начнем сначала. Еще три года назад семья Гавриковых жила своей размеренной жизнью. Людмила и Николай — инженеры-металлурги. Учились в одной группе, потом работали, «служба»... Людмила — рукодельница и выдумщица, с ума сходила в своем НИИ — «ящике». «Мы — говорит она, — и вязали на работе, и шили. Все жалели, что швейную машинку не протащить...»

Но вдруг Люда ушла из НИИ: «Невозможно было дольше это терпеть! Надоело получать деньги, не зарабатывая, да не за свое дело».

И стала вольная птица искать себе занятие по вкусу. Посмотрела на измайловские вернисажи — благо живет рядом. Поразмыслила. И пошла для разгона в кооператив — шили там кукол для театра. (Они и теперь в «Детском мире» продаются!) Людмила многому научилась: навыки приобре-

ла, технику; куклы получались у нее легко и быстро. Можно было оставаться в кооперативе и зарабатывать много без особых усилий. Но это было не то. Многократно повторялись модели, другими разработанные. А чужое творчество, сколько его ни копируй, все равно останется чужим. Хотя Людмила тот год ни потеряннм, ни случайным не считает, искренне благодарна художнику кооператива Светлане Ефремовой. «Ее работы в стиле народной игрушки дали мне хороший толчок, — говорит Люда. — Захотелось попробовать по-своему...»

Итак, поиски пути... Людмила любит игрушки. Но любить да играть — это что! А вот делать самому!

Конечно, этнографическая кукла не шутка. Такие профессии осваивают с детства, из поколения в поколение передают. А если тебе за тридцать и ты инженер-метал-

лург? Людмила хоть и комплексовала поначалу, не профессионал ведь, но стала-таки заниматься костюмом всерьез...

Год ушел на наработку материала. Выяснила, что в конце XIX века в Сергиевом Посаде (Загорск нынешний) был центр игрушечного промысла. Там и начали делать впервые профессионально кукол в национальных костюмах. «Теорию» осваивала и не спеша пробовала идеи свои художественные оформить практически. «Пробных» кукол в Измайлове расхватывали в момент. Но что-то Люда оставила для себя: больно было расставаться с самыми удачными игрушками. Так собралась небольшая коллекция. Искусствовед из США Полина Глузман, увидев ее, сказала, что этнографические куклы Гавриковой «...истинно художественные произведения».

— Чем больше занимаюсь костюмами, тем чаще удивляюсь, — признается Людмила. — Что за краски! Какая удивительная гармония! Сколько раз я пыталась изменить цвет какого-нибудь поясочка: и так приложишь, и этак, нет, совсем не то. До чего же в народном costume все мудро!

...Николай долго пытался совмещать работу с помощью жене. По вечерам носился по городу в поисках тесьмы, тканей, ваты для набивки кукол. «Нет, можно было бы остаться на работе, — говорит он, почти оправдываясь, — но спать совсем было некогда, понимаете?»

Сейчас они делают кукол вместе. Муж не только «доставала». Он еще набивает кукол. Да так туго набивает, между прочим, что эти тряпичные куклы запросто стоят на ногах и не падают. И ладони у него как каменные от этой на-

бивки. Теперь по утрам, когда дочки уходят из дома (старшая — в школу, младшая — в сад), родители — скорей за игрушки...

Двух одинаковых кукол не найдешь в коллекции. Людмила осваивает все новые и новые этнографические темы. Вот, например, кукла «талиа». Знаете, высокая такая, в пышном городском платье, с тонкой, перетянутой пояском талией. Их делали во второй половине XIX века. Такая «талиа» в платье в горошек — последняя работа мастера, вчерашняя, можно сказать...

И страшно подумать, что вся эта замечательная коллекция вот-вот станет собственностью немецкой фирмы «Международный менеджмент произведений искусства»: куклы уедут на выставку и больше не вернутся.

После выставки в Германии пойдут одна за другой выставки в Венгрии и Швеции, да и Таиланд уготоваривает. А Люда каждую куклу отрывает от сердца. Жалко — сил нет. Но куклы мастера Гавриковой уже приобретены коллекционерами США, Японии, Канады, Новой Зеландии... И предложения о покупке не иссякают: Люда только успевает прикидывать, к какой выставке она успеет сделать коллекцию, а от какой придется отказаться. У нас же единственный Людин «вернисаж» — это выставка на улице Разина. Ну не странно ли? Да нет, считает Людмила, это — увы! — привычно: иностранцы гораздо больше увлечены нашей историей, народными традициями, чем мы сами.

— Начинаешь рассказывать про костюм, а он, иностранец, записывает, спрашивает. И какой губернии, и где это, и как каждая деталь называется, и все-все ему

интересно. А наши? Им только одно интересно: за сколько времени можно сделать эту куклу и почему продать...

Как любому мастеру, Люде совсем безразлично, кто продолжит ее дело. Старшая дочь кукол шить не будет. У нее другие интересы — математика, байдарки... Младшая, Катерина, правда, интересуется. Костюмы рисует, фартуки многоцветные. Но она еще в школу не ходит — мало ли чем еще увлечется. Нет, Катерину ждать — что у моря погоды...

И Людмила взялась вести кружок: несколько девочек 11—12 лет два раза в неделю собираются и осваивают непростое дело — изготовление этнографических кукол. Может, из кого и выйдет толк. Но одна ученица — Наташа Кузнецова, она вот сейчас как раз заканчивает школу — заслуживает особого разговора. Люда очень счастлива, что они встретились с Наташей:

— Это самородок. Посмотрите ее работы!

Несколько Наташиных кукол вместе с основной коллекцией уезжают в Германию. Людмила уверена: у этой девочки большое будущее. (А я думаю, вот если бы Наташа не встретила такого Мастера, не узнала бы о своих способностях? Чем бы она занялась? Стала бы очередным инженером? Вязала бы, сидя в каком-нибудь НИИ?)

Людмила так определяет главное в судьбе: творчество — это само собой. Это теперь уже условие жизни. А кроме того, ученики и независимость.

— Я счастлива, что не работаю ни в каком коллективе. Я сама начинаю куклу и сама заканчиваю ее...

Хотя, конечно, есть множество людей, тоже мастеров своего

дела, с которыми Гавриковы сотрудничают. Одна вологодская мастерица делает крошечные лапти и корзиночки — абсолютно настоящие, из бересты плетет. Есть мастера по изготовлению кукольных балалаек — тоже настоящих, играть можно. Одна знакомая цветы искусственные делает — маюсенькие!

—...И вообще, — радуется Люда, — благодаря куклам я познакомилась со множеством хороших людей. Очень легко возникает дружба, когда общие интересы. А вот прежние знакомые... Говорят: ты небось скоро «мерседес» купишь! Не понимают, на что мне «мерседес»?

А знаете, какая у Людмилы Гавриковой мечта? Нет, не о славе и не о Союзе художников загадывает она на падающую звезду... «Забраться бы в склады «Трехгорки», да фабрики имени Свердлова, да еще «Красной ленты», где тесьму делают...»

А все-таки с чего начинается кукла? Вот такая — радующая глаз и душу.

Николай это видит так:

— Ну, Люда садится на диван. Читает, грызет палец... И лицо такое!.. Потом кидается шить. И повсюду в доме — тряпочки, тесемочки...

Младшая дочка

ревнует маму к куклам.

Старшая дочка

ревнует ее к ученице.

А муж не ревнует —

он помогает изо дня в день.

Шестнадцать лет

люди женаты,

между прочим...

ИНДЕКС 70820. 1 р. 65 коп.

«Ремоторий»

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ: